

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

КЕЙТ АТКИНСОН

Впервые на русском!

БОЛЬШОЕ
НЕБО

ЛУЧШИЙ ДЕТЕКТИВНЫЙ ПРОЕКТ ДЕСЯТИЛЕТИЯ.
КНИГИ ИЗ ТЕХ, ЧТО СУЕШЬ ЛЮДЯМ В РУКИ СО СЛОВАМИ:
«ТЫ ПРОСТО ОБЯЗАН ЭТО ПРОЧЕСТЬ!»

Стивен Кинг

18+

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Кейт Аткинсон

Большое небо

© А. Б. Грызунова, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус», 2020

Издательство АЗБУКА®

Лучший детективный проект десятилетия... Книги из тех, что суешь людям в руки со словами: «Ты просто обязан это прочесть!»

Стивен Кинг

Если кто-нибудь скажет вам, что детективы теперь умеют писать только скандинавы, а прежние «хозяева дискурса», британцы, давно выдохлись и механически воспроизводят жанровые клише пятидесятилетней давности, просто назовите ему эту фамилию – Аткинсон, и на этом разговор закончится. Рассказывая об этой 60-летней женщине, трудно удержаться от восточноевропейской непосредственности – да ведь она прямо-таки мегазвезда, Агата Кристи на стероидах, умная, как черт, и остроумная, как тысяча чертей.

Замечательно прописанные герои, на которых навешаны камеры слежения; сцена за сценой – невероятно динамичные; здесь все не то, чем кажется, все ненадежно, никому нельзя верить; единственное, что неизменно, – это война против клише, литературных и житейских, с первой до последней страницы. Словом, это нечто удивительное...

Лев Данилкин (Афиша)

Кейт Аткинсон – настоящее чудо.

Гиллиан Флинн

Столь непринужденному сочетанию комичного и трагичного мог бы позавидовать сам Диккенс – разве что сюжет у Аткинсон выстроен даже хитроумнее.

Хилари Мантел

Роман пропитан фирменным юмором Аткинсон, язвительным и лаконичным. Одна из главных прелестей всего цикла – насколько эти книги забавны.

Observer

Приключения Джексона Броуди в равной степени привлекают и мужскую, и женскую аудиторию – только лучшие детективы могут этим похвастать.

The Times

Идеально, ни одной фальшивой ноты... Долгое ожидание окупилось с лихвой.

Sunday Times Style

Волшебный – и волшебю затыгивающий – мир пересекающихся тропок, коварных замыслов и удивительных совпадений. Невероятно увлекательно и трогательно.

Sunday Mirror

Аткинсон снова показывает мастер-класс того, на что способна современная детективная литература. Virtuозно используя жанровые условности, она живописует «очередной бой в войне против женщин» – войне, победителей в которой иногда все же судят.

Sunday Times

Талант у Кейт Аткинсон поистине безграничный.

Маргарет Форстер

Кейт Аткинсон – поразительный мастер. Она произвела революцию в жанре детектива...

Мэтт Хейг

Кейт Аткинсон – обязательное чтение. Я обожаю все, что она пишет.

Харлан Кобен

Каждую новую книгу Аткинсон ждешь, как Рождества: никто другой из наших современных писателей не способен так виртуозно балансировать на грани между серьезным и увлекательным, комичным и трагичным.

Sunday Telegraph

Один из самых блестящих, остроумных авторов нашего времени.

The Scotsman

По литературному мастерству, по яркости и глубине психологических описаний Кейт Аткинсон сегодня нет равных.

Evening Standard

Кейт Аткинсон умеет быть загадочной и смешной, поднимая этот свой дар в каждом новом романе до заоблачных высот.

Sunday Tribune

Как это у нее получается? Аткинсон заставляет читателя то хохотать навзрыд, то рыдать в голос – иногда в пределах одной и той же фразы. Выдающийся триумф, неудержимая радость!

The Boston Sunday Globe

Литературная карьера англичанки Кейт Аткинсон вычертила довольно необычный зигзаг: начав с «просто романов», писательница переместилась в нишу детектива, добилась там колоссального успеха, а затем, не моргнув глазом, вновь вернулась к «просто романам».

Галина Юзефович

Просто невероятно, насколько книги Кейт Аткинсон полны радости жизни, притом что смерть в них отнюдь не редкая гостья. Безудержная энергия пронизывает ее романы от первой до последней страницы, сплавливая воедино прошлое и настоящее...

Guardian

Для Элисон Барроу

*До Просветления я рубил дрова и таскал воду.
После Просветления я рубил дрова и таскал
воду.*

Дзенская притча

*Я за правду – и неважно, кто ее говорит.
Я за справедливость – и неважно, для кого она
или против кого.*

Малькольм Икс

Выход уходом

– А теперь что? – спросил он.

– Срочно сматываемся, – ответила она, сбрасывая элегантные туфли под пассажирское сиденье. – Ноги отваливаются, – пояснила она и удрученно улыбнулась, потому что стоили эти туфли бешеных денег; кому и знать, как не ему, – он же за них и заплатил.

Фату она успела снять и кинула на заднее сиденье вместе с букетом, а теперь сражалась с чашей заколок в волосах. Нежный шелк подвенечного платья успел помяться, как мотыльковые крылышки. Она глянула на него и прибавила:

– Как ты выражаешься, пора мотать к чертям из Доджа [\[1\]](#).

– Ладно. Тогда в путь, – сказал он, заводя двигатель.

И отметил, что она ладонью обнимает округлый живот, где вынашивает пока еще невидимого ребенка. Очередную ветвь семейного дерева. Прутик. Бутон. Прошлое, понял он в этот миг, не засчитывается. Ценно только настоящее.

– Ну, погнали, – сказал он и дал по газам.

По пути они сделали крюк и заехали на перевал Роуздейл-Чимни размяться и посмотреть на закат, что затопил бескрайнее небо, распахнутое роскошной палитрой – красным, и желтым, и оранжевым, даже фиолетовым. Такое небо требовало поэзии – эту мысль он озвучил, а она ответила:

– Да нет, зачем? Одного неба вполне достаточно.

Так приходит мудрость, подумал он.

На холме стояла еще одна машина – пожилая пара тоже любовалась видом.

– Великолепно, да? – сказал мужчина.

Женщина улыбнулась им, поздравила «счастливую парочку» с бракосочетанием, а Джексон ответил:

– Вы не так поняли.

Неделей раньше

«Андерсон, Прайс и партнеры»

Катя придирчиво оглядела Надин макияж. Надя ей позировала, как для селфи, – щеки втянула, точно труп, и до последнего предела выпятила губы.

– Ага. Нормально, – наконец объявила Катя.

Она была младшая, зато командирша. «Прямо как близняшки», – говорили про них. Разделяли их два года и полтора дюйма росту. Катя была ниже и красивее, хотя обе сестры вышли миниатюрными и у них был одинаковый (не вполне естественный) оттенок светлых волос и глаза как у матери, с обведенными серым зелеными радужками.

– Замри, – сказала Надя и смахнула ресницу у Кати со щеки.

Надя получила диплом по гостиничному делу и работала в «Рэдиссон блу» – нарядившись в костюм с узкой юбкой, встав на двухдюймовые каблуки и убрав волосы в тугий узел, унимала жалобы постояльцев. Постояльцы только и делали, что жаловались. Дома, в квартирке немногим больше обувной коробки, она распускала волосы, надевала джинсы и широченную фуфайку, ходила босиком, и никто не жаловался, поскольку жила она одна – ей так больше нравилось.

Катя работала в обслуживании номеров той же гостиницы. По-английски она говорила похуже старшей сестры. Окончив школу, больше не училась, да и аттестатом особо не похвастаешься, потому что все детство и почти все подростковые годы Катя занималась фигурным катанием, но в итоге выяснилось, что она все-таки не тянет. Жестокий, беспощадный мир, и Катя скучала по нему изо дня в день. Каток ее закалил, и она сохранила комплекцию фигуристки, гибкую и сильную. Мужчины от нее слегка шалели. Надя занималась танцами, балетом, но пришлось бросить: мать не могла оплачивать занятия обеим. Надя от своего таланта отреклась запросто – ну, Кате так казалось.

В двадцать один год Катя еще жила дома, и ей не терпелось удрать из душного гнезда, хотя ясно было, что в Лондоне ее почти наверняка ждала точно такая же работа: заправлять постели, мыть унитазы и выуживать невесть чьи мыльные волосы из ваннных стоков. Но едва Катя приедет в Лондон, жизнь изменится – вот она прямо точно знает.

Этого человека звали мистер Прайс. Марк Прайс. Он был партнером в кадровом агентстве «Андерсон, Прайс и партнеры» и уже провел с Надей собеседование по Скайпу. Надя отчиталась Кате, что он симпатичный – загорелый, ни капельки не лысеет, у него благородная седина («как у Джорджа Клуни»), золотой перстень с печаткой, а на запястье тяжелый «ролекс» («как у Роджера Федерера»)^[2].

– Пусть побережется, а то я за него замуж пойду, – сказала Катя сестре, и обе рассмеялись.

Надя отправила Марку Прайсу сканы всех своих дипломов и рекомендаций, и теперь дома, с Катей вдвоем, ждала, когда Марк Прайс снова позвонит по Скайпу, чтобы «еще раз подтвердить все детали» и «быстренько переговорить» с Катей. Надя спросила, не найдется ли работы и для ее сестры, и он сказал: «Почему нет?» В британских гостиницах работы невпроворот.

– Беда в том, что у нас никто не хочет работать добросовестно.

– Я хочу у вас работать добросовестно, – сказала Надя.

Они не дуры, они знали про торговлю людьми, про типов, которые вешают лапшу на уши, обещают хорошую работу, нормальную, а потом вкатывают девушкам дозняк и запирают где-нибудь на грязной хате, и там девушки занимаются конвейерным сексом с мужчинами, а домой вернуться не могут, потому что паспорта конфисковали и их еще надо «заработать» обратно. «Андерсон, Прайс и партнеры» – они не такие. У них профессионально сделанный веб-сайт, все честно. Они по всему миру нанимают сотрудников в гостиницы, дома престарелых, рестораны, клининговые компании, у них даже есть отделение в Брюсселе, и в Люксембурге тоже отделение. У них «филиалы», они признанные специалисты, люди про них отзывы пишут.

В Скайпе видно мало, но, судя по тому, что видно, лондонский офис у них очень модный. Работа кипит – фоном безостановочно бубнят сотрудники, переговариваются, стучат по клавиатурам, отвечают на звонки. И сам Марк Прайс – серьезный и деловитый. Он говорил о «персонале», и «поддержке», и «ответственности нанимателя». Обещал помочь с жильем, визами, обучением английскому, непрерывным повышением квалификации.

Наде он уже кое-что подыскал, «отель высшего класса», но она может решить окончательно, когда придет. У «такой умной девушки» будет масса возможностей.

– И у моей сестры, – напомнила Надя.

– И у вашей сестры, да, ну конечно, – засмеялся он.

Он даже готов был оплатить билеты на самолет. Обычно кадровые агентства требуют, чтобы ты платила *им*, и авансом. Пришлю электронные билеты, сказал Марк Прайс, рейс до Ньюкасла. Катя нашла на карте. Это за много миль от Лондона.

– Три часа на поезде, – сказал Марк Прайс, «ничего сложного».

И ему так выйдет дешевле – билеты же все-таки оплачивает он. Представитель «Андерсона, Прайса и партнеров» встретит их в аэропорту и отвезет переночевать в квартиру, снятую через *Airbnb* в Ньюкасле, потому что рейс из Гданьска прибывает поздно. Наутро кто-нибудь проводит их на вокзал и посадит на поезд. А кто-нибудь еще подберет их на Кингз-Кросс и отвезет в гостиницу на несколько дней, пока не устроятся.

– Система отлажена, все как по маслу, – сказал Марк Прайс.

Надя, пожалуй, могла добиться перевода в другой «Рэдиссон», но она честолюбивая, хотела работать в каком-нибудь отеле люкс, который у всех на слуху, – в «Дорчестере», или «Лейсборо», или «Мандарин ориентал».

– Ну да, – сказал Марк Прайс, – у нас со всеми ними договор.

Кате до лампочки – она просто хотела в Лондон. Надя была серьезная, Катя – беспечная. Девушки, как в той песне, просто хотели веселиться^[3].

И теперь сидят перед Надиным ноутбуком и ждут звонка Марка Прайса.

Марк Прайс не опоздал ни на секунду.

– Так, – сказала Надя Кате. – Поехали. Готова?

Видеозвонок самую чуточку лагал – сложнее понимать, что говорит Марк Прайс. В английском Катя была не так сильна, как уверяла сестра. Восполняя этот изъян, она много смеялась, встряхивала волосами и придвигалась к камере, точно надеялась, что выйдет убедительнее, если заполнить своим лицом весь экран. Зато красивая. Обе красивые, но эта красивее.

– Так, Катя, – сказал Марк Прайс. – Время подходит к концу. – И, прочтя в ее улыбке замешательство, для наглядности постучал по часам на запястье. – А ваша сестра рядом?

Надино лицо втиснулось на экран подле Катиного, и обе ему заулыбались. Как из фотобудки.

– Надя, – сказал он, – я распорядюсь, чтобы моя секретарша отправила вам билеты прямо с утра, хорошо? И до скорой встречи с вами обеими. Не терпится познакомиться лично. Доброго вам вечера.

Он закрыл окно звонка, и девушки исчезли. Марк Прайс встал и

потянулся. Позади него на стене висел элегантный логотип «Андерсона, Прайса и партнеров». А также эстамп – что-то современное, но стильное. Собеседникам через камеру отчасти видно – Марк Прайс тщательно проверял. По другую его руку собеседникам видно орхидею. На вид настоящая, на деле фикция. Весь кабинет – фикция. И «Андерсон, Прайс и партнеры» – фикция, и Марк Прайс – фикция. Только «ролекс» у него настоящий.

Сидел он не в лондонском офисе, а в бесколесном стационарном трейлере среди чиста поля на восточном побережье. В своем, как он это называл, «другом офисе». До берега каких-то полмили, и чайчьи вопли порой грозили разрушить иллюзию, будто офис находится в Лондоне.

Он выключил запись «Звуки офиса», вырубил свет, запер трейлер и забрался в «лендровер-дискавери». Пора домой. На языке уже почти перекачивался «Талискер», который ему заранее нальет жена.

Битва у Ла-Платы

Итак, «Королевский ковчег» держится поодаль от противника...

И несколько тихих взрывов – чпок-чпок-чпок. Жестяная пальба пыталась заглушить вопли чаек, круживших над головой, и проигрывала.

Ах да, и при этом «Ахилл» подбили, но он, к счастью, успел связаться с «Королевским ковчегом», и тот уже мчится на подмогу...

Джексон не назвал бы это «мчится» – «Королевский ковчег» форсировал парковый пруд довольно-таки через не могу.

А вот и бомбардировщики Королевских ВВС! Метко стреляете, парни! Поприветствуем Королевские ВВС и боевое сопровождение...

Над прудом на тросах дергано проскакали два крошечных деревянных аэропланчика, и их встретили весьма кислыми аплодисментами.

– Господи Иисусе, – буркнул Натан. – Во нудятина.

– Не кощунствуй, – на автомате откликнулся Джексон.

Нудятина – это отчасти правда («самый маленький пилотируемый военно-морской флот в мире!»), но в этом ведь и очарование, нет? Кораблики – копии оригинальных, самый длинный – двадцать футов максимум, остальные ощутимо меньше. В корабликах прятались сотрудники парка – штурманили. Аудитория расселась на деревянных скамьях ступенчатого бетонного амфитеатра. Перед началом старомодного пошиба дядька на эстраде час играл старомодного пошиба органную музыку, а теперь тот же старомодного пошиба дядька сопровождал бой комментарием. Старомодного пошиба.

(– Это когда-нибудь кончится? – осведомился Натан.)

Джексон в детстве и сам однажды сюда приходил – не с семьей (когда она у него была), их семья никогда ничего не делала вместе, никуда не ходила, даже на пикники. Рабочий класс, извольте: слишком заняты – ни минуты лишней на развлечения – и слишком бедны – нечем платить за развлечения, если даже выдалась минута. («Джексон, ты что, все пропустил? – сказала Джулия. – Классовая война закончилась. Проиграли все».) Обстоятельств он не помнил – может, ездил на экскурсию со скаутами, или с «Мальчишеской бригадой»^[4], или даже с Армией спасения: в юности он присасывался к любой организации, какая попадалась под руку, в надежде получить что-нибудь бесплатно. Растили Джексона католиком, но его религиозным убеждениям это не мешало. В десять лет он даже подписал Клятву, пообещав местному Обществу

умеренности при Армии спасения^[5] пожизненную трезвость в обмен на лимонад и тарелку пирожных.

(– И как в итоге сложилось? – поинтересовалась Джулия.)

Джексон вздохнул с облегчением, когда в его жизни появилась наконец настоящая Армия, где все было бесплатно. Хотя и не за так.

– Бой при Ла-Плате, – сообщил Джексон Натану, – это первая морская битва Второй мировой войны.

Такова, помимо прочих, задача отца – просвещать, особенно в областях особых своих компетенций: машины, войны, женщины.

(– Джексон, ты про женщин не знаешь *ни шиша*, – сказала Джулия.

– Ну так а я о чем? – ответил Джексон.)

В ответ на любую входящую информацию Натан либо закатывал глаза, либо прикидывался глухим. Джексон надеялся, что сын бессознательно впитывает эти сообразные случаю советы и предостережения, которыми его нескончаемо орошали: «Не подходи к краю обрыва. Не ешь руками, возьми нож и вилку. Уступи место в автобусе». Впрочем, когда это Натан ездил в автобусе? Его повсюду развозили, все равно что лорда какого. Сыну Джексона минуло тринадцать, и его разросшееся эго могло бы глотать планеты не жуя.

– В каком смысле «пилотируемый»? – спросил Натан.

– Там внутри люди, управляют кораблями.

– Нет там никого, – фыркнул Натан. – Во дебилизм.

– Есть. Увидишь.

А вот и «Эксетер». Теперь вражеской подлодке не поздоровится...

– Ты погоди, – сказал Джексон. – Вот вырастешь, у тебя родятся дети, и будешь ты их таскать по всяким местам, которые сейчас ненавидишь. Музеи, замки, загородные прогулки. И дети, в свою очередь, будут ненавидеть тебя. Такова, сын мой, космическая справедливость в действии.

– Сюда я их не потащу, – сказал Натан.

– Слышишь гогот? Это я так посмеюсь.

– Да фиг там. Ты тогда уже умрешь.

– Спасибо. Спасибо тебе, Натан, – вздохнул Джексон.

Он в этом возрасте тоже был такой черствый? И необязательно было напоминать, что Джексон смертен, – свою смертность он видел изо дня в день в растущем пацане.

Но есть и хорошие новости: сегодня Натан изъяснялся плюс-минус целыми предложениями, а не обезьяньим ворчанием, как обычно. Развалился на скамейке, распялил длинные ноги, а руки скрестил саркастически – иначе не опишешь. Ступни (кроссовки, конечно,

дизайнерские) громадны – скоро Натан перерастет Джексона. В его годы у Джексона было две смены одежды, и одна из них – школьная форма. Помимо физкультурных теннисок («Чего-чего?» – переспросил Натан), у Джексона имелась всего одна пара обуви, и понятия «дизайнерский» или «логотип» озадачили бы его не на шутку.

Когда Джексону минуло тринадцать, его мать уже умерла от рака, сестру убили, а брат покончил с собой, любезно предоставив Джексону по возвращении из школы обнаружить тело, болтавшееся на крюке для люстры. Джексону так и не выпало шанса думать только о себе, сидеть развалившись, предъявлять требования, саркастически скрещивать руки. Вдобавок отец за такое шукуру бы с него спустил. Не то чтобы Джексон желал сыну страданий, боже упаси, но чуток прикрутить нарциссизм не повредило бы.

Джулия, мать Натана, по части горя шла с Джексонном голова к голове: одна сестра убита, другая покончила с собой, третья умерла от рака.

(– Да, и папочкины домогательства не забудь, – напомнила она Джексону. – Пожалуй, с козырей хожу я.)

И теперь все невзгоды их обоюдного прошлого кристаллизовались в одном-единственном ребенке. А вдруг, вопреки безмятежной наружности, все это застряло у Натана в ДНК и заразило ему кровь и уже сейчас в костях его раковыми клетками растут и множатся трагедии и горе?

(– Ты никогда не пробовал оптимизм? – спросила Джулия.

– Один раз, – ответил Джексон. – Мне не пошло.)

– Ты же вроде обещал мороженое.

– Я думаю, ты хотел сказать: «Папа, можно мне мороженое, которое ты обещал, а сейчас на минутку забыл. Пожалуйста?»

– Да пофиг. – После замечательно долгой паузы Натан неохотно прибавил: – Пожалуйста.

(Когда отпрыск чего-нибудь требовал, невозмутимая Джулия откликнулась:

– Я служу прихотям президента.)

– Какое тебе?

– «Магnum». С двойной арахисовой пастой.

– Что-то ты больно высоко замахнулся.

– Да пофиг. «Корнетто».

– Все равно высоковатое.

За Натаном тянулся облачный шлейф гастрономических инструкций. Перекусы, удивительное дело, нервировали Джулию донельзя.

– Постарайся следить, что он ест, – сказала она. – Маленькую

шоколадку можно, конфеты – нет, особенно никаких «Харибо». Он, когда переедает сахара, после полуночи – натуральный гремли. И если сможешь запихнуть в него хоть какой-нибудь фрукт, тогда ты как женщина меня обскакал.

Год-другой – и Джулия начнет психовать из-за сигарет, и алкоголя, и наркотиков. Сахарным годам надо радоваться, считал Джексон.

– Я схожу за мороженым, – сказал он сейчас Натану, – а ты последи за нашим другом Гэри – вон он, в первом ряду. Хорошо? – Натан ничем не выказал, что услышал, поэтому Джексон, секунду подождав, спросил: – Что я сейчас сказал?

– Ты *сказал*: «Пока меня нет, последи за нашим другом Гэри – вон он, в первом ряду. Хорошо?»

– Точно. Ладно, – ответил Джексон, слегка устыдившись – чего выдавать, впрочем, не планировал. – Держи. – И он протянул Натану свой айфон. – Сними, если он что-нибудь интересное учудит.

Джексон поднялся, и собака направилась за ним к киоску, вскарабкалась следом по ступеням. Собака Джулии – Дидона, палевая ретриверша, жирная и пожилая. Много лет назад, когда Джулия только познакомила Джексона с Дидоной («Джексон, это Дидона; Дидона, это Джексон»), он думал, собаку называли в честь певицы, но нет – как выяснилось, в честь царицы Карфагена^[6]. Джулия во всей красе.

К Дидоне – собаке, а не царице – тоже прилагался длинный список инструкций. Можно подумать, Джексон никогда не присматривал за ребенком или собакой.

(– Но это был не мой ребенок и не моя собака, – отметила Джулия.

– *Наш* ребенок. Ты же это хотела сказать? – ответил Джексон.)

Джексону удалось предъявить права собственности на Натана, когда тому было уже три. Джулия по причинам, никому, кроме нее, неизвестным, отрицала, что Джексон – отец Натана, а когда признала отцовство Джексона, лучшие годы тот уже пропустил.

(– Я хотела его только для себя, – сказала она.)

Теперь, однако, наступили худшие годы, и Джулия больше не жадничала.

Почти все школьные каникулы она будет «бешено» занята, поэтому Джексон привез Натана к себе в коттедж, который теперь снимал на восточном побережье Йоркшира, в паре миль от Уитби. Если вайфай нормальный, бизнесом – «Расследованиями Броуди» – Джексон мог рулить примерно откуда угодно. Интернет – зло, но как его не любить?

Джулия играла какого-то судмедэксперта («единственного

судмедэксперта», поправляла она) в долгоиграющем полицейском сериале «Балкер». О «Балкере» говорили, что это «правдивая драма из жизни севера», хотя сериал уже превратился в избитую ахиною, из пальца высосанную столичными циниками, у которых на кокаине, а то и на чем похуже совсем поехала крыша.

В кои-то веки Джулии дали отдельную сюжетную линию.

– Большая арка, съемки потоком, нормальная прогрессия, – сказала она Джексону.

Ему послышалось «потопом» и «процессия», и про себя он разгадывал эту загадку довольно долго. До сих пор, едва Джулия заговаривала про «свою арку», ему виделось, как она ведет процессию очумелых нелепых зверей, один другого краше, парами по сходням на ковчег. Настань на земле Потоп, Джулия – не худшая компания. Вопреки напускной беспечности и наигранности, она живучая и находчивая, не говоря уж о том, что дружит со зверями.

Джулии пора было продлевать контракт, сценарий ей нацеживали в час по чайной ложке, и, говорила она, ее «арка» наверняка закончится скверно.

(– Все там будем, – сказал на это Джексон.)

Джулия не огорчалась – мол, и так неплохо поработала. Ее агент поглядывал на одну комедию эпохи Реставрации, которую планировали к постановке в Театре Уэст-Йоркшира.

(– Нормальная актерская работа, – сказала Джулия. – А не выгорит – всегда есть «Танцы со звездами»^[7]. Дважды предлагали. Видимо, по самому дну уже скребут.)

У нее был чудесный гортанный смех, особенно в минуты самоуничтожения. Может, притворного. Было в этом некое очарование.

– Как и предполагалось, «Магnumов» нет, «Корнетто» нет, есть только «Бассани», – объявил Джексон, вернувшись с двумя рожками, которые нес перед собой, как факелы.

Казалось бы, после всего, что было, люди перестанут кормить своих детей мороженым «Бассани». И галереи Кармоди тоже на месте – аляповатые и популярные, прямо на виду. Мороженое и игровые автоматы – идеальная приманка для детей. Вроде лет десять уже прошло с тех пор, как о деле писали газеты? (Чем Джексон старше, тем увертливее время.) Антонио Бассани и Майкл Кармоди, местные шишки, – один в тюрьме, другой наложил на себя руки, только Джексон вечно путал, который из них кто. И не удивился бы, узнав, что тому, который в тюрьме, вскорости пора откинуться, если еще не успел. Бассани и Кармоди любили детей.

Слишком любили. Любили раздавать детей другим мужчинам, которые слишком любили детей. Как подарки, как фанты.

Неизбежно голодная Дидона прибрела за Джексоном по пятам, лучась надеждой, и вместо мороженого он выдал псине собачье лакомство в форме косточки. Форма ей, наверное, по барабану.

– Есть ванильное и шоколадное, – сказал Джексон Натану. – Тебе какое?

Вопрос риторический. Пока ты не имеешь права голосовать на выборах, на хрена тебе сдалось ванильное?

– Шоколадное. Спасибо.

Спасибо: воспитание одержало небольшую победу, отметил Джексон.

(– Да он потом выправится, – сказала Джулия. – Подросткам тяжело – у них же гормональный хаос, и вдобавок они вечно устают. Чтоб расти, надо много сил.)

Ладно, а как же подростки прошлого – бросали школу в четырнадцать (почти сверстниками Натану!), шли на заводы, и в литейные, и в шахты? (Отец Джексона, к примеру, и отец его отца.) Или сам Джексон – в шестнадцать в армию: власть разломала юнца на куски и собрала в мужчину. Этим подросткам, включая Джексона, позволялась роскошь гормонального хаоса? Да где там. Они шли работать наравне с мужчинами и вели себя пристойно, в конце недели приносили домой матерям (или отцам) конверты с жалованьем и...

(– Ой, ну хватит уже, а? – устало сказала Джулия. – Этой жизни больше нет и не будет.)

– А где Гэри? – спросил Джексон, оглядывая ряды скамей.

– Какой Гэри?

– Такой Гэри, за которым тебе полагалось следить.

Не отрываясь от телефона, Натан кивнул на драконьи лодки – Гэри и Кёрсти стояли в очереди за билетами.

И вот окончен бой, высоко взвился британский флаг. Поприветствуем наше старое доброе знамя!

Джексон заорал вместе со всеми. Компанейски ткнул Натана локтем в бок и сказал:

– Ну давай, поприветствуй наше старое доброе знамя.

– Ура, – лаконично ответил Натан.

Ирония, ты зовешься: Натан Ленд^[8]. Сын носил фамилию матери – источник некоторых раздоров между Джулией и Джексоном. Мягко говоря. «Натан Ленд», на слух Джексона, походил на финансиста

восемнадцатого века, основателя европейской банковской династии. А вот «Нат Броуди» – крепкий авантюрист: он отправляется на запад, к фронтиру, в поисках золота или скота, и по следам его идут женщины сомнительной моральной устойчивости.

(– Причудливо, надо же. Это с каких пор у тебя? – спросила Джулия.

Вероятно, с тех пор, как познакомился с тобой, подумал Джексон.)

– Можно мы уже пойдем? – спросил Натан, беззастенчиво зевая во весь рот.

– Минуту, я хочу доесть, – ответил Джексон, помахав мороженым. По его убеждению, взрослый человек, когда лижет мороженое на ходу, выглядит просто рекордным болваном.

Участники Битвы при Ла-Плате отправились на круг почета. Люди в кораблицах сняли со своего транспорта верх, типа рубки, и махали толпе.

– Видал? – сказал Джексон. – Я ж говорил.

Натан закатил глаза:

– Говорил, говорил. А *теперь* можно мы уже пойдем?

– Ага, только на Гэри глянем.

Натан застонал, будто в ожидании пытки водой.

– Терпи, – бодро посоветовал Джексон.

Самый маленький пилотируемый военно-морской флот в мире отбывал на стоянку, и в пруд вновь высыпали парковые драконьи лодки – водные велосипеды детсадовских расцветок, с длинными шеями и большущими драконьими головами, как мультяшные драккары викингов. Гэри и Кёрсти оседлали своего бешеного скакуна, и Гэри героически крутил педали, устремляясь на середину пруда. Джексон раз-другой сфотографировал. Полистал в телефоне – надо же, приятный сюрприз: пока ходил за мороженым, Натан, оказывается, сделал серию – современный аналог кинеографа из Джексонова детства. Гэри и Кёрсти целовались, пуча губы, точно пара иглобрюхов.

– Молодчина, – сказал Джексон Натану.

– А *теперь* можно мы уже пойдем?

– Да, теперь можно.

За Гэри с Кёрсти Джексон ходил хвостом несколько недель. Пенни, жена Гарри, получила столько их фотографий *in flagrante*^[9], что хватило бы на несколько разводов из-за адюльтера, но всякий раз, когда Джексон говорил: «По-моему, миссис Рулькин, улик достаточно», – та неизменно отвечала: «Последите за ними еще чуть-чуть, мистер Броуди». Пенни Рулькин – не повезло человеку с фамилией. Свиная рулька. Не самый

дорогой товар в мясницкой лавке. Мать Джексона готовила свиные копыта и голову тоже. От рыла до хвоста и все, что в промежутке, – не выбрасывалось ничего. Мать была ирландкой, память о голоде врезалась ей в самый скелет – как резьба по кости, Джексон видел такую в музее Уитби. И, как у всякой ирландской матери, мужчин в семье, конечно, кормили первыми, в порядке старшинства. Затем настаивал черед сестры, а уж потом мать сама садилась за стол и ела то, что оставалось, – зачастую пару картошек, лужицу подливки, и все. Эту материнскую жертву замечала только Нив. («На, мам, я тебе мяса отложу».)

После смерти сестра порой являлась Джексону отчетливее, чем при жизни. Он хранил память о ней изо всех сил – поддерживать этот огонек больше некому. Скоро Нив погаснет на веки вечные. Как и Джексон, как и его сын, как...

(– Да господи боже, уймись, наконец, – окрысилась Джулия.)

Джексон уже подозревал, что этот (почти) вуайеризм доставляет Пенни Рувькин некое мазохистское удовольствие. Или, может, у нее далеко идущие планы, в которые она Джексона не посвящает? Может, Пенни Рувькин рассчитывает переждать – Пенелопой, что надеется на возвращение Одиссея. Натану на каникулы задали домашнюю работу по «Одиссее». У него в голове, похоже, ничего не осело, а вот у Джексона – горы.

Натан учился в частной школе (спасибо в основном гонорарам Джулии за «Балкера») – из принципиальных соображений Джексон возражал, но тайне вздыхал с облегчением: местная средняя у Натана – дыра дырой.

(– Я вот не понимаю, – сказала Джулия. – Ты лицемер или просто мозгодуй-неудачник?)

Она всегда так безапелляционно ставила оценки? Прежде эту функцию выполняла его бывшая жена Джози. С каких пор сей труд взвалила на себя Джулия?)

Гэри и Кёрсти Джексону наскучили. Оба – рабы привычек. Встречались вечерами по понедельникам и средам в Лидсе, где работали в одной страховой компании. Все по распорядку: выпить, поесть, на пару часов уединиться в модной квартирке у Кёрсти, и чем они там занимались, Джексон догадывался – слава богу, можно не смотреть. Потом Гэри садился в машину и ехал домой к Пенни и их общей кирпичной безликой половине дуплекса в Эйкоме, жилком пригороде Йорка. Джексон льстил себе мыслью, что, будь он женат и заведи роман на стороне – чего он в жизни не делал, вот вам крест, – все было бы малость спонтаннее, малость менее предсказуемо. Малость веселее. Хотелось бы верить.

Лидс – не ближний свет и все по пустошам, так что Джексон нанял услужливого юнца по имени Сэм Тиллинг из Харрогита: Сэм валандался в паузе между окончанием университета и поступлением в полицию, и Джексон подряжал его бегать на посылках. Сэм рьяно выполнял нудные задачи – винные бары, коктейльные бары, индийские рестораны, где Гэри и Кёрсти предавались своей обузданной страсти. Время от времени они тащились куда-нибудь на пикник. Сегодня четверг, – видимо, слиняли с работы под предлогом хорошей погоды. Не имея никакой доказательной базы, Джексон воображал, что Гэри и Кёрсти из тех, кто врет работодателям и не краснеет.

Поскольку Пизэм-парк – это у Джексона практически за порогом, сегодня он решил последить за парочкой сам. Вдобавок получил повод провести время с Натаном, хотя у того предпочтительная позиция по умолчанию – сидеть дома и играть в «Grand Theft Auto» на Xbox или болтать онлайн с друзьями. (О чем они *говорят*? Они же никогда ничего не *делают*.) В тщетной попытке привить Натану понимание истории Джексон таскал его (почти буквально) вверх по ста девяноста девяти ступеням к истаявшим руинам аббатства Уитби. То же самое с музеем – там Джексону нравилась курьезная мешанина экспонатов, от окаменевших крокодилов до китобойных сувениров и мумифицированной руки висельника. Никакой интерактивной лабуды под девизом «Развлекай детей с синдромом дефицита внимания, чего бы это ни стоило». Лишь винегрет из стародавних времен, так и не изменивший викторианским витринам: бабочки на булавах, птичьи чучела, выкладка военных медалей, кукольные домики без одной стены. Всевозможные осколки человеческих жизней – а что еще важно, да?

К удивлению Джексона, мерзость мумифицированной кисти не очаровала Натана. Экспонат назывался «Рука славы» и был снабжен закрученным и путаным народным преданием о виселицах и предприимчивых форточниках. Кроме того, музей под завязку набили морским наследием Уитби, для Натана тоже не представлявшим ни малейшего интереса, а от Музея капитана Кука, понятно, толку ноль. Куком Джексон восхищался.

– Первый человек, обогнувший земной шар, – сообщил он, надеясь заинтриговать Натана.

– И? – сказал тот.

(«И?»! Как Джексон ненавидел это пренебрежительное «И?».)

Может, сын и прав. Может, прошлое больше не выступает контекстом настоящего. Может, все это уже не имеет значения. И что же, так вот и

кончится мир, только не взрывом, а «и?»^[10]

Пока Гэри куролесил с Кёрсти, Пенни Рулькин рулила бизнесом – сувенирной лавкой в Эйкоме под названием «Кладезь», где весь интерьер немилосердно пропах смесью пачули с ванилином. Ассортимент – главным образом открытки и упаковочная бумага, календари, свечи, мыло, кружки и кучи изящных предметов, чью функцию не вдруг и вычислишь. Бизнес выживал, передвигаясь короткими перебежками от праздника к празднику – Рождество, День святого Валентина, День матери, Хеллоуин и снова Рождество, – а в промежутках пробавлялся днями рождения.

– Ну, у него нет задачи как таковой, – сказала Пенни Рулькин, когда Джексон полубопытствовал насчет смысла жизни мягкого алого сердца из фетра, на котором блестками было выложено «Любовь». – Его надо просто повесить куда-нибудь.

Пенни Рулькин обладала романтической натурой – что, по ее же словам, ее и погубило. Была она христианкой – «вернулась к Христу и родилась заново». (А казалось бы, родись однажды – и норму выполнил, нет?) Она носила на шее крестик, а на руке ленту с отпечатанной аббревиатурой ЧБСИ, поставившей Джексона в тупик.

– «Что бы сделал Иисус?», – пояснила Пенни Рулькин. – Я на нее смотрю, чтобы вовремя остановиться, подумать и не наломать дров.

Мне бы, прикинул Джексон, такая тоже не помешала. ЧБСД – что бы сделал Джексон?

«Расследования Броуди» – очередное воплощение бывшего частного детективного агентства Джексона, хотя термина «частный детектив» он старался избегать: коннотации слишком шикарные (или низкопробные, зависит от позиции). Слишком отдает Чандлером. Внушает людям пустые надежды.

Дни свои Джексон тратил на беготню по поручениям юристов – отследить долги, пошпионить за людьми, в таком духе. Плюс служебные хищения, запросы в Службу мониторинга соответствия должностям, пробивка будущих сотрудников, аудит по мелочи, но на самом деле, водружая на стенку воображаемую вывеску «Расследований Броуди», он с тем же успехом мог заменить ее на фетровое сердце Пенни Рулькин, поскольку в основном по работе ему приходилось либо пасти неверных супругов (адюльтер, ты зовешься: Гэри), либо загонять наивных будущих Гэри в липкое нутро медовых приманок (мушиных ловушек, как про себя выражался Джексон), дабы испытать женихов и партнеров соблазном. Джексон, уж на что старик, представления не имел, сколько, оказывается, на свете ревнивых женщин.

Для этих целей он приправлял свои мужеядные ловушки провокаторшей. Провокаторшей выступала особо лакомая, однако смертоносная медовая пчелка – русская по имени Татьяна. Скорее шершень, чем пчелка, будем честны. С Татьяной Джексон познакомился в прошлой жизни, когда она была доминатрикс, а он располагал свободой и – во-первых, недолго, во-вторых, неловко вспоминать – миллионами. Не было ни секса, ни отношений, боже упаси, он скорее лег бы в постель с вышеупомянутым шершнем, чем с Татьяной. Просто ее краем задело расследование, в котором он тогда погряз по самые уши. И вдобавок Джексон в те времена был с Джулией (ну, у него складывалось такое впечатление) и увлеченно создавал эмбриона, который в один прекрасный день распялит ноги и саркастически скрестит руки на груди. Татьяна, по ее заверениям, была дитятей цирка, дочерью знаменитого клоуна. В России, говорила она, клоуны не смешные. Да и здесь не лучше, про себя уточнял Джексон. Сама Татьяна, как ни поразительно, некогда выступала воздушной гимнасткой. До сих пор, интересно, тренируется?

Со времен их знакомства мрак в мире сгустился – впрочем, насколько Джексон умел разглядеть, мрак в мире сгущался что ни день, – но Татьяна изменилась мало, хотя тоже перевоплотилась. Джексон повстречал ее случайно (надо полагать; впрочем, кто его знает?) в Лидсе, где она работала в баре, подавала коктейли (тут где-то кроется песня^[11]) – облачившись в тугое черное платье с блестками, светила своими прелестями и строила глазки клиентам.

– Легально, – сказала она потом, хотя в ее устах слово лишилось всякого правдоподобия.

Как-то под вечер Джексон по профессиональной надобности выпивал с адвокатом Стивеном Меллорсом, которому порой оказывал кое-какие услуги. Бар – из тех модных заведений, где стоит кромешная темень и поди разгляди, что у тебя в бокале. Меллорс – тоже модный тип, метросексуал и тем гордится (в чем Джексона никто не упрекнет), заказал «Манхэттен», а Джексон ограничился «Перрье». Он считал, в Лидсе не стоит доверять воде из-под крана. Джексон не то чтобы принципиально возражал против алкоголя – наоборот, – но назначил себе очень строгие правила вождения подшофе. Разок соскребешь с асфальта полную машину малолетних лихачей – и сразу дойдет, что автомобили с алкоголем мешать нельзя.

Одна официантка приняла у них заказ, другая принесла заказанное. Присела с подносом – немалый риск для женщины на четырехдюймовых каблуках, зато, пока она ставила «Манхэттен» на низкий столик, Меллорс успел полюбоваться ее декольте. Таким же манером она оделила Джексона

– медленно излила «Перрье» ему в стакан, словно одним этим соблазняла.

– Спасибо, – сказал Джексон, стараясь вести себя по-джентльменски (задача на всю жизнь) и в декольте не пялиться. Вместо этого посмотрел ей в глаза – а она в ответ улыбнулась ему смертоносно и до буквального ужаса знакомо и сказала:

– Привет, Джексон Броуди, вот мы и встретились снова, – точно пробовалась на роль злодейки в «бондиане».

Когда к Джексону вернулся дар речи, официантка уже удалилась на своих колюще-режущих каблуках (не зря они называются шпильками) и растворилась в тени.

– Офигеть, – одобрительно промолвил Стивен Меллорс. – Везет тебе, Броуди. Такими бедрами орехи бы колоть. Приседает, наверное, по сто тыщ раз.

– Да нет, она на трапедии, – ответил Джексон.

Со стола ему подмигнула упавшая блестка – точно визитку оставили.

По пути из парка Натан бежал вприпрыжку, как щенок, а Дидона отважно ковыляла вперевалку, будто ей не помешал бы протез тазобедренного сустава (вообще-то, и впрямь). У ворот висела доска объявлений, заклеенная афишами всевозможных летних радостей – День шлюпочного флага, Том Джонс в зеленом театре, «Шоуваддивадди» на Курорте^[12]. Некая программа «Назад в восьмидесятые», эстрадное шоу в «Чертогах» – гвоздем программы Баркли Джек. Эту перекошенную рожу Джексон узнал. «Наш родной, северный хохмач, крепче держитесь за животы! Необходим родительский контроль».

Джексон про Баркли Джека знал что-то неприглядное, но не удавалось поднять это знание со дна памяти, из гнетущего глубоководного пейзажа, усеянного ржавыми обломками кораблекрушений и продуктами распада мозговых клеток. Какой-то скандал, то ли с детьми, то ли с наркотиками, какой-то несчастный случай в бассейне. Вроде был обыск в доме, где ничего не нашли, а потом обильные извинения и опровержения полиции и СМИ, но, короче, на этом карьере Баркли Джека настал конец. И что-то еще там было – но Джексон уже исчерпал свои археологические таланты.

– Во мудака, – сказал Натан.

– Давай без этого слова, – сказал Джексон.

Каков тут возрастной ценз, задумался он между тем, – когда разрешать своему ребенку безнаказанно сквернословить?

По пути к стоянке они миновали бунгало, гордо представлявшееся

вывеской на воротах: «Сойдетитак». Натан расшифровал не сразу, а когда расшифровал – фыркнул:

– Говно какое-то.

– Да уж, – согласился Джексон. («Говно» можно, рассудил он, – слишком полезное слово, нельзя вовсе его запретить.) – Но, пожалуй, довольно-таки, не знаю... дзенский подход. – («Дзенский»? Он правда так сказал?) – Осознать, что ты куда-то пришел – и хватит. Не добиваться, а принимать. – (Джексон каждый божий день тщился приручить эту концепцию.)

– Все равно говно.

– Ну, что поделать.

На стоянке им повстречались, как их про себя всегда называл Джексон, «плохие пацаны» – трое, всего на пару лет старше Натана. Они курили и пили из банок то, что у Джулии, безусловно, значилось бы в списке табу. И околачивались чересчур близко к машине Джексона. В мечтах он ездил на более брутальной тачке, но в текущей реальности сделал выбор в пользу трагически унылой и не самой дорогой «тойоты», которая лишний раз подчеркивала его статус родителя и собачьей няньки.

– Ребята? – сказал он, внезапно снова став полицейским.

От властности его тона они расхихикались. Джексон не глядя почувствовал, как Натан притулился ближе, – при всей бравате он все-таки еще ребенок. От такой сыновней ранимости сердце у Джексона переполнилось. Если кто трогал Натана хоть пальцем или просто огорчал, Джексон с трудом давил в себе порыв оторвать обидчику голову и засунуть куда подальше, где солнышко не светит. Допустим, в Миддлсбро.

Дидона инстинктивно зарычала на пацанов.

– Ты серьезно? – сказал ей Джексон. – И где же твой страшный сообщник-волчара?

А пацанам он сказал:

– Ребята, машина моя, так что валите, все понятно?

Джексона безмозглым наглым подростком не напугать. Один смял под ногой пустую банку и задом пихнул машину, отчего она разразилась воплями сигнализации, а они – хохотом, как гиены. Джексон вздохнул. Вряд ли можно их отметить – они же, говоря строго, еще дети, а он предпочитал применять силу к тем, кому по возрасту уже разрешено защищать родину.

Пацаны уходили не спеша – пятились, оскорбляя Джексона каждым своим движением. Один предъявлял похабный жест с двух рук – как будто двумя пальцами жонглировал чем-то невидимым. Джексон вырубил

сигнализацию и отпер дверцу. Натан залез на пассажирское сиденье, а Джексон посадил Дидону назад. Весила эта псина тонну.

Выезжая со стоянки, они нагнали пацанов – троица неторопливо фланировала прочь. Один изобразил обезьяну – «Уу! Уу! Ууу!» – и полез на капот ползшей мимо «тойоты», решил в сафари поиграть. Джексон вдарил по тормозам, и пацан грохнулся на асфальт. Джексон поехал дальше, не глянув, нанесен ли урон.

– Во мудаки, – сказал он Натану.

Альбатрос

Гольф-клуб «Бельведер». На грине Томас Холройд, Эндрю Брэгг, Винсент Айвс. Пекарь, мясник, свечник^[13]. На самом деле владелец компании грузоперевозок, турагент / отельер и региональный менеджер компании-производителя телеком-оборудования.

Начинать черед Винсу. Он встал в позу и постарался сосредоточиться. Услышал, как за спиной нетерпеливо вздыхает Энди Брэгг.

– Ты бы, может, мини-гольфом обошелся, Винс, – сказал Энди.

Друзья бывают разных категорий, считал Винс. Друзья по гольфу, друзья по работе, школьные друзья, судовые (несколько лет назад он был в средиземноморском круизе с Венди, своей вот-вот уже бывшей женой), но друзей по-честному не сыскать днем с огнем. Энди и Томми – из разряда друзей по гольфу. Между собой-то нет – между собой они друзья по-честному. Много лет знакомы, не разлей вода – с ними Винс всякий раз будто в окно снаружи заглядывал. Откуда его исключали, так навскидку и не скажешь. Иногда ему казалось, дело не в том, что у Томми и Энди общий секрет, а в том, что они ему *внушали*, будто у них общий секрет. Мужчины вовсе не расстаются со стебом школьного двора – они только изо дня в день становятся больше, чем были вчера. Во всяком случае, так считала жена Винса. Вот-вот уже бывшая.

– Винс, ты мячом играешь телепатически? – спросил Томми Холройд. – А то его надо клюшкой бить.

Томми – спортивный здоровяк за сорок. Со сломанным носом задиры, что, впрочем, ничуть его не портило – более того, с точки зрения женщин, ровно наоборот. Он слегка уже начал оплывать, но по-прежнему был из тех, кого предпочтешь на своей стороне, а не на стороне того, кто на тебя прет. «Растратил юность», – со смехом поведал Томми Винсу: школу бросил, работал вышибалой в северных клубах поплоше, тусовался с «паршивыми людьми». Винс однажды нечаянно подслушал, как Томми говорит про «защиту» – расплывчатый термин, который охватывал множество то ли грехов, то ли добродетелей.

– Да ты не парься, эти деньки позади, – с улыбкой сказал Томми, сообразив, что Винс все слышал.

Винс кротко поднял руки, точно сдаваясь, и ответил:

– А кто парится, Томми?

Томми Холройд гордился тем, что «сам себя создал». Но вроде все

создают себя сами, по определению? Винс подозревал, что на этом фронте особо не преуспел.

Томми не только был вышибалой – еще он занимался любительским боксом. Драки у них в роду передавались, видимо, по наследству: отец Томми был профессиональным рестлером, известным «хилом», и один раз на ринге, в «Спа-Ройял-Холле» в Бридлингтоне, побил Джимми Сэвила^[14], чем его сын бахвалился.

– Папаша мой размолот педофила в труху, – рассказывал Томми Винсу. – А знал бы, кто он таков есть, вообще небось убил бы.

Винсу, которому мир рестлинга виделся загадочным и экзотичным, как двор китайского императора, слово «хил» пришлось гуглить. Злодей, антагонист, человек, который жульничает или всех презирает.

– Это в рестлинге такая роль, – объяснил Томми, – но папаше моему не приходилось даже особо играть. И так был сволочь первостатейная.

Винс сочувствовал Томми. Винсов отец был мягок, как мягкий эль пивоварни «Тетлиз», его любимого топлива.

История Томми стремительно взбиралась к вершине, от боксера к промоутеру, а сколотив капиталец на ринге, он обзавелся лицензией на грузовые перевозки, купил свой первый грузовик, и с этого начался его автопарк «Грузоперевозки Холройда». Может, и не самый крупный парк седельных тягачей на севере, но, судя по образу жизни Томми, успешный просто на удивление. Томми напоказ сорил деньгами, располагал бассейном и второй женой, Кристал – по слухам, бывшей гламурной моделью.

Томми был не из тех, кто отвернется и пройдет мимо, если ты в беде, хотя какую цену придется потом уплатить – еще вопрос. Винсу Томми, впрочем, нравился – Томми был свойский и обладал *самостью*, иначе не скажешь, эдакой северной лихостью, о которой частенько мечтал и Винс, в себе как самолично созданном изделии ощущая явную ее нехватку. А Кристал была – вообще закачаешься. «Кукла Барби» – такой вердикт вынесла ей Венди. Поскольку прежнее доброжелательное равнодушие Венди к Винсу изошло на отвращение, «закачаешься», подозревал он, она понимала, как «вдарить Винсу электрошокером». А что он такого сделал? Да ничего!

Незадолго до того, как Винса познакомили с Томми, Лесли, первая жена Томми, погибла от ужасного несчастного случая. Упала со скалы, пытаясь спасти домашнего питомца, – Винс помнил, как читал об этом в «Газетт» («Трагически погибла супруга крупного бизнесмена с восточного побережья»), помнил, как еще сказал тогда Венди:

– Ты поосторожнее, когда со Светиком по скалам гуляешь.

Светик – это их собака, в те времена щенок.

– Ты за кого больше волнуешься – за меня или за собаку? – спросила Венди, а Винс сказал:

– Ну-у... – И теперь-то понятно, что это был неверный ответ.

Веселый Вдовец – так Энди называл Томми, и на того трагедия в самом деле произвела замечательно мало впечатления.

– Ну, Лес была, скажем так, слегка обузой, – объяснил Энди, крутя пальцем у виска, словно дырку в мозгу проворачивал. – С прибабахом.

Энди – он не сентиментальный. Напротив. К скамье поблизости от того места, где Лесли Холройд сверзилась с обрыва, тогда еще были прикручены сохлые цветы. Недоразвитый какой-то памятник.

– Винс, как слышишь, прием? – сказал Томми. – На тебе чайка сейчас гнездо совет, если с этой ти не сдвинешься.

– А в мини-гольфе у тебя какой гандикап, Винс? – засмеялся Энди: менять тему ему, видимо, пока не хотелось. – Там мельница сложная, лопасти эти хрен пройдешь. А чтобы ракету одолеть – это надо быть, конечно, профи. Ракета – вообще убиться можно, на ней вечно ломаешься.

Энди – он был не как Томми, не напоказ.

– М-да, он у нас тихоня, наш Эндрю, – усмехался Томми, обхватывая Энди за плечи и (очень) по-мужски обнимая. – За тихонями, Винс, нужен глаз да глаз.

– Отстань, – добродушно говорил Энди.

Я тихоня, думал Винс, за мной не нужен глаз да глаз. Энди был маленький и жилистый. Будь они зверями, из Томми получился бы медведь – и не безвредный плюшевый медведь, какими заваливала свою постель дочь Винса Эшли. Плюшевые медведи по-прежнему на месте – терпеливо ждут, когда загулявшая дочь вернется в страну после года путешествий. Нет, из Томми получился бы медведь, за которым нужен глаз да глаз, – белый, например, или гризли. Из Энди получился бы лис. Томми порой даже называл Энди «Хитрый». А из Винса кто? Олень, думал Винс. Замерший под фарами машины, которая вот-вот размажет его по дороге. За рулем, надо думать, Венди.

Они оба, интересно, хоть раз вообще *играли* в мини-гольф? Пока Эшли была маленькая, Винс проводил с ней многие часы – приятные (по большей части), – стоически подбадривая, когда она снова и снова промахивалась мимо ти или настырно пробовала патт, снова и снова, а позади них росла очередь, и всякий раз, когда Винс показывал людям, что, мол, пусть идут вперед, Эшли взывала: «Па-а-а-ап». Эшли в детстве была

упрямая. (Да нет, Винс не в обиде. Эшли он любил!)

Винс вздохнул. Пускай Томми с Энди смеются – чего ж не посмеяться, раз охота. Мужские подколки, раньше они и его веселили (более или менее) – и бахвальство это, и спесь. Павлины северные, все как на подбор. У мужиков это в ДНК или в тестостероне, что-то такое, но Винс сейчас слишком депрессивен и не в силах подключиться к добродушным (по большей части) насмешкам и этому вечному «кто кого».

Томми на жизненном графике по-прежнему лезет наверх, а вот Винс явно катится под уклон. Дело движется к пятидесяти, а последние три месяца он живет в двухкомнатной квартирке на задах лавки, где торгуют рыбой с картошкой, и происходит это с того самого дня, когда Венди поутру повернулась к нему за столом – он поедал на завтрак мюсли, у него как раз случилось краткосрочное увлечение здоровьем, – и сказала:

– По-моему, хватит, Винс, не находишь? – и в изумлении он так и отвесил челюсть над своими «Ягодно-вишневыми» из «Теско».

Эшли со своим парнем-серфером только-только умотала кататься стопом по Юго-Восточной Азии. Насколько понимал Винс, «перерыв в образовании» – это затишье между выплатами за дорогую учебу в частной школе и выплатами за дорогую учебу в университете, временное финансовое послабление, которое все равно стоило ему дочериних авиабилетов и ежемесячных денег на расходы. Винсу в детстве внушили достойные нонконформистские добродетели – самодисциплину и самосовершенствование, – а вот Эшли (не говоря о ее парне-серфере) верила только в «само». (Да нет, Винс не в обиде. Эшли он любил!)

Едва Эшли встала на крыло (то есть села в самолет «Эмиратов» до Ханоя), Венди доложила Винсу, что их брак скончался. Еще труп остыть не успел, а она уже флиртowała в интернете, как крольчиха на спидах, предоставив Винсу чуть ли не каждый вечер трапезничать рыбой с картошкой и гадать, когда все пошло под откос. (Три года назад на Тенерифе, как выяснилось.)

– Я тебе принесла коробок из «Косткаттера», вещи сложить, – объявила Венди, а он непонимающе на нее тарачился. – Не забудь достать свои грязные шмотки из корзины в кладовой. Я тебе стирать больше не буду. Двадцать один год рабства. С меня довольно.

Вот, значит, каковы дивиденды с принесенных жертв. Вкалываешь с утра до ночи как ненормальный, наматываешь сотни миль в неделю на корпоративной машине, на себя времени толком не остается, и все ради того, чтобы твоя дочь делала бесконечные селфи в Ангкор-Вате, или где там ее носит, а твоя жена сообщила, что вот уже год гуляет с владельцем

местного кафе, по совместительству членом команды спасения на водах, что, похоже, в ее глазах оправдывало адюльтер. («Крейг рискует жизнью каждый раз, когда откликается на СОС. А ты, Винс?» Да, по-своему и он тоже.) Все это оттяпывало от души по кусочку – тяп-тяп-тяп.

Венди любила строгать и стричь, срезать и срубать. Летом она почти каждый вечер выволакивала на лужайку «Флаймо» – за многие годы провела с газонокосилкой больше времени, чем с Винсом. И вполне могла бы отрастить вместо рук секаторы. У нее вообще были диковатые хобби – помимо прочего, она выращивала бонсай (мешала ему расти, про себя уточнял Винс) – жестокое занятие, приводило на ум истории про китайнок, которые себе ноги бинтовали. И вот так же она теперь поступала с Винсом – оттяпывала по кусочку от его души, подстригала, чтобы Винс получился карликовый.

Он еле тащился по жизни ради жены и дочери, они даже не догадывались, какого героизма это ему стоило, – и вот благодарность. Вряд ли случайно, что слово «тащиться» созвучно слову «тощища». Винс думал, тащишься-тащишься – и в конце дотащишься до цели, но обнаружилось, что в конце ничего нет – надо тащиться дальше.

– Опять ты? – всякий раз говорила ему веселая суматошная тетка за прилавком рыбно-картошечной лавки; Винс бы, наверное, мог дотянуться до лавки из дальнего окна своей квартирки и сам достать себе рыбу из фритюрницы.

– Опять я, ага, – неизменно отвечал он – бодро, словно и сам удивлялся.

Как в том фильме, в «Дне сурка», только Винс ничему не учился (поскольку, что уж врать-то, учиться тут нечему) и никогда ничего не менялось.

Жаловался он? Нет, он не жаловался. Более того, таков был рефрен всей его взрослой жизни. «Не жалуюсь». Британский стоик до мозга костей. Грех роптать. Он прямо как из старого ситкома. Теперь восполнял недостачу, пусть и только наедине с собой, – по-прежнему считал, что надо сохранять хорошую мину, иначе невежливо. «Если не можешь сказать ничего хорошего, – наставляла его мать, – лучше вообще ничего не говори».

– Того и другого, пожалуйста, – говорил он тетке в рыбно-картошечной лавке. Что может быть презреннее почти уже разведенного мужчины средних лет, который покупает рыбу к ужину в одно лицо?

– Ошметков надо? – спрашивала тетка.

– Если есть, будьте добры. Спасибо, – отвечал он, про себя морщась. Да, думал он, пока тетка сгребала хрустящие крошки теста в тарелку,

ирония вопроса от меня не ускользает. Вот и все, что осталось от моей жизни. Ошметки.

– Еще? – спрашивала тетка, не опуская черпака, изготовившись к щедрости. Доброта незнакомцев.

Надо бы спросить, как ее зовут, думал Винс. Ее он видел чаще, чем всех прочих людей.

– Нет, спасибо. Сойдет.

«Сойдетитак» назывался их дом – шуточка, теперь-то кажется глупостью, но некогда они и семьей были шутейной. Их ячейка общества работала вовсю – барбекю в саду за домом, выпивки с друзьями, аттракционы в парке «Олтон-тауэрс», каникулы за границей на четырехзвездочных курортах, круиз-другой. Сравнить с прочими людьми – не жизнь, а мечта. Мечта середнячка средних лет и среднего класса.

Каждые выходные они ехали в «Теско», нагружали багажник покупками, никогда не скупилась на занятия Эшли – танцы, верховую езду, дни рождения, теннис. (Школьные лыжные походы. Да только на них нужно дом перезакладывать!) И Винс кучу времени потратил, возя Эшли на «ночевки к подругам» и «в гости». Эшли обходилась недешево. (Да нет, Винс не в обиде. Эшли он любил!)

А уроки вождения? Часами, даже днями, которые никто ему не вернет, Винс учил жену и дочь водить. Торчал на пассажирском сиденье собственной машины, а за рулем одна либо другая, и обе не различают не то что лево и право, но даже вперед и назад. А потом вдруг Эшли сидит в тук-туке, а у Венди «хонда» с наклейкой Партии независимости Соединенного Королевства на задку, и в этой «хонде» она рассекает в поисках нового Мистера Идеала, потому что Винс вдруг обернулся Мистером Не То. Спасателя Крейга, судя по всему, сбросили за борт, променяв на шведский стол тиндера. По словам жены, Винс мог бы блистать в собственной серии «Мистеров Мужчин»^[15] – «Мистер Скука», «Мистер Толстый», «Мистер Устал». И она еще подлила масла в огонь, вновь взяв девичью фамилию, точно Винса надлежит вычеркнуть из бытия начисто.

– Сойдетитак, – фыркнул он себе под нос.

Но так, как теперь, не сойдет, – теперь даже Светик держал Винса за чужака. Светик был ищейкой неопределенной породы и в альфа-самцы назначил себе Венди, хотя Винс обожал его непомерно, обычно сам водил гулять, и убирал за ним говно, и давал ему дорогой собачий корм, который, если вдуматься, будет лучше консервированного жаркого под брендом супермаркета, которое Винсу приходилось покупать в те дни, когда он не

ужинал рыбой с картошкой. Проще, наверное, перейти на собачий корм – хуже-то не будет. По собаке Винс скучал сильнее, чем по Венди. Вообще-то, к своему удивлению, по Венди он почти и не скучал – только по домашнему уюту, от которого она его отлучила. Мужчина, лишенный домашнего уюта, – прискорбная и одинокая скотина, а больше никто.

Винс познакомился с Венди на свадьбе у одного армейского друга на юге, когда еще служил в Королевском корпусе связи. У Винса был балканский загар и новенькие сержантские лычки, а Венди хихикала: «Ой, обожаю мужчин в мундирах», – и два года спустя они очутились на собственной свадьбе, а Винс вышел на гражданку, занялся телекомом – сначала был инженером, рулил ИТ, а десять лет назад перебрался в костюмно-галстучные пределы бизнеса и стал менеджером. Сейчас он думал про спасателя Крейга и гадал: может, Венди всю дорогу нравился мундир, а не Винс в мундире.

– Мама не советовала за тебя выходить, – рассмеялась Венди, когда они, измученные и пьяные, содрали с себя свадебные наряды в номере отеля, где состоялся свадебный прием, – бесцветного заведения на окраине ее родного Кройдона.

Столь обольстительная прелюдия их первой ночи в браке ничего хорошего не сулила. Мать Венди, стержовная праздная вдова, из-за выбора дочери завывала и скрежетала зубами несоразмерно. Восседала на передней скамье в безобразной шляпке – и такое горе во всем облике, будто на похороны явилась. В последующие годы изо всех сил добивалась титула «Самая придирчивая теща на земле».

– Да, у них там конкуренция будь здоров, – сказал Томми, хотя он-то умудрился прожить в двух браках без малейшей тещи на горизонте.

Винсу невероятно полегчало, когда мать Венди умерла пару лет назад от затяжного рака, в глазах дочери преобразившего ее в мученицу.

– Дура я, дура, что ж я не послушала мою бедную мамочку, – сказала Венди, перечисляя пожитки, которые Винсу позволялось взять с собой. Венди, которая после развода получит столько, что Винсу едва хватит на взносы в гольф-клуб.

– Больше ничего не выжать, Винс, – грустно покачал головой Стив Меллорс. – Семейное право – это ж минное поле.

Стив заправлял разводом Винса бесплатно, по дружбе, и Винс был ему за это премного благодарен. Стив работал юристом по корпоративному праву в Лидсе и обычно «разводами не промышлял». Да и я, думал Винс, да и я.

Со Стивом Меллорсом у Винса было общее прошлое – оба они учились

в одной школе в Дьюсбери, на родине жесткой переработанной шерсти под названием «шодди». Последующая жизнь, считал Винс, повернулась сообразно качеству производимого в родном городе убогого материала. После школы их со Стивом пути разошлись под замечательно резким углом. Путь Стива привел его в Лидс к юриспруденции, а Винс направился напрямиком в армию – по завету отца «получить пристойную профессию». Отец его владел сантехнической компанией, сам и *был* этой компанией, даже в ученики себе никого никогда не брал. Отец был славный человек, кроткий, ни разу не повысил голоса ни на Винса, ни на его мать, по пятницам делал ставки на футбол, а по субботам приносил домой коробку пирожных из пекарни по соседству со своей мастерской. Бисквитные с кремом и джемом и еще лимонные. Не роптал никогда. Это у них в генах.

Наследовать сантехническое дело отец сына не поощрял: «Полжизни проведешь по локоть в чужом говне, сынок». И Винс в самом деле обзавелся профессией – Корпус связи для этого самое оно. В пекло его отправляли редко. Ольстер, Залив, Босния – Винс сидел за линией фронта, в тыловом обеспечении, возился с оборудованием или реанимировал заглохивший софт. На передовой и под огнем он очутился только при последнем развертывании войск в Косово. Попробовал боевое столкновение на вкус, и ему не понравилось. И последствия войны не понравились – женщины, дети, даже собаки, составлявшие «сопутствующий урон». После Косово он решил выметаться из армии. И, в отличие от многих других, ни единожды не пожалел.

Стив Меллорс всегда был популярным умником. Винсу хватало тусоваться при нем, чтоб ему тоже перепало этой ауры самоуверенности. Стив был Холмсом, Винс – Уотсоном, Стив был Хиллари, Винс – Тенцингом^[16]. В бестиарии Винса Стив тех времен был бы молодым львом.

После школы они вместе катили на великах вдоль канала, дурачились много, и в один прекрасный день Стив наскочил на кочку, кубарем перелетел через руль, грохнулся головой о грунтовую тропу и кувырнулся в канал. И ушел под воду. «Раз – и нету», – позднее говорил Винс, пересказывая эту историю и старательно изображая Томми Купера^[17]. Винс в классе был за шута. Сейчас даже и не верится.

Винс подождал – вот-вот Стив всплывет, выберется на берег, он же хорошо плавает, – но нет, только редкие пузырьки поднимались на поверхность, словно там рыба, а не человек.

Винс прыгнул в канал и выволок Стива. Свалил на берег, и спустил пару

секунд у Стива изо рта вылилось полканала, а потом Стив сел и сказал:

– Бля.

На лбу у него красовалась шишка размером с утиное яйцо – это он так долбанулся, что аж сознание потерял, – но в остальном Стив вроде отделался легким испугом.

Винс тогда не считал, будто проявил какой-то особый героизм, – в городском бассейне их учили спасать тонущих, что ему – стоять столбом и смотреть, как друг тонет? Эта история их спаяла (такое бывает, когда спасаешь чью-то жизнь), и все эти годы они поддерживали связь – вскользь, в основном изредка обменивались открытками на Рождество. Оба, каждый по-своему, умели хранить верность – что, насколько понимал Винс, не всегда плюс. Вот он был верен Венди, верен Светику. А они ему в ответ были верны? Нет, не были. И, как ни печально, не приходилось сомневаться, что при разводе Эшли встанет на сторону матери. Обе они – одного поля ягоды.

Со Стивом во плоти Винс повстречался вновь несколько лет назад, на сборе школьных выпускников – кошмарном мероприятии, которое утвердило Венди в мысли, что мужчины не растут, а только увеличиваются. И лысеют. И толстеют. Чего, впрочем, не скажешь о Стиве – тот выглядел безупречно, словно ежеутренне за собой ухаживает: это вам не второсортное переработанное убожество «шодди».

– Что, прячешь свой портрет на чердаке?^[18] – спросил его кто-то на сборе выпускников.

Стив посмеялся («Теннис и любовь хорошей женщины»), но Винс заметил, что комплимент Стиву польстил. Девушки и деньги, рассудил Винс, – двойная мишень, в которую Стив целил всю жизнь и, похоже, дважды попал в яблочко.

Стив нынче преобразился в Стивена, хотя Винсу сложно было так его называть. Это Стив познакомил его со «своими добрыми друзьями» Томми и Энди. Странное трио – лев, медведь и лис, как из басен Эзопа. В Винсовой системе дружб Томми, Энди и Стив получались друзьями почетному. Вскоре он, правда, разглядел, что у них своя иерархия. Стив свысока взирал на Томми, потому что у Стива лучше образование. Томми свысока взирал на Энди, потому что у Томми роскошная жена, а Энди свысока взирал на Винса, потому что... ну, потому что Винс – это Винс. Винсу не на кого было взирать свысока. На себя разве что.

– Энди и Томми живут в твоих краях, – сказал Стив. – Ты с ними подружись. Они тебе могут пригодиться. (Для чего? Винс не понял.)

И это Стив привел его в гольф-клуб «Бельведер».

В Винсовой сложной системе дружб Стив был школьным другом, а не другом по-честному: слишком много времени прошло, слишком много событий не прожито вместе.

– Старый школьный закадыка, – сказал Стив, заехав (довольно сильно) Винсу по спине, когда знакомил с Томми и Энди. Отчего Винс на миг почувствовал себя молодым, а потом старым. – Этот парень спас мне жизнь, – сообщил им Стив. – То есть буквально. Я ему, можно сказать, всем обязан.

– Да сто лет уже прошло, – сказал Винс, скромно пялясь себе под ноги.

В Дьюсбери слова «закадыка» вроде бы не употребляли. Да и в Уэст-Йоркшире вряд ли. Слово уместнее на спортивных площадках Итона, чем в северной столице убогой переработанной шерсти.

Стив теперь жил в старом фермерском доме под Молтоном с обаятельной утонченной женой Софи, крепким сыном-подростком, регбистом Джейми, и весьма угрюмой дочерью Идой, помешанной на пони.

– Принцесса Ида, – смеялась Софи, словно это у них какая-то семейная шутка. – Опера Гилберта и Салливана^[19], – пояснила она, поймав пустой взгляд Венди.

(– Высокомерная корова, – высказалась та позднее в ходе вечернего разбора полетов.)

Их пригласили на ужин, Винса и Венди, но вечер на четверых прошел слегка неловко, и Венди смотрела волком, потому что Винс в жизни преуспел меньше, чем его старый «закадыка».

– Выпендриваются, я считаю, – сказала Венди. И провела инвентаризацию: – Серебряные приборы, хрустальные бокалы, дамастовая скатерть. Я-то думала, будет простой кухонный ужин.

О чем она? подумал Винс. В газетном приложении прочла? Он и сам слегка удивился, что Стив так красиво живет, но едва ли станешь упрекать человека за то, что добился успеха.

Они забыли подарок и явились с сиюминутной бутылкой вина и букетом с попавшейся по дороге бензоколонки, а также в спешке выбранной коробкой конфет «Афтер эйт».

(– Какая прелесть, – пробормотала Софи.)

У Винса и Венди была серо-полосатая кошка Софи – завели котенком еще до рождения Эшли. Кошка умерла пару лет назад, и Винс все еще скучал по ее нетребовательному обществу. Всякий раз, когда Стив упоминал жену, Винс вспоминал эту кошку, хотя животное и стройную супругу Стива объединяло только имя – и еще, может, слабость к пестрым

расцветкам. До свадьбы Софи была крупным бухгалтером «в „Делойтте“», но ушла с работы, чтобы посвятить себя семье.

– Это же все-таки тоже полный рабочий день, согласитесь? – сказала она.

– И не говорите, – ответила Венди.

Задним числом Винс понимал, что жена унаследовала от своей матери склонность к мученичеству.

Он корил себя за то, что не привез вина получше, но затем его отпустило: переливая вино в графин, Стив расхваливал «Поммар две тысячи одиннадцатого», хотя Винсу-то казалось, что на вкус оно – как любое красное, которое можно цапнуть с полки в «Теско».

– И эта, *Софи*, – презрительно молвила потом Венди (женская солидарность ей чужда), – была в «Дрис Ван Нотен», а я себе могу позволить только «Автограф» из «Маркса и Спенсера».

Подробностей этой фразы Винс не понял, но общий смысл уловил. Не «только это и может себе позволить Венди», а «только это и сделал для нее Винс».

Они без особой охоты ответили приглашением к себе. Венди состряпала что-то сложносочиненное из ягнятины и десерт еще сложнее. В «Сойдетитак» была тесная столовая, которую использовали по назначению только в праздники, – обычно стол «Эркол» был завален бумагами Винса (с этим покончено!), которые потребовалось убрать. Венди необычайно психовала из-за цветов, и «столовых свечей», и тканых салфеток, и Винсу пришлось искать все это по пути в «нормальный» винный магазин.

В итоге, вынес вердикт Винс, вечер прошел довольно приятно. Софи прибыла с розами «из сада», а Стив сжимал в руке бутылку «Дом Периньона», уже охлажденного, и в беседе они избежали политики и религии (хотя кто в наше время говорит о религии?), а когда на миг поднял свою уродливую голову брекзит, Винсу удалось по-быстрому его прихлопнуть.

Сейчас Винс постарался сосредоточиться. *Будь мячом*. Он замахнулся и попал в землю.

– Винс, не тормози! – заорал Энди Брэгг, когда они повезли свои тележки по грину. – Восемнадцатая близко, последний платит.

День стоял прекрасный. Винс старался это ценить даже сквозь тучей объявшее его уныние. Отсюда, с вершины скалы, виден был весь город, и замок на утесе, и размах Северного залива. Синее небо раскинулось докуда хватает глаз.

– Аж приятно, что живой, – сказал Томми Холройд, примериваясь к мячу. Гольфист он был хороший, сейчас у него три удара ниже пара^[20].
Хтык-к!

– Отличный удар, – великодушно сказал Винс.

И сластей всевозможных ^[21]

Кристал тихой сапой курила сигарету в оранжерее. У Карри в детском саду была благотворительная распродажа выпечки – там такое каждый месяц. На выручку оплачивали экскурсии и аренду зала при церкви. Все что-то испекли, кроме Кристал, которая усомнилась, что прочие мамочки оценят ее «веганский глазированный торт из цукини» или «безглютеновые кексы из пастернака», – Кристал была рьяной неофиткой «здорового чистого питания». Восполняя свои мнимые недоработки, она скупала тонны чужих тошнотворных подношений, а дома сваливала их в мусорный бак или разрешала Карри скормить это все уткам. Перед утками Кристал было стыдно – уткам положено питаться прудовыми водорослями, или чем там питаются утки.

Сегодня она притащила домой овсяный пирог с кукурузным сиропом, бисквитный торт «Виктория» и нечто с биркой «кекс кроль». Кристал терялась в догадках, что это может быть. «Кроль» – слово-то такое вообще есть, помимо плавания? Надо спросить пасынка, Гарри. Что бы там ни было внутри, снаружи выглядело, тля, чудовищно. После рождения Карри Кристал изо всех сил старалась не материться. Онлайн нашлась куча идиотских эвфемизмов. Елки, твою мышь, эпический, копать, чудак. Вместо слова на «п» – звезда. Да, Кристал заходит на «Мамзнет», бля. На «Мамзнет», тля. Видали? Перевоспитываться – тяжкий труд. Как выясняется, выдернуть девчонку из Халла – это запросто, а вот вытравить Халл из женщины – фиг его еще вытравишь.

Томми считал, что матерщина и курение – это не «по-дамски», хотя все, что Томми знал про дам, можно записать на почтовой марке. Если хотел даму, надо было присмотреть ее себе на чаепитии с танцами, или на собрании Женского института, или где дамы водятся, а не в маникюрном баре на хворых задворках приморского городка.

До того как Кристал стала миссис Томас Холройд, ей пришлось когтями процарапывать себе путь наверх, шажок за шажком, и она достигла головокружительных высот, став маникюрщицей. Управляла маникюрным баром «Ноготок» вместо владельца, который туда носа не казал. Каждую неделю заходил неприветливый громила по имени Джейсон и, в противоположность тому, что обычно происходит в нормальном бизнесе, не собирал дань, а приносил. Не очень, что называется, разговорчивый чувак. Кристал не дура, она понимала, что маникюрный бар

– просто фасад. А какой маникюрный бар или солярий – не фасад? Но Кристал языком не болтала, устроила все на загляденье, хотя большой вопрос, конечно, отчего налоговая не интересовалась, как это Кристал ворочает такими деньжищами. И больше в баре никого не было – одна Кристал, в отличие от других заведений – никаких малолетних вьетнамских рабынь, прикованных к пилке и лаку.

– Толку мало, а геморроя много, – сказал Джейсон: видимо, он разбирался в таких вещах.

На работу Кристал надевала белую форму без единого пятнышка – блузка и брюки, а не костюм сексуальной медсестры, как на девичники, – и бар свой держала в чистоте, все равно что операционную. Дело свое делала хорошо – акрил, гели, шеллак, нейл-арт – и гордилась тем, что уделяет работе много внимания, хотя клиенты заглядывали редко. Маникюр – первое занятие в жизни Кристал, которое не требовало так или иначе торговать телом. Замужество – тоже, конечно, финансовая транзакция, но Кристал рассуждала так: можно ритмично ерзать на коленках у жирного потного посетителя так называемого «джентльменского клуба», а можно встречать Томми Холройда клевком в щеку, вешать его куртку на крючок и выставлять ему ужин на стол. Все это – занятия одного спектра, считала Кристал – и знала, какие частоты на этом спектре предпочитает. А если цитировать Тину Тёрнер, при чем тут любовь?^[22] Да ни при чем, елки.

Выходить замуж из-за денег не стыдно – деньги означают безопасность. Женщины так поступали с начала времен. Это показывают по телику в любой программе о природе: построй мне гнездо лучше всех, станций для меня круче всех, принеси мне ракушек и блестяшек. И Томми их уговором более чем доволен: Кристал ему стряпала, Кристал с ним спала, Кристал занималась хозяйством. А взамен просыпалась каждое утро, чувствуя, что еще на шаг удалилась от прежней себя. Историю, по мнению Кристал, надлежит оставлять в прошлом – там истории самое место.

И ракушек с блестяшками у нее завались – гигантский гардероб одежды, алмазный браслет и к нему кулон, золотые часы «картье» (Томми подарил на первую годовщину свадьбы, с гравировкой «От Томми с любовью»), навороченный белый «ренджровер-эвок», черная карточка «Америкэн экспресс», ребенок Каррина, Карри, которую Кристал обожала. Свои активы она ранжировала в другом порядке. На первом месте ребенок. Навсегда и на веки вечные. Кристал убьет того, кто коснется хоть волоска на голове Карри.

С Томми Кристал познакомилась, когда он однажды под вечер явился к ней в салон. День стоял бурный и влажный, снаружи бушевал

восьмибалльный ураган, и обаятельно растрепанный Томми сказал:

– Сделаешь маникюр по-быстрому, кис?

Он собирался на встречу, но нельзя же явиться, когда у тебя руки «все в масле и дряни». Ему, оказывается, пришлось менять «колесо такое, что трындец» на стоянке по пути из Каслфорда.

Томми оказался на удивление болтлив, и Кристал тоже, хотя у нее-то это профессиональное («Какие планы на лето? Поедете куда-нибудь?»), и одно потянуло за собой другое. Как водится. И вот теперь она давит предательский окурок в горшке привлекательной монстеры – ничуть не привлекательного куста, который прет и прет, – и гадает, докрутила ли стиральная машина рубашки Томми.

Лесли, его первая жена, курила, и он говорил, что запах сигарет напоминает о ней. Не уточнял, хорошо это или плохо, но, пожалуй, в любом случае не стоит при нем пачкой «Мальборо лайтс» вызывать призрак первой миссис Томас Холройд.

– Лес – она у нас была слегонца ушибленная, – говорил Томми.

Если вспомнить, что с Лес произошло, было бы смешно, если б не было так ужасно. Несчастный случай (надеялась Кристал), но жизнь есть жизнь: фиг предугадаешь, когда поскользнешься, и оступишься, и сверзишься с обрыва. Кристал нынче ступала крайне осторожно.

Кристал реяла в районе тридцати девяти лет, и наматывать эти круги стоило немалых трудов. Вся она была сооружением из искусственных материалов – акриловые ногти, силиконовые груди, полимерные ресницы. Облик киборга по имени Кристал завершали постоянно обновляемый искусственный загар и накладка в собственных обесцвеченных волосах. Накладка – проще, чем наращивать, а Томми без разницы. Волосы в накладке настоящие – Кристал понятия не имела чьи. Боялась, что вдруг они с труппа, но ее парикмахерша сказала:

– Не, это из храма в Индии. Женщины сбывают, религиозный обряд какой-то, а потом монахи продают.

А прежде чем упаковать и послать на продажу, эти волосы благословили? Освященные волосы. Хорошо бы. Может, и Кристал чуток святости перепадет.

Она так и не поняла, откуда взялась эта тема с «гламурной моделью», – может, в корчах жениховства сама и обронила. «Только топлес», – говорил Томми, рассказывая об этом людям – он любил рассказывать людям, лучше бы рассказывал пореже. Кристал и впрямь снималась, были фотографии и фильмы тоже на первых порах, но гламурного в них было всего ничего,

скорее даже наоборот. И разоблачалась она не только сверху.

«Прошмандовка», – сказал кто-то у них на свадьбе, а Кристал услышала. Ее не парило, Томми она такой и нравилась, и вдобавок в свое время ее обзывали и похуже. Скажем прямо, после того, что было, «прошмандовка» – повышение по службе. И однако поневоле спросишь себя, когда же поползут трещины.

Были и плюсы: Томми любил Карри, в качестве бонуса обладал жизнерадостной натурой, не говоря уж о том, что красавец был писанный. Женщинам он нравился, а Кристал, хотя к мужским чарам оставалась равнодушна – такая уж у нее биография, – притворяться умела, так что один черт. И дом у них, «Горняя гавань», был потрясающий. Томми купил его после свадьбы и переделал от и до, все строители работали вчерную, а оформление интерьера Томми предоставил Кристал, и она как будто играла в кукольный дом, которого у нее не было в детстве. Громадная кухня, домашний бассейн, при каждой спальне ванная. Бассейн предназначался только Кристал и детям, Томми плавать не умел, хотя даже Кристал считала, что бассейн немножко чересчур – в римском стиле, с мозаичным золотым дельфином посередине и парой псевдоклассических статуй, которыми Томми разжился в местном центре «Садовод».

Плавать Кристал обожала – обожала, как движешься сквозь воду, а она будто все с тебя смывает. Кристал один раз крестили – с полным погружением – по настоянию одного знакомого священника-баптиста.

– Смой свои грехи, – сказал он, а она подумала: «На себя посмотри». Нет! Это воспоминание воскрешать ни к чему, большое спасибо.

Бассейн заложили в подвале, там свет искусственный, но вообще в «Горней гавани» повсюду были громадные окна и все выкрашено белым – словно живешь в огромной шкатулке света. Чисто и бело. Кристал верила в чистоту – вот ее религия, а не всякая ерунда, что, мол, Бог то и се. И нет, спасибо, психиатр не требуется – Кристал и без психиатра понимает, что каждой каплей «Доместоса» и каждым взмахом пропитанной «Детолом» тряпки она дезинфицирует прошлое.

Дом стоял в конце долгой подъездной дороги, примостился высоко на утесе – отсюда и название. Зимой его трепала непогода – зато вид на море сногшибательный. Жизньню в таком доме не рискнешь ни за что.

От утренней встречи с детсадовскими мамочками в «Косте» она уклонилась. Порой такие штуки – тяжкий труд. Понятно, что для остальных мамочек Кристал – эдакая диковина (трофейная жена, гламурная модель и все такое), вроде фламинго в курятнике. Все сидят на

«Мамзнет». Что тут еще скажешь? Кристал терпела детский сад только ради Карри – и это не говоря про «Бейби-балет», и гимнастику в «Джимини», и плавание в «Тёртл тотс», и музыку в «Джо-джинглз» – расписание забито под завязку, Кристал еле успевала на свои боевые искусства. Пару лет назад записалась на вин-чун только потому, что секция была в местном досуговом центре и при ней была малышковая комната. По названию – как будто это заказывают в китайском ресторане. Но нет. Оказалось, там про равновесие, и твердость, и поиск силы, внутренней и внешней. Кристал понравилось. Силу в себе она умела находить просто на диво.

Важно, чтобы Карри дружила со сверстниками, и была среди них своей, и не выросла паршивой овцой. Фламинго в курятнике. Кристал старалась подарить дочери детство, которого ее самую лишили. Несколько недель назад Гарри спросил, мол, а ты как жила, когда была маленькая, и Кристал ответила:

– Ой, ну знаешь, аттракционы и мороженое всю дорогу.

Что не совсем, конечно, вранье. Гарри шестнадцать – он сын Томми от злополучного первого брака. Смешной пацан, для своих лет слишком юный, но и слишком взрослый. Немножко чудик, но Кристал к нему привязалась. Совсем не похож на отца, что, пожалуй, и хорошо.

Вместо «Косты» Кристал и Карри пошли на качели. На качелях Карри готова была сидеть часами. Кристал понимала – у нее такая же история с плаванием. Туда и сюда, туда и сюда, сплошное движение, и больше ничего. Успокаивает. И еще водить машину. Если б можно было, Кристал ездила бы с утра до ночи – ее даже пробки и дорожные работы не смущали. Томми, проявив удивительное терпение, научил ее еще до свадьбы. Оказалось, за рулем Кристал как рыба в воде. Каково, думала она, жить где-нибудь в Техасе или Аризоне – и впереди лишь пустой горизонт, и под колесами бездумно прокручиваются миля за милей, и позади тебя все медленно стирается?

Когда они вернулись в машину, Кристал сказала Карри:

– Золотце, ты только не засыпай, ты же днем не уснешь, – хотя помешать маленькому ребенку закемарить в теплой машине более или менее невозможно.

Кристал выдала Карри розовый портативный DVD-плеер, такие же наушники и диск с «Холодным сердцем». Сегодня Карри вполне уместно нарядилась Эльзой^[23]. В боковое зеркальце Кристал увидела позади машину. Серебристый «БМВ 3». В тачках Кристал секла.

И почти не сомневалась, что эту же самую тачку видела вчера, когда

подвозила Гарри в «Мир Трансильвании». И эта же тачка ползла следом за Кристал на выезде со стоянки «Сейнсбери». А потом *опять*, ближе к вечеру, когда Кристал ездила за вещами в химчистку. Что-то эта тачка зачастила – вряд ли совпадение, правда же? Кто-то таскается за Кристал? Следит? Или паранойя разыгралась? Может, Кристал сходит с ума. Ее мать допилась до сумасшествия, оставив Кристал в лапах так называемого «детского дома». Если с тобой в десять лет приключается такое, больше уже ничему не удивляешься.

Карри на заднем сиденье «эвока» потерялась в собственном мире – махала головой в такт и во все горло немзыкально распевала, вероятно, «Хочешь, слепим снеговика?», но музыки не слышно, так что возможны варианты.

Кристал взгляделась в зеркало заднего вида – номер-то у этого «БМВ» какой? – и сощурилась, потому что солнечных очков в недрах бардачка не откопала. «Шанель», с диоптриями. Зрение у Кристал было никудышное, но нормальные очки она не надевала почти никогда, они ей не шли (развратная библиотекаря), а оптометрист сказал, что линзы нельзя, у нее «сухие глаза». Выплакала в детстве, наверно. Осушила колодец.

Кристал разобрала «Т», «Х» и еще «б» – все равно что проверять зрение у оптометриста, только задом наперед и на ходу. Окна у «БМВ» зачернены, и в целом от него веет жутью. Ее преследуют? Почему? Томми кого-то нанял ее пасти? Частного детектива? Но с чего бы? Она не давала Томми поводов для подозрений и ни за что не даст. Он никогда не спрашивал, где она была и что делала, но это, пожалуй, не значит, что ему неинтересно. На ум пришли Генрих Восьмой и Анна Болейн. Как-то так вышло, что в голове у Кристал осели только те осколки истории, в которых женщинам рубили головы, – Мария Стюарт, Мария-Антуанетта.

– И леди Джейн Грей не забудь, – сказал Гарри. – Королева девяти дней, так ее называли.

Нам про Тюдоров рассказывали в школе, покаянно прибавил он. Вблизи общего невежества Кристал он старался своей эрудицией не щеголять. Кристал не парило – она от Гарри многому научилась. Его мать Лесли тоже, по словам Томми, «потеряла голову». «После ребенка». Была еще мертворожденная девочка, сестра Гарри. Гарри не помнит. Томми любил Каррину – свою «принцессу». Рождение Карри обеспечило Кристал титул королевы «Горней гавани», сказал Гарри.

– Ты как персонаж в «Игре престолов», – прибавил он.

Этот сериал они вместе не смотрели. На вкус Кристал, он был слишком реалистичный.

Больше она не успела разобрать ничего – «БМВ» вдруг свернул влево и потерялся.

Не Томми, решила она. Нанимать частных детективов – не в его духе. Он бы атаковал в лоб. («Что за хуйня, Кристал?») Что-то пострашнее подозрительного Томми? *Кто-то* пострашнее Томми? Таких пруд пруди, но они же все в прошлом. Нет? Тут Кристал резко дала по тормозам – ей под колеса безмятежно выступила кошка. Карри взвизгнула то ли от восторга, то ли от испуга. Стянула наушники – в них по-прежнему металлически дребезжала музыка.

– Мамуль? – спросила Карри, тревожно скривив личико.

– Извини, – сказала Кристал; сердце колотилось бешено. – Прости, золотце.

Дома Кристал накормила Карри обедом – цельнозерновой тост с миндальным маслом и бананом – и уложила спать.

Постучалась к Гарри, – может, он тоже чего-нибудь хочет. Гарри вечно сидел, уткнувшись в книгу, или рисовал комиксы.

– У него художественная натура, – сказала Кристал Томми, а тот сказал:

– А что, это до сих пор так называется?

Детей не выбираешь – берешь, что дают, ответила она. У Томми чувства юмора не было, а вот у Гарри было, и он вечно сыпал дурацкими анекдотами.

(– Почему сыр отменил встречу с ножом?)

– Не знаю, – подыгрывала Кристал, – почему сыр отменил встречу с ножом?

– Потому что нож не хочет с ним перетереть!)

Отчего-то почти все анекдоты у Гарри были про сыр.

Кристал постучала, но ответа не последовало. Ушел, наверное. Гарри вечно был занят – либо читал и рисовал, либо работал в вампирском заведении. А в этом году еще и в театре. Карманных Томми ему почти не давал, считал, что Гарри должен «научиться стоять на своих двоих», но Кристал порой совала пасынку двадцатку. Ну а что? Он хороший парень, и вдобавок бедняжка потерял мать, как его не пожалеть?

– Я тоже потеряла маму, – сказала ему Кристал, но не уточнила, что это мать, может, еще жива, кто ее знает. Мать воображалась ей не человеком, а грудой пропитанного джином и обмоченного тряпья где-нибудь в углу, куда никто никогда не заглядывает. Что до отца... ну, короче, этой дорожкой тоже лучше не ходить. Туда и дорожки-то не

проложено.

– А ты с мамой дружила? – на днях спросил Гарри.

Он вечно задавал вопросы. Кристал вечно выдумывала ответы.

– Конечно, – сказала она. – Кто ж с мамой не дружит?

Плохо, что он работает в театре «Чертоги» на этого старого козла Баркли Джека, но не объяснишь, почему Кристал против, не коснувшись того, чему лучше гнить себе спокойно во мраке прошлого. Баркли – грязная старая скотина, но он хотя бы не по мальчикам. Иначе Кристал не подпустила бы к нему Гарри и на пушечный выстрел. Но все равно нельзя, чтоб такая сволочь коптила небо. Кристал пару раз встречалась с Баркли – Кристал ему «представляли». Ничего не случилось, он не заинтересовался – она для него была, видите ли, «старовата». Ей тогда стукнуло аж целых четырнадцать лет. Бр-р, как вспомнишь – вздрогнешь. В Бридлингтоне дело было, само собой. Хоть на край света сбеги, все равно вернешься в Бридлингтон.

Едва Карри уснула, Кристал заварила мятного чаю и обозрела свой улов с распродажи. После долгих раздумий освободила торт «Виктория» из удушающей пищевой пленки и выложила на барную стойку. А потом долго на него смотрела, барабаня накладными ногтями по отполированному граниту, – мол, давай, бисквит, не тяни, посмотрим, что ты выкинешь. Сердце в груди колотилось молотом, ребра стягивали его, точно корсет, с каждым мигом туже. Словно Кристал вот-вот совершит убийство. Торт делал вид, что он тут ни при чем, и Кристал, еще подискутировав сама с собой, отрезала скромный кусочек. Съела стоя – так она меньше ему обязана. Ну и пакость. Кристал убрала торт в буфет.

– Нарастила себе, киса? – засмеялся Томми на днях.

Кристал вечером чистила зубы в ванной, а Томми обхватил ее руками сзади и цапнул за живот под прелестной ночнушкой «Ла Перла». В детстве у Кристал не было ночнушек и пижам – на узкой койке в трейлере приходилось спать в трусах и майке.

«Нарастила»? Твою же мышь, а? (Может, несколько фунтов, но это мышцы, от вин-чуна.) Наглый мудак. Мутант. Наглый мутант, поправилась она. (Почему-то звучит еще хуже.)

– Да я не против, – сказал Томми, руками переползая ей на бока. – Люблю, когда на женщине мясо. Есть за что подержаться – точно не упадешь. Попины уши – полезная штука.

Кристал достала торт из буфета и поставила на барную стойку. Опять развернула, отрезала еще один скромный кусочек. На сей раз сидя. Отрезала еще кусочек, не такой скромный. Съела. А потом отрезала еще и

еще и все запихивала в рот. Удивительно, как быстро можно сожрать целый торт, если всерьез взяться за дело.

Когда торт закончился, Кристал некоторое время посмотрела на пустое блюдо, а потом пошла вниз, в уборную, и там все вытошнила обратно. Чтобы смыть, пришлось сливать воду дважды. Унитаз оттерла с отбеливателем. До того чистый унитаз – хоть ешь из него. Кристал заново сложила полотенца, расправила их на вешалке, выровняла лишние рулоны туалетной бумаги в шкафу под раковиной и опрыскала ванную духами «Ж'адор». Она вся как будто стала легче, очистилась. Вернулась в кухню, загрузила посудомойку. Затем снова пошла в оранжерею и закурила. Опять за старые фокусы, Кристина, подумала она. Что на тебя нашло?

Спасение на водах

База съемочной группы «Балкера» располагалась через пару кварталов. Оккупировали полпарковки – и не задешево, по прикидкам Джексона. Всю неделю снимают здесь – в «арке» Джулию похищал бесноватый психопат, который сбежал из тюрьмы и теперь прятался от полиции. Джексон не запомнил, почему бесноватый психопат решил привезти Джулию на море, – спустя время Джексон перестал вникать в «арку».

Уже пять – Джулия говорила, что, скорее всего, примерно сейчас должна закончить. Завтра у нее выходной, и сегодня Натан переночует у нее в гостинице «Краун-Спа». Джексон предвкушал тихий вечер: жить с Натаном – все равно что внутри спора. До последнего времени Джексон и не сознавал, как ценит одиночество.

(– Кое-кто назвал бы это затворничеством, – сказала Джулия.

– Длинное громкое слово, – сказал Джексон.)

А до конца каникул еще несколько недель. Сын скучал по друзьям – сын вообще скучал. Он, более того, по его словам, *подыхал* от скуки. По результатам вскрытия, сообщил ему Джексон, в графе «причина» свидетельства о смерти еще никто и никогда не писал «скука».

– А ты видел вскрытие? – оживился Натан.

– Сто раз, – ответил Джексон.

А сколько трупов видел?

– Ну, типа за всю жизнь?

– Слишком много, – ответил Джексон.

И у всех по лицам читалось, что столу в морге они бы с радостью предпочли скуку.

В поисках парковочного места кружа по Эспланаде, Джексон посматривал на окрестные дома. Территория Сэвила – «Джим», который «все устроит», где-то здесь обзавелся квартирой. На перилах Эспланады над пляжем некогда висела табличка «Вид как у Сэвила». Давным-давно сняли, конечно. Захоронили с почестями, достойными католического святого, – теперь она гниет в безымянной могиле, дабы никто не осквернил. Туда и дорога, думал Джексон, – жаль, что дело так затянулось. Жаль, что по миру шастает столько других хищников. Одного, допустим, накроешь, но на пусто место мигом ринется еще десяток, и устроить иначе не удастся, похоже, никому.

Поразительно, сколько извращенцев можно упаковать на единицу

территории. Джексон до сих пор помнил многолетней давности лекцию сотрудницы службы опеки. «Сходите летом на любой приморский пляж и посмотрите вокруг, – сказала она. – Увидите сотню педофилов в их естественных охотничьих угодьях».

Вид, впрочем, и впрямь великолепный – перед ними расстилалась панорама Южного залива.

– Красиво, – сказал Джексон Натану, хоть и знал, что красивые виды начинаешь ценить самое раннее после тридцати; и Натан все равно увлеченно пялился в свой оракул под названием айфон.

Джексон увидел, где можно припарковаться, и в этот самый миг к ним по Эспланаде поплыл восхитительно величавый фургон «Мороженого Бассани». Фургон был розовый, и в нем играла песенка «Пикник для медвежат»^[24]. Колокольчики на последнем издыхании – музыка (если можно так выразиться) получалась скорее скорбная, чем жизнерадостная. Джексон смутно припоминал, как пел это дочери, когда та была еще крохой. Прежде ему не приходило в голову, что песня-то грустная. *Если пойдешь сегодня в лес, лучше прикинься валенком.* Зловещая даже. Сейчас стало не по себе.

Вроде была какая-то история с этими розовыми фургонами? Ими, помимо прочего, и соблазняли детей. Можно ли загипнотизировать ребенка колокольцами фургона с мороженым? Заманить, как гамельнский крысолов, увести навстречу ужасной судьбе? (Или Джексон читал это где-то у Стивена Кинга?) Кто теперь управляет «Бассани»? По-прежнему семейный бизнес или только имя осталось?

Как познакомились Бассани и Кармоди? В муниципальном совете, на благотворительном ужине? Обрадовались, должно быть, найдя общий интерес к одинаковому фуражу. Гнетуще знакомый сюжет, повесть о девочках – да и мальчиках, – которых выманивали из детских домов, из-под опеки приемных родителей или из неблагополучных родных семей. Бассани и Кармоди – члены муниципального совета и уважаемые филантропы на высоких должностях, в таких учреждениях их принимали с распростертыми – да господи, *приглашали*, как вампиров. Они приносили дары – зазывали детей на рождественские вечеринки, выезды на природу и к морю, в походы и на каникулы в трейлерах: у Кармоди были трейлерные стоянки по всему восточному побережью. Детей бесплатно пускали в галереи игровых автоматов и на ярмарки с аттракционами. Мороженое, сласти, сигареты. Угощение. Малоимущие детки любят угощения.

Всегда ходили слухи о том, что был некто третий. Не Сэвил – у того было свое шоу, отдельно от Бассани и Кармоди. Эта парочка куролесила

десятилетиями – и никто их не ловил. Была такая телепрограмма, называлась «Старые добрые времена»^[25], поклон почившему мюзик-холлу. Старые телепрограммы по сей день – почему-то, кто его знает почему – повторялись по Би-би-си-4.

(– Постирония, – поясняла Джулия – загадочное для Джексона понятие.)

Так вот, у Бассани с Кармоди тоже было собственное шоу. «Старые дурные времена».

Некогда Бассани и Кармоди правили этим побережьем. Занятно, сколько мужчин запомнилось своим падением. Цезарь, Фред Гудвин^[26], Троцкий, Харви Вайнштейн, Гитлер, Джимми Сэвил. Женщины – почти никогда. Они не падают. Они восстают.

– Можно мне мороженое? – спросил Натан, по заветам Павлова мигом выдав реакцию на колокольный раздражитель.

– *Опять?* Ты сам-то как думаешь?

– Почему нельзя?

– Потому, разумеется, что одно ты только что съел.

– И?

– И, – сказал Джексон, – второго не будет.

Вечно всего мало. И у друзей Натана – та же доминантная черта. Сколько ни получают, сколько ни купят, вечно недовольны. Их создавали ради потребления, и в один прекрасный день после них не останется ничего. Капитализм пожрет сам себя, воплотив свой смысл жизни в самоуничтожении при поддержке закоротившего дофаминового контура обратной связи – как змея, что глотает собственный хвост.

Однако добродетели у Натана тоже имеются, напомнил себе Джексон. Например, сын хорошо обращается с Дидоной. Сочувствует ее недугам, всегда готов расчесать ее или покормить. Натан знает Дидону с щенячьих дней. Натан и сам тогда был щенок, ласковый и игривый, а теперь Дидона оставила его далеко позади. Вскоре ее дорожка подойдет к концу, и Джексон заранее ужасался, как это переживет Натан. Джулии, конечно, будет хуже.

Тут Джексон отвлекся на девочку, шагавшую по дальнему тротуару. Кроссовки, джинсы и футболка с блестящей головой котенка. Разноцветный рюкзак. Лет двенадцать? Джексону не нравилось, когда девочки гуляли одни. Фургон с мороженым замедлился и затормозил, а девочка поглядела вправо, потом влево (хорошо), перешла дорогу, и Джексон уже решил, что она собралась за мороженым, но она выставила

большой палец (плохо) проезжающим машинам.

Господи, да она стопит! Ребенок же совсем – о чем она думает? Девочка побежала к фургону с мороженым – рюкзак заскакал на тощих плечах. Рюкзак синий, а на нем единорог в россыпи крошечных радуг. Котята, единороги, радуги – занятные они все-таки существа, девочки. Вообразить невозможно, чтобы Натан таскал рюкзак с единорогом или носил футболку с котячьей башкой. Разве что это логотип транснационального бренда – но тогда блески, вероятно, пришиты вручную малолеткой с потогонной фабрики в какой-нибудь стране третьего мира.

(– Обязательно надо во всем видеть темную сторону? – спросила Джулия.

– Кто-то же должен, – ответил Джексон.

– Да, но это обязательно должен быть *ты*?

Видимо, да. Обязательно.)

У фургона «Бассани» девочка не остановилась – пробежала мимо, и вот тогда Джексон засек неприметный серый хэтчбек, затормозивший перед фургоном, и не успел подумать: «Не надо!» – девочка уже забралась на пассажирское сиденье, а хэтчбек тронулся.

– Быстро! – сказал Джексон Натану. – Сфоткай эту машину.

– Чего?

– *Машину*, номер сфоткай.

Поздно. Джексон развернул «тойоту», и тут медленно двинулся фургон, а вдобавок – нежданчик – возник мусоровоз, который перегородил дорогу, никому не намереваясь ее уступать и подрезав Джексона на съезде. С одного боку розовый фургон с мороженым, с другого мусоровоз этот – прощайте, все шансы проследить за хэтчбеком.

– Блядь, – сказал Джексон. – Я даже марку не разглядел.

М-да, теряем квалификацию.

– «Пежо триста восемь», – сказал Натан, опять уткнувшись в телефон.

Даже в досаде Джексон ощутил укол гордости. Умница, мальчик, подумал он.

– Чего ты психуешь? – сказал Натан. – Может, ее папа или мама подобрали.

– Она *стопила*.

– Может, она над ними прикалывалась.

– Прикалывалась?

Натан протянул Джексону телефон. Все-таки сфотографировал – очень размыто, номера не разглядеть.

– Можно мы уже *поедем*, пап?

На базе съемочной группы Джулии не оказалось.

– Она еще на площадке, – сказал кто-то.

Съемочная группа к Джексону привыкла. Парень, который играл Балкера, вечно тянул из Джексона все соки, выясняя, как повел бы себя «настоящий» детектив, а потом забивал болт на советы.

– Ну а что? – сказала Джулия. – Ты же сто лет как не служишь в полиции.

Да, но полицейский я навсегда, подумал Джексон. Это его прошивка по умолчанию. Она ему, всего святого ради, в самую *душу* вшита.

Парень этот – уже второй, кто играет Балкера; у первого актера случился нервный срыв, он уехал и больше не вернулся. Было это пять лет назад, но Джексон до сих пор считал нового парня новым парнем, и у него еще было имя – Сэм, Макс, Мэтт – из тех, что в мозгу у Джексона никогда не застревали.

В фургоне кафетерия выставили сэндвичи, и Натан проглотил целую кучу без малейших признаков пожалуиста или спасибо. Дидоне впору ему позавидовать.

– Славно жить в свинарнике, да? – сказал Джексон, а Натан насупился и сказал:

– Чего? – как будто Джексон – муха надоедливая.

Надоедливая муха и есть – Джексон и сам понимал. Надоедливая муха, за которую неловко.

(– Это один из пунктов твоего отцовского резюме, – сказала Джулия. – И вообще, ты уже старик.

– Благодарю.

– В смысле – в *его* глазах.)

Джексон считал, что для своих лет сохранился неплохо. Все волосы на месте, и в один прекрасный день он их, спасибо генетике, пожертвует Натану, так что пусть все-таки скажет спасибо (ага, как же). Куртка «Белстафф роудмастер», «рэй-баны» – по мнению Джексона, он по-прежнему оставался фигурой весьма интересной, можно даже сказать – клевой.

– Конечно, никто не спорит, – сказала Джулия, точно капризное дитя утешала.

Джулия в конце концов явилась – видок такой, словно прямиком с поля боя. В медицинской форме, которая, вообще-то, ей шла, вот только вся в крови и с огромной ножевой раной поперек лица – отлично потрудились

примеры.

– Серийный убийца напал, – бодро пояснила она Джексону.

Натан уже пятился, поскольку Джулия наступала на него, распахнув объятия.

– Придержи его, а? – попросила она Джексона.

Тот прикинул, на чьей он стороне, и воздержался. Натан нырял и увиливал, но в итоге Джулия заловила его и наградила шумным чмоком – в материнских объятиях Натан извивался, как рыба на крючке, и рвался на свободу.

– Мам, ну кончай, ну пожалуйста. – И вырвался.

– На самом деле ему нравится, – сообщила Джулия Джексону.

– Ты на смерть похожа, – проинформировал ее Натан.

– Я в курсе. Красота, скажи?

Она упала на колени и обняла Дидону почти так же страстно. Собака, в отличие от ребенка, ответила симметрично.

Тут все затягивается, сказала Джулия, она застрянет до ночи.

– Езжай лучше домой с папой.

– Запросто, – вставил «папа».

Джулия непомерно надула губы, аки печальный клоун, и сказала Натану:

– А я так хотела побыть со своим малышом. Приходи завтра, повидайся со мной, ладно, миленький? – И затем Джексону, не так надуто и гораздо деловитее: – У меня завтра выходной. Привезешь его в гостиницу?

– Запросто. Пошли, – сказал Джексон Натану. – Купим рыбу, надо поужинать.

Они поели рыбы с картошкой на ходу, из картонок, шагая вдоль берега. Джексон скучал по жирной и уксусной газете рыбы с картошкой своего детства. Он превращался в какой-то ходячий и говорящий урок истории, музей народных промыслов в одно лицо, да только никто ничему не желал у него учиться. Джексон впихнул пустые картонки в переполненную урну. Вот тебе и мусоровоз поперек дороги.

Народ с пляжа еще не разошелся и использовал теплый ранний вечер на всю катушку. В том районе Йоркшира, где родили и взрастили Джексона, лило каждый день, с утра до ночи, с начала времен, и он приятно удивился, обнаружив, до чего безоблачным – буквально – бывает восточное побережье. И лето выдалось прекрасное – хотя бы на несколько часов в день солнце казалось лицо, порой даже надев шляпу^[27].

Прилив как раз наполовину подступил – или, может, «отлив» и

«отступил», Джексон не разбирался. (Это как стакан наполовину полон / наполовину пуст?) Он еще только учился жить на побережье. Если задержится надолго, может, привыкнет ощущать морские колебания в крови и бросит всякий раз сверяться с таблицей приливов, выходя на пробежку по пляжу.

– Пошли, – сказал он Натану. – По песку пройдемся.

– «Пройдемся»?

– Ага, пройдемся – это очень просто, я тебе покажу, если хочешь. Вот смотри: эту ногу вперед, потом другую.

– Ха, ха.

– Давай, пошли. Потом поднимемся к машине на фуникулере. И он вовсе не «фу», и кулером не работает, откуда и слог «ни».

– Фигня какая-то.

– Тоже правда, но тебе понравится.

– Ой, держите меня, – буркнул Натан; Джексон и сам так выражался в минуты обостренного цинизма. Странно и довольно лестно слышать, как мальчик заговорил мужским голосом.

– Пошли, – подбодрил его Джексон, когда они добрались до пляжа.

– Оу-кей.

– А ты знаешь, что «о'кей» – самое узнаваемое слово в мире?

– М-да?

Натан пожатием плеч обозначил, что ему неинтересно, но поплелся рядом. Под палящим солнцем преодолевая пустыни, люди выказывают больше воодушевления.

– Ну давай, спроси меня, – продолжал Джексон. – Я же знаю, тебе до смерти любопытно, какое в мире второе самое узнаваемое слово.

– Пап? – Циничный подросток испарился, и на миг Натан снова стал просто пацаном.

– Что такое?

– Смотри. – Натан показывал на залив – в воде бурлила какая-то сумятица. – Здесь ведь нет акул, да? – неуверенно спросил он.

– Полным-полно, но необязательно в море, – ответил Джексон.

Не акулье нашествие, а трио плохих пацанов со стоянки. Двое в утлой надувной лодочке – скорее детская игрушка, чем годное плавсредство. Переполох, по всей видимости, устроил третий, не к месту взявшись тонуть. Джексон огляделся в поисках спасателя, но спасателя не узрел. Вряд ли же они работают с девяти до пяти, правда? Джексон вздохнул. Его, значит, вахта – повезло, ага. Типично. Он стащил ботинки «Магнум»

и сунул куртку Натану – хрена с два он ради этих дурошлепов испортит «Белстафф». Он подбежал к воде и побежал дальше, плещась весьма неэлегантно, а затем прыгнул и поплыл. Человек, вбегающий в море в носках, выглядит недостойно – почти как человек, который лижет мороженое на ходу.

Когда Джексон доплыл, пацан (или прибрежный придурок, как про себя нарек его Джексон) уже ушел под воду. Другие двое орали, как два бессмысленных болвана, – всю рисовку стерла слепая паника. Джексон вдохнул поглубже и задохнулся под воду. С пляжа казалось, что море спокойное, но отсюда до суши меньше сотни футов, а море раскомандовалось, как зверский старшина. Море пленных не берет – либо ты в дамках, либо привет.

Джексон, самый неуклюжий на свете русал, выпрыгнул из воды и погрузился обратно. Удалось подцепить пацана – одной рукой цапнуть за волосы, другой за пояс джинсов на спине, – и наконец, одному Господу ведомо как, Джексон выволок и его, и себя на поверхность. Не самое грациозное спасение на водах, но все бы получилось хорошо, если б он затем не ухватился за лодочку, от которой, кроме вреда, никакой пользы. Лодочка оказалась слишком хлипкая, и в воду с воплями рухнули еще двое. Да начнутся новые утопления. А что, плавать тут вообще никто не учился? Зря небо коптят, вся троица, хотя их матери, надо думать, другого мнения. (Или нет.) Зря или не зря, инстинкт велел их спасти.

Один – еще ладно, трое – неподъемно. Наваливалась усталость, и в какой-то краткий миг Джексон успел подумать: «Что, приплыли?» Тут, к счастью для всех участников событий, подкатила лодка береговой спасательной службы и выволокла из воды всех.

На берегу кто-то провел утопшему пацану сердечно-легочную реанимацию на песке, а люди толпились вокруг, безмолвно подбадривая. Джексон шагнул было к двоим другим пацанам, но те – парочка промокших водяных крыс – от него попятнулись: им непонятно было благородство, его и вообще ничье.

Утопший пацан закашлялся и очухался – чудо, подумал Джексон, как ты небо ни копоти, – родился заново прямо на песке. Джексон вспомнил «рожденную заново» Пенни Рулькин. Он и сам один раз побывал мертвым. Пострадал в железнодорожной катастрофе, остановка сердца. («Ненадолго», – сказала врач в реанимации: как будто отмахнулась, счел Джексон.) Его вернул к жизни один человек, девочка, на железнодорожной насыпи, и после этого Джексон еще долго жил в эйфории спасенного. Сейчас-то, конечно, уже отпустило – банальность повседневной жизни в

конечном итоге возобладала над трансценденцией.

Спасатель закутал Джексона в одеяло, хотел отвезти в больницу, но Джексон отказался.

– Пап?

Над ним нависал бледный и испуганный Натан. Дидона придвинулась ближе – спокойно, стоически ободряла, для чего наваливалась на Джексона всей тушей.

– Ты как? – спросил Натан.

– Порядок, – ответил Джексон. – Можно мы уже пойдем?

Из конфет и пирожных

Запах отцовского завтрака – сосиски, бекон, яичница, кровяная колбаса, тушеные бобы, поджаренный хлеб – по-прежнему довольно зловеще витал по дому (а дом немаленький).

– Тебя это когда-нибудь убьет, – твердила Кристал отцу чуть не каждый день, выставляя все это богатство на стол.

– Пока что не убило, – мажорно отвечал отец, словно это логичный аргумент.

(Гарри воображал, как мать, когда ее предостерегают от опасностей, отвечает: «Ну, я пока что не упала с обрыва».)

Отец с утра пораньше укатил в Порт Тайна встречать паром датской «Компании объединенных пароходств» из Роттердама.

– Бытовой крупняк, – сказал он.

Если фуры прибывали с континента, отец часто встречал их на таможне сам.

– Контроль качества, – говорил он. – Кровь из носу нужен, если хочешь сохранить лояльность потребителя.

Раньше отец вслух желал, чтоб Гарри пошел работать в фирму – будет, мол, «Холройд и сын», – но в последнее время об этом особо не поминал, вообще не поминал об этом с тех пор, как Гарри сказал, что хочет на театроведение. («Почему не на машиностроение, например?»)

На днях Гарри подслушал, как отец спрашивает у Кристал, не гей ли его сын.

– Он у нас слегка голубоват, нет?

– Не знаю, – сказала Кристал. – А это важно?

Видимо, отцу важно. Гарри не считал, что он гей, – ему нравились девушки (хотя, пожалуй, не в *этом* смысле), – но вдобавок он настолько еще не сформировался как личность, как центральный персонаж своей персональной драмы, что не готов был выносить решительные суждения ни о чем вообще. Может, вместо него отец заманит в бизнес Каррину. «Холройд и дочь». Перекрасит тягачи в розовый – она тогда бегом прибежит.

Гарри был один дома. Кристал и Каррина в детском саду, а после они обычно ходят в парк или пить кофе в «Косте» с другими мамашами – тот же детский сад, по сути, только в менее подходящей обстановке. На каникулах Каррину в детский сад иногда водил Гарри. Познательно –

пить кофе с детсадовскими мамами. И у мамаш, и у кордебалета в театре Гарри почерпнул много нового – оно было в основном анатомического свойства и взрывало мозг.

Сегодня у него вторая смена в «Мире Трансильвании» – или просто «Мире», как его называли низкооплачиваемые сотрудники, то есть Гарри и его друзья. «ВЗБУДОРАЖИМ СТРАШНЫМ АНТУРАЖЕМ», – гласила афиша снаружи. «Мир Трансильвании» – один из аттракционов на пирсе, хотя едва ли кому придет в голову описывать его словом «аттрактивный». Гарри работал там летом второй год – брал деньги, выдавал билеты. Не бином Ньютона, а поскольку посетителей не было, на своем посту Гарри в основном читал. В сентябре начинался выпускной год, и у Гарри был длинный список чтения, сквозь который он сейчас продирался. Учился он в шикарной школе – это так выражался его отец. «Тебя в этой твоей шикарной школе хоть чему-нибудь учат?» Или: «Я плачу этой твоей шикарной школе, чтоб тебя там обучали *этике*? Что за еб твою мать? Этике я тебя и сам обучу. Не пинай лежачего. Пусть правая рука не знает, что делает левая. Женщины и дети вперед». Довольно пестрый моральный кодекс, и Гарри сомневался, что Сократ подписался бы под каждым словом или даже что отец сам подчинялся всем этим правилам.

Школа-то, может, и шикарная, но почти все знакомые Гарри летом вкалывали. Сезонных работ полно, не пойти куда-нибудь – прямо-таки преступление. Крутые ребята – точнее, ребята, полагавшие себя крутыми, – шли на бодибординг или сдавали экзамены на спасателей, а ботаны типа Гарри и его друзей сидели по билетным кабинкам, черпали и раскладывали мороженое по рожкам, выгребали картошку в картонки и обслуживали столики.

«Мир» принадлежал Кармоди, ярмарочным людям, и это был не аттракцион, а днище – несколько поеденных молью истуканов, выкупленных у старого музея восковых фигур, и пара фигово выстроенных неживых картин. «Живые актеры» тоже были обещаны, но живой актер был всего один, и не актер, а такой же ботан по имени Арчи, вместе с Гарри сидел на парах по истории и зарабатывал гроши, шныряя по коридорам и напрыгивая на (весьма немногочисленных) платежеспособных клиентов, напялив резиновую маску Дракулы. Не «Настоящая кровь»^[28], короче.

Город славился своими вампирами, здесь высадился собственно Граф, по крайней мере согласно литературе, хотя люди так об этом распространяются – можно подумать, это прям реальное историческое событие. Сувенирные лавки битком набиты черепами, и крестами, и

гробами, и нетопырями из резины. Несколько раз в год на город совершали набег готы во власти живых мертвецов, а сейчас была еще Неделя стимпанка и Пиратская неделя, и весь город смахивал на бал-маскарад. Все «пираты» носили потертые шинели и широченные шляпы с перьями, а вооружались кортиками и револьверами. А кортики хоть наточены? На самом деле, саркастически комментировала Эмили, подруга Гарри, «этих мужиков зовут Кевинами, и они всю неделю торчат в аналитических центрах. А в выходные дают выход фантазиям».

И это бы ничего, считал Гарри, хотя с какого перепугу человеку охота быть пиратом или невестой Дракулы – большой вопрос.

(– Ну, куча женщин выходит замуж за вампиров, – сказала Кристал.)

Но вот со стимпанком Гарри пока не примирился. Только на прошлых выходных на него посреди улицы наткнулся мужик. У мужика была железная маска на все лицо, а из маски торчали шланги и трубки.

– Ой, пацан, извини, – весело сказал он. – Ни хрена в этой штуке не вижу.

Никем другим Гарри быть не хотел – Гарри хотел быть собой. Само по себе та еще задача.

До ухода оставалось время. Можно поплавать в бассейне или посидеть в саду и почитать – но день прекрасный, не хотелось с головой нырнуть в книгу и там застрять. Это Кристал так говорила – «Опять с головой нырнул в книгу и там застрял». Смешно вышло бы, если бы Гарри по правде нырнул в книгу и застрял.

То театр, то «Мир» – почти каждый день приходилось помногу утомительно мотаться. «Горняя гавань» торчала высоко на скалах, на ничейной земле между Скарборо и Уитби, и почти все лето Гарри носился туда либо сюда. Если времени была куча, иногда ехал на велосипеде по гаревой тропинке вдоль старой железной дороги, но обычно на автобусе. Гарри прямо дожидаться не мог того дня, когда наконец сдаст экзамен и получит машину. Отец уже начал его учить на грунтовках, пускал за руль своего «мерседеса С-класс». («Что ты с ним сделаешь? Разобьешь?») Томми был удивительно (поразительно) терпелив, и в этой обстановке они ладили, как... ну, как отец и сын. («А у тебя не так херово получается, как я думал», – сказал Томми. Воистину высокая похвала.) Приятно найти занятие, в котором они друг друга не разочаровывали.

Этим летом Гарри на работу несколько раз возила Кристал.

– Потому что я все равно поеду, Гарри, – а порой ей «просто хотелось покататься».

Кристал говорила, если ей когда-нибудь придется составлять анкету,

«на работу поступать, я не знаю», она в графу «хобби» впишет вождение. Она собирается на работу? Гарри гадал, что она умеет. Ей нравилось водить, а Гарри нравилось, когда она его возила. В «эвоке» он обычно садился сзади к Каррине, и они втроем горланили «Отпусти»^[29]. У Гарри был неплохой скромный голос – он пел в школьном хоре, – Кристал медведь на ухо наступил, а Каррина визжала, как пила. И все равно это их спланивало. Как будто они семья. В этот миг Гарри на глаза попались часы, и он сообразил, что слишком долго валандался – автобус вот-вот уйдет без него.

Во второй половине дня в «Мир Трансильвании» почти никто не заглядывал. Замогильный покой. Ха-ха. Вдобавок светит солнце, и никто, кроме редких извращенцев, не захочет прятаться под крышей в такую хорошую погоду. Для бизнеса лучше всего дождь – люди забегали спрятаться, вход – всего два фунта, хотя зачастую, отведав скудных ужасов, они считали, что и это грабеж. Выход был на другую улицу, так что обычно Гарри не выпадало разбираться с удрученными клиентами. Сообразив наконец, где они и как вернуться к началу, клиенты уже теряли волю к жизни, и скандалить из-за двух фунтов их ломало.

Арчи, так называемый «живой актер», не явился. Когда такое случалось – а случалось такое часто, что неудивительно, – Гарри подводил посетителей ко входу («Там довольно темно». И это правда!), по заднему коридору бежал до потайной двери, хватал маску Дракулы, выскакивал посетителям навстречу, как раз когда они сворачивали за угол, и клокотал горлом («Йааргхг!»), словно вампир, который не может откашляться. Люди никогда не восторгались, а пугались редко. Страх сам по себе неплох, говорил отец Гарри. «Держит в тонусе».

Мать Гарри, Лесли, погибла шесть лет назад, когда Гарри было десять, и отец женился снова, на Кристал, а через год они родили Каррину. Сейчас Каррине было три, и ее звали Карри все, кроме Гарри, который считал, что имя какое-то слегка расистское. По его мнению, девочкам лучше зваться как-нибудь попроще – Эмили, Оливия, Эйми (так звали его школьных подруг). Мисс Рискинфилд нарекла их «Гермионами» – весьма пренебрежительно, особенно если учесть, что все они были в ее, как она выражалась, «фан-клубе». «По мне, так малка чересчур Джин Броди»^[30], – говорила она. (А мисс Рискинфилд – она уже в расцвете лет? Гарри не спросил.)

Мисс Рискинфилд преподавала у них в школе театральное искусство и

английскую литературу.

– Зови меня Белла, – сказала она, подвозя Гарри домой после репетиции. («Мне в ту сторону».) В конце летнего триместра они поставили «Смерть коммивояжера». Гарри дали маленькую роль – Стэнли, официанта в ресторане, хотя он пробовался (и пролетел) и на Бифа, и на Хэппи. Играл он так себе.

(– Ты не парься, – сказала Кристал, – с возрастом научишься.)

«Смерть коммивояжера» шла три вечера. Отец Гарри не выбрался, но Кристал приехала на премьеру.

(– Пьеса тоску нагоняет, да? Но ты очень хорошо играл, – прибавила она.

Гарри знал, что это вранье, но было приятно, что она так сказала.)

– Как Гамлет начинал монолог про мохнатый сыр? – спросил Гарри у мисс Рискинфилд, когда та подвозила его домой в последний вечер. – «Брить или не брить?»

Она рассмеялась, а затем, припарковавшись перед домом, положила руку Гарри на коленку и сказала:

– Ты не представляешь, до чего ты особенный. Помни: все твое будущее впереди – не транжирь его понапрасну, – наклонилась и поцеловала его в губы, и он почувствовал, как ее язык сладким мятым слизняком тычется в язык ему.

– Это кто была? Твоя драгоценная мисс Рискинфилд? – нахмурилась Кристал, когда Гарри, от поцелуя еще шатаясь, вошел в дом. – Мне вас видно на камерах.

Гарри вспыхнул. Кристал сочувственно похлопала его по плечу:

– Ты же в курсе, что она в следующем году переводится в другую школу?

Гарри не знал, расстраиваться ему от такой новости или вздохнуть с облегчением.

Девушки, зовущиеся, к примеру, Соня или Белла, порой взрывают мозг. А имя Карри чревато всевозможными неприятностями. (По сути, тебя съедят.) Можно, конечно, вырасти и стать дрэг-квин. У Сони Кристи, который выступал в «Чертогах», была знакомая по имени Кара Мель, хотя Гарри подозревал, что это не ее (или его) настоящее имя.

В спальне Каррины (да и в ее жизни) все было розовое и на тему фей с принцессами. Каррина спала в резной кровати, изображавшей карету Золушки, и у нее был целый гардероб диснеевских костюмов, которые она носила по очереди, – Бель и Эльза, Ариэль, Белоснежка, Динь-Динь,

Моана, Золушка: бесконечный, практически взаимозаменяемый арсенал блесток и искусственного атласа. В том году они ездили в парижский Диснейленд и в магазине смели все подчистую.

– Лучше так, пожалуй, чем под Джонбене^[31], – сказал Соня.

Уж кто-кто, а Соня в костюмах разбирался. Он... она (при ней за местоимениями нужен глаз да глаз) была Гарри confidentкой. Странно, да, но за советом или излить душу Гарри ходил к Соне. У Гарри как будто снова появилась мать – ну, почти. Мать, которая носила парик, шпильки двенадцатого размера и «упихивал подальше свои шасси» (даже в Сонином лексиконе здесь требовался мужской род).

Гарри часто читал Каррине на ночь, для чего отыскал свои детские книжки в одном из старых гаражей, где (весьма небрежно) распихали по коробкам и оставили плесневеть его детство. Отец перестроил два сарая в гаражи и добивался разрешения перестроить третий, но не тут-то было: в сарае гнездились летучие мыши (точнее, «эти блядские летучие мыши», как их неизменно именовали), а летучие мыши – охраняемый вид. («Какого ляда? Какого ляда охранять этих блядских летучих мышей, блядь?») Гарри любил смотреть, как летними вечерами они носятся по сараю, ловят мошек. Летучие мыши были крошечные, на вид хрупкие, и Гарри боялся, что отец втайне желает им зла.

В этой Бэт-пещере Гарри в одной из коробок нашел чудесное иллюстрированное издание братьев Гримм (с подписью «От мамочки с любовью») и посредством его знакомил Каррину с жестокой стороной мира фей – читал ей сказки, в которых людей проклинали, или бросали, или отрубали им пальцы на ногах и выковыривали глаза. Сказки, в которых не было ни намека на конфеты и пирожные. Нет, он не хотел пугать Каррину – и, к чести Каррины, ее еще поди испугай, – но кто-то же должен уравновесить пушистый мирок сплошного розового зефира, который грозил поглотить ее целиком, и раз больше никто не брался, значит, видимо, надо Гарри. Плюс братья Гримм ввели в мир литературы его самого, и хорошо бы Каррина тоже любила читать.

Сказки он однажды обсуждал с рискованной мисс Рискинфилд, и она объяснила, что сказки – это «буквари» для девочек, чтоб знали, как выживать в мире «хищных мужчин». («Или, скажем так, волков».) Это руководство, сказала она, что делать, когда девочка очутилась одна в темном лесу. Темный лес – это, наверное, метафора. Сейчас темные леса не то чтобы на каждом углу, но приятно думать, что Каррина вырастет, зная, как спастись от волков.

Его собственная мать, как Гарри ни старался, была лишь размытым

пятном в памяти, и с каждым днем вызвать ее к жизни становилось все труднее. Время от времени что-нибудь прорывалось из миазмов внезапным острым осколком – Гарри сидит рядом с матерью в машине или мать протягивает ему мороженое, – но «контекст», как сказала бы мисс Рискинфилд, стерся напрочь. Мать никогда не жила в «Горней гавани» – там она тоже не чувствовалась. Она курила – это Гарри помнил. Еще помнил сиплый смех, темные волосы. И что однажды она танцевала в кухне – не вальсировала, а скорее как проклятая бедняжка Карен в «Красных башмачках». (Кошмарная сказка, для Каррины не пойдет, решил Гарри.)

У Эмили связь с его матерью была прочнее: она то и дело говорила, к примеру:

– Помнишь, тебе мама на день рождения испекла торт – он был как пожарная машина? – Или: – Твоя мама возила нас кататься на рождественском паровозе – весело было, да? – И так далее.

Было весело? Гарри не знал – почти все воспоминания вычеркнуты из жизни вместе с матерью. Как книжка, где не осталось нарратива, – только редкие слова разбросаны тут и там по страницам.

– Иногда лучше забывать, – сказала Кристал.

Может, порой думал Гарри, в конце концов мать умерла бы от рака – она же курила, – а не упала со скалы, как случилось на самом деле.

Падения никто не видел – мать выгуливала собаку. Кулема – крошечный дружелюбный йоркширский терьер, Гарри ее помнил яснее, чем собственную мать. Пророческая кличка, если учесть, что с этой собакой приключилось. («Пророческий» – это тоже мисс Рискинфилд так говорит.) Кулему нашли на карнизе под скалой – очевидно, собака сверзилась с обрыва, а мать Гарри полезла ее вытаскивать, поскользнулась и упала.

Кулему нашли живой, а тело матери береговым спасателям пришлось вылавливать из моря. Гарри недавно наткнулся на свидетельство о смерти – искал свое свидетельство о рождении, доказать, что ему правда нет восемнадцати и можно ездить на автобусе по льготному билету, – и там говорилось, что причина смерти – «утопление». Неожиданно – Гарри-то считал, что тогда был отлив и мать ударилась головой о камни, что чудовищно, но как бы получше, поскольку явно быстрее. Иногда он размышлял, видела ли собака мать, когда та пролетала мимо, успели ли они изумленно переглянуться.

От Кулемы отец избавился, отдал кому-то из своих шоферов.

– Не могу на нее смотреть, Гарри, – сразу Лес вспоминаю.

Прошло два года – и он женился на Кристал. Гарри жалел, что отец отдал собаку.

Мать заменили, а собаку нет. Сейчас был только ротвейлер Брут – отец купил его для охраны на стоянку «Холройда», и поначалу к этому псу никого не подпускали. Отец боялся за Карри – что псина может задрать и Гарри, и Кристал, отца смущало меньше. Однако Брут не оправдал его надежд и оказался не очень-то свирепым – здоровенный, но в душе тюфяк, и сильнее всех он любил Гарри; Кристал, впрочем, все равно посматривала на Брута косо. У нее в детстве вообще не было домашних животных, сказала она.

– Даже хомяка? – посочувствовал Гарри.

– Даже хомяка, – подтвердила она. – Зато крыс навалом.

Злой мачехой Кристал не была. Не пилила («Живи и дай жить») и доброжелательно интересовалась, что творится у Гарри («Как делишки? Порядок?»). Не расхаживала по дому в одном белье, ничего такого, боже упаси. И не отпускала колкостей насчет отсутствия у Гарри щетины и присутствия прыщей. Наоборот, украдкой оставила у него в ванной дорогой антибактериальный лосьон для лица. Однако свои вещи Гарри теперь стирал сам – он бы стеснялся, если б его трусы и носки стирала Кристал.

– Да я не против, – сказала она. – Видала чего и похуже.

Для нее он был не ребенок – скорее другой взрослый, с которым, так уж вышло, она живет в одном доме. Временами Гарри ужас как хотелось побыть ребенком, но вслух он про это не говорил. (Он был «для своих лет слишком юный», по словам отца.) Гарри с Кристал были «друганы» – это Кристал так выражалась, – и они правда, как друзья, вместе хлопались на диван, когда Каррина засыпала, и смотрели по телику любимое – «Топ-модель по-американски», «Специальную авиадесантную службу: кто рискует, тот побеждает»^[32]. Вкусы у нас эклектические, сказал ей Гарри.

(– Электрические? – озадачилась Кристал.

– Ну примерно, – ответил он.)

Новости они почти никогда не смотрели. («Выключи, Гарри, там вечно все плохо».) Зато смотрели про природу, охали и ахали над всякой мохнатой милотой и переключали канал, если милоте грозило что-нибудь грустное или кровавое. Нечего и говорить, что отец Гарри к ним на диван не подсаживался. («Что за говно вы тут смотрите?») Отец в основном работал, а если нет, сидел у себя в «берлоге» перед восьмидесятидюймовым теликом и смотрел «Скай спортс». Еще он там

тягал веса, кряхтел и потел, задирая гантели над головой, или молотил подвешенный к потолку большой боксерский мешок «Эверласт». Иногда казалось, будто Гарри с Кристал заговорщики, только Гарри так и не понял, против чего они сговаривались. Против отца, наверное. Отец порой «бывает немного властным», сказала Кристал.

– Как мистер Рочестер^[33], – ответил Гарри, а Кристал сказала:

– Я, по-моему, с ним незнакома. Он у вас в школе преподает?

Кристал трудилась над Карриной не покладая рук – любопытно, какое у нее самой было детство. Улик от этого детства не осталось – ни фотографий, ни родственников, ни бабушек-дедушек для Каррины, – словно Кристал явилась в мир готовой и цельной, как Боттичеллиева Венера. Вот это Гарри подумал зря – он изо всех сил старался не воображать Кристал голой. Да и вообще никаких женщин голыми не воображать. У него был громадный альбом по искусству – попросил в подарок на последнее Рождество. Обнаженные из этого альбома – его самое близкое знакомство с порнухой. Он смущался смотреть на обнаженных женщин даже в одиночестве.

(– Пацан ненормальный, – как-то раз сказал отец, а Гарри подслушал.

Может, и впрямь.

– Покажи мне нормального, – отвечала Кристал.)

Гарри спросил ее о детстве, а она засмеялась и сказала, что, мол, аттракционы и мороженое, но таким тоном, будто ничего хорошего в них не было.

Кристал готовила, как любил отец, – «полный английский завтрак» по утрам, запеченное мясо по воскресеньям («и весь набор»), а в промежутках стейки и бургеры, хотя отец помногу пропадал на работе или «там-сям», где питался навынос. Либо возвращался поздно и доставал пиццу или полуфабрикатный ужин из холодильника («Менегини» – стоил столько, что Гарри хватило бы на первую машину, когда настанет тот день).

Кристал и Каррина не ели «эти помои». Рождение Каррины «обратило» Кристал к здоровому питанию.

– Чистое питание, – говорила она. – Хорошо звучит.

Она вечно торчала в интернете – блоги, влоги, рецепты. Салаты, фрукты, овощи. Молоко из кешью, тофу. Киноа, чиа, ягоды годжи – продукты с такими названиями, что ими надо питаться коренному населению Амазонки, а не шестнадцатилетнему парню в Йоркшире. На прошлой неделе Кристал испекла «шоколадный» торт из черной фасоли и авокадо, а вчера протянула Гарри «меренгу» и сказала:

– Спорим, не угадаешь, из чего это.

И он не угадал. Но оно, вероятно, сто лет назад умерло на дне колодца.
– Вода из-под нута! – победоносно объявила Кристал. – Называется аквафаба.

То, что так называется, считал Гарри, должны были построить древние римляне.

Впрочем, обычно он волен был выбирать, чем питаться. Кристал вечно пичкала его брокколи и бататом.

– Ты же растешь, Гарри. Ты – то, что ты ешь.

То есть главным образом Гарри – американская горячая пицца. Чистое питание, между прочим, не мешало Кристал курить («Я только изредка, Гарри. Не говори никому»), но она никогда не курила при Каррине или в доме, только в оранжерее, куда никто особо и не заходил. И Гарри никогда не видел, чтоб Кристал много пила, чего не скажешь об отце.

Если бы случился пожар, Кристал первым делом спасла бы – не считая, само собой, Каррины – блендер «Витамикс» и соковыжималку «Кувингс», ее личных домашних богов «Горней гавани». («Хочешь соку, Гарри? Капуста и сельдерей».) А меня, гадал Гарри, кто спасет? Он надеялся, что отец. Или, может, Брут.

– Не дури, – сказала Кристал. – Я тебя спасу.

Кристал обожала шуршать по хозяйству и, сколько отец ни настаивал, не желала нанимать уборщицу, потому что уборщицы не такие «старательные».

– Я женился на птичке-куколке, – сетовал Томми, – а получил миссис Швабр.

Словам «птичка-куколка» и «миссис Швабр» он выучился, похоже, у своего отца, и они ставили в тупик и Гарри, и Кристал.

«Горняя гавань» – эдвардианский особняк: снаружи да, а внутри не догадаешься, поскольку Кристал выкинула все оригинальные вещи, все светильники, и обстановка больше напоминала белый и блестящий интерьер космического корабля.

(– Да, – сказала Кристал, любовно оглядывая кухонный островок, – тут и хирург мог бы оперировать.)

«Горнюю гавань» строили для летнего отдохновения давно покойного брэдфордского шерстяного магната и его семейства, и Гарри любил воображать, как этот дом выглядел прежде – папоротники в латунных горшках, абажуры желто-зеленого уранового стекла, расписные фризы. И шелест шелковых юбок, и звяканье чайных чашек, а не встроенная кофемашина «Миле», которая, накачивая отца кофеином, ревела, как паровоз. («Может, капельную поставим?» – сказала Кристал мужу.)

На картины прошлого у Гарри было чутье. Он помогал с декорациями для школьной постановки «Как важно быть серьезным». («Весьма авангардный подход», – сказал директор мисс Рискинфилд, а Гарри подслушал.) Я подозреваю, говорила ему мисс Рискинфилд, что в будущем тебя ждет театральная дизайн, а не актерское искусство.

Кристал, по словам отца Гарри, была «рехнутая аккуратистка».

– Да, ОКР, – триумфально провозглашала она, словно обсессивно-компульсивного расстройства добивалась тяжким трудом.

Все сложено, и рассортировано, и выровнено по линейке. Жестянки, безделушки, одежда – все «так, и никак иначе». Как-то раз Кристал зашла к Гарри, хотела что-то спросить (она всегда стучалась, чего не скажешь об отце), начала переставлять книги на полках по алфавиту (не совсем), и Гарри духу не хватило сказать, что он уже все расставил по темам. («Я читать не люблю. Мы со школой не очень-то поладили. „Мари Клэр“ – мой предел».)

Кирпичи в стене замороженных полуфабрикатов в «Менегини», догадался Гарри, однажды заглянув туда в поисках картошки фри, клались по сложной системе, которая дала бы фору любому библиотекарю. Как-то к Гарри зашли Оливия и Эми, Оливия полезла в холодильник за соком и, увидев холодильное нутро, заорала – взаправду заорала в голос. Нельзя не признать, что Гарри отчасти гордился быть пасынком женщины, чьи шеренги надписанных пластиковых контейнеров и стеклянных банок способны так поразить воображение шестнадцатилетней девчонки. Это ты еще ванную не видела, подумал он тогда.

Его подруга Эми пришла сменить его в «Мире»: Гарри надо было успеть в «Чертоги» к вечернему представлению.

– Там посетители, – сказал Гарри, кивая на вход в темный тоннель. – Мама, папа, один ребенок.

«Ребенок» лет десяти, грузный хмурый мальчик, грыз леденец на палочке – чавкая, как динозавр костью.

(– Он же там не испугается? – спросила его робкая матушка.

– Это вряд ли, – сказал Гарри.)

– Арчи нет, – сообщил он Эми. – Придется тебе маску надевать.

– Еще не хватало, – ответила Эми. – Она омерзительно негигиенична. Обойдутся без вампира.

У Эми было расстройство пищевых привычек, и Гарри кучу всего прочел онлайн, чтобы знать, чего не нужно ей говорить – например, «Доедай, тебе надо нарастить мяса на кости» или «Ну ты хоть доешь то,

что на тарелке, господи боже мой» (а именно это с утра до ночи твердила ее мать). Гарри, напротив, говорил Эми: «Я это яблоко ни за что не доем, хочешь половину?» Пол-яблока пугали ее меньше, чем огромное блюдо пасты.

– Они там уже давно – дольше, чем обычно.

– Может, со страху померли. Мечты, мечты. Опоздаешь, Гарри.

– Ой, кстати, – как бы невзначай сказал он, уже перешагивая порог, – там сэндвич с хумусом и салатом, я не смог доесть. Готовила Кристал, так что норм. Выкидывай, если не захочешь.

– Спасибо, Гарри.

Близнецы Крей^[34]

Реджи принесла кофе в термосе. Кофе в отделе гаден, скорее бурая водица, чем кофе. Ронни пила черный, а Реджи себе прихватила банку соевого молока. Она уже давно была веганкой, почти десять лет, с тех пор, когда звезды еще не ввели эту моду. Всем вечно чешется расспрашивать Реджи про ее диету, и опытным путем она вывела, что идеальный ответ – «Ой, знаете – аллергия», потому что нынче у всех на что-нибудь да аллергия. Она-то предпочла бы отвечать: «Потому что не хочу запикивать в свой организм мертвых животных», или: «Потому что коровье молоко – это для телят», или: «Не хочу прикладывать руку к гибели планеты», – но когда такое говоришь, людям почему-то не нравится. И тут надо понимать: веганство – тяжелый труд, а Реджи та еще кулинарка. Если б не тосты с фасолью, ее блюдо на любой случай, она бы небось давно с голоду померла. Реджи было двадцать шесть, но всю жизнь любой возраст ей был не в пору.

– Спасибочки, – сказала Ронни, когда Реджи налила ей кофе.

Кружки у них были свои. И они обе выпили кофе с утра – «дома», как они уже это называли, хотя пока всего две ночи провели в ветхом коттедже, снятом через *Airbnb* в Робин-Гуд-Бэе на неделю – предположительно столько должен продлиться нынешний этап расследования.

Они ютились бок о бок за одним столом, который им выделили в скудно обставленном кабинете на верхнем этаже отдела полиции. На столе стоял компьютер и, в общем, больше ничего, не считая возникшей вчера из ниоткуда груды коробок со всей бумажной писаниной по первоначальному расследованию дела Бассани и Кармоди. Хаотическая каша из чеков, счетов и загадочных записок, которую по просьбе их детектива-инспектора Рода Гилмертона наскребла им местная полиция. В один прекрасный день слова «бумажная писанина» устареют. Во всяком случае, Реджи очень на это надеялась. Другая причина не причащаться местного кофе состояла в том, что Гилмертон велел им сидеть тихо и не высовываться.

– Благоразумие – главное достоинство того и сего, – пояснил он.

– Храбрости, – подсказала Реджи. – Хотя на самом деле у Шекспира не так, а «главное достоинство храбрости – благоразумие»^[35]. Все вечно путают.

– Спустилась бы ты с облаков, – сказал ей Гилмертон.

– Вопреки популярному заблуждению, я давно и прочно осела на земле, – ответила она.

Встречали их без флагов и транспарантов. Они интервенты из другого подразделения, и в этих краях им не то чтобы рады. Порученное им дело открыли здесь десять с лишним лет назад. И уже не один год, как закрыли: виновные получили наказание, невинные – компенсацию, грязь подтерта, хотя любой офицер на месте преступления знает, что след остается всегда. И тем не менее все вели себя так, будто дело закрыто, и не просто закрыто, а заперто в ящик, убрано на верхнюю полку, и все стараются про него забыть и жить дальше, а тут Ронни и Реджи явились взламывать замки и опять этот ящик открывать.

Было еще рано и довольно тихо, только внизу дежурный оформлял стайку вчерашних ночных алкашей, чтоб они вернулись в ряды общества и стали сегодняшними ночными алкашами. Несколько весьма бесполезных минут Реджи и Ронни перечитывали свои вчерашние записи. Накануне они полдня допрашивали профессионального игрока из гольф-клуба «Бельведер», чью память, вполне вероятно, начисто стерли пришельцы. Вообще, пришельцы здесь со многими неплохо поработали.

Ронни служила в полиции Брэдфорда, а Реджи в Лидсе, и хотя сотрудничали они всего пару недель, обосновавшись в отделе Реджи, обеим уже стало ясно, что между ними царит гармония. Реджи воображала, что они могли бы дружить и вне работы, но эту мысль держала при себе – не хотела навязываться.

Обе они входили в небольшую рабочую группу под названием «Операция „Виллет“»^[36]. Собственно, кроме них, в группе никого и не было. Гилмертон периодически бильярдным шаром залетал и в другие следственные группы. Довольно милый человек, и Реджи поначалу нравилось, как легко он ко всему относится, но спустя некоторое время ей уже казалось, что он скорее легковесен, чем легок.

Реджи и Ронни привлекли, чтоб они допрашивали потенциальных свидетелей и контактных лиц. Недавно всплыли новые обвинения, и сама обвинительница жила на их территории. Задача Реджи и Ронни – поговорить с людьми, которых упоминали другие люди, которых, в свою очередь, упомянули третьи люди, и все это смахивало на игру в испорченный телефон. Бесконечно расплывающийся пазл с кучей потерянных деталей, поскольку история тянулась аж с семидесятых и многие упомянутые уже умерли. К несчастью. Новые обвинения касались представителей истеблишмента – большие шишки, «важны лица» на родном наречии Реджи, – и, однако, расследование неприметное дальше

некуда. Может, и правильно. Или нет.

Гилмертон был на грани пенсии, счастливо предвкушал дембель и по большей части предоставлял им «ворочать дело» самостоятельно. Особых результатов, сказал Гилмертон, он не ждет («Мы просто расставляем кой-какие точки над „i“»), что только наполняло Ронни и Реджи решимостью разгадать загадку.

– Мы отыщем все детали, – сказала Реджи. – Они где-нибудь под ковром или в спинку дивана завалились. Но мы это дело закроем.

– Может, их не просто так под ковер замели, – сказала Ронни.

Ронни любила порядок немногим меньше Реджи, а это кое о чем говорит. Обеих недавно повысили – обе стремительно росли, «до самого верха», как сказала Ронни. Два года в полицейском мундире, а потом обучение в Управлении уголовных расследований. Обе рьяные. Реджи планировала проситься на работу в Национальное агентство по борьбе с преступностью. Ронни хотела в Столичную полицию.

Реджи была шотландка, но изгнаннической ностальгии по родине не испытывала. В ее родном Эдинбурге прошли худшие годы ее жизни. И вообще, вся семья перемерла – не к кому возвращаться. В восемнадцать Реджи улетела на юг и приземлилась в Дерби, где получила диплом по юриспруденции и криминологии. До того как приехала, не нашла бы этот Дерби на карте. Ей, в общем, было все равно, куда податься, – лишь бы не туда, откуда пришла.

Ронни выучилась на криминалиста в магистратуре Кентского универа. Ронни звали Вероника, написание такое: Weronika. Родители ее были поляки, и мать звала ее Верой – Ронни это ненавидела. Эмигрантка во втором поколении. Родители вечно талдычили, что надо возвращаться, но Ронни их порывов не разделяла. Что тоже роднило ее с Реджи.

Обе они были одного роста – маленькие. («Миниатюрные», – поправляла Ронни.) Реджи стригла волосы, чтоб только закрывали уши, а Ронни аккуратно стягивала пучок резинкой. Женщины-детективы постарше – в большинстве своем портновская катастрофа: джинсы или юбки не по размеру, застиранные блузки и немодные жакеты на телах, размягченных чрезмерным избытком еды навынос и чипсов. Реджи и Ронни – как картинки. Сегодня Ронни надела белую блузку и темно-синие брюки. Реджи, несмотря на жару, пришла в черном костюме «летней шерсти» (и выяснила, что на свете не существует ничего подобного – шерсть есть шерсть).

В юности Реджи мечтала, что однажды у нее начнется жизнь, в которой будет черный костюм. Ее наставница и нанимательница тех лет, Джоанна

Траппер, каждый день ходила на работу в больницу в черном костюме. Реджи работала у доктора Траппер «маминой помощницей», и они по-прежнему регулярно общались, хотя доктор Траппер с сыном Габриэлем переехали в Новую Зеландию – «начать жизнь заново». (Язык не повернется упрекнуть, если вспомнить, что с ней приключилось.) «Может, приедешь, Реджи? Приезжай в гости. Может, стоит даже работу здесь подыскать». Новая Зеландия – это ужас как далеко, считала Реджи. «Ну, если ты уже здесь, тогда нет, – написала ей доктор Траппер. – Тогда это совсем недалеко. Тогда это прямо там, где ты. А ты здесь». Не наставница – скорее гуру.

Реджи занималась тхэквондо, Ронни боксировала. Чем-то заниматься надо, если ты маленькая, и женщина, и в полиции. Тройной гандикап. Реджи стремительно росла не только в Управлении уголовных расследований – в тхэквондо тоже, уже третий дан. У Реджи была греза. Темная ночь, зловещий переулочек, внезапное нападение – и изумление сбитого наземь противника. *Кий-я!* В секции, правда, никто так не говорил. Да Реджи и драться не любила, но если тебя всю жизнь называют «малка девойка» или «бедная малютка Реджи Дич», иногда можно кровожадно помечтать всласть.

Реджи получила стипендию в Кембридже, но отказалась. Знала, что утонет в этом море привилегий и врожденных прав и, даже если ее примут, все равно каждый божий день будут смотреть на нее и видеть ее прискорбные корни. Отец Реджи погиб до ее появления на свет – несчастный случай, «пальнули по своим» (очень странное представление о своих, считала Реджи) в бессмысленной войне, о которой все уже почти позабыли. А ее мать утонула – несчастный случай в бассейне, – когда Реджи было пятнадцать, после чего Реджи осталось потерять только брата, которого убили наркотики.

Дерби открыл ей глаза: там были сверстники, которым она нравилась (У нее друзья!), и отношения (Секс! Не стыдно!) со смешным вежливым мальчиком, который учился на айтишника и теперь работал антихакером на ту самую злую транснациональную корпорацию, которую хакнул аспирантом, потому что так, знамо дело, происходит со всеми хорошими хакерами – их принуждают работать на дьявола, шантажируя долгим тюремным сроком или экстрадицией. Звали мальчика Сай, он был красивый азиат, с Реджи они больше не встречались, потому что ему предстоял договорной брак, и его переманило ФБР, и он уезжает работать в Куантико, и все это, считала Реджи, слишком показушный способ закончить отношения.

Сердце ее не разбилось вдребезги, только треснуло, хотя и трещина – уже нехорошо. А в утешение ей остались карьера и черный костюм.

– Вот это дело, – сказала Ронни.

Сама Ронни была сейчас «между подругами». Реджи частенько жалела, что не лесбиянка, это бы сильно упростило ей жизнь, но Ронни чуть не померла со смеху и спросила:

– Это каким же образом?

Тхэквондо Реджи занялась в универе. Там было полно секций и клубов – учись на здоровье чему хочешь. Доктор Траппер в университете занималась бегом – а также стрельбой, – и Реджи понимала, до чего это полезные навыки, потому что доктор Траппер ей наглядно показала.

Доктор Траппер – самый милый, добрый, чуткий человек в жизни Реджи, и Реджи знала достоверно, что доктор Траппер убила двоих мужчин голыми руками (буквально), и в курсе были только Реджи и еще один человек. Так что сами видите.

– Есть справедливость, а есть закон. Какая связь? – сказала ей однажды доктор Траппер, и Реджи это поняла, и другой человек, который знал о краткой киллерской карьере доктора Траппер, тоже понял бы.

Ронни и Реджи допили кофе – осушили кружки одновременно. Оставили сообщение для Гилмертона, рассказали ему о своих планах на сегодня и диспетчерской тоже рассказали. В основном вопрос оперативного взаимодействия – у Реджи сложилось впечатление, что все плевать хотели.

– Так, – сказала Ронни. – Пора шевелиться.

Когда Ронни позвонила в дверь «Спрута и сердцевидки», у обеих полицейские удостоверения уже были наготове. Открыла женщина, и Ронни сказала:

– Доброе утро, я детектив-констебль Ронни Дибицки, а это детектив-констебль Реджи Дич.

Реджи улыбнулась женщине и подняла удостоверение повыше, чтобы было видно, но та и не глянула.

– Мы ищем мистера Эндрю Брэгга, – сказала Ронни.

– Энди? Это зачем еще?

– Вы его жена? – спросила Реджи.

– Допустим, – сказала женщина.

Ну ты либо жена, либо нет, подумала Реджи. Ты же не кот Шрёдингера.

– А мистер Брэгг дома? – спросила Ронни. – Нам коротко поговорить, и все, – успокоила она. – Подбираем кое-какие потерянные концы в давнем

деле. Писанина в основном, нужно навести порядок.

И Ронни вопросительно задрала бровь. Бровь она задирает шикарно. Реджи тоже пробовала, но у нее получалось, как будто она плохо (очень плохо) изображает Роджера Мура. Или Граучо Маркса^[37].

Бровь сломала сопротивление жены Энди Брэгга.

– Пойду посмотрю, – может, он дома. Ну вы заходите, что уж тут, – неохотно прибавила она, припарковала их в общей гостиной и исчезла в недрах дома.

На буфете веером лежали туристические буклеты. Лодочные экскурсии, верховая езда, местные рестораны и телефоны заказа такси. Реджи села на диван и взяла с кофейного столика расписание приливов и отливов. Ткань диванных подушек и штор разрисована ракушками. Как начнешь приглядываться, ракушки на каждом шагу. Несколько напрягает. Реджи прочла таинственные сведения из таблицы.

– Малая вода сегодня в три, – сообщила она.

Ни Ронни, ни Реджи никогда не жили у моря. Море для них – загадка. Плещет туда и сюда, туда и сюда, покоряясь луне.

В гостиную забрела собака ростом с тяжеловоза, молча обзрела их и убрела прочь.

– Большая какая, – отметила Ронни.

– Да уж, – согласилась Реджи. – Почти с тебя.

– И с тебя.

Реджи глянула на часы:

– Как думаешь, миссис Брэгг не забыла, что ищет мистера Брэгга?

В гостиную зашел мужчина, увидел их и вздрогнул.

– Мистер Брэгг? – вскочила Реджи.

– Нет, – сказал он. – Вы его не видели? В душе нет горячей воды.

На восемнадцатой играем, на девятнадцатой пьем

– По-моему, угощаешь ты, сквайр, – сказал Энди.

– Опять? – спросил Винс.

Это как так? Винс же только что на всех взял? Счет из бара, наверное, уже до облаков дорос – Томми и Энди пили двойные сингл-молты. Винс старался обойтись пинтами, и все равно поплыл.

– В легком весе выступаешь, – сказал ему Томми. – Что с тобой сегодня такое?

– Не обедал, – ответил Винс. – Занят был, не успел.

Едва ли правда. То есть насчет обеда правда, насчет «занят» – ни в коей мере, потому что в довершение ко всему – и об этом Винс ни словом никому не обмолвился – неделю назад его выперли с работы. Достиг низшей точки. Дна. Невзгода за невзгодой. Катастрофа библейских масштабов, словно Винса испытывает ревнивый ветхозаветный Господь. Страдаю, как Иов, подумал он. Его растили баптистом в Уэст-Йоркшире, и воскресная школа пустила корни.

Смешно совпало, что страдание и трудовая страда – похожие слова. Не очень смешно, если одно есть, а другого нет. Сократили за избыточностью.

– Прости, Винс, – сказал его босс Нил Ротчер. – Но сам понимаешь... – И пожал плечами: – Поглощение и все такое.

Несообразно, счел Винс, жать плечами, когда человек теряет средства к существованию.

– Как начинается консолидация активов, сокращения неизбежны, – сказал Ротчер. («Рифма – дрочер», – говорили все за его спиной. И правда. Дрочер и есть.)

А при этом Винса все, наоборот, любили – аж сияли, когда он входил, всегда ему радовались («Принести тебе кофе, Винс?», «Как там твоя дочурка, Винс? Эшли, кажется, да?»). В отличие от Венди, которая весь год и головы не поворачивала, когда Винс перешагивал порог. Была одна особенно приятная женщина, работала в йоркском офисе, Хэзер ее звали. Полненькая такая и всегда одевалась в лиловое – не сказать, что то и другое ее не красило. Всегда обнимала Винса и говорила: «Вы гляньте, кто пришел, – да неужто Винс?!» – словно это большой сюрприз.

– Я проработал в компании двадцать лет, – сказал Винс Ротчеру. – Это что, не считается? Вроде всегда было «первым пришел, последним ушел»? А не «первым пришел, первым ушел»?

А этот дрочер опять жмет плечами:

– Им, понимаешь, нужна свежая кровь. Молодые голодные ребята, чтоб готовы были кровью истекать ради компании.

– А я не истекал? Я весь истек! Я уже как жертва вампира после пира!

– Винс, не усложняй. – (Это почему еще?) – Получишь хорошее выходное пособие.

Хорошее, ага. Хрен там, думал Винс. На эти деньги и год не протянуть. Вселенная над ним насмехается. Безработный разведенный мужик под полтинник – есть ли на планете более низшие формы жизни? Год назад Винс был полноценным человеком – мужем, отцом, работником, – а теперь стал избыточен и сокращен во всех смыслах этого слова. Ошметок на дне

фритюрницы.

– Шевелись, Винс! – прервав эти размышления, грохнул в ушах голос Томми Холройда. – Тут люди от жажды помирают.

– Слышал новости? – невзначай спросил Томми, когда они сели за столик у окна с прекрасным видом на фервей. (Томми всегда доставался лучший столик – сотрудницы клуба его любили.) – Говорят, Кармоди выпускают. Ввиду особых обстоятельств.

– Господи, – сказал Винс. – Как ему это удалось?

– Из гуманизма. У него жена умирает. Якобы.

Томми и Энди переглянулись – Винс не понял, что означали эти переглядки. И Бассани, и Кармоди были членами «Бельведера». В клубе о них не поминали, но их призраки по-прежнему шныряли где-то в тених. Оба оставили по себе некое пятно, вопросительный знак на всем, к чему прикасались. И конечно, всю дорогу ходили слухи про третьего. «Кто-то из этих?» – гадал Винс, взглядом окидывая клуб, уже бурливший алкоголем и праздной болтовней самодовольных. Винс здесь и прежде чувствовал себя лишним, а теперь, докатившись до жизни такой, – тем более.

Обоим, и Бассани, и Кармоди, предъявляли чудовищные обвинения – в основном дело касалось несовершеннолетних, и от одной мысли о том, что творили эти двое, Винса мучило. Обвинениям несть числа – устраивали «вечеринки», куда-то «поставляли» детей, ездили за границу в свои «особые» заведения. «Черная записная книжечка» – имена судей, и банкиров, и полицейских. Сильных мира сего. Не говоря уж о коррупции – оба годами заседали в местных структурах власти. Почти ничего не доказано – только (только!) непристойные приставания к несовершеннолетним девочкам, детская проституция и владение детской порнографией. Хватило, чтоб их посадить, – во всяком случае, хватило, чтобы посадить Кармоди, поскольку Бассани повесился в тюрьме Армли. Кармоди признали виновным по всем эпизодам и отправили в Уэйкфилдскую тюрьму, а он все уверял, что чист. Ни тот ни другой содержимого черной записной книжечки не выдали, если такая вообще была.

– Я слышал, – сказал Томми, – Кармоди болен.

– Это кто тебе сказал? – спросил Энди.

– Птичка напела. Важная такая птица – отставной помощник главного констебля, ходит сюда выпить.

– Дылда, бородака гейская?

– Он самый. Сказал, Кармоди недолго осталось. У него УДО подходит

через несколько месяцев, а он хочет пораньше. Говорят, заключил сделку со следствием.

– Сделку? – рявкнул Энди. – Какую сделку?

– Не в курсах, – ответил Томми. – Может, выдаст имена.

– Чьи? – спросил Винс, стараясь не выпасть из разговора. – Типа этого третьего человека?

Томми и Энди повернулись к нему разом и уставились, будто увидели впервые за весь вечер. Пауза, а затем Томми рассмеялся:

– Третьего человека? Вроде фильм такой был, нет?^[38]

Томми и Энди снова переглянулись, исключив Винса напрочь. Друзья по-честному.

В ожидании героя^[39]

Вернувшись домой, Джексон тут же содрал с себя мокрое и бросил в стиральную машину, а потом залез в душ и открыл горячую воду до упора. Лето-то лето, но купание в Северном море вполне обеспечит гипотермию.

Приятно вернуться на твердую землю. Море – не его стихия, Джексону подавайте землю, а воду унесите. И в тепле коттеджа тоже приятно. В поленнице дрова, дверной косяк увит жимолостью. Коттедж стоял на территории поместья, которому уже сотни лет, – построено во времена, когда на этих землях обосновались норманны. Все ухожено. Джексону по душе. Кто бы мог подумать, что он окончит свои дни здесь. Не что чтобы они непременно окончены.

Коттедж отодвинут от моря на триста ярдов, уютится в глубине долинки, расселины в ландшафте, и от особо жестоких ветров спасен. С фасада вид на лес, зады прикрыты холмом. По долинке тек ручей. Порой на холме возникали коровы. Появление и исчезновение коров – загадка, над которой человек помоложе размышлял бы гораздо меньше Джексона.

Джексон жил здесь с весны, и ему нравилось – он даже подумывал задержаться на подольше. Если снегопад, нас отрезает от мира, поведал сосед, когда Джексон только въехал, – иногда целыми днями ни души. Заманчиво.

(– Затворничество, – сказала Джулия. – Прокурору больше сказать нечего.)

– Нормас? – спросил Натан, мельком глянув на Джексона, когда тот вошел в гостиную, полотенцем вытирая волосы.

Такая заботливость внушает надежды – значит они вырастили все-таки не социопата.

– Да. Спасибо, – ответил Джексон.

Натан сгорбился на диване – похоже, в чате сидел, – а по телевизору между тем шла какая-то телеигра, сложносочиненная и идиотская разом. («То есть как ты», – произнес у Джексона в голове голос Джулии.) Там носились какие-то люди, выраженные животными – курами, кроликами, белками с громадными бошками, – а какие-то другие люди орали, их подбадривая.

– Тем временем в Алеппо, – буркнул Джексон.

– Чего?

– Ничего, – вздохнул он.

– Это было круто, – продолжительно помолчав, сказал Натан.

– Что?

– Что ты сделал.

– Рабочие будни, – сказал Джексон, хотя сердце у него раздулось от гордости. Сын воздал почести отцу.

Составить мнение о чипсах Джулия позабыла, так что Джексон с Натаном весьма по-дружески умяли большой пакет «Кеттл» со сладким чили и сметаной и посмотрели, как гоняются друг за другом огромные белки и кролики. Если ты спас чью-то жизнь, думал Джексон, день хорош. Еще лучше – если остался в живых сам.

Летний сезон

Баркли Джек сидел у себя в гримерке, горстями размазывая базу «Риммел» по лицу. Прервавшись, угрюмо уставился в зеркало. Выглядит на свои годы? (Пятьдесят восемь.) Н-да, выглядит, на все пятьдесят восемь до последней минуты и даже старше. Баркли (настоящее имя Брайан Смит) пал духом. Желудок сделал сальто-мортале. Страх сцены? Или несвежий карри?

В гримерку постучали. Дверь осторожно приоткрылась, и внутрь всунулась голова Гарри. На сезон Баркли выделили «ассистента» – волонтера, школьника, который хотел «проникнуть в театр». Этой дорожкой ты в театр не проникнешь, солнце, думал Баркли. Гарри. Гарри Холройд. Имечко – словно у комика из немого кино. Или у эскаполога.

– Осталось десять минут, мистер Джек.

– Отъебись.

– Да, мистер Джек.

Гарри закрыл дверь и завис в коридоре. В следующем году он собирался подавать документы в Университет Сандерленда на киноведение и театроведение, поэтому решил, что работа в «Чертогах» – подходящий опыт, хорошо будет смотреться в анкете. И это, конечно, был *некий опыт* – только придя сюда, Гарри осознал, до чего наивна и оранжерейна была до сей поры его жизнь. «Чертоги» – название не совсем точное. Походить на чертоги меньше – это надо очень постараться.

По узкому коридору, балансируя на красных лаковых шпильках великанского размера, подплывал Соня Кристи. Сонни Кристи – хотя все его звали Соней – был здоровяк шести футов с гаком, сложенный как регбист на позиции форварда.

– К Соник^[40] отношения не имею, – весьма загадочно говорил он. – Меня зовут Соней с тех пор, как я был еще бебе.

По-настоящему его звали Клайв, но фамилия – взаправду Кристи. В афише Соня значился «женским пародистом», что доводило его до белого каления.

– Я им, блядь, кто? Дэнни Ля Рю?^[41] – говорил он Гарри.

Гарри понятия не имел, кто это, но нашел его – или ее – в древней телепрограмме «Старые добрые времена».

– Довольно... *странно*, – отчитался он Соне.

– Ой, мать, – отвечал Соня (он был из Ньюкасла), – это тебе еще Фанни Крэдок^[42] не попадалась.

В «Чертогах» программа была по мотивам восьмидесятых – эстрадное шоу, тоже, в общем, странное эхо «Старых добрых времен».

– Я дрэг-квин, ебанный же в рот, – сказал Соня. – Что им стоило так и написать?

Из любопытства Гарри отыскал «Королевские гонки РуПола» и обнаружил, что Соня, вопреки его заверениям, в перевертышном мире дрэга – персонаж весьма старомодный, скорее Лили Сэвидж^[43], чем РуПол. Само собой, отец, ни капли не интересовавшийся, что Гарри смотрит, ворвался к нему в комнату именно в этот момент.

– Господи боже, – сказал он. – А нельзя порнуху посмотреть, как все нормальные люди?

Сейчас Соня тралил глубины тугого корсета в поисках сигарет. Курить в театре строго-настрога воспрещалось – «спичечный коробок», вспыхнет в любой момент, по словам ассистента режиссера. В тех датчиках дыма, что все-таки были, давным-давно сели батарейки, а спринклеры за сценой навязчиво отсутствовали, и поэтому там противозаконно курили только так. Хуже всех были танцовщицы: дымили как паровозы в гримерке, в пожарном кошмаре лака для волос и полиэстера.

Соня протянул Гарри сигареты:

– Валяй, мать, не помрешь.

– Нет, не хочу, спасибо, – ответил Гарри.

Этот диалог повторялся примерно каждый вечер, и Гарри таскал в кармане спички, чтоб давать Соне прикуривать. Он... она, она, поправился Гарри, с сигаретами справлялась, а вот для поджига в костюме не было места.

– Слишком туго, – ворчал Соня. – Если еще чего туда запихать, трение такое будет, что берегись все живое. Не исключено самопроизвольное возгорание.

Гарри понимал, что Соня похабит каждым словом, но не всегда считывал двусмысленности. Станным образом, Соня отдавал Шекспиром. У Гарри в школе изучали гендерные превращения – «Сравните и сопоставьте мужские и женские роли в „Двенадцатой ночи“ и „Венецианском купце“».

Сонин номер Гарри изучал как Шекспира. Интересная драматургическая траектория (одно из любимых словечек мисс Рискинфилд). Сонин номер закрывал первое отделение и строился на

допущении, что он... она – оперная дива, визгливое сопрано, которой так и не выпало шанса спеть великую арию. (На сцене все было занятнее, чем в пересказе.) Первую половину Сониного номера зал ерзал, свистел и бубнил – многие приходили только на Баркли Джека, а не на громилу в туфлях.

– Но ты всегда их завоевываешь, – сказал Гарри Соне.

– Спасибо, мась, что разъяснил мне мой собственный номер, – ответил тот.

– Извини, – сказал Гарри, однако не отступил: – Но мне нравится, как ты это делаешь, – ты по правде смешная и, как бы это... безрассудная. – (Гарри и сам был не прочь научиться безрассудству.) – А к финалу... – («У-у, пупсик», – загадочно вставил Соня), – они тебе рукоплещут, как великому герою. Гениально.

Соня промышлял преобразованием, и Гарри это нравилось. Может, он тоже станет другим человеком, если поменяет имя? Как бы его звали, если б он прикинулся дрэг-квин? (Маловероятно, ему бы духу не хватило.)

– Гедда Гоблин?^[44] – предположил он. – Лин Олеум?

– Чутка невнятно, мась.

У Сони была знакомая дрэг-квин по имени Гиста Мин и другая, которую звали Мисс Сьонер, – явно ненастоящие имена. И еще одна, Анна Рексия – вообще ни в какие ворота. Как там Эми, интересно, – съела сэндвич с хумусом?

До того как отец женился на Кристал, ее звали Кристал Олмаз. Вроде не бывает таких имен. Кристал поведала Гарри по секрету, что это ее «сценический псевдоним».

– Ты выступала на сцене? – оживился Гарри.

– Ну так... – неопределенно ответила она.

Отец говорил, Кристал была гламурной моделью, «только топless», будто это достижение, причем скорее его, чем ее.

Не достижение, а унижение, утверждала Эмили. Эмили порой бывала резка в оценках, особенно в оценках Кристал. Называла ее «эрзац-женщина». Гарри и Эмили знакомы с детского сада – сопротивляться поздновато.

– Твоя мачеха – ну, не то чтобы икона феминизма, согласись.

– Да, но она хороший человек, – вяло отбивался Гарри.

И нельзя не восхититься тем, сколько труда она вкладывала в свою внешность – почти как Соня.

(– Выкуси, Донателла^[45], – высказался Соня, когда Гарри показал ему фотографию. Вообще-то, Гарри показывал Каррину, но Соню больше

заинтересовала Кристал, тоже затесавшаяся в кадр.)

Слово «эрзац» Гарри опознал – так говорила мисс Рискинфилд. Эмили ужасно обломается, когда узнает, что осенью мисс Рискинфилд не вернется в школу. Эмили была устрашающе умная. Читала «Улисса» и «Поминки по Финнегану» на каникулах «для развлечения». От шоу в «Чертогах» у нее бы волосы встали дыбом.

Кристал была умнее, чем полагала Эмили, – умнее, чем полагала сама. Например, круто, хотя и неохотно играла в шахматы, хотя всегда прикидывалась тупой. И надо нехило врубаться, чтобы переварить (скажем так) науку «чистого питания». Порой Кристал такое выдавала – можно подумать, защитила диплом по нутрициологии. «Понимаешь, Гарри, с витамином Б-двенадцать такая штука...» – и понеслась. Гарри считал, она «зажегши свечу, ставит ее под кровать»^[46] – так мисс Рискинфилд говорила про него самого на последнем родительском собрании в прошлом триместре.

– Кровать мисс Рискинфилд, – ухмыльнулся отец, вернувшись домой. – Глаз бы порадовался.

Отец порой кошмарно пошлил. Видимо, считал, что от этого Гарри станет мужчиной.

– А ты хочешь, мась? – спросил Соня. – Быть мужчиной? А то это удовольствие сильно преувеличивают, уверяю тебя.

– Может, Полли Эстер? – предложил Соне Гарри (его несло). – Или Мать Има Чех? Филлис Тайн! Хорошее, кстати. Тебе подойдет, ты же сама оттуда.

(– Ты больно увлекся дрэггом, Гарри, – сказала Эмили. – Культурная апроприация, имей в виду. – Вот это она явно почерпнула у мисс Рискинфилд.)

Из гримерки Баркли Джека донесся грохот (что-то упало), а затем рев (рассвирепел хозяин гримерки).

Соня сигаретой указал на дверь и спросил:

– Эта сволочь опять тебя мордует?

Гарри пожал плечами:

– Да ничего.

– Он бесится, потому что его больше не кажут по телику, – сказал Соня. – И вдобавок он жирный пиздюк.

Если бы отец Гарри услышал, какие слова произносит Соня, он бы Соне, наверное, врезал. Отец и сам произносил ужасные слова, ничем не лучше тех, что сыпались из Сониных пухлых губ, но это как будто не

считалось. Правила у отца были для других, особенно для Гарри.

– Потому что надо быть лучше, – объяснял отец. – Делай, что я говорю, а не что я делаю.

Гарри надеялся, что с Соней отец не повстречается никогда. Эти двое в одной комнате – не, в голове не укладывается.

Гарри опять постучался в гримерку и заорал:

– Две минуты, мистер Джек!

– Короче, будет тебе пакостить, – сказал Соня, вместе с Гарри выслушав сдобренный матерщиной ответ Баркли Джека, – напомни ему про Бридлингтон.

– Бридлингтон? – переспросил Гарри. – А что в Бридлингтоне?

– Что было, то сплыло, мась. Сам понимаешь – что было в Бриде, останется в Бриде^[47]. Если то есть тебе повезет.

Погасли огни после номера пары певцов, мужа с женой, некогда выступавших от Великобритании на «Евровидении» (и проигравших, ясен пень). Господи, подумал Баркли, как будто в прошлое вернулся. Да в общем, и не как будто – в афише они так и значились, «Привет из прошлого», то есть опивки телевидения семидесятых и восьмидесятых. Тогда Баркли нравились эти времена, сейчас уже не особо. Имеются танцовщицы, которые взбрыкивают в такт, и чревовещатель с курицей вместо «куклы» (зовут Коко) – этот некогда рыскал по душепагубным коридорам детского ТВ. Какая-то глэм-овая группа, которая выдала один хит – буквально один – и с тех пор так и выезжает на нем, сорок лет гастролируя по ностальгическим концертам. Фокусник – его прежде регулярно приглашали куда-то на телевидение... на ток-шоу? К Силле Блэк? Эстер Рантцен?^[48] Баркли забыл. Фокусник тоже. Все думали, он уже умер. («Вот и я так думал», – сказал фокусник.)

И понятно, распроклятый Соня Кристи – вертит жопой, как третьесортная дива на рождественской елке. Любой мужик сблюет. Театр хотел сварганить шоу для всей семьи, но власти предрержащие повелели предостерегать перед антрактом, что родителям детей, находящихся в зале, надлежит самим решать, стоит ли отпрыскам оставаться на второе отделение, потому как Баркли Джек «несколько скабрезен». Дирекция попросила его на дневных выступлениях «поумерить пыл». Сучары наглые, блядь. Баркли до лампочки – ясно же, что второй раз не придут. Все это шоу, весь этот сезон списаны в утиль, как реликвия Средних веков. И сам Баркли списан туда же.

Он возвысился. Он пал. Раньше не вылезал из телевизора, как-то раз

выиграл приз «зрительских симпатий». Получал от поклонников сотни писем в неделю, вел «Субботний вечер в „Лондонском палладиуме“», встречался с принцем Уэльским. Дважды. Одно время у него была своя телеигра на Ай-ти-ви. И недолговечная викторина на Пятом канале, когда они только открылись. Конкурсанты звезд с неба не хватало – им не давались даже простейшие вопросы на эрудицию. (Вопрос: Как звали Гитлера? Ответ: Хайль?)

И посмотрите на меня теперь, думал Баркли. Гнида придонная.

(– А чего ты хотел, Баркли? – сказал его менеджер Тревор. – Крэк и несовершеннолетние девочки. Дорога к искуплению может затянуться.

– Слухи, Тревор, – отвечал Баркли. – Ничего не доказано.

И это же было в семидесятых, господи боже мой. Тогда все так развлекались.)

Снова зажглись огни. Баркли чувствовал, как предвкушение вздымается жарким паром и наполняет зал. Толпа сегодня собралась буйная – по звукам судя, парочка девичников забрела. В том-то и дело – он по сей день популярен, дико популярен, если этот зал о чем-то нам говорит. Почему до телевизионщиков-то не доходит?

Баркли вышел на сцену и не спеша обозрел аудиторию. Желудок успокоился. Баркли похотливо поелозил бровью женщине перед сценой, и она, кажется, чуть не описалась.

– Как заманить к себе в постель жирную пташку? – крикнул Баркли зрителям в заднем ряду на балконе. Те уже хохотали – а он еще не добрался до ударного финала. – Да запросто! – заорал он. – Семечки!

Зрители его любят.

Сворачиваемся, господа

– Ну что, – сказал Энди, – пора домой, пожалуй, благоверная моя небось заждалась.

Томми сочувственно хмыкнул. Рода, жена Энди, обладала иной архитектурой, нежели Кристал, сконструированная по дизайн-проекту из бюро, где создавали богинь.

– Казалось бы, – как-то заметил Энди Винсу, когда Томми не было рядом, – если Кристал была гламурной моделью, ее голые фотки должны быть по всему интернету, а я аж обыскался и не нашел. Я думаю, наш Томми гонит.

– Ты искал?! – ужаснулся Винс.

– Ну а то. Скажи еще, что ты нет.

Винс – нет. Как можно? Это неуважительно. Он бы потом не смог смотреть на Кристал – всякий раз воображал бы ее голой.

– В этом как бы смысл, – сказал ему Энди.

Насельники «бельведерского» клубного бара нога за ногу расползались по домам. Блюдя действующее законодательство, Томми Холройд по телефону вызвал такси.

Энди, как водится, готов был рискнуть – тормознут так тормознут. «Бельведер» был вторым домом многим сотрудникам полиции, и они, скорее всего, закроют глаза на прегрешения Энди. Он предложил подбросить Винса до халупы, куда его выпихнула Венди, но Винс отказался.

Если ему суждено помереть – а Винс, честно говоря, не очень бы расстроился, – неохота помирать лицом в воздушную подушку «вольво» Энди Брэга. Бывает на свете и более подходящая обстановка – зарывшись лицом в обрамленное лиловым декольте Хэзер из Йорка, например. Винс прямо видел, как с головой погружается в ее шарообразные перси. *Вы гляньте, кто пришел, – да неужто Винс?!* А потом он бы...

Проезжая мимо, Энди Брэгг бибикнул. Притормозил, опустил окно над пассажирским сиденьем:

– Уверен, Винс? Может, все-таки подбросить?

– Не, не надо. Спасибо. Подышу чуток. Хороший вечер. Может, домой загляну, с собакой погуляю перед сном. Давно Светика не видел.

– Как хочешь, сквайр.

И Энди с ревом умчался в ночь. До его гостиницы «Спрут и сердцевидка» сорок минут езды, но Винс знал, что Энди постарается уложиться в полчаса.

«Спрут и сердцевидка». Пару лет назад Брэggi купили «Морской вид», сменили ему название и перезапустили как бутик-отель. («Бутик-люкс», – настаивала Рода.) Когда покупали, это была очень старомодная, очень банальная гостиница. Красно-синий узорчатый ковер, прокуренный линкруст, настенные светильники с бахромчатыми абажурами и лампочками-свечками. Все ободрали до каркаса, сделали семь спален с примыкающими ванными, все выкрасили в приглушенный серый, и голубой, и зеленый, отшкурили и побелили половицы. «Под кейп-код», – говорила Рода, хотя оба они на Кейп-Коде не бывали. Ради британского колорита называли номера в честь морских районов из судоходного прогноза – «Ланди», «Малин», «Кромарти», в таком духе. Обойдя странные типа Утсиры и Гебридов, которые смутно отдавали порнографией.

Собственно говоря, отель был детищем Роды. Энди отвечал за «тяжести», как Рода говорила, – на нем были поездки за продуктами мелким оптом и бесконечный ремонт по мелочи, не говоря об усмирении неудобных гостей. Энди умел умиротворять – мистер Конгениальность, иногда звала его Рода, хотя это, кажется, не всегда было комплиментом. Разрешение конфликтов – не самая сильная сторона Роды. Она лучше умела завязывать ссоры, чем унимать.

Прежнее турагентство, в честь владельца названное «Путешествия Энди», разорилось, и реинкарнацией своего бизнеса Энди управлял из дома – во всех документах имя Роды, а на вывеске анонимное «Экзотическое путешествие».

В туризме он работал очень давно – так давно, что лучше и не вспоминать. Оттрубил на подхвате в «Томасе Куке», потом открыл свой бизнес, работал за столом в чужом агентстве – он тогда в Бридлингтоне жил, – пока не наскреб денег на собственную витрину дальше по побережью. В те времена торговали в основном пакетными турами – две недели на Лансароте, в Алгарве или на Коста-Браве, в одной руке сжимаешь дорожные чеки, в другой бутылку лосьона от загара «Гавайский тропик».

Жизнь была простая. Люди нуждались в турагентах. А теперь турагентам кирдык – всех уморил интернет. Конкуренция зверская уже много лет, не будешь развиваться – не выживешь. И Энди развивался,

сосредоточивался на нишевых аспектах бизнеса – «обслуживании индивидуальных вкусов под заказ», как он сам описывал свой подход. Секс-туризм, по сути. Мужики катались в Таиланд, на Бали и Шри-Ланку, где снимали девчонок в барах, парней на пляжах, даже подыскивали себе жен, если приспичило. Теперь и эта ниша разделила участь всей смертной плоти, так сказать. Мужики катались сами, а от «Экзотического путешествия» осталось одно название. Бизнес Энди ушел в подполье. Нынче импорт поважнее экспорта. Рода бизнесом мужа не интересовалась, и, с учетом обстоятельств, оно и к лучшему.

Скользкая дорожка. Поначалу продаешь путевки «все включено» восемнадцатилетним, которым охота лета и света, а в итоге тебя насаживают на вилку и поджаривают, как булку. За грехи твои тяжкие. Энди знал, что его ждет. Его растили в строгости католицизма, его мать была религиозна до свирепости. Чтоб эту доску вытереть начисто, парой-тройкой «Аве Марий» не отделаешься.

Гостиница «Спрут и сердцевидка» стояла в деревне – уж какая ни на есть деревня, в основном-то здесь теперь на лето сдавали дома – нанизанные на обочины дороги или спрятанные повыше в долине (эти подороже). Никакого пошлого карнавала, как в других деревнях дальше по берегу, – ни игровых автоматов, ни рыбы с картошкой в киосках, ни аттракционов. Воздух не провонял фритюром и сахаром. Сюда приезжали люди с собаками – немолодые пенсионеры, экскурсанты-однодневки (увы) и молодые пары с маленькими детьми, алкавшие архаических пляжных отпусков с ведерками и совочками. «Отпуск по-домашнему» (Энди это выражение ненавидел). Кого ни возьми – отнюдь не идеальная клиентура «Спрута и сердцевидки». Гостиница, впрочем, имела лицензию, подавала «легкие обеды», что тоже на пользу, однако Энди предполагал, что в конце концов их сведет в могилу *Airbnb*. Да и ладно, бабла и так завались, в наличке Энди купался – жалко только, что всю эту наличку никак не объяснить Роде.

У Роды была тема с ракушками. Крупные завитые в ваннах, плоские раковины гребешков вместо мыльниц, ветроловки из раковин береговых улиток и крепидулид. Энди не отличал литорину от мидии. Подстилки на столах в столовой дорогие, на каждой ракушки, намалеваны в классическом стиле. Вполне уместно смотрелись бы в Помпеях. Посреди каждого стола красовалась крупная раковина. Рода самолично обклеила ракушками основания ламп из «Икеи». Энди считал, что Рода перегибает палку, но она прямо зациклилась на этих раковинах. В «ТК Макс» в «Метроцентре» Гейтсхеда нашла шторы для душа с ракушками (сойдет за

скороговорочку) и теперь подумывала заказать полотенца с вышитым логотипом гостиницы – ракушка над переплетенными буквами «СС». Энди переживал из-за нацистских подтекстов. Рода, сама по натуре отчасти штурмовик, считала, что он больно чувствительный – в чем Энди упрекали редко.

Он познакомился с Родой десять лет назад, когда она явилась к нему в агентство бронировать тур для одиноких на Фуэртевентуру. В городе была проездом – каталась по командировкам, работала на одну фармацевтическую компанию – и смотрелась грозно во многих смыслах, не в последнюю очередь габаритами. Носила тугой серый брючный костюм, сидевший на ней плохо (на ум внезапно приходило слово «круп»), и куталась в удушающую дымку «Диор Пуазон» и лака для волос «Элнетт». Забронировав ей тур и забрав депозит, Энди сказал:

– Такая роскошная женщина не должна быть одна.

Рода пренебрежительно рассмеялась, как некогда девчонки у Энди в школе. Подхватила тяжеленный черный саквояж с образцами и забралась в служебную машину. Однако наживка, видимо, сработала, потому что год спустя они уже проводили медовый месяц в гостинице на Крите, на что Энди получил огромную скидку.

Рода жила тогда в Лутоне («дыра дырой»), но родилась в Файли и с облегчением возвратилась на восточное побережье. Магнетическое притяжение севера.

– Как лосось на нересте, – говорила Рода. – Только я нереститься не собираюсь. Боже упаси.

У обоих это был второй брак, и детей Рода не хотела.

– Вообще-то, я думаю, поезд уже ушел, – говорила она без малейшего намека на сожаление.

Энди размышлял порой, каково быть отцом – видеть, как твоя ДНК расцветает в ребенке. Но с другой стороны, может, миру и на благо, что второго Энди Брэгга в нем не завелось.

Вместо ребенка у них была собака, ньюфаундленд Лотти ростом с пони: ее фотография висела на веб-сайте, как будто псина – один из плюсов гостиницы, но к гостям Лотти была стоически равнодушна. Энди и Рода проецировали на нее всевозможные эмоции, хотя выражение собачьей морды – эдакое непоколебимое бесстрашие – никогда не менялось. Энди считал, Лотти самое место за покерным столом. У нее была привычка перегораживать дорогу, точно крупный и безучастный предмет мебели. Лотти и Роду кое-что роднило.

Рода точно знала, чего хочет, – одно из лучших ее качеств. И одно из

худших, ясен пень. За успех «Спрута и сердцевидки» она готова была бороться – хоть накачивать проезжающих путников наркотой и заволакивать через порог. Прямо тигрица на охоте, думал Энди.

Когда он добрался до дома, парадная дверь была заперта – постояльцам выдавались ключи. Свой ключ Энди искал несколько минут, а по пьяни угодил им в замочную скважину отнюдь не с первой попытки. Он бы ни за что на свете не стал звонить и выдергивать Роду из постели – с недосыпа она свирепела. Я жаворонок, я не сова, говорила она. Роде до жаворонка – как до Китая раком.

Проникнуть внутрь Энди в конце концов удалось – в процессе он, правда, споткнулся о гигантскую раковину лямбиса, подпиравшую дверь прихожей.

Он миновал открытую дверь столовой, где уже было опрятно накрыто к завтраку. Крошечные баночки джемов и кетчупа – дорого, деньги на ветер, но, видимо, из таких вот штук и складывается «люкс». Высокий сезон, а заняты всего три спальни из семи. Поразительно, на что способен единственный негативный отзыв на *TripAdvisor*.

Пришлось огибать Лотти, крепко дрыхнувшую на площадке, после чего Энди на цыпочках поднялся на чердак, служивший офисом «Экзотическому путешествию». Постоял на пороге, послушал, не ворочается ли Рода в спальне внизу. Включил компьютер. Залогинился. На всем чердаке светился только экран, и Энди долго-долго смотрел в него, а затем вбил адрес сайта. «Гуглом» такие сайты не ищутся.

Украдкой куря на пороге, Кристал услышала, как на дорожку сворачивает машина. Сощурилась во тьму, сердце испуганно екнуло. Опять серебристый «БМВ»?

Вспыхнули лампочки датчика движения вдоль дорожки – подъезжало всего-навсего местное такси, Томми возвращался домой из «Бельведера».

– Елки, – буркнула Кристал, растирая сигарету подошвой.

Прыснула в рот освежителем, застыла на пороге в позе, больше уместной на подиуме, а когда Томми вылез из машины, сказала:

– Привет, милый. Хороший был день?

– Ага, отличный, – ответил Томми Холройд. – Выбил альбатроса.

Кристал нахмурилась. На ум не приходил сценарий, в котором из этого получился бы отличный день, особенно для альбатроса, но она сказала:

– Ой, какой ты молодчина. А я и не знала, что в Британии они водятся.

«Сойдетитак». «Семейный дом», как он теперь именовался юридическим языком Стива Меллорса. Голубиный отдел мозга привел сюда ноги на автомате. Может, Винсу удастся поговорить с Венди – пусть притормозит с разводом, чтоб он не потерял вообще все, особенно достоинство.

В доме горел свет – да блин, что ж такое-то, а? За электричество по-прежнему платил Винс. Венди могла бы немножко смилостивиться – хотя бы выключателем щелкнуть. У нее-то работа есть – на полставки, но прекрасно могла бы выйти на полную, зарабатывать побольше, а не обирать до нитки его. (И половину его пенсии заграбастает! Это что, справедливо?) Венди работала в администрации местного колледжа, хотя, придя с работы, так театрально валилась на диван, будто голыми руками уголь с утра до ночи разгребала. («Я вымоталась, Винс, принеси мне просекко, а?»)

Винс заглянул в окно с фасада, но в щелочку между шторами, с палец толщиной, ничего не увидел. Вряд ли Венди там с новым мужиком – она бы наверняка миловалась в постели при мягком свете лампы или великодушном огоньке свечи, а не под жарящей на всю катушку пятирожковой люстрой из «Бритиш хоум сторс». Универмаг, может, и разорился, а их осветительные приборы доблестно тянули лямку. Вечер субботы, – не исключено, что Венди умотала в город и ушла в загул.

Винс прижался лбом к холодному стеклу. В доме стояла мертвая тишина. Ни щебета телевизора, ни истерического тьяканья Светика.

– Винс!

Винс отпрыгнул от окна – а, нет, это всего лишь сосед Бенни. Бывший сосед.

– Друг, ты нормально?

– Хотел вот старые владения навестить.

– Мы тут по тебе скучаем.

– Да, я тоже по себе скучаю, – сказал Винс.

– Как дела-то? – спросил Бенни, участливо скривившись, точно врач перед смертельно больным пациентом.

– Да так, – ответил Винс, выжимая из себя добродушие, – не жалуясь. – Столкновение с Венди ему уже не улыбалось, поэтому он прибавил: – Пойду, пожалуй. Увидимся.

– Ага, увидимся.

Винс заполз под затхлые простыни. Да, все-таки есть кое-что презреннее почти уже разведенного мужчины средних лет, который

покупает рыбу к ужину в одно лицо, – почти уже разведенный мужчина средних лет, который тащит сумку грязного белья в прачечную самообслуживания. Служебная машина испарилась вместе со службой, собака – вместе с браком, а стиральная машина – вместе с домом. Любопытно, что еще у него отнимут.

Винс лежал без сна, пялясь в потолок. Только что опустели пабы – слишком шумно, не уснуть. Нервы трепал гром игровых автоматов в галерее Кармоди через дорогу. Галереей управляло все то же семейство. Каждый раз, проходя мимо, Винс видел жилистую дочь Кармоди – сидит в будке размена и, похоже, со скуки вот-вот окочурится. Раньше все это называлось «империей» Кармоди – потому только, что у него была не одна галерея и не в одном городе. Из четырех галерей империи не склепать, считал Винс. И где теперь тот Кармоди? Низложенным императором гниет в какой-то тюрьме. «Взгляните на мои великие деянья, владыки всех времен, всех стран и всех морей!»^[49] Стих Винс выучил в школе. Память у него прекрасная – что проклятье, а не дар. Кармоди правда выдаст имена? Низложит еще каких-нибудь императоров? Или только их лакеев?

Винс устал как собака, но сегодня, как и почти всякую ночь с переезда, сон ему, вероятно, предстоит мучительный и беспокойный. Обычно распорядок был такой: едва Винсу удавалось позабыть свои невзгоды и закемарить, его бесцеремонно будили чайки, исполнявшие ежеутреннюю чечетку на голландской черепице прямо у него над головой.

Винс вздохнул. Он уже скрепя сердце примирялся с мыслью, что, если не проснется, слез никто лить не будет. Да он и сам-то вряд ли огорчится. Упади он со скалы, как Лесли Холройд, на том месте, наверное, не появится даже букета сохлых цветов. По щеке скатилась слеза. Мне очень грустно, подумал Винс. Я очень грустный человек. Может, пора уже сворачивать эту лавочку.

Бис

– Как заделать ребенка монахине?

Финала этой шутки Гарри никогда не слушал, потому что ее зачин, раздававшийся из динамика за сценой, был сигналом ему: осталось пять минут, надо подготовиться, сейчас Баркли Джек выйдет со сцены за левые кулисы. Не преследуемый никаким медведем^[50]. Баркли Джек и сам медведь. Едва уйдя со сцены, он требовал сигарету и джин – три кубика льда, плеснуть тоника. («И я говорю – плеснуть, пацан. Чтоб тоник только

помахал джинну издали, усек?») Еще Гарри готовил ему чистое полотенце – утереть пот с лица (и плечи) и салфетки для удаления грима. После этого Баркли неизменно требовался бургер. За бургером Гарри уже сбегал, и бургер разогревался в микроволновке, которую танцовщицы поставили у себя в гримерной, где без малейшего стеснения ходили полуголыми. («Гарри, застегни меня, будь добр?») Он для них был как щенок – занятный и ужасно милый, но совершенно бесполой. Иногда они снились ему ночами, но это были нехорошие сны.

Они уже строились за кулисами, готовясь к финалу. На поклоны сетовали все, особенно танцовщицы, потому что это был не финал, а черт-те что, приходилось околачиваться за кулисами чуть не все второе отделение, только чтобы поклониться после десятисекундного канкана. На этом настоял Баркли Джек – он, мол, не желает под конец торчать на сцене один-одинешенек, будто у него ни единого друга на свете нет.

– Но у тебя и нет ни единого друга на свете, Баркли, – сказал ему Соня.

Гарри за кулисами затесался в стайку девушек (женщин, вообще-то), которые толкались, точно стая гигантских беспокойных птиц, и плющили его мускулистыми ногами в чулках-сеточках – не только плюмажи головных уборов, хвосты и длиннющие ресницы (почти не уступавшие Сониным) наводили на мысль о страусах. Попахивало от них несвежим, потому что костюмы отправляли в химчистку всего раз в неделю. Они пользовались лаком для волос и гримом промышленных мощностей – то и другое отдавало какой-то странной химией, похожей на озон.

– Потому что мужик возьмет и пойдет искать мячик! – заорал Баркли Джек.

Тут наоборот – Гарри никогда не слышал первой фразы анекдота, да и не больно-то хотелось. Одна танцовщица презрительно фыркнула, хотя слышала номер уже десятки раз – программа у Баркли повторялась из вечера в вечер, без изменений, без вариаций. А реплики из зала он ненавидел, потому что ему нечем было остроумно парировать. Смешно, думал Гарри, что у комика так мало чувства юмора. Вот Гарри анекдоты любил. Знал их целую кучу.

(– Ну, давай рассмеши меня, – сказал Баркли.

– Из какого сыра делают лошадиные шоры?

– Не знаю.

– Маскарпоне. Дошло, да? Маска пони.

– Господи, пацан, менять карьеру тебе пока не стоит.)

Остался только анекдот про салат айсберг, и на этом все. Даже из-за кулис было видно, что лицо у Баркли Джека все в бисеринах пота. На вид

совсем больной. Соня в полном блестящем обмундировании подмигнул Гарри из-за противоположных кулис и наставил на Баркли Джека средний палец. Соня на афише значился вторым и закрывал первое отделение. Сегодня получил стоячую овацию: его номер завершился таким крещендо, что зрители повскакали – ничего не могли с собой поделаться. Всякий раз, когда Соню встречали хорошо, Баркли Джек кипел.

– Человек заходит к врачу в кабинет, а у него из жопы болтается лист салата айсберг! – завопил Баркли. – Врач ему говорит: «Дайте-ка я погляжу, снимите штаны и наклонитесь. Хм, – говорит он, – вижу. Похоже, у вас проблема». А человек ему отвечает: «Это, доктор, только верхушка айсберга».

Зал одобрительно взревел.

– На этом все, ребята. Дамы и господа, вы просто охуенная аудитория, надеюсь, скоро увидимся.

Баркли Джек удалился под бурные аплодисменты, а затем изобразил пируэт за кулисами, вернулся на сцену и поклонился. Огни погасили до того, как он удалился второй раз, – насладиться овацией ему не дали. Гарри знал, что позднее ассистент режиссера схлопочет за это по рогам.

Гарри посмотрел, как улыбочивое сценическое дружелюбие Баркли Джека сменилось гримасой.

– Тащи выпить, – проворчал он. – И шевели поршнями.

– Да, мистер Джек.

ЧБСММ?

Джексон тупил в телефон. Мессенджер открыт, но сообщений Джексону никто не прислал. В гостиной коттеджа стояло два дивана – один занял Джексон, на другом храпела Царица Карфагена. По-прежнему работал телевизор, какой-то канал для бессонного старичья, где крутили старые детективные сериалы – вероятно, потому, что они дешевы. Древний эпизод «Чисто английских убийств» уступил раннему эпизоду «Балкера». Джексон бдел на случай появления Джулии. Мелькнула она мимоходом. В морге держала на ладони подобие человеческого сердца. («Здоровый мужчина, – сказала она. – Никаких симптомов сердечных заболеваний».) Где-то здесь крылась метафора, но Джексон не уловил. Его сердце тоже у Джулии в руках? (А сам-то он мужчина здоровый?)

С тех пор как Джексон поселился здесь и стал видаться с ней регулярно – поскольку бесконечно завозил Натана или забирал Натана, – у них на

двоих сложилась уютная рутина.

– Как надеть старые тапочки, – сказала Джулия.

– Вот спасибо-то, – сказал Джексон. – Всегда хотел услышать это от женщины.

Поцеловались они один раз – нет, дважды, – но дальше дело не зашло, и один раз был на Рождество, так что не считается.

Джексону наконец-то удалось услать Натана в постель: каждый вечер одна и та же тягомотная свара – «Ну почему-у? Я не хочу спать», повторяемое до бесконечности в надежде вымотать Джексона до состояния безразличия. Джексон сходил пожелать ему доброй ночи и из страха отвержения подавил порыв обнять сына. Надо быть с ним ближе, как Джулия. («Придержи его, а?») Натан, наверное, еще не спит, снэпчатится в серебристом свете луны. Сегодня, правда, луна скорее золотистая, жирная и круглая, царит во тьме ночной над лесом. Шторы Джексон не закрыл, и ему было видно, как луна всползает по небу за окном. Заухала сова. До приезда сюда Джексон думал, что совы ухают музыкально, сказочно – *цвик-та-уху*, – но эта ухала, как старик с застарелым кашлем курильщика.

Зазвонил телефон. Джексон вздохнул. Только один человек звонил ему в такую поздноту.

– Уже лежал? Рассказывать тебе сказку? На ночь? – промурлыкала Татьяна.

Было бы мило, если б она хоть иногда бросала изображать оператора службы секса по телефону. И нет, Джексон ни разу в жизни не звонил в службу секса по телефону, однако ему всегда воображалось, что на линиях сидят (или что они там делают) не Татьяны этого мира, а задерганные, но прагматичные женщины, чьи-то матери, которые, грязным языком треплясь с незримыми клиентами, разбирают футбольную форму сыновей или помешивают соус для спагетти к ужину. Немолодые женщины, которые зарабатывают прибавку к пенсии, вполглаза посматривая «Обратный отсчет»^[51] с выключенным звуком и притворяясь, будто бьются в экстазе.

– Нет, я не лег, – сказал Джексон. Даже если б лег, все бы отрицал. Иначе разговаривать с Татьяной невозможно – чувствуешь себя уязвимым и каким-то бесполом. – Рассказывай давай, что было, – прибавил он. – Все нормально?

– Все ажур.

– Ты где?

– Такси. Недавно «Мальмезон». Робби – такой озорник.

Порой – да что уж там, часто – у Джексона складывалось впечатление,

что Татьяна прекрасно умеет правильно использовать глаголы, и предлоги, и все прочие детали грамматики, однако нарочно изображает комическую русскую.

– Познакомилась бар гостиницы и говорила: «Покупаешь даме пить?» – а после пить говорила, что меня номер здесь, он хочет подняться? А он говорил *да*. Я говорила: «Ты имеешь подругу?»

– А он что говорил?

– Нет. Говорил, он одинок и на свободе.

– Свободен, – поправил Джексон. – На диктофон записала?

– Да. Не волноваться.

Может, волноваться стоит? Его работа – защищать женщин (да, именно так), а не платить им за то, что подставляются. Вдруг она из-за Джексона угодит в беду? Таких женщин, правда, днем с огнем не сыскать, она же из Сибири, этими своими шелкунчиковыми бедрами человеку голову расколлет как орех.

По бумагам Татьяна нигде не проходила, хотя Джексон готов был платить ей, а потом платить налоги из текущих доходов, и страховку, и что там еще по закону требуется, но Татьяна русская, а «русская» – синоним налички. Нет на свете таких клише, которые Татьяна не умела воплотить в жизнь. Иногда Джексон воображал, как в один прекрасный день выяснится, что она не из Сибири вовсе, а родилась, допустим, в Скандинавии или Скотланде, торговала хлебом в «Грегсе», а потом решила начать жизнь с нуля.

– Бедняжка подружка... как ее, не помню.

– Дженна, – подсказал Джексон. – Прекрасно ты помнишь, как ее.

– Больше нет свадебных колоколов.

Способности к сопереживанию Татьяна была начисто лишена. Из нее вышел бы идеальный киллер. Собственно говоря, Джексон не удивился бы, если киллером она и подхалтуривала.

– Где он сейчас? – спросил Джексон. – Робби?

– Номер гостиницы, ждать меня. Ха. Долго ждать. Я домой.

Джексон понятия не имел, где она живет. «Домой» – слишком уютное для нее слово. Проще вообразить, как она таится в лесной берлоге или возлежит на суку, даже во сне приоткрыв один глаз, готовая обрушиться на простодушную жертву, – но нет, Татьяна полна сюрпризов.

– Выпить горячий шоколад, посмотреть старую «Марпл», – сказала она.

Дав отбой, Джексон вдруг вспомнил девочку с Эспланады. И рюкзак с радугами и единорогом, и как она шустро нырнула в «пежо» и исчезла. Накатила вина. У Джексона еще остались связи в полиции. Завтра

поспрашивает, не пропадали ли какие девочки, – и, может, кто-нибудь вытянет размытый номер на фотографии. Стыдно, что забыл про девочку, но день выдался нелегкий.

И Джексона по-прежнему донимал Баркли Джек – рвался с якоря, что приковал его к заброшенным донным отложениям в глубинах памяти. А, ну да. Как-то раз Баркли Джек выступал в пользу «Британия вперед»^[52]. Логично.

По телевизору мисс Марпл обезглавливала увядшие розы у себя в Сент-Мэри-Мид. А вот она бы как поступила насчет девочки? От этой мысли Джексона отвлек телефонный глашатай – тихонький «динь». Пришло сообщение.

ЮЭН: Хай. Как? хор?

ХЛОИ: Хор. Ты?

ЮЭН: Такоэ? Слуш, тебе 14?

ХЛОИ: 13.

ЮЭН: Не верю.

ХЛОИ: Лол мне тож жалко.

ЮЭН: Кста. Шли фотки. Без одежды, плз?!

ХЛОИ: Не зна. А ты

– Пап?

Бл-лядь. Джексон поспешно напечатал:

ХЛОИ: Бб. Род.

ЮЭН: Пок.

Натан ухмыльнулся:

– Порнуху смотрел?

– Ха-ха, ага. Работал, вообще-то, секретные дела.

Что правда – это была работа. Тоже медовая приманка. Джексон прикидывался девочкой Хлои, и было это адски трудно, как он и предполагал, когда взялся за эту работенку.

– Чего не спишь?

– Не могу. Там снаружи шумят.

– Это сова.

– И, по-моему, кто-то кричал.

– Лиса. Снаружи джунгли, сын мой.

Дарси Сли

Неприметный серый хэтчбек плавно затормозил на темной улице под удачно перегоревшим фонарем. Двигатель заглушили, водитель – немногим приметнее «пежо» – вышел и глухо стукнул дверцей. Открылась пассажирская дверь, и из машины вылезла девочка. Водитель подождал на тротуаре, когда она достанет рюкзак из-под сиденья. Маленькие радуги в темноте посерели, а единорог почти совсем растворился. Девочка закрыла дверцу и услышала тихий «чирик» – хэтчбек заперли. Водитель шагнул вперед нее, обернулся, и улыбнулся, и сказал:

– Нам сюда, пошли.

Приблизился к дому, уже держа наготове ключ. Дарси на миг замялась. Что-то подсказывало: надо бежать, но Дарси было всего тринадцать, она еще не умела прислушиваться к инстинктам, поэтому забросила рюкзак на плечо и следом за водителем хэтчбека вошла в дом.

Прочесываем пляж

Джексон повел Дидону свершать традиционный утренний моцион. Когда уходил, Натан спал. Большой пацан, его ведь уже можно оставлять одного? Закону не противоречит, и вообще, Джексон зуб дает, что, когда вернется, Натан будет дрыхнуть без задних ног. Когда Джексону было тринадцать... он почти расслышал, как Джулия вздыхает заранее, что бы он дальше ни подумал, поэтому сдался, отпустил мысль на волю, и она погрузилась на дно памяти к другим обломкам. Через минутку Джексон вернется домой, вышибет Натана из постельки, накормит завтраком, а потом отвезет и его, и собаку к Джулии. Двадцать четыре часа свободы.

Он швырнул Дидоне мячик, легонько и недалеко – так собака не забудет, что она все-таки собака, но и заржавевшие бедренные суставы у нее не заклинит. Дидона неуклюже зарысила прочь, потом вернулась и уронила мячик к его ногам. Весь в слюнях и песке – Джексон мысленно сделал зарубку: надо купить такую штуковину, чтобы мяч запустать.

На пляже в этот час было довольно пустынно – только Джексон и сборище ранних пташек с питомцами. Друг друга они приветствовали бормотанием – «утро» или «хорошее утро» (с чем не поспоришь). Собаки выказывали больше воодушевления – обнюхивали друг другу причиндалы, как настоящие ценители. Слава богу, владельцам так не надо.

Отсюда виднелся Уитби – две мили к югу по берегу, остов аббатства на вершине скалы. Явно отлив. Пляж был чист и поблескивал в утреннем солнце. Каждое утро – обещание, подумал Джексон и укорил себя за то, что словно открытку вслух зачитал. Нет, не открытку – он эту надпись видел в лавке Пенни Рулькин, в «Кладезе», на крашеной деревянной вывеске. У Пенни Рулькин их были горы – «Осторожно: дети на свободном выгуле», «Считай воспоминания, а не калории» (принцип, который она соблюдала и сама, с такой-то талией), не говоря уж о вездесущем «Сохраняй спокойствие и делай дело» – банальный совет, который у Джексона вызывал особо острый разлив желчи.

Чуть подальше море что-то оставило на берегу. Дидона окунала лапы в воду – деликатно, точно вдовствующая аристократка в лодочке гребет, – и принюхивалась. Вроде рюкзак. Джексон подозвал Дидону – он не любил брошенных рюкзаков, даже если они, судя по виду, заночевали в море. Подошел ближе, и сердце екнуло. Рюкзак промок насквозь и потемнел, но по-прежнему видны были маленькие радуги. И единорог.

– Бл-лядь, – сказал Джексон Дидоне.

Та ответила сочувственным, хоть и непонимающим взглядом.

– Я когда-то был полицейским.

– Да, все так говорят, – ответил дежурный.

– Серьезно?

Что, правда? И какие это «все»? Люди, которые заявляются в отдел полиции и уверяют, будто случилось плохое, чем Джексон занимался последние десять минут – и результата пока не добился.

– Я правда был полицейским! – возмутился он. – Служил в полиции Кембриджшира. А теперь я частный детектив. У меня есть лицензия, – прибавил он. И сам счел, что вышло неубедительно.

Радужно-единорожий рюкзак он забрал с собой в коттедж и обследовал, пока Натан забрасывал в рот «Хрустящие ореховые хлопья», словно кочегар – уголь в печи «Титаника». Хлопья фигурировали в запретном списке, но где гранола, когда она так нужна?

– Матери не говори, – сказал ему Джексон.

– Это что такое? Фу, блин.

– Не «фу, блин», а просто мокрое.

Рюкзак уже подсох – последний час он болтался на ручке плиты «Ага». Джексон обзавелся «Агой», ага. И «Ага» Джексону по душе. Более мужественный предмет, нежели ему некогда внушали.

– Не узнаёшь?

– Неа.

– Вчерашняя девочка – которая на Эспланаде голосовала?

Натан пожал плечами:

– Ну типа. Про которую ты *думал*, что она голосовала.

– Она, да. У нее был точно такой же. Слишком мощное совпадение.

В совпадения Джексон не верил. «Совпадение – просто объяснение, которое ждет удобного случая» – одна из его мантр. А также: «Накопишь совпадения – получишь вероятность», – это он позаимствовал из старого эпизода «Закона и порядка».

– Как он в море-то угодил? – озадачился Джексон.

– Без понятия, – ответил Натан.

Даже Дидона включается в разговор охотнее.

– Вот и я, – сказал Джексон. – Но что-то тут нечисто.

Джексон впервые увидел этого единорога в Скарборо, в двадцати милях к югу. Течение в такую даль уволокло? Или рюкзак потеряли – либо выбросили за борт – где-то поблизости? Ветры, и приливы, и течения –

двигатели мира, так? А Джексон в них – ни в зуб ногой.

«Девочка с единорожьим рюкзаком». Как эти скандинавские нуары, которых он не читал. Ему не нравилось – слишком мрачно и путано или слишком грустно. Детективы должны быть бодрые и нереалистичные, хотя, если честно, Джексон теперь не читал почти ничего, ни в каком жанре. Жизнь слишком коротка, а «Нетфликс» слишком хорош.

Рюкзак с единорогом никаких подсказок не выдал. Ни кошелек, ни хотя бы расчески или промокшего билета на автобус.

– Отнесу потом в полицию, – сказал Джексон Натану.

В округе полицейского отдела не было. Только долина, лес, магазин и череда коттеджей для работников поместья и отпускников. Иногда коровы. И некое подобие гостиницы – «Спрут и сердцевидка». Джексон однажды так себе пообедал с Джулией и Натаном в саду. Запеченная рыба, финиковые пирожные, в таком духе. Подавали в специальных керамических тарелках.

– Из холодильника в микроволновку, – пренебрежительно прокомментировала Джулия, хотя это довольно точно описывало ее собственную кухню.

– О'кей, – пожал плечами Натан, не заинтересовавшись ни бытием, ни исходом единорожьего рюкзака.

У него самого рюкзак был огромный, с громадной галкой «Найки». Даже чехол на телефоне с логотипами. Мальчики-подростки жили, как рекламные щиты-сэндвичи, с ног до головы покрывали себя бесплатной рекламой корпоративных зол. Куда ушла индивидуальность? – вопрошал Джексон.

(– Ой, завязывай уже со своим Отпеванием Обреченной Юности^[53], – посоветовала Джулия.)

– Давай доедай, – сказал Джексон. – Пора ехать.

– Минуту.

– Пора.

– Минуту! Надо еще вот чего.

Он инстил свои хлопья. Нет, вообще-то, фотографировал он себя, а хлопья просто попали в кадр. Мальчики-подростки не фотографируют свою еду, это не круто, так делают все решительно некрутые Гэри и Кёрсти этого мира – щелкают каждое проплывающее перед носом блюдо. Ягненок по-кандагарски в «Бенгальском кафе» на Меррион-уэй. Пад-тай с курицей в «Чаопхрайя». Кёрсти и ее любимый коктейль – лаймовый дайкири – в «Харви Николз». Из дайкири фотограф лучше, чем из Кёрсти. Несколько лет назад Джексон ездил отдохнуть в Южную Африку (долгая история), и

женщина, которая ездила с ним (история еще дольше), называла свой излюбленный дайкири так, что ни один бармен не понимал, – с ее густым акцентом выходило «дакере». Женщина эта была закоренелой жительницей региона не с той стороны Пеннин, и над поездкой с первого дня тяготело проклятие. Немалую свою жажду эта женщина утолила, в итоге научившись коммуницировать, произнося «дайкири» правильно, – спасибо Джексону, включившему неpolitкорректность. («Что такое вечер одинокой лесбиянки? Дайк. Кир». Женский суд ему еще долго это припоминал.)

Сам Джексон в рот бы не взял столь легкомысленное пойло. Односолодовый без льда, пинта «Блэк шип», временами «Рикар» или «Перно».

Кёрсти всю свою еду и все напитки вываливала в закрытый инстаграм-аккаунт в ложной уверенности, что Пенни Рувкин никогда не увидит. «Булочки с корицей, „У Бетти“, сад Харлоу-Карр – мням!» («Булочки-убийцы», называла их Джулия.)

– Не бывает ничего личного, – сказал Джексон помощник Сэм Тиллинг: юный детектив не только брал на себя занудство наружки, но вдобавок был юным волшебником – не а-ля Гарри Поттер (хотя, сколь это ни прискорбно для его романтической жизни, на Поттера он немного смахивал), а просто в компьютерах шарил так, как Джексону и не снилось.

– Он же себя в могилу сведет, – сказала Пенни Рувкин, листая фотографии, когда Джексон в прошлый раз заехал в «Кладезь».

В кадр попала рука Гэри с обручальным кольцом – она тянулась к кремовому пирожному. У Гэри сахарный диабет. Второго типа, предположил Джексон, – так человечество и окончит свои дни, в сахарном цунами и висцеральном жире, – но нет, сказала верная супруга, первый тип.

– Весь джентльменский набор, каждый день инъекции инсулина. – (О которых приходилось ему напоминать.) – Он из тех, кого нужно усыновить, – пояснила Пенни.

Интересно, а Кёрсти знает? Потчевала бы его булочками с корицей, если б знала? Усыновила бы его? Что-то не верится.

– Пошли, – сказал Джексон Натану.

– Минуту.

– Потому что селфиться – это типа важно, – съязвил Джексон.

– Ага. Важно.

(– Ты не можешь навязать ему свои ценности, – сказала Джулия.)

Я могу, елки зеленые, попытаться, подумал Джексон. Это моя работа –

из мальчика сделать мужчину.)

Надо, пожалуй, сказать спасибо, что Джексон не должен каждое утро со скандалом выпирать сына в школу. И что Натан не залазит в чужие машины, которые потом увозят его в ночь. Джексон установил сыну на телефон GPS-трекер, но, если б мог, вставил бы ему чип в загривок. Даже изучил вопрос, но выяснилось, что задачка мудреная: нужно приемник вживлять и плюс еще громоздкий батарейный блок. Натан, вероятно, не обрадуется.

Джексон отконвоировал личный состав до машины – Натана на пассажирское сиденье, Дидону на заднее. Хорошо бы собаку можно было пристегнуть. Дидона сидела очень прямо, точно зоркий второй пилот, что выглядывает опасность, но если резко дать по тормозам, ее катапультирует в ветровое стекло, как булыгу. Пустой единорожий рюкзак Джексон кинул в багажник.

Заводя двигатель, спросил Натана:

– Музыку включим? – но тот возопил быстрее, чем успеешь произнести «плейлист»:

– Пап, ну пожалуйста, ты такое унылое говно вечно слушаешь.

Сошлись на «Радио-2» – немалый компромисс со стороны Натана.

В «Краун-Спа», в вестибюле поджидая Джулию, Джексон науглил местонахождение ближайшего отдела полиции.

– Двое моих любимых людей! – вскричала Джулия, появившись.

Было очень приятно, пока до Джексона не дошло, что это она про Натана и Дидону.

– Собаки – не люди, – сказал Джексон.

– Еще какие люди, – ответила она. – Хорошие планы на свободный день?

– Охота на единорогов.

– Замечательно, – сказала Джулия, и так он понял, что она не слушает.

В последнее время Джексон отмечал, что его не слушает все больше народу.

– Но вы же можете мне сказать, не пропадали ли девочки за последние сутки? – упрямо допрашивал он дежурного.

– Нет, сэр, я не могу вам сказать, – отвечал тот.

На Джексона он даже не смотрел – сидел за столом и подчеркнуто возился с писаниной.

– «Нет, девочки не пропадали» или «Нет, вы не скажете, даже если

пропадали»?

– Именно так.

– Что – девочки не пропадали?

– Девочки не пропадали, – вздохнул дежурный. – А теперь вы пойдете «расследовать» куда-нибудь отсюда подальше?

– И на Эспланаде нет камер, которые могли снять, как девочка садится в машину?

– Нет.

– Нет записей или нет камер?

Камеры – они же повсюду. В Великобритании шагу не ступишь – везде всё снимают. Красота.

– И то и другое.

– И вы не пробьете по базе номер машины?

– Нет, сэр, но уже подумываю задержать вас за то, что впустую тратите мое время.

– Ничего не подумываете, – ответил Джексон. – Слишком много писанины.

Дежурный, как ни отбивался, рюкзак все же забрал – пообещал записать в «потерянное имущество».

– За ним никто не придет, – сказал Джексон.

– Тогда, сэр, оставьте свое имя и адрес, и если никто не обратится, через полгода получите назад.

Джексон сфотографировал рюкзак еще в коттедже – он нынче фотографировал все подряд: вдруг понадобятся улики, никогда ведь не знаешь. И все равно отдавать не хотелось: рюкзак – единственная осязаемая связь с неуловимой девочкой, а теперь и он растворится где-то во тьме хранилища.

Джексон сел в «тойоту» и покатил обратно вдоль побережья. Назад на ранчо, прикидывал он, звякнуть кое-кому, стребовать старые долги, попросить помощи. Освободившись от музыкальных предрассудков Натана, он полистал свой плейлист и поставил Лори Маккенну. Ему всегда казалось, что Лори поняла бы его меланхолическую жилку. «Увечу тебя»^[54], – пела она. Люди только тем всю жизнь и заняты, нет? Так или иначе.

Джексон вздохнул. День не успел особо раскочегариться, но обещал уже меньше прежнего. В лавке Пенни Рулькин для таких обстоятельств подходящей таблички не найти.

Дама с собачкой

Диспетчерская удивила – позвонила, спросила, не уехали ли они с А165.

– Еще тут, – сказала Ронни. – Только проехали Бёрнистон-роуд.

– Тогда разворачивайтесь и дуйте на запад. Сообщают, что убийство. А у нас тут в городе затык – заезжие байкеры, молодежные беспорядки, не разбери-поймешь. Вы ближе всех.

Ронни и Реджи переглянулись – брови-губы скачут, глаза выпучились. Иногда у них как будто телепатическая связь. Ронни рьяно вбила адрес в навигатор.

– Из особого тяжа скоро приедут, но подержите оборону, пока они не доберутся?

Им двоим полагалось обеспечить неприкосновенность места преступления, не более того. Это же все-таки не их территория.

– Без проблем, едем.

Они ухмыльнулись друг другу и врубили мигалку с сиреной. Реджи поправила солнечные очки на носу, осмотрелась и поддала скорости. Водила она аккуратно. Мягко говоря.

– Мать честная, – сказала она, старательно изображая Таггарта^[55]. – Произошло убийство.

– Чё? – переспросила Ронни.

Если по-честному – а они почти всегда предпочитали по-честному, – Ронни и Реджи признались бы, что чуток нервничают. Обе видели немало смертей – наркота, бухло, пожары, утопления, суициды, – но прямо-таки убийств им особо не попадалось.

В службу 999 позвонил некто Лео Паркер, арборист, который прибыл на территорию «свалить ствол» (на слух Реджи, больше похоже на мафиозную разборку). А обнаружил тело – на газоне лежала женщина. Свалили, подумала Реджи.

– Больше ничего не знаем, – сказала диспетчерская. – Все «скорые» застряли на этом крупном инциденте, но человек, который позвонил, уверял, что женщина мертва.

На подъезде к бунгалю стоял фургон с надписью «Лучезарное лесоводство» на боку, а перед ним припарковалась огромная машина – видимо, рубильная. По виду – не подавится, если скормить ей дерево. Или, если уж на то пошло, труп.

На пассажирском сиденье фургона сидел и курил мужчина, бледный

как полотно (Реджи обожала это выражение).

– Мистер Паркер? – спросила Реджи, но он показал на другого, менее бледного и полотняного, – тот стоял у боковой садовой калитки. В обвязке, с поясом для инструментов, а на голове пучок под викинга.

– Любит себя человек, да? – шепнула Ронни.

Когда они приблизились, выставив удостоверения, он недоверчиво скривился. Представители общественности и даже преступники (разумеется, порой – мало того, зачастую – это одни и те же люди) нередко говорили им обеим, что они «очень маленькие», или «очень молодые», или то и другое разом. И тогда Ронни отвечала: «Ага, повезло нам, скажите?» – а Реджи думала: «Кий-я!»

– Мистер Паркер? Я детектив-констебль Реджи Дич, а это детектив-констебль Ронни Дибицки.

– Я подумал, надо покарать, – сказал Пучок. – Обеспечить неприкосновенность места преступления.

В спасательную службу звонил он?

Он.

А в доме кто-нибудь есть, он не знает?

Он не знает.

Ронни обогнула дом, позвонила в парадную дверь, громко постучала. Свет везде горит, но внутри никого.

А с кем мистер Паркер должен был тут встретиться?

– С хозяйкой. Я ее раньше не видал, мы только по телефону разговаривали. Мисс Истон.

– Как Шина?^[56] – переспросила Реджи, записывая фамилию в блокнот. – А имени вы не знаете?

Имени Пучок не знал. Знал только, что она попросила свалить дерево.

– Платан, – прибавил он, словно это важно для дела. Потом вынул из-за уха помятую самокрутку и закурил. – Вон там, – сказал он и сигаретой указал в сад.

В открытую калитку Реджи увидела неподвижное женское тело на газоне.

– Вы туда заходили, мистер Паркер? – спросила она.

– Конечно заходил – я думал, она пострадала, заболела, я не знаю.

Вернулась Ронни.

– В доме никто не отзывается, – сообщила она.

– Мисс Истон, – сказала ей Реджи. – Это женщину так зовут, которая тут живет. Продолжайте, мистер Паркер.

– А потом быстренько вышел. Не хотел там ничего испортить.

Криминалистам работу усложнить.

Нынче все эксперты, кого ни возьми, спасибо телевидению. «Балкеру» сотоварищи есть за что ответить, подумала Реджи. Впрочем, зато Пучок поступил как надо.

– Хорошо, – сказала она. – Вы пока побудьте здесь, мистер Паркер.

Они надели перчатки и синие бахилы, хорошенько осмотрелись и лишь затем вошли в сад. Если кто-то убит, значит должен быть убийца, а если есть убийца, может, он до сих пор шныряет в саду, хотя такие сады к шнырянию не располагают. Деревьев нет, кроме одного, которое торчало из опрятного скучного бордюра тем самым бельмом на глазу. Очевидно, постылый платан. И большое патио, сплошь замощенное, что только усложняло задачу этой планете.

А почему мистер Паркер так уверен, что это убийство, а не несчастный случай?

– Увидите, – пообещал Пучок.

Она была в почти прозрачной ночнушке и пеньюаре – так облачаешься, предвкушая секс, а не крепкий ночной сон. И Ронни, и Реджи, в одиночестве отправляясь спать, одевались практично. Ронни спала в походных носках и пижамах, Реджи ложилась в спортивном костюме. Встала и побежала. Это ее научила доктор Траппер.

К гаражу они подходили опасливо. Места внутри – в самый раз для маленькой «хонды» и газонокосилки «Флаймо». Никакой убийца в гараже не прятался. Поэтому они переключились на убитую.

Та лежала на боку, точно взяла и уснула в траве, не нашла в себе сил доползти до постели. Правда, если подойти ближе, становилось видно, что у нее проломлен затылок. Кровь вытекла в траву лужей неприятного серо-буро-малинового, какого не найдешь в наборе красок.

И собака. Живая, слава небесам, но лежала сфинксом возле тела, будто на страже.

– Фидо, – сказала Реджи.

– Что? – переспросила Ронни.

– Итальянский Серый брат Бобби. Верный до последнего вздоха. Собаки – они же остаются с хозяевами после их смерти.

Фидо, Хатико, Рассап, Старый Шеп, Скуик, Спот^[57]. В «Википедии» был список. Реджи порой перечитывала его, когда хотелось от души поплакать, но не хотелось нырять в свой личный колодец скорбей.

Сейди – так звали немецкую овчарку доктора Траппер. Сейди давным-давно умерла, но если бы доктор Траппер умерла раньше, Сейди бы

дежурила подле нее, и хоть ты что. Доктор Траппер говорила, что, за редкими исключениями (Реджи, к счастью, в этом списке была), людям предпочитает собак. И что одна из величайших трагедий в том, что собаки живут меньше людей. У доктора Траппер в детстве была собака. Скаут. «Такая хорошая была собака», – говорила доктор Траппер. Скаута убили вместе с матерью доктора Траппер, и сестрой, и маленьким братом однажды в жаркий летний день много-много лет назад. Эта сцена представлялась Реджи так живо, что порой казалось, будто она в тот день все видела своими глазами.

– Реджи?

– Да, прости. Хороший, – сказала она собаке.

Собака в ответ глянула сконфуженно, будто понимала, что не заслуживает такой похвалы. И тут Реджи заметила, что у собаки вся морда в крови. Дама с собачкой – шавка шавала даму. Пожалуй, попасть в список «Википедии» псине все-таки не светит.

Ни Ронни, ни Реджи от такого зрелища не дрогнули. У обеих на редкость крепкие нервы – подобные вещи их не принимали. Никаких бледных полотен. Женщина была мертва до крайности, но Ронни все равно присела и искала пульс на шее.

– Чтоб уж наверняка. Вдруг спросят. Орудия не видно? – спросила она.

Реджи оглядела газон и пошла к опрятному скучному бордюру. Ронни догнала ее и сказала:

– Ух ты, – увидев среди унылых грунтовых культур окровавленную клюшку для гольфа.

К клюшке прилип осколок черепа и кусочек серого мозгового фарша.

А потом, не успели они выпалить «неопровержимая улика», вломилась кавалерия. Патрульные, фельдшеры, отдел особо тяжких, судмедэксперт, криминалисты, полный набор. Кое-кого Реджи узнала – пару полицейских и детектива-инспектора Марриот, с которой они уже встречались, – она сказала, что она тут старший следователь.

– Ох батюшки, – сказала детектив-инспектор, надвигаясь на них танком, – да это же близнецы Крей.

– А, вот и Толстый Контролер^[58], – шепнула Реджи.

Детектив-инспектор была из тех женщин, что вовсю пользуются своим весом, а недостатка в весе у нее не было. Внутри ее поместились бы одновременно и Ронни, и Реджи и небось еще хватило бы места младшей сестре Ронни Доминике.

– Вы только «Главного подозреваемого»^[59] мне тут не разводите, –

сказала детектив-инспектор Марриот. – И можете валить, взрослые уже на месте.

Обе слегка пали духом. Так близко подошли к расследованию убийства. И остались так далеко. Детектив-инспектор Марриот потребовала письменный рапорт о том, что они делали до ее приезда, поэтому они отбыли, припарковались на Эспланаде и составили рапорт на айпаде Ронни.

– Между прочим, раньше у Джимми Сэвила была здесь квартира, – сказала Реджи.

– В аду сейчас, наверное, не протолкнуться, – сказала Ронни.

– Еще одному местечко всегда найдется.

Они уехали с места преступления еще до того, как произошло опознание, и это бесило.

– Наверняка же хозяйка, мисс Истон? К которой Пучок приехал? – рассудила Реджи.

– Узнается, я думаю, – сказала Ронни.

Когда они показали Марриот ключку, детектив-инспектор воззрилась на нее задумчиво, а затем спросила в пространство:

– Это у нас что? Паттер?

– «Мы прибыли на место в десять часов двадцать две минуты, – зачитала Ронни с айпада, – и увидели мистера Лео Паркера, который дожидался нас на месте». А второго как звали? В фургоне сидел. Я не записала.

Реджи заглянула в блокнот:

– Оуэн. Оуэн Уоттс.

Едва приехав, Ронни в недоумении уставилась на вывеску, прибитую к калитке. Вопросительно задрала бровь.

– Ты вслух произнеси, – посоветовала Реджи.

– «Сой-де-ти-так», – по слогам прочла Ронни. Снизло озарение. – А. Фигня какая-то, нет?

– Да. Фигня, – согласилась Реджи.

Сейчас в животе у нее урчало, точно поезд приближался.

– Закончим следующий пункт в списке и можем пообедать, – сказала Ронни.

Реджи снова заглянула в блокнот.

– «Да, список небольшой», – сказала она.

– Чё?

– Гилберт и Салливан^[60]. Не парься. Следующий пункт – мистер

Винсент Айвс, насельник Фрайаргейта.

- В смысле уголовник?
- В смысле он там живет.

Последняя капля

– Мистер Айвс? Мистер Винсент Айвс? Я детектив-констебль Ронни Дибицки, а это моя коллега, детектив-констебль Реджи Дич. Можно войти? Винс их впустил, предложил чаю.

– Или кофе, но у меня, боюсь, только растворимый, – покаянно прибавил он (кофеварка «Крупс» с помолом зерен осталась под опекой Венди).

– Очень любезно, – сказала та, что с шотландским акцентом, – но не надо, спасибо.

Он чем-то заслужил визит полиции? Навскидку Винс ничего такого не припоминал, но не удивился бы. В своем нынешнем невнятном кризисе он неотступно мучился смутными угрызениями совести. Винс огляделся, посмотрел на квартиру глазами детективов. Убогое неряшливое жилище – что ничуть не отражалось на стоимости аренды.

- Простите, – сказал он. – У меня тут немножко неубрано.
- Присядем? – предложила та, что без шотландского акцента.
- Извините. Конечно.

Он сгреб с дивана какие-то бумаги, ладонью смел крошки, указал на диван – какой-то Уолтер Рэли, право слово, будто плащом лужу застелил [61]. Дурак дураком – впрочем, они, кажется, не заметили. Сели, чинно скрестили лодыжки, взяли блокноты наизготовку. Прилежные шестиклассницы готовятся к школьному докладу.

– Я что-то натворил? – спросил Винс.

– Нет-нет. Все в порядке, не волнуйтесь, – сказала та, что не шотландка. Имена обеих Винс уже забыл. – Вас никто ни в чем не подозревает. Мы подняли давнее дело, это просто плановая беседа. Мы проверяем ряд лиц и хотим задать вам несколько вопросов, если вы не против. Мы пытаемся достроить картину, заполнить лакуны. Примерно как пазл собирать. Ваше имя упомянули...

- Кто? Кто упомянул мое имя?
- Простите, сэр. Мы не вправе раскрывать. Ничего? Сможете ответить на вопросы?
- Да, – опасливо сказал Винс.

– Первый вопрос: вы слышали имя Антонио, он же Тони Бассани? – спросила шотландка.

– Да. Кто его не слышал?

Об этом и говорили Томми с Энди? Что Кармоди «выдаст имена»? Но не мое же имя, подумал Винс.

– Вы когда-нибудь встречались с мистером Бассани?

– Он был членом моего гольф-клуба, но задолго до того, как я вступил.

– Это какой гольф-клуб?

– «Бельведер».

Шотландка записывала за ним в блокнот каждое слово. Почему-то от этого Винс стал угрызаться еще сильнее. «Все, что вы скажете, может быть использовано против вас», – подумал он. Шотландка шла по списку, аккуратно фиксировала его ответы напротив вопросов. Другая, нешотландка, вдобавок стенографировала. У нее, наверное, выходит описательнее. («Он осторожно ответил „да“» или «Он сказал, что не знает, но глаза бегали».) Винс тут прямо как на устном экзамене.

– А имя Майкл, он же Мик Кармоди вы слышали?

– Да. Опять же, все слышали.

– Все?

– Ну-у...

– Вы когда-нибудь встречались с Майклом Кармоди?

– Нет.

– В гольф-клубе «Бельведер» тоже нет?

– Нет. Он в тюрьме.

– Это правда. А Эндрю Брэгг? Слышали такое имя?

– Энди? – (Как можно упоминать Энди в одном ряду с Кармоди и Бассани?) – Я с ним играю в гольф. В «Бельведере».

– В гольф-клубе «Бельведер»?

– Да.

– Вы друзья? – вкрадчиво спросила шотландка.

– Ну, не *по-честному* друзья.

– А какие тогда? – озадачилась нешотландка.

– Друзья по гольфу.

– То есть вне «Бельведера» вы с ним не видите?

– Ну, вижусь, – признал Винс.

– То есть не *просто* друзья по гольфу. А Томас, он же Томми Холройд? Слышали о нем?

В горле пересыхало, голос срывался на писк. Бассани и Кармоди – дело о половых преступлениях. При чем здесь Томми и Энди? Что за бред, они

не такие. Ох, милый боженька, подумал Винс, они что – под меня копают? Винс бы ни за что. Нутро окатило ледяным водопадом страха. Он ни с кем никогда так не поступал! Кто про него такое скажет? Может, Венди – в отместку за то, что на ней женился.

– Я ничего не сделал, – сказал Винс.

– Вы – ничего, мистер Айвс, – успокоила шотландка, потому что Винс в ажитации вскочил. Дальше бы расхаживал, будь ему где расхаживать. – Сядьте, пожалуйста, – посоветовала шотландка. – Итак. Томас Холройд?

– Да. В «Бельведере». Томми – член клуба. Мы вместе играем.

– В гольф-клубе «Бельведер»?

– Да.

– С мистером Брэггом?

– Да.

– Который друг *по гольфу*?

– Да.

– А дома у мистера Холройда вы бывали? – спросила шотландка, сверившись с записями. – В «Гавани»? – Задавая вопрос, она склоняла голову набок, как птичка. Воробышек.

– В «Горней гавани», – поправил Винс. – Не раз.

– Скажите, а когда вы бывали в доме у мистера Холройда – в «Горней гавани», – там были другие люди?

– Как правило.

– Мистер Брэгг был?

– Как правило.

– Мистер Бассани?

– Нет.

– Мистер Кармоди?

– Нет, я же говорю. Я с ним незнаком. Он был еще до меня.

Винса замутило. Долго еще будет продолжаться этот катехизис? Что они у него выпытывают?

– Почти закончили, мистер Айвс, – сказала шотландка, словно прочтя его мысли. И улыбнулась сочувственно. Как стоматологическая медсестра при удалении нерва.

– Когда вы бывали у мистера Холройда, – продолжала та, что без шотландского акцента, – кто еще там бывал? В любые разы? Можете назвать?

– Ну, жена Томми, Кристал. Его сын Гарри. Энди – Энди Брэгг – и его жена Рода. Туда куча народу в гости ходит – выпить на Рождество, была вечеринка в Ночь Гая Фокса и на день рождения Томми. И вечеринка на

воде.

– В смысле – на воде? На берегу?

– Нет, в бассейне. У них дома бассейн с подогревом, в подвале выкопали. Томми построил, когда купил дом. Это на день рождения Кристал было.

Томми тогда жарил барбекю во дворе, в бассейн не заходил.

– Так и не научился плавать, – сказала Кристал. – По-моему, он побаивается воды. Его... как это? Ахиллесова пята. У греков было, – пояснила она. – Такой миф. Мне Гарри рассказывал.

С Винсом она разговаривала в одном бикини, и сосредоточиться на греческих мифах было затруднительно. Кристал и сама была как греческий миф – статная белокурая богиня, ненароком сошедшая с Олимпа. Винса накрывало при одной мысли о Кристал – как она двигалась сквозь воду великолепным баттерфляем.

От воспоминания о Кристал в бикини Винс покраснел, от слова «баттерфляй» покраснел еще гуще и запсиховал, что детективы заметили. Обе синхронно склонили головы по-птичьи и воззрились на него с любопытством.

– Барбекю в саду, – сказал Винс. – Стейки, бургеры. Курица. Отбивные, – упавшим голосом прибавил он.

Чтобы прекратить этот переучет в мясной лавке, потребовалось усилие. Шотландка конспектировала дословно – будто список покупок составляла.

– А еще кто? Кого вы встречали в доме? В «Горней гавани»?

– Кучу народа. Эллерман – он продуктовый оптовик, Пит Робинсон – управляет большим отелем на набережной. Всяких людей. Какой-то член муниципального совета – Брук, кажется. Какой-то соцработник. А, и Стив Меллорс. Стивен Меллорс. Он юрист, занимается моим разводом, иногда играет с нами в «Бельведере».

– В гольф-клубе «Бельведер»?

– Да.

– И он ваш?..

– Юрист. Он мой юрист. И друг.

– Друг? – переспросила нешотландка.

– Мы вместе учились в школе.

– То есть *по-честному* друг?

– Школьный друг, – пробормотал Винс. Чувствуя себя распоследним идиотом.

– То есть вы давно знакомы?

– Да.

– А еще кто? На этих вечеринках? Там еще кто-то был связан с юриспруденцией?

– Ну, полицейский был. Суперинтендант – по-моему, он так сказал.

– Суперинтендант? – в унисон переспросили обе.

– Да, шотландец, если не путаю. Вот как вы, – пояснил он шотландке. Ну мало ли – вдруг она не знает, что значит «шотландец»?

Детективы разом выпрямились и посмотрели друг на друга. Точнее сказать, вытаращились, словно общались телепатически.

– Вы не помните, как его звали? – спросила нешотландка.

– Нет, простите. Я даже не помню, как зовут вас, а вы мне говорили пять минут назад.

Правда, по ощущениям, все это длится многие часы.

– Детектив-констебль Реджи Дич и детектив-констебль Ронни Дибицки, – напомнила ему нешотландка.

– Точно. Извините.

(Что она сказала? «Ронни Дубильник»? Да быть не может. Лондонского гангстера шестидесятых могли так звать.)

Повисла пауза – детективы, похоже, собирались с мыслями. Шотландка – Реджи Дич – хмурилась, сверля взглядом блокнот. Другая, дубильная, сказала:

– Мистер Айвс, вам не приходилось слышать выражение «магический круг»?

– Да, это у иллюзионистов.

– У иллюзионистов?

– Такой иллюзионистский профсоюз. Не профсоюз, а как бы... организация. Чтобы вступить, надо доказать, что умеешь всякие фокусы-покусы.

Обе на него воззрились.

– Фокусы-покусы? – холодно переспросила дубильная, изгибая на удивление грозную бровь.

Не успел Винс ответить, раздался звонок. Все трое посмотрели на дверь, словно за ней таилось нечто зловещее. Винс замялся, будто ему требовалось их разрешение, чтоб открыть. Звонок прозвенел снова, и детективы посмотрели на Винса вопросительно.

– Я открою, ладно? – заторопился он.

Дверь вела прямо в квартиру – не полагалось даже роскоши прихожей. На пороге стояли два констебля в мундирах – женщины. Обе сняли фуражки и со скорбными лицами предъявили Винсу удостоверения.

– Мистер Айвс? Мистер Винсент Айвс? Можно войти?

Ох батюшки, подумал Винс. Ну что еще?

Кладезь

Аэропорт Ньюкасла Энди Брэгг знал как свои пять пальцев. Немало там околачивался – обычно в кофейне. В прежние времена его турагентство отправляло людей за рубеж, а теперь только ввозило людей в страну.

Рейс задерживался, Энди пил третью чашку эспрессо, и его уже потряхивало. Он знал, за какой столик сесть, чтоб было видно табло прибытия. В это время суток косяками летают самолеты из Амстердама, из Шарля де Голля – та же фигня. Хитроу, Берлин, Гданьск, Тенерифе, София. Один из Малаги – этот уже катил по посадочной. Рейс, которого ждал Энди, замигал «Совершил посадку», так что Энди допил кофе и зашагал к залу прилетов.

Спешить некуда – еще паспортный контроль, а это вечность, хотя визы у них туристические и можно назвать адрес в Кисайде. Потом им, ясен пень, еще за багажом, а они все тащат с собой гигантские баулы. Но все равно, не хотелось бы их пропустить, так что Энди встал за барьером, держа айпад с их именами. Симпатично и профессионально – не то что еле разборчивые каракули на бумажке.

Спустя полчаса он уже решил, что они опоздали на самолет или их завернули на паспортном контроле, но тут двери зашуршали, а за ними, неуверенно озираясь, возникли две девушки, похожие, как сестры. Джинсы и кроссовки брендовые, почти наверняка поддельные. Волосы собраны в хвост, макияж густым слоем. Почти близняшки. Чемоданы, естественно, огромные. Девушки заметили айпад, и по их лицам разлилось облегчение.

Они приблизились ретивой рысью, и одна спросила:

– Мистер Марк?

– Нет, лапушка, меня зовут Энди. Мистер Прайс – то есть мистер Марк – меня прислал. – Энди протянул руку, и девушка ее пожала. – Жасмин? – рискнул он, улыбаясь.

Не будем лукавить – они все на одно лицо. Энди угадал. Фамилии пофигу, не учить же ему тагальское произношение. (Тагалог? Что, у них правда такой язык? Больше смахивает на название детской телепередачи.)

– А вы, значит, Мария, – сказал он другой девушке.

Та улыбнулась до ушей. Надо же, маленькая – а рукопожатие крепкое.

– Хорошо долетели?

Обе кивнули. Да, мол. Без уверенности. У обеих в анкетах значился

«хороший» уровень английского. Соврали, вероятно. Большинство вралли.

– Ну, девчонки, давайте, – сказал Энди, лучась фальшивой бодростью. – Пошли отсюда. Есть хотите?

Он изобразил, как ложкой забрасывает еду в рот. Они над ним посмеялись и кивнули. Энди взялся за ручки чемоданов – по чемодану в руку – и поволок за собой. Господи, что у них там – трупы? Освободившись от багажа, девушки зашагали следом, и волосы у них скакали на ходу.

– Ну вот, девчонки, – сказал Энди, отперев дверь квартиры.

Студия в Кисайде, купили пару лет назад, много пользовались для всяких разных целей. Седьмой этаж, чисто и современно, шикарный вид, если ценишь виды Ньюкасла. Мария и Жасмин в восторге – для того все и делалось. Про себя Энди называл это «подмаслить» – чтоб не бузили. Он бы отвез их напрямиком в «Белые березки», но прихвостней Томми, Джейсона и Василия, сегодня нет на месте, и там, сказал Томми, все «заблокировано».

– Только одна ночь, – предупредил Энди, пока девушки осматривались.

Вроде это песня была? Что-то такое он видел с Родой в Лондоне. Поехали на выходные, выполнили туристическую программу: Лондонский глаз, экскурсионный автобус, спектакль на Вест-Энде – мюзикл. Рода знала Лондон лучше Энди, и он был отчасти как деревенщина из глуши – путался с проездным «Ойстер-кард» и ходил по городу, вперившись в гуглокарты на телефоне. Но в целом неплохо съездили, и эти выходные напомнили Энди, что в основном ему жить в браке с Родой приятно, хотя отвечает ли Рода взаимностью – вопрос.

«Спрута и сердцевидку» они оставили на Венди Айвс. Был не сезон, всего одно бронирование. Работы с гулькин нос – можно было сэкономить то, что они заплатили Венди, и за старшую оставить Лотти. Это было еще до разезда Венди с Винсом, а она уже крутила роман с этим чуваком из спасения на водах. Рода подозревала, что Венди хочет подежурить в гостинице, чтоб было куда водить нового мужика, пока старый мужик торчит дома, выгуливает собаку и в своем неведении смотрится, в общем, лохом. Теперь-то Винс все знал. Венди обчищала Винса как липку.

Как-то раз Венди подкатила к Энди по пьяни – то есть напились-то оба, но он бы не посмел, даже если б захотел, а он и не хотел. Роды ему более чем хватает. Буквально. Любому мужику хватило бы и четверти Роды. И вдобавок, узнай она, что он ей изменяет, – прибила бы. Сначала бы, вероятно, пыталась. И хорошо бы все его беды были таковы. Он скрывал от

Роды другую тайну, вообще громадную, и тайна эта с каждым днем становилась все громаднее и обременительнее.

– Мистер Энди?

– Жасмин? Что, лапушка?

Энди их уже различал. Сам не понял как, но умудрился запомнить их имена – обычно у него с этим сложно.

– Мы сегодня здесь?

– Да, лапушка. Но только одна ночь. – («Девушки мечты»^[62] – вот как назывался мюзикл, точно.) – А прямо с утра в «Белые березки». Там вам комнату готовят.

Энди совсем умаялся. Водил их за покупками в «Праймарк» – не сказать, что девчонкам нужны новые тряпки, чемоданы эти не закрываются уже, но он ловко нацелил их на одежду, где мало ткани и много блесток, и они набросились на нее, что твои сороки. Бесперывно селфились. Уламывали Энди попозировать вместе с ними. Ну уж нетушки, засмеялся он, отходя подальше. Ему на чьей-то там фейсбучной странице делать нечего, но хорошо, что они запостили фотки – дома все увидят, что девчонки живы-здоровы, благополучно прибыли в Великобританию и замечательно проводят время. Обе не барные девушки – в Маниле вкалывали на швейной фабрике и приехали сюда работать сиделками. В британских богадельнях полно филиппинок, потому как сами британцы ни за ради бога ни на что дельное не способны, тем более – позаботиться о собственной родне.

Они зашли в «Сейнсбери», и Энди помог им закупиться к ужину. Полуфабрикаты – в кисайдской студии была микроволновка. На родине девчонки питались всякой лабудой – куриными лапами, жареными насекомыми, бог знает чем. Супермаркет их впечатлил. Впечатлительные больно обе.

Зазвонил телефон. Стивен Меллорс. Также известный как Марк Прайс.

– Стив?

– Все нормально с Бумбум и Бэмби?

– Мистер Прайс, – одними губами сообщил Энди девушкам, тыча пальцем в телефон. Обе заулыбались и закивали. – С Жасмин и Марией? – сказал он Стиву. – Да. Все хорошо. Как раз устраиваю их на ночь.

Девчонки включили телик и смотрели «Без указки»^[63]. Как загипнотизированные – а ведь наверняка ни слова не понимают, что там творится.

– Мы сегодня хорошо провели день, да, девчонки? – сказал Энди,

повысив голос, разулыбавшись и большими пальцами показав «во!»).

Обе захихикали и тоже утрированно показали «во!». Безобразие, до чего легко их облапошить. Невинные, как дети или крольчата. Ягнятки. Энди увидел себя в стенном зеркале, и внутри что-то сжалось. Что бы это могло быть – вина? Доселе незнакомая Энди эмоция. Порой он спрашивал себя, куда подевалась его человечность. Ах да, вспомнил – не было у него никогда никакой человечности.

– Созвонимся, – сказал он и дал отбой.

Почти тотчас телефон воссиял снова, и определился номер – на экране возник портрет Лотти. Звонила, ясен пень, не Лотти – фотку Энди поставил на Роду. На звонок он ответил в узком коридорчике.

– Привет, любимая, – сказал он, стараясь голосом не выдать усталости. За сочувствием к Роде обращаться без толку. У нее энергии – что у японского скоростного поезда.

– Ты еще долго, Эндрю? Уж не знаю, чем ты там занят.

Почему Рода стала называть его Эндрю, а не Энди? «Эндрю» приводило на ум мать – прежде только мать его так называла, да и то – если на него сердилась (что, впрочем, бывало частенько), и теперь у него такое чувство, будто Рода вечно за что-то на него злится. (Или правда?)

– Это кто там? Александр Армстронг? Ты «Без указки» смотришь? – подозрительно спросила она. – Эндрю, ты вообще где?

В пустоте бессмысленной, подумал Энди.

– Уже еду домой, – бодро ответил он вслух. – Прихватить что-нибудь по дороге? Индийское? Или китайское?

Писанина

– Нет, ну каковы шансы? – сказала Реджи, когда они с Ронни вышли из квартиры Винсента во Фрайаргейте. – Что человек, которого мы опрашиваем по операции «Виллет», женат на нашем трупе. Раньше был, когда она еще была не труп.

– Да уж, совпаденъице, – согласилась Ронни. – Странно. Очень странно.

Винсента Айвса ни в чем не подозревали – во всяком случае, Реджи и Ронни. Он был крошечной галочкой в их списке – деталькой пазла, кусочком безликого неба или травы, его упомянул бармен в «Бельведере», – а Винсент Айвс взял и оказался мужем убитой. Знамо дело, теперь его общая невиновность под вопросом.

Двух полицейских, явившихся к Винсенту Айвсу под дверь,

присутствие Ронни и Реджи сбило с панталыку. Сначала они решили, что Ронни и Реджи – подруги Айвса, потом – что они какие-то соцработницы, и лишь когда они достали удостоверения и Реджи объявила:

– Детектив-констебль Реджи Дич и детектив-констебль Ронни Дибицки, – до полицейских дошло.

– Вы ему уже сообщили? – спросила одна.

– Что сообщили? – озадачилась Реджи.

– Про его жену, – сказала другая.

– А что про его жену?

– Да, что про мою жену? – вмешался Айвс.

– Мисс Истон, – мягко сказала ему одна полицейская, – Венди Истон, или Айвс, – вашу жену зовут так, мистер Айвс?

– Вот-вот уже бывшую жену, – пробубнил он.

– Вы не хотите присесть, сэр? – предложила ему одна полицейская. – Боюсь, у нас плохие новости про мисс Истон.

Убита! Ронни и Реджи вылупились друг на друга, переговариваясь бессловесно, выставив глаза на стебельках. Ибо кто скорее всего мог убить их даму на газоне, как не ее вот-вот уже бывший муж? Человек, сидевший прямо перед ними на диване! Реджи вспомнила клюшку в бордюре.

– «Бельведер», – шепнула она Ронни.

– Я вот тоже думаю, – шепнула та в ответ.

Затем полицейские увели Винса Айвса – сказали, что сопровождают его, он должен опознать супругу. Раз – и нету: убийство Венди Истон снова просочилось у Реджи и Ронни сквозь пальцы.

И вот что всего чуднее, позднее решили обе, – когда Винсенту Айвсу сказали, что его жена убита, первым делом он спросил:

– А собака жива?

Они снова поехали в «Спрута и сердцевидку».

– Может, на этот раз застанем мистера Брэгга, – сказала Ронни.

Солнце уже садилось, исполосовав все небо.

– «Вон кровь Христа, смотри, струится в небе!»^[64] – сказала Реджи.

– Чё? – переспросила Ронни.

– И снова здравствуйте, миссис Брэгг. А мистер Брэгг уже дома?

– Нет.

– А вы скоро его ждете?

– Нет.

– Я тогда оставлю свою визитку. Попросите его нам позвонить,

хорошо?

– «Тебя мы ищем тут и там», – сказала Реджи, когда они вернулись в машину. Они сидели и поедали одну упаковку орехов и изюма на двоих. – Алого Пимпернеля^[65], – прибавила она. – Тоже был славен неуловимостью. Как наш мистер Брэгг.

– Может, записаться постояльцами? – предложила Ронни. – Тогда, наверное, застанем.

Они доели орехи и изюм. Ронни сложила упаковку и сунула в пакетик, который они держали в машине под мусор. Даже мусор у них был аккуратный.

– Надо, пожалуй, домой, – вздохнула Ронни. – Заняться коробками.

– М-да.

Реджи уже нравилось, как они, глазом не моргнув, называют это «дом».

Коробки с бумагами они сгрузили на заднее сиденье – честно говоря, коробки занимали всю машину, кроме норок, которые выкопали себе Реджи и Ронни. Коробки, нежеланные пассажиры, давили на психику. Реджи и Ронни подготовились – дело Бассани и Кармоди они вызубрили от начала и до конца, не говоря о том, что от доски до доски, а также вдоль и поперек; едва ли они найдут в коробках то, чего еще не прочесали мелким гребнем, и вообще, важное все равно уже оцифровано.

– Да чтоб тебя, – сказала Ронни. – Явился не запылится.

– Что?

– Вон, на лавке сидит. Не кто иной, как наш старый друг мистер Айвс, нет?

– Далеко от дома забрался. Что это он тут делает? – удивилась Реджи.

– Чудно, да? Может, тоже ищет Энди Брэгга. Хоть они и не *почетному* друзья, – рассмеялась Ронни.

– Может, пришел сообщить Энди Брэггу, что мы про него спрашивали. Или рассказать про убийство жены. Интересно, он подозреваемый?

– Атас, – сказала Ронни. – Пошел.

Обе вытянули шеи, глядя, как Винсент Айвс заходит на стоянку за парашютом. Винсент Айвс полпелся вверх по лесенке к тропе на утес.

– Гуляет на сон грядущий, – сказала Ронни. – Хочет, наверное, в тишине и покое оплакать свою вот-вот уже бывшую миссис Айвс.

– Уже не вот-вот бывшую, – возразила Реджи. – Уже совсем бывшую.

Они решили задержаться, – может, вернется Энди Брэгг или Винсент Айвс спустится с холма и учудит что-нибудь занятное. Вылезли из машины

и, облокотившись на парапет, вдыхали свежесть, любовались закатом и огромностью Северного моря. Прилив разошелся вовсю, набухал и накатывал на парапет и променад.

– А зимой тут как, интересно? – сказала Ронни.

– Довольно живописно, надо думать, – ответила Реджи.

Она бы с ума сошла – здесь жить. На глаза ей попался бегун, рысивший через стоянку. Немолодой человек, на голове наушники. Реджи ахнула.

– Что? – спросила Ронни.

– Вон тот дядька.

– В горку бежит?

– Ага. Он. Я его знаю.

– День великих совпадений, спору нет.

– Сама знаешь, что говорят про совпадения.

– Без понятия, а что про них говорят?

– Совпадение – просто объяснение, которое ждет удобного случая.

По крайней мере, подумала Реджи, так всегда говорил этот человек, который сейчас взбегал на утес.

– Видала? – спросила Ронни.

Они искали трюфели в бездонных коробках со шлаком улик, чуточку скрасив себе задачу огромной пиццей и бутылкой риохи, которыми разжились в «Ко-опе» в Уитби. Не очень холодно, огонь разводить незачем, но Реджи все равно развела, и теперь он трещал как ненормальный в маленьком камине. Как-то это правильно, если ты в приморском коттедже. Реджи никогда в жизни не разводила огонь, пришлось гуглить, и она гордилась результатом.

– Что видала? – спросила она.

Ронни показала помятую и потертую бумажку:

– Судебное дело девяносто восьмого года. Тут что-то по гражданке, квартира в Файли какая-то. «Летающий фригольд» – это что?

– Это, по-моему, когда земля под твоей недвижимостью тебе не принадлежит. Когда у тебя комната над переходом или пустотой, например.

– Вот ты откуда это знаешь?

– Я – хранилище бесполезных знаний, – ответила Реджи. – Сто лет назад я выступала в мюзик-холле. Как мистер Память в «Тридцати девяти ступенях».

– Кто-кто и в чем?

– «Тридцать девять ступеней». Был такой фильм у Хичкока^[66].

Знаменитый.

Иногда Реджи гадала, открывала ли Ронни хоть раз в жизни книгу, смотрела ли фильм, спектакль. Совершеннейшая филистерка. Реджи за это зла на нее не таила – напротив, даже восхищалась. Реджи, которая читала и видела в этой жизни все, от «Илиады» до «Пропуска в Пимлико»^[67], особой пользы от кругозора не видела. Удержать Сая кругозор явно не помог.

– Кароч, – сказала Ронни, – тут написано, что покупателя не уведомили о летающем фригольде, и представитель покупателя подает в суд на представителя продавца. За введение в заблуждение, что ли. Покупателем был Антонио Бассани, но интересно не это. В суде его представлял Стивен Меллорс. Помнишь такое имя?

– Адвокат Винсента Айвса, – сказала Реджи. Взяла блокнот, полистала, зачитала вслух: – «Он юрист, занимается моим разводом, иногда играет с нами в „Бельведере“».

– А также *школьный* друг, не забывай, – прибавила Ронни. – Давно знакомы.

– Тут еще старья навалом, – сказала Реджи, протягивая ей хлипкую папочку – картон от времени размягчился и вспушился. – В основном остатки портфеля Бассани, с семидесятых. Трейлерные стоянки. Дом престарелых. Квартиры в Редкаре, Солтберне, Скарборо. Представляю, какой он был домовладелец. Небось рядом с ним даже Рахман^[68] был бы зайка.

– Кто?

– Не важно. Бухгалтеры-криминалисты все это небось перерыли на суде, нет?

– Не знаю. Открываем еще бутылку?

Две тесные спальни под крышей, в каждой узкая кровать – на такую сошлют тетушку-синий чулок. Или монашку.

– Бегинач, – сказала Реджи.

– Чё?

– Такой мирской женский монастырь, религиозное сообщество, в Средние века было. В Брюгге есть. Очень красиво. Сейчас не в моде. А жалко.

В Брюгге Реджи ездила с Саем, на ночном пароме, который колтыхался по Северному морю до самого Зебрюгге. Реджи тошнило всю дорогу, и Сай придерживал ей волосы, когда ее тошнило в унитаз из нержавеющей стали крохотной душевой их каюты. «Нет больше той любви, как

бойфренд»^[69], – смеялся Сай. Когда он бросил Реджи, чтобы жениться на девушке по выбору родителей, Реджи пошла к парикмахеру и попросила остричь ее коротко: ритуал, который женщины проводят с незапамятных времен – во всяком случае, с тех пор, как первый мужчина бросил первую женщину. Вероятно, Адам Еву. Кто знает, как оно все повернулось с их союзом, когда Адам стукнул Богу, что Ева кокетничает с деревом познания?

– Если женщина что-то *знает*, кому она нужна? – сварливо сказала Реджи.

– Без понятия, – ответила Ронни. – Другой женщине?

Точка опрокидывания

Убита? Винс думал, его повезут в морг или даже на место преступления (которое он до сих пор называл «мой дом»), покажут труп, однако нет, повезли в отдел полиции и показали поляроидный снимок. Казалось бы, разводишься с женщиной – опознавать ее труп больше не обязан, но где уж там.

По фотографии толком не поймешь, что с Венди такое. Может, и не скажешь, что она спит, но если б выдали опросник с вариантами ответа, ты обязательно выбрал бы «мертва». Сказали, что у нее травма головы, но, видимо, нарочно положили ее так, чтоб ужаса не было видно. Как она обзавелась этой «травмой головы», сообщить не пожелали. Зато сообщили, что нашли ее в саду за домом и считают, что ее убили поздно ночью или рано утром. Им пришлось напомнить Винсу, что он должен ее опознать, – он только сидел и смотрел на фотографию. Это правда Венди? У нее, оказывается, нет уж очень выразительных черт. Он раньше не замечал.

– Мистер Айвс?

– Да, – в конце концов произнес он. – Это она. Это Венди.

Правда? Винс все равно колебался. Вроде Венди, но история совершенно невероятная. Убита. Кем?

– Вы знаете, кто это сделал? – спросил Винс детектива, которая сказала, что руководит расследованием.

«Детектив-инспектор Марриот», – представилась она. Спросила о «вашей дочери», но Эшли бродит где-то в чаще джунглей, телефон у нее не ловит. «Помогаю защищать орангутанов», – сказала Эшли, перед тем как исчезла с радаров. Вроде много чего можно было бы защищать и поближе к дому. Собственную мать, например. (Да нет, Винс не в обиде. Эшли он любил!)

– Мы свяжемся с британским консулом в Сараваке.

– Спасибо. Она будет ужасно горевать, – сказал Винс. – Они были близки.

– А вы нет?

– Венди со мной разводилась. Так что нет, по-моему, это значит, что близки мы не были, согласитесь.

Полицейские констебли-женщины (или как сейчас говорят?) отвезли Винса в отдел, где его завалили вопросами. С утра его один раз уже допрашивали – как-то это несправедливо, два допроса за день. И весь день

его окружали женщины со странными именами, и весь день эти женщины задавали ему вопросы, хотя он уже не без нежности вспоминал двух птичьих детективов и их увлеченность «Бельведером». Задним числом их вопросы казались почти невинными – и эти две хотя бы не подозревали Винса в убийстве. Только в том, вероятно, что в гольф играл.

Детектив-инспектор Марриот тоже интересовалась гольфом – ее очень занимали клюшки Винса. Клюшки хранятся в «Бельведере», отвечал он. Там (дорогущая) камера хранения для членов клуба – оно и к лучшему, потому что в квартире для клюшек места нет. Там вообще места нет, там и Винс-то с трудом помещается. И уж явно туда не влезали Винс и четыре женщины из полиции, даже миниатюрные. Винсу казалось, что он вот-вот задохнется. *Боюсь, у нас плохие новости про мисс Истон.*

«Подверглась нападению», сначала сказали они – к совсем нехорошему слову подбирались постепенно. Убита. Вчера, когда Винс приходил, в доме было тихо. Она тогда уже умерла? Обогни он дом, зайди в сад – нашел бы ее? В саду, сказали Винсу, ее и обнаружили утром. Венди только и делала, что знакомилась по интернету. Может, ее убил незнакомец, которого она сняла и привела в брачную постель? И когда Винс заглядывал в гостиную через щелочку между шторами, Венди как раз убивали? И он мог это предотвратить? Но тогда ведь Светик гавкал бы как полоумный? Он хороший сторожевой пес, странно, что не облаял чужака.

– Мистер Айвс? Сэр?

– Да, простите.

Отнюдь не сразу до Винса дошло, что он, кажется, подозреваемый. А едва дошло, мысль так его потрясла, что он запнулся посреди ответа на вопрос («Мистер Айвс, а кто-нибудь может удостоверить, где вы были ночью? Или рано утром?») и понес околесицу:

– Спал я, спал, только-только задремал, игровые автоматы очень шумят. Я сплю один, так что нет, удостоверить мое алиби некому.

Ох батюшки – *я сплю один*. Обрыдаться.

– Алиби? – безмятежно переспросила инспектор. – Про алиби никто не говорит, мистер Айвс. Кроме вас.

Винса сотрясло мимолетным страхом, будто он и правда убил Венди и умудрился об этом забыть, – обычно-то у него память хорошая, но мало ли, от травмы затуманилась.

– В «Бельведере», – сказал он. – Я был в клубе, пил с друзьями. Томми Холройд и Энди Брэгг.

О том, что он был в доме, Винс детективу-инспектору Марриот не

сказал. Ну и глупо, сообразил он теперь. Его же видели, он разговаривал с соседом Бенни, наверняка там повсюду камеры видеонаблюдения, которых он не заметил. Увы, к тому времени, когда он решил исправить свою ошибку, они уже сменили тему и инспектор Марриот просила у него образцы ДНК, «для исключения». И отпечатки пальцев.

– Раз уж вы здесь, – сказала она, точно все это сугубо для его удобства.

У Винса с Венди была такая шутка. Они сидели на диване, смотрели телевизор, и она говорила: «Раз уж ты встал, милый, не нальешь мне чаю?» – и таким еще тоном, будто это она делает ему одолжение. Он откликнулся, как собака Павлова, – вскакивал, ставил чайник, и лишь потом его осеяло, что «встал» он ничуть не больше Венди. Слушал, как она смеется (ласково – ну, или ему в то время так казалось), пока он исполнительно выуживал чайные пакетики из сувенирной чайницы «Золотой юбилей королевы», которую Венди заказала по каталогу. Она была истая монархистка. Растила бонсай. Дважды в неделю ходила на калланетику, любила сериалы про женщин-мстительниц. И умерла. Больше никогда не сядет на диван.

Они вдвоем провели на этом диване массу времени – посмотрели на нем кучу телепередач, съели горы еды навынос, выпили море чаю, не говоря уж про вино. Собака плюхалась между ними и лежала подлокотником. Да, скучное, тусклое существование, но и у него есть плюсы. Лучше так, чем схлопотать пулю в лоб или унести в море, потому что тебя смыло цунами. Лучше так, чем быть подозреваемым в убийстве. И безусловно, лучше так, чем умереть.

Уже потом, когда Винса изгнали с этого самого дивана, Венди сказала, что их брак превратился в «смерть при жизни», – Винс считал, что это немножко перебор. Сейчас Венди, вероятно, с удовольствием согласилась бы на смерть при жизни вместо... ну, короче, смертельной смерти. Винс скучал по дивану. На диване было безопасно и удобно. Диван был его спасательной шлюпкой, а теперь Винс тонул.

– Вы не помните, что были у дома мисс Истон, «Сойдетитак», вчера вечером около одиннадцати? – безжалостно давила испанская инквизиторша. – Вас зафиксировала соседская камера видеонаблюдения.

– Это и мой дом, не только Венди, – по-дурацки поправил он. – Я до сих пор выплачиваю ипотеку. И не то что это мой выбор – там не жить.

Так сказать-то можно?

– И, – продолжала она, пропустив его реплику мимо ушей, – помните ли вы, как разговаривали с человеком, который живет в соседнем доме, мистером... – она заглянула в свои записи, – мистером Бенджамином

Линкольном?

– Бенни. Да. Упустил. Извините.

– Упустили?

Винс отчасти ожидал, что инспектор Марриот задержит его тотчас, но ему сказали, что он может идти.

– Загляните, пожалуйста, завтра, если вам нетрудно, мистер Айвс.

– Как ее убили? – спросил он. – То есть я знаю, что травма головы, но как? Чем?

– Ключкой, мистер Айвс. Ключкой для гольфа.

А теперь что делать? Стоит, наверное, прогуляться, подумал Винс, проветрить голову. Собаку ему не отдали – ее «проверяют на ДНК». Они что думают, Венди убил *Светик*? Нет, ответила инспектор, глядя на Винса грустно, будто жалела его, дурака такого.

– На случай, если собака напала на убийцу.

Пешком Винс не пошел – сел на автобус. Нечаянно – в нерешительности топтался у остановки, подошел автобус, и в нетипичном припадке спонтанности Винс взял и шагнул на подножку. Двадцать лет на автобусах не ездил. Винс устроился на сиденье. Кто, интересно, водит теперь его служебную машину? Винс и не задумывался о ней, пока сам катался, а теперь вспоминал с нежностью, почти как Светика.

На лбу у автобуса значился Миддлсбро, но с тем же успехом могли написать «Первый круг Ада». Да и какая разница? Просто хотелось уехать, все бросить. Жалко, что нельзя бросить и себя. Если Винс исчезнет, полиция решит, что он виновен, но Винсу уже было плевать. Они, наверное, выпустят такую штуку, как в американских полицейских сериалах? «Ориентировка» вроде называется, да? Будьте бдительны, все такое. Бегу к границе, думал он, как персонаж в книжке или в кино, да только он не в книжке и не в кино, он персонаж собственной жизни, и эта жизнь рассыпается. И некуда бежать, нет никакой границы, не считая разве что незримой административной, между Северным Йоркширом и Тиссайдом. Но и туда Винс не добрался. Вышел из автобуса в Уитби – побоялся уснуть и очнуться в лимбе или в Миддлсбро, что, в общем, одно и то же, – а потом шагал по пляжу до упора, пока на него не стал рывкать прилив, и тогда Винс по ступеням, от водорослей скользким, взобрался на тротуар набережной.

Он миновал маленькую гостиницу над морем и, к своему удивлению, сообразил, что это «Спрут и сердцевидка», заведение Энди Брэга. Винс приезжал сюда всего пару раз и на машине. Когда идешь пешком, все

другое. (Начнем с того, что все гораздо медленнее.) Зайти, утопить свои печали, излить невзгоды сочувственному собеседнику («Энди, никогда не угадаешь, что со мной сегодня случилось»)? Но Винс знал, что сочувственный собеседник из Энди так себе, а из его жены Роды и подавно. В подобные минуты нужен (по-честному) друг, но в голову никто не приходил. Винс звякнул Томми в надежде, что дома будет Кристал, но поговорил с ним только автоответчик, а вернее, сын Томми, Гарри, чей голос объявил: «Вы дозвонились по номеру семейства Холройд». Винс набрал и мобильный Томми, но в трубке лишь гудело и гудело, даже голосовая почта не включилась. Поговорить Винсу не с кем. Даже собаки нет.

Он прошел мимо «Спрута и сердцевидки», нашел скамейку возле стоянки у парапета. Со скамейки открывался вид на море, и Винс смотрел, пока не опустело в голове, под стать этому парапету.

Потом он встряхнулся и огляделся. Со стоянки на утес вела лестница. По верху гуляй себе многие мили, там проходит маршрут «Кливленд». Когда Эшли была маленькая, они сюда приезжали. Устроили пикник на холоднящем ветру, посидели на скамейке посреди Кеттлнесса. В округе не было ничегошеньки, даже кафе, и всем было плохо, но время прошло, и воспоминание преобразилось, стало почти приятным. Приятных воспоминаний больше не появится, да? Как ни посмотри, проще Винсу шагнуть с обрыва следом за Лесли Холройд, нет?

Винс содрогнулся. Солнце уже погружалось в море. Надо двигаться. Он вздохнул и одеревенело поднялся со скамьи, и полез вверх по ступеням на утес. Человек идет в никуда. Все тащишься и тащишься, все тощища и тощища.

Выход на поклон

Джексон бегал. Он вернулся в коттедж без единорожьего рюкзака и в весьма упадочном настроении. Пора перегруппировать серые клеточки. Про себя он поклонился Пуаро. Джексону бельгиец нравился больше, чем мисс Марпл. Бельгиец прямодушнее, а мисс Марпл неистошимо коварна.

В наушниках играла Миранда Ламберт^[70]. Самая его любимая. Блондинистая, фигуристая, поет о бухле, и сексе, и разбитом сердце, и ностальгии, и Джексон подозревал, что в реальной жизни слегка бы ее робел. И все равно она самая его любимая. Бегал он в лесу возле коттеджа. В лесу темно, сыро и пахнет грибами, пахнет осенью. Предвкушением

смены сезонов, что грозно маячила прямо за поворотом. Зима близко. Всегда. Сколько ни надейся, что она прекратит и воздержится впредь.

В лес вели две тропы. Одна центральная, целая дорога со стоянкой и кафе, и другая, гораздо уже, вблизи от коттеджа, – очень удачно спрятанная тропа, почти что секретная, и Джексон уже считал ее своим личным ходом в лес. На обоих маршрутах стояли официальные таблички – мол, уважайте лес, открыто в такие-то дни, не спускайте собак с поводка и прочее. Пускали не каждый день, поместье устраивало в лесу отстрел, а когда не было отстрела – выращивало то, что будут потом отстреливать. У Джексона в саду перед коттеджем чинно гуляли фазаны – ни сном ни духом о том, что их ожидает в конце. Расфуфыренные самцы были роскошны, но Джексону больше нравились скромные крапчатые самки.

Джексон нынче бегал много, хотя его колени и возмущались.

– У вас слишком старые колени, какой бег? – в лоб объявила ему терапевт.

Она была молода. Красивые колени напоказ. Красивые молодые колени. Ее ждет немало сюрпризов.

Джексон бегал в лесу, Джексон бегал на пляже. Джексон бегал на утесах. Если свернуть на север, добежишь до Кеттлнесса, Рансик-Бэй, Хиндеруэлла, Стиаза. Можно, наверное, добежать до самого Солтбёрна, но Джексон пока не пробовал. Можно свернуть с тропы на утесах и побежать в Миддлсбро, но вот куда он точно не побежит, так это в Миддлсбро. Побежишь в Миддлсбро – и возмутятся не только колени.

А если в другую сторону, можно бежать вдоль скал от аббатства Уитби до Робин-Гуд-Бэя. Робин-Гуд-Бэй Джексону нравился. Раньше там кишмя кишели контрабандисты. В далеком прошлом контрабанда казалась романтической – местные секретными тоннелями переправляли с берега бочки рома, ящики чая, тюки шелка. Бренди – залейся. Вроде бы в молодости Джексон читал про это книжку (или, зная молодого Джексона, проще предположить, что он читал комикс). А сейчас контрабанда подрастеряла очарование. Фальшак, героин, животные под угрозой исчезновения, люди под угрозой того же.

Обычно приезды сына-подростка и пожилой собаки мешали Джексону бегать. Натан не видел смысла в ходьбе, что уж говорить о беге («Смысла и нет», – пояснял Джексон), а Дидона отважно потрусилась бы с ним, но, вообще-то, Царица Карфагена теперь умела бегать только во сне.

Смысл, само собой, есть. Порой бегаешь, чтобы обогнать свои мысли, порой – чтобы догнать их и прижать к земле. Порой бегаешь, чтобы вообще не думать. Джексон пробовал медитацию (нет, серьезно, он

пробовал), но сидеть и не думать ни о чем у него не получалось. А у кого получается, вот честно? Джексону представлялось, как Будда сидит, скрестив ноги, под деревом, а над головой у него комиковое речевое облако и в нем, к примеру: «Не забыть купить собачий корм, проверить давление в шинах, позвонить бухгалтеру». А вот бег – это да, бег – это медитация.

Впрочем, сейчас в мыслях не протолкнуться – все заполонила девочка с рюкзаком. То есть уже, конечно, без рюкзака. Джексон перебрал все свои контакты в полиции – осталось меньше, чем он предполагал, многие вышли на пенсию, а кое-кто и умер, – и полезных не всплыло. Он слишком надолго выпал из настоящего детективного бизнеса. Забрасывая наживку и лова за руку неверных парней и мужей, имеешь дело не с преступниками, а с высокофункциональными болванами.

Что до софта, оптимизирующего изображение, Джексон даже не знал, как к нему подступиться, и отослал фотографию номера вчерашнего «пежо» Сэму Тиллингу, своему рьяному молодому подмастерью. Наверняка тот знает, что делать с фотографией. Если ему удастся расшифровать номер, Джексон запросит сведения о владельце в Инспекции автомобильного транспорта – лицензия частного детектива на что-то годна, хоть и мало на что. Отнюдь не впервые Джексон жалел, что ушел из полиции, – там все эти ресурсы под рукой. Почему ушел? Он не помнил, хоть тресни. Вероятно, по велению левой пятки.

Не поторопился бы на покой – был бы сейчас в шоколаде. Отдыхал бы от трудов праведных – хорошая пенсия, сбережения, досуга вволю. Обзавелся бы новыми умениями – хобби, на что раньше никогда не хватало времени. Научился бы, скажем, деревья определять. Вокруг их целый лес, но Джексон затруднился бы распознать хоть один вид. С дубом, наверное, справился бы, у дубов характерные листья, и в британской истории дубы занимают центральное место – кораблей-то сколько понастроили, великий флот Генриха VIII. «Сердце дубовое»^[71]. *Крепитесь, ребята, крепитесь.* Будущий король Карл II прятался в дубе^[72]. Когда Джексон был помоложе, его политические пристрастия тяготели к круглоголовым, а теперь он питал некое сочувствие к роялистам. Возрастная траектория, надо полагать.

Что до прочих деревьев в лесу, они оставались просто «деревьями», Джексон не отличит бука от березы. Хорошо бы кто-нибудь написал «Шазам» для деревьев. (Кто-то, вероятно, и написал.) Незаполненная рыночная ниша, считал Джексон. Весьма, правда, узкая, в основном для

членов Национального фонда^[73]. Средний класс, средний доход – хрупкий и под гнетом согбенный хребет Англии. Люди, которые заводят лабрадоров, слушают «Арчеров»^[74] и терпеть не могут реалити-ТВ. То есть я, подытожил Джексон. Хотя лабрадор выдан взаймы и, вообще-то, Джексон не слушал «Арчеров» («Ага, как же», – сказал бы тут Натан), только бесконечные пересказы Джулии. В своем роду Джексон первым втиснулся в ряды среднего класса, а если кто усомнился бы в его праве там находиться, Джексон в доказательство помахал бы тому перед мордой удостоверением члена Национального фонда. Может, Джулия и права – может, классовая война и закончилась, но проиграли не все.

На пробежке ему не повстречалось ни души. На этом краю леса мало кто появлялся. Помрешь тут – наверное, многие недели не найдут. А то и вовсе. Деревьев, если подумать, тоже касается. Когда в лесу падает дерево и некому это услышать, есть ли звук при падении? Вроде дзенский коан (да, Джексон знал слово «коан»), но на самом деле вопрос научный, про вибрации, и давление воздуха, и физиологию уха. Когда в лесу падает человек?..

Джексон полетел головой вперед, споткнувшись о корень, тайком поджидавший его в засаде, дабы отомстить за невежество. Тем хуже коленям. Зато вокруг некому полюбоваться, как идиотски Джексон плюхнулся, хотя, если прислушаться, он, кажется, различил хлопок одной ладони.

Он воздвиг себя на ноги, отряхнул себя от грязи и так далее, а затем побежал дальше – из леса, мимо своего коттеджа, по берегу ручья, мимо «Спрута и сердцевидки» и вверх на утесы.

В наушниках он включил Марен Моррис. Она пела о том, что ее машина – ее храм^[75]. От женщин такое редко услышишь. Джексону она в дочери годится (не говоря уж о том, что подняла бы его на смех) – иначе он бы попробовал на ней жениться. *Аллилуйя*, ага.

Небо еще марали охвостья красивого заката. Джексон бежал по старой железнодорожной ветке. Построили для обслуживания квасцовых карьеров, которые принесли благоденствие этому району побережья. Ветку никогда не использовали, проинформировал Джексона краткий местный путеводитель, поскольку вовремя догадались, что проложили ее слишком близко к оползающему утесу. Приехав сюда, Джексон представления не имел, что такое квасцовый камень. Оказалось, его добывают из сланца и используют для фиксации красителей, а при обработке нужно много мочи. Мочу сюда поставляли бочками. Занятный, должно быть, бизнес. Выше на

утесе до сих пор горами громоздился сланец – остался, когда закончили разработку. Старая железнодорожная ветка включена теперь в Кливлендский маршрут, и днем Джексон встречал здесь бодрых ребят с рюкзаками и трекинговыми палками, но сейчас, поздним вечером, народу не было. Раз-другой Джексону попадался олень, а сегодня на кромке утеса был человек.

Человек стоял на самом кончике выступа и глядел в море так, словно ждал свой корабль, который привезет ему не только счастье, но и ответ на вопрос о смысле жизни. Или, может, раздумывал о полете, точно птица, что поджидает восходящий поток. Стоял он очень близко к краю. Очень, если учесть, что тут все сыплется. Джексон стащил с головы наушники и свернул курсом вдоль выступа – он бежал, и сланец ерзал под ногами. Приблизившись, Джексон сбавил темп.

– Хороший сегодня вечер, – сказал бегущий стоящему.

Стоящий удивленно обернулся.

Прыгун, что ли?

– Вы бы поосторожнее, – посоветовал Джексон эдак непринужденно. – Тут весь утес оползает.

Пропустив совет мимо ушей, человек шагнул еще ближе к краю, и сланец у него под ногой просыпался дождиком. М-да, подумал Джексон, этому явно жизнь не мила.

– Вы бы, может, отошли чуток назад, – взмолился он.

С потенциальными прыгунами надо как с дергаными собаками. Не пугай их, дай им сначала разглядеть тебя хорошенько, а уж потом тяни руки. И самое-пресамое главное – не падай вместе с ними.

– Не хотите поговорить? – спросил Джексон.

– Да не особо, – ответил человек.

И шагнул ближе к полету. И еще раз. Джексон презрел собственные правила, сделал бросок, заключил человека в неловкие медвежьи объятия, и стоящий с бегущим, кувырнувшись с обрыва, стали одним человеком. Падающим.

Страх сцены

– А это, доктор, только верхушка айсберга!

– Принеси выпить, Гарри, будь так добр, – с напускной любезностью сказал Баркли Джек, выйдя со сцены.

Настроение у него было хорошее – вскормлен милосердья молоком^[76]. Вчера вечером его менеджер Тревор, не предупредив Баркли Джека («Не хотел выбить тебя из колеи»), пришел на выступление и привел телевизионщика – захоластный какой-то канал, зрителей – жалкая горстка, но все же ТВ, и телевизионщику, сказал Тревор, «понравилось то, что он увидел».

Когда Гарри вручил Баркли Джеку стакан с джином, у Баркли в кармане завибрировал телефон.

– У-у-у, Баркли, – сказал Соня Кристи. – Это у тебя телефон или ты просто рад меня видеть?

– Отъебись, Вдова Твенки^[77].

От прилетевшей СМС хорошему настроению вмиг пришли кранты – молоко милосердья скисло. Пару секунд Баркли Джек непонятливо тарачился в экран, потом до него дошло. Кровь отлила от головы. Ноги затряслись и подломились, точно колонны при землетрясении. Баркли был повержен. Буквально.

– Гарри, бегом, – услышал он Сонин голос. – Тащи сюда мужика из «скорой» Святого Иоанна, пока из театра не ушел. У нашего козла сердце прихватило.

А потом настала тьма.

Все хотят быть волком

ЮЭН: Чо вечер?

ХЛОИ: Ничо. ИРЛ?

ЮЭН: Когда ок?

ХЛОИ: 4?

ЮЭН: Да?? Топчик? Где?

ХЛОИ: Спа?

ЮЭН: Гуд. Эстрада?

ХЛОИ: Ок

ЮЭН: Ок! Пока!

Все равно что иностранный язык учить. Да это и есть иностранный язык. Хлои – настоящая Хлои – сидела под замком у себя в спальне, наказанная до конца дней своих, после того как ее мать обнаружила, что дочь окучивают онлайн. «Юэн» утверждал – и это маловероятно до крайности, – будто любит щенят, и «Хелло Китти», и зализанную корейскую мальчиковую группу, которую Джексон в некоем замороженном ужасе посмотрел на «Ютубе».

– К школите внедряешься? – застукав его за этим занятием, съязвил Натан.

На самом же деле, предполагал Джексон, этот Юэн, вероятно, жалкий мужик за сорок, сидит перед компьютером в одних трусах.

(– Вообще-то, – сказала Джулия, – очень многие педофилы довольно молоды.

А она-то откуда знает, господи боже?

– У нас был про это эпизод в «Балкере». Не смотрел?

– М-м, пропустил, наверное, – сказал Джексон.

Собственно, он это знал и сам – а предпочел бы не знать. Представлять себе, как пацаны немногим старше Натана охотятся на девочек в интернете, – бр-р.)

Мать Хлои, страшная женщина по имени Рики Кемп, традиционными путями через полицию решила не ходить – в основном потому, что партнер ее, отец Хлои, был действительным членом криминального братства восточного побережья.

– У меня есть очень неприятные знакомые, – сказала она.

Джексон не сомневался.

Рики вручила ему ноут и телефон дочери, и теперь Джексон прикидывался Хлои, чтобы заловить Юэна. Окучивание наоборот в странном мире темной справедливости^[78].

– Возьмете его – сразу отдайте мне, – проинструктировала Рики.

Джексон ничего не имел против провокаций – они составляли львиную долю его бизнеса, – и против удаления с улиц очередного извращенца он тоже ничего не имел, но вот насчет отдать – большой вопрос. Он же не виджиланте, ну правда, честное слово, хотя его представления о добре и зле и не всегда совпадают с принятой практикой правоприменения. Иными словами, закон Джексон нарушал. И не раз. Во имя добра.

Пусть Юэн – прискорбный обсос, но хочет ли Джексон отвечать за то, что Юэна измочалят в кровяную – а может, и того хуже – отец Хлои и его подпольные дружбаны? Если randevу с Юэном состоится, Джексон планировал рискнуть, навлечь на себя гнев местной мафии, произвести гражданский арест, а затем позвонить в полицию – и пускай закон примет Юэна в свои хладные мертвые объятия.

Будем надеяться, все разрешится уже сегодня в четыре часа дня, когда у них назначено «свидание».

Джексон сварил себе кофе на «Аге» не без помощи верного старого друга, кофеварки «Бьялетти», и сел под утренним солнышком на скамейке за дверью. Пришкандыбала Дидона и растянулась у его ног на газончике. Джексон почесал ее за левым ухом – ей так больше всего нравится, – и шерсть у нее вдоль хребта встала дыбом.

(– А ты встаешь дыбом, если я чешу за твоим ухом? – спросила Татьяна.

С Дидоной она знакома. Говорила, что любит собак. Когда она была «маленький ребенок», выступала с собачьей труппой.

– Мы вместе показывали шуры-муры, – сказала она Джексону.

– Фокусы-покусы, – поправил он.

– Неважно.)

Джексон праздно гадал, как там Винс. Фамилия всплыла не сразу – пришлось перебирать по алфавиту все на «А», пока не добрался до «Й». Айвс. Сент-Айвс, подумал он, в честь святой Ии. В Корнуолле Джексон никогда не бывал – на карте Великобритании оставались крупные белые пятна, которые он не исследовал. (Лестершир – загадка. Саффолк – то же самое. И, будем честны, масса других районов.) Может, стоит поездить. Большое путешествие по королевству. Может, и Сент-Мэри-Мид найдется, если хорошенько поискать.

Винс Айвс, вероятно, никакой не святой, но и на грешника вроде не

похож. Хотя кто знает?

Сверзиться с утеса – не каждый день такая радость. По счастью, выяснилось, что чуть ниже имеется удобная спасительная полка в пологой скале, и пролетели они всего несколько футов – хотя оба орали так, что могли запустить лавину, – а потом сползли и застыли в считанных дюймах от края.

Да ебаный же в рот, думал Джексон, лежа на спине и глядя в темнеющее небо. Сердце колотилось, как после спринта, и «старые» колени в очередной раз не возблагодарили судьбу, нещадно грохнувшись о камень. Джексон не без труда сел и сказал стоявшему, а ныне лежащему человеку:

– Там ниже голая скала, и второй раз я вашей акробатике мешать не стану. Все ясно?

Мужику хватило совести устыдиться.

Раз человеку жизнь не мила, рассудил Джексон, разумно, пожалуй, увести его подальше от обрыва.

– Пошли, – сказал он, осторожно поднявшись и протянув руку Винсу – опасно, на случай если у того опять случится миг безумия и он решит сдернуть Джексона с утеса.

Винс – так его звали. «Винс Айвс», – сказал он, выставив ладонь для рукопожатия, словно они на вечеринке или конференции, а не балансируют, попирая смерть, на краю обрыва. Ему ужасно неловко, сказал Винс.

– Миг безумия. Я, как бы это, достиг точки опрокидывания.

– Может, выпьем? – предложил Джексон, когда они сошли с утеса и вернулись к тому, что в здешних краях сходило за цивилизацию. – Вон там вроде еще открыто, – прибавил он, ткнув пальцем в «Спрута и сердцевидку».

Винс Айвс не обрадовался – более того, активно воспротивился:

– «Спрут»? Нет уж, спасибо, – и, кажется, слегка содрогнулся, поэтому Джексон привел его к себе, как собаку-потеряшку. Разжег огонь в камине и предложил виски, но Винс отказался. Судя по всему, он весь день не ел, поэтому Джексон приготовил чай и тосты на двоих.

Если ты спас чью-то жизнь, думал Джексон, ставя чайник на плиту, день хорош. Еще лучше – если остался в живых сам. Он от всей души надеялся, что не придется вспоминать эту сентенцию каждый божий день: очевидно, что одну или обе части уравнения он рано или поздно обречен прохлопать.

В конце концов Винс немного оклемался, и выяснилось, что у них

с Джексоном есть кое-что общее. Оба из одних краев и оба из горсточки братьев.

– Горсточка счастливец^[79], – сказал Винс, хотя счастьем там и не пахло.

Не очень-то похож на солдата, подумал Джексон.

– Корпус связи, – пояснил Винс. – В прошлой жизни.

– Да что уж тут, – сказал Джексон. – Я когда-то был полицейским.

Знакомая история. Кризис среднего возраста, все бессмысленно, депрессия, трали-вали. Я все проморгал, доложил Винс.

– Все там были, – ответил Джексон, хотя, если по правде, сам он позволял себе заглянуть в эту бездну разве что мельком. Всегда считал, что от экзистенциальных терзаний пользы ноль. Что-то не нравится – поменяй, не можешь поменять – терпи и валяй дальше, шаг за шагом.

(– Напомни мне не обращаться к тебе за психотерапией, – сказала Джулия.)

– Тащился по жизни, – продолжал Винс. – Ничего интересного не сделал, ничего важного. Вел очень *маленькую* жизнь. Вожаком стаи никогда не был, понимаете?

– По-моему, прелесть жизни альфа-самца сильно переоценивают, – сказал Джексон. – Можно просто быть в строю. «Не меньше служит тот высокой воле»^[80] и так далее.

Винс мрачно вздохнул.

– Не только в этом дело. Я все потерял – работу, жену, дом, собаку. И дочь, в общем, тоже, – прибавил он.

Список был длинный и Джексону знакомый.

– Моя первая жена со мной развелась, – сообщил он из солидарности.

– То есть вы женились снова?

– Ну как бы да, – сказал Джексон и мигом пожалел, что вспомнил Тессу, или как ее на самом деле звали. Волчица. Некая мужская гордость не позволяла сознаться чужаку, что вторая жена была коварная продажная мошенница, с хирургической точностью отрезала Джексона от его денег и растворилась в ночи. Вместо этого Джексон сказал: – Ну, нет, там тоже не сложилось.

– Как будто жизнь против меня, – сказал Винс. – Как будто я проклят.

– Порой вы лобовое стекло, Винс, – сказал Джексон, – порой вы жук на стекле. – Так, во всяком случае, пела Мэри Чейпин Карпентер, спасибо «Дайр Стрейтс»^[81].

– Наверное, – согласился Винс, медленно кивая и дожевывая тост.

По опыту Джексона – хороший знак. Человек, который ест, чаще всего руки на себя не накладывает.

– И без толку цепляться, если все прошло, – продолжал Джексон. (Джулия права: видимо, психологические консультации – не его конек.) – Сами знаете, как говорят. – (Ну, Кенни Роджерс так сказал бы.) – «Знай, когда надо сыграть, знай, когда надо сбросить»^[82].

Так-то лучше, решил он, – просто и дальше цитировать кантри, там советы получше всего, что он в силах сочинить сам. Хэнк, впрочем, стоит избегать – «Мне так одиноко и хочется плакать», «Я из этого мира не выйду живым», «Пусть не настанет завтра, мне плевать»^[83]. Бедный старина Хэнк, не лучший психологический фураж для человека, который только что пытался сигануть с утеса. Или, может, Винс знал про эту спасительную полку? Понимал – в отличие от Джексона, – что предприятие не так уж и опасно? Не полновесный суицид, а крик о помощи? Будем надеяться.

– Венди, моя жена, забирала все – а я для нее был как будто ничто. Никто.

– Ее задела рукоять, Винс, а вас задел клинок. – (Благодарю тебя, Эшли Монро^[84].)

– И меня сократили. Проработал двадцать с лишним лет. Впахивал как лошадь, не разгибая спины, все клише по списку, никогда не жаловался.

– Найдете другую работу, Винс.

Найдет ли? Мужу под пятьдесят, набрал полвека на питче – и кому ты после этого сдался? (Джексон завел обыкновение смотреть крикет по телевизору. Чего не афишировал – считал за тайный порок.)

– И служебную машину отняли, – сказал Винс.

– А, да, вот это беда, – согласился Джексон.

Нет на свете кантри, что утешит при такой катастрофе. Как поклоняться, если нет храма?

Лишь когда Джексон предложил подвезти Винса Айвса домой (настоял даже, на случай если тот решит опять заглянуть на утесы), Винс, уже пристегиваясь в машине, сказал:

– Моя жена сегодня умерла.

– *Сегодня?* Которая с вами разводится?

– Она, да.

– Господи, Винс, соболезную ужасно.

Кажется, они добрались до истинной причины – вот с чего мужик решил прыгнуть с верхотуры. Рак, предположил Джексон, или несчастный случай – ан нет.

– Убита.

– *Убита?* – эхом переспросил Джексон; серые клеточки встали по стойке смирно. Все-таки он когда-то был полицейским.

– Да. Убита. Просто вслух сказать – уже абсурд.

– И *вы* ее не убивали?

(Уточнить-то надо.)

– Нет.

– Как ее убили? Вы знаете?

– В полиции сказали, забита клюшкой для гольфа.

– Господи боже. Кровавое дело, – отметил Джексон.

Не говоря уж о том, что личное. Хотя он видал и похуже. («А ты сколько трупов видел? Ну, типа за всю жизнь?»)

– Я играю в гольф, – сказал Винс. – Полиция очень заинтересовалась.

Крикет – ладно, а вот гольф для Джексона – вообще загадка. Он бы судьбу вселенной поставил на то, что никогда в жизни в гольф играть не будет. Он даже не бывал на поле для гольфа – только один раз, детективом в Кембридже, когда нашли труп на неровном участке поля «Гог-Магог». (Есть ли на свете поле для гольфа, названное нелепее?)

– В гольф кто только не играет, – сказал Джексон Винсу. – И от этого не начинают убивать. Ну, как правило.

Винс Айвс играл в гольф, его жена убита клюшкой для гольфа, следовательно, Винс Айвс убил свою жену. Как-то это называется... логическая ошибка? (Или Джексон сочиняет? Серые клеточки крепко задумались, но – какой сюрприз, ага, – ничего не придумали.)

– А ваши клюшки *где*, Винс?

– Можно мы поедem? Я весь день только и делаю, что отвечаю на вопросы.

– Лады.

– Господи, я вспомнил, – сказал Винс. – У меня был паттер, лишний, лежал в гараже. Я с ним на газоне тренировался. Венди это ненавидела. Удивительно, что не поставила табличку «По газону не ходить». – Он вздохнул. – Наверняка вся клюшка в моих отпечатках.

– Наверняка.

Выехали они уже по темноте. Джексон намотал столько миль туда-сюда по A171, что уже выучил этот асфальт до последнего дюйма. Как-то

без толку возвращаться домой – с утра пораньше опять ехать, забирать Натана и взваливать на себя бремя родительства. Заночевать в «Краун-Спа»? Можно лечь у Джулии в номере на полу. Может, она его даже в кровать пустит. Хорошая идея? Плохая? Прилив или отлив? Да черт его знает.

Джексон предложил довезти Винса до квартиры, но где-то в глуши переулков тот сказал:

– Не, давайте здесь. Сойдет и так. – Угрюмо хмыкнул, а Джексон не понял, что смешного.

Джексон позвонил Джулии из-под дверей «Краун», но ее сонный отклик особых надежд не внушил («Джексон, отстань»), и он хотел было устало отправиться в обратный путь, но тут вспыхнул экран телефона. Джексон решил, что она передумала, однако она сообщила только, что Натан отбыл ночевать к однокласснику, чья семья разбила лагерь на природе неподалеку, но не мог бы Джексон все равно забрать Дидону?

– Я поднимусь, – сказал он, но Джулия ответила:

– Нет, я спущусь, – и поди пойми, что это значит. Она там не одна? Или боится, что, узрев Джексона вблизи своей постели, уступит великой страсти и падет ему в объятия? Ага, как же.

Она вышла в тихий вестибюль босиком, всклокоченная и в пижаме до того древней, что Джексон помнил ее по временам, когда еще был с Джулией. Обольщать не расположена.

– На, – сказала она, вручая ему собачий поводок с собакой на конце. И ретировалась, сонно сказала: – Спокночи, – и зашлепала вверх по лестнице.

(– Ты когда последний раз спал женщину? – осведомилась Татьяна пару дней назад. – Настоящую женщину?)

Джексон воспользовался правом хранить молчание.)

– Мы с тобой хвосты поджали, да? – сказал он Дидоне в зеркало заднего вида, отъезжая от гостиницы, но Дидона уже спала.

Итак, Джексон получил собаку, а мальчика не получил и сам удивился, до чего расстроен его отсутствием.

Он выпил кофе, проверил телефон и обнаружил, что Сэм Тиллинг прислал номер «пежо». Все отлично читается, и Джексон отправил в Инспекцию автотранспорта запрос сведений о владельце. Скорого ответа он не ожидал. Позвонил Сэму и поблагодарил.

– Как там Гэри и Кёрсти?

– Те же яйца, – ответил Сэм. – Вчера – буррито с курицей в «Олл-бар-

уан» на Грик-стрит.

– Фото есть?

– Ага. Послал миссис Рулькин. Передавала тебе привет.

– Так держать. Закончишь – куплю тебе леденец.

– Ха. Точка. Ха.

В доказательство мужниной неверности Пенни Рулькин собрала гигантское досье. Потому что Ее Надоумил Иисус? Вряд ли, но об этом рассуждать не Джексону. Обманутые жены – сами себе закон. Вдобавок они оплачивают счета и не подпускают голодных волков к дверям.

(– Тебе никогда не приходило в голову, что волк здесь ты? – спросила Джулия.

– Ага, одинокий, – сказал Джексон.

– Я знаю, что тебе приятно так думать, но в одиноком волке ничего героического нет. Одинокий волк просто одинок.)

На телефон прилетели новые фотографии. У Джексона с Сэмом Тиллингом был общий альбом, посвященный Гэри с Кёрсти. Эти двое только и делали, что лапали друг друга в общественных местах – «миловались», как выразилась бы Джулия. («Обожаю это слово», – говорила она.) По всему выходит, что Джулия больше не хочет миловаться с Джексоном ни в общественных местах, ни наедине. Может, ей нужны гарантии. Может, надо позвать ее замуж. (Он что, правда так подумал?)

Кофе Джексон допил. До свиданки с Юэном времени вагон, куда бы его деть – побегать? Джексон с сомнением глянул на Дидону – та тихонько похрапывала на солнышке у его ног. Вместе они осият разве что неспешную прогулку.

Телефон зажужжал. Джулия хочет извиниться за вчерашнюю бесцеремонность? Но нет. Звонил клиент. Новый.

Девчонки, девчонки, девчонки

– Слыхал новости? – спросила Рода наутро, когда Энди вошел в кухню «Спрута и сердцевидки».

Рода готовила завтрак, жонглировала сковородками и лопатками – удивительно, до чего грозно у нее получалось. По утрам она была неумолимо расторопна. Да и в любой другой час дня. Досадует, наверное, что Энди вечером не приехал из Ньюкасла напрямик домой. А Энди завернул в «Бельведер», где одиноко пил. Порой лучше пить, чем думать. Очень часто, скажем прямо. Когда он наконец ввалился в дверь, Рода спала и храпела громче Лотти.

– Новости? – переспросил Энди, хватаясь за кофейник, как за спасательный круг.

Аромат бекона на сковородке он вдыхал, как чистый кислород. Со сна, не говоря уж о медленно надвигающемся похмелье, в мозгах еще мутилось.

– Про что новости?

Новости редко бывают хорошими – такое у Энди было мнение. У новостей всегда бывают последствия.

Он попытался было слямзить со сковороды бекона на сэндвич, но получил по рукам. Рода уже засыпала его распоряжениями:

– Последись за сосисками? А то у меня тут яйца трех видов. И заряди тосты, ладно? Пара из «Фастнета» хочет полный английский – ему глазунью, ей болтунью. Мужчина в «Ланди» тоже хочет полный английский, но его жене подавай непременно пашот. А лесбийские вегетарианки в «Роколле» уверяют теперь, что они веганки. В морозилке веганские сосиски – достань четыре. И открой фасоль.

– Какие новости? – не отступил Энди перед этим штурмом.

– Про Венди, – сказала Рода, разбивая яйца в сковородку под плевки жира.

– Венди. Венди Айвс? – озадачился Энди. – Венди Истон, или как там она теперь зовется? Что она еще натворила?

– Особо ничего – вступила в клуб мертвых жен.

– Куда вступила?

– Убита, – сказала Рода, смакуя слово до неприличия.

– Убита? – Замороженный алкоголем мозг Энди побродил вокруг этого слова, но не понял, что видит. – Убита? – Если повторить, тоже не очень-то помогает.

– Да, убита. Ее убили. – Рода помолчала, заглянула в свой внутренний словарь. – Забили, – вот что она оттуда извлекла, кромсая кровяную колбасу. – Замочили, – прибавила она не без удовлетворения. – Не стой столбом, достань сосиски.

– Как ее убили? – спросил Энди. Бекон пахнул уже не так аппетитно. (Замочили?) – Когда? И кто, господи боже? Я ничего не понимаю.

Он смутно припоминал, как вчера в машине по пути домой слышал местные новости. «Убита женщина...» Но безымянная, не «Венди»... жена Винса, елки-палки! Энди достал сосиски из морозилки и вчитался в список ингредиентов.

– Тут написано, что в них яичные белки, – сообщил он.

– Очень жаль, больше ничего нет. Коблы все равно не различат.

У Роды водилось немало гомосексуальных друзей обоих полов, но это не мешало ей обзывать дурными словами у них за спиной. Мужчин с такими склонностями она носила на локте, точно дизайнерские сумки, каковых у нее было несколько, возмутительно дорогих: Энди покупал на дни рождения и Рождество. И наручные часы-другие. Таким методом (он, впрочем, мало что менял в общей картине) Энди тратил копящиеся деньги. Кое-какой нал оставить на руках, конечно, можно. Эти деньги хранились под крышей на чердаке. И кое-что можно провести через бухгалтерию в компании или сбросить в маникюрный бар. Сумки и часы Энди почитал не за отмывание бабла, а за хранение – и вдобавок, если припрет, все это можно и перепродать. Роде он говорил, что «ролексы» и сумки «Шанель» фальшивые, хотя все совершенно настоящее. Перевернутый мир какой-то.

В том году на день рождения Энди подарил Роде «патеок-филипп», как есть подлинник, из ювелирной лавки в Лидсе. Мужик за прилавком напрягся, увидев нал, но Энди объяснил, что выиграл аккумуляторную ставку.

– «Янки», в Редкаре, – счел необходимым пояснить он.

Часы стоили небольшое состояние. За ту же цену можно было купить целую улицу террасных домов в Миддлсбро. А может, и сам Миддлсбро, если бы приспичило. Энди наврал Роде, что это фальшак, клиент из Гонконга привез. Рода надела часы всего раз, сказала, мол, слишком очевидно, что не подлинные.

(– И бога ради, кончай покупать мне часы. У меня всего одно запястье, и это же ты вечно везде опаздываешь, а не я.

Запястий у нее два, подумал Энди, но вслух не высказал.)

– А, и кстати, – продолжала Рода. – Забыла рассказать, потому что ты пришел так поздно... – И подержала паузу, чтоб наверняка дошло.

– Да-да. Ужасно извиняюсь и все такое. Чего? – спросил он. – Что ты забыла рассказать?

– Тебя вчера искала полиция.

– Полиция? – осторожно переспросил он.

– Да, полиция. Два детектива-констебля. Девчонки. Им бы в начальной школе на уроках сидеть. Приходили утром, а потом еще раз вечером.

– Интересно, чего им было надо, – пробормотал Энди и снова потянулся за кофейником.

Наливая, увидел, что рука подрагивает. Интересно, заметила ли Рода.

– Может, думают, что это ты кокнул Венди, – сказала она.

– Чего? Я не кокал Венди! – возмутился он.

– Точно?

– «Точно»? Еще как *точно*. Я ее которую неделю не видел.

– Во дурилка, – зафыркала Рода. – Шучу я. Ты правда думаешь, что заподозрят *тебя*? Они сказали, у них там какая-то писанина. Опять штрафы за парковку не оплатил?

– Да, наверное.

– Или, может, про Винса хотели спросить – ну, типа, может, ты его видел. Ты же с ним пил, нет? Позавчера вечером? Можешь предоставить алиби.

– Ты считаешь, они подозревают *Винса*?

– Ну, обычно ведь муж убивает, – сказала Рода.

– Правда?

– У тебя, между прочим, сосиски вот-вот сгорят.

– Но *Винс*? Да ладно. – Энди убрал сосиски с гриля и при этом обжег пальцы. – По-моему, он не мог. Ему смелости не хватит.

– Не знаю, – сказала Рода. – Мне вот всегда казалось, что он какая-то темная лошадка.

– Серьезно?

– Там вообще ужас что – ей клюшкой для гольфа проломили башку. Нашли тело в саду за домом, одежды – кот наплакал. И вот сиди гадай, чем это она занималась.

– Ты откуда все это *знаешь*? – опешил Энди.

– От Триш Паркер, – объяснила Рода. – Мать одного из тех, кто нашел тело. Она в моем книжном клубе.

– В твоём *книжном* клубе?

Неясно, чему тут изумляться больше – что Венди Айвс убили или что Рода ходит в книжный клуб.

– Первое правило книжного клуба, – сказала Рода, – нет никакого

книжного клуба^[85]. Тост ты тоже планируешь сжечь?

– Прошу, сквайр, ваш полный английский, он же полный йоркширский, как мы его называем, – возвестил Энди, доставив чреватую обещанием инфаркта тарелку мужчине из «Ланди». – А для вашей прелестной дамы – два идеальных яйца-пашот. Свободный выгул, органические, с фермы дальше по дороге. – (Или из супермаркета «Моррисонс», как мы его называем, прибавил он про себя.)

Чего хотела полиция? Желудок в страхе исполнял сальто, запах яичницы тоже не способствовал. Утренние любезности давались сложнее обычного.

А на Томми полиция вышла? Улучив момент, Энди метнулся в коридор и звякнул Томми, но у того сразу включилась голосовая почта. Не успел Энди придумать, что сказать, из столовой донесся визг, а затем пронзительное «алло» Роды, устремившейся на охоту за мужем.

– Эндрю! Господи боже, ты лесбиянке принес кровавую колбасу!

До Ньюкасла Энди добирался почти три часа. На А19 грузовик рассыпал груз, и полиция перенаправляла движение вокруг руин бытовой техники. Энди вскользь посочувствовал громадным картонкам, разбросанным по обочине, точно павшие солдаты. Одна лопнула – на боку горестно валялась стиральная машина, помятая и побитая. На ум пришла Венди Айвс, которой *клюшкой для гольфа проломил башку*.

Какой клюшкой? – рассеянно размышлял он, пока полз мимо коробочных развалин. Вот он бы что выбрал для такой задачи? Вуд, пожалуй, – впрочем, нет, мы же не на фервей голову Венди забрасываем. Лучше всего короткий айрон – восьмой или девятый? Остановился на паттере. Ведж на конце тонкий. Расколет череп, как яйцо. Ход мысли внезапно прервался – Энди сообразил, что груз растерял тягач «Грузоперевозок Холройда». Томми устроит шоферу веселую жизнь.

Энди снова звякнул Томми, но тот по-прежнему не отвечал.

Когда настала пора загонять Жасмин и Марию из кисайдской квартиры к себе в машину, Энди уже вымотался, будто отпахал полную смену и еще сверхурочно. Пожитки девушек за ночь размножились, и вещи он запихивал в багажник целую вечность. Позвонили с незнакомого номера, и Энди предоставил звонившему общаться с голосовой почтой.

Толком не успели двинуться в путь, как пришлось тормозить на бензоколонке и покупать девушкам бургеры. Энди тоже съел бургер –

желудок, безжалостно лишенный сэндвича с беконом, с голоду был, – но от бургера лишь сильнее замутило. Энди воспользовался моментом и послушал голосовую почту. Детективу-инспектору Марриот требуется наскоро с ним побеседовать. Он не мог бы перезвонить? Нет, не мог бы. Рода ведь говорила, что приходили констебли? А теперь звонит инспектор? Обложили со всех сторон. Энди снова позвонил Томми, но тот не ответил – по обоим телефонам. Стало нехорошо, и виноват был не только бургер. Почему к Энди тянутся длинные руки закона?

Они проехали Ангела Севера^[86] – Энди показал его Жасмин и Марии:

– А это, девчонки, Ангел Севера.

Ну прямо записной экскурсовод. Обе поохали и поахали – можно подумать, поняли.

Ангел-то – он мужчина или женщина? Ангелы вроде бесполое? Приятно думать, что Ангел возвышается над Энди, оберегая его, но на самом деле, наверное, судит. Вот честно, не вел бы машину – ткнулся бы лбом в руль и зарыдал от бессмысленности всего на свете.

– Скоро приедем, – сказал он, ободрительно улыбаясь девушкам в зеркало заднего вида.

Пришлось еще раз тормознуть на бензоколонке «Роудшеф», чтоб девчонки сходили в туалет. Пока ждал, купил шоколадок и фанты в банках – обе хлестали только ее. В уборной они проваландались сто лет, и в миг паранойи Энди почудилось, что они сбежали, но в итоге девчонки вернулись, хихикая как полоумные и треща на своем непостижимом языке.

– Не угодно ли прохладительного, дамы? – иронически изобразил он джентльмена, усадив обеих назад в машину.

Опять хиханьки.

Они напоминали Энди одну знакомую тайку из Бангкока, за пару лет до Роды. Смеялась, что бы он ни говорил, восторгалась, что бы ни делал. Отчего Энди мерещилось, что мужчин забавнее и интереснее его не рождалось на свет. Сплошное притворство, ясен пень, но разве это важно?

Энди хотел привезти ее домой, жениться, народить детей – весь набор. А не сложилось. «Передумал», – сказал он тогда Томми, но, вообще-то, передумала девушка. У нее было странное тайское прозвище... Шомпу? В таком духе. Томми всегда именовал ее «Шампунь». Томми тогда поехал с Энди, они занимались «Пансионатом», как это у них называлось, хотя собственно названия не было никакого, только номер дома на окраине Паттайи. Шомпу теперь, судя по всему, подалась в буддийские монахини.

Томми закорешился с Бассани и Кармоди за несколько месяцев до того, как втянули Энди. Томми для них занимался рэкетом по мелочи – он тогда

еще выступал на ринге, и если они вляпывались, пара кулаков всегда пригождалась. Громила, «телок». Сейчас он от грязной работы воздерживался. Обзавелся парочкой, как он выражался, «замов» – здоровенные социопаты Джейсон и Василий. Энди всегда считал, что Василий русский, но уточнить так и не собрался – не очень-то интересно. Оба выполняли все, что ни попросишь. Страшное дело.

В таиландский так называемый «Пансионат» Тони Бассани и Мик Кармоди с друзьями и знакомцами схожих вкусов ездили «отдохнуть». Среди этих друзей и знакомцев было много важных, тузовых даже – минимум один просто судья, главный судья, горстка служащих муниципальных советов, крупные полицейские чины, судебные адвокаты, один-два члена парламента. В «Пансионате» они отрывались по кроткому и покладистому местному населению. «Кроткому» и «покладистому» – это, пожалуй, неточно. Забитому и эксплуатируемому – так, пожалуй, точнее. В основном несовершеннолетние – их там десяток за пенни. И, если уж на то пошло (сам перед собой оправдывался Энди), их же не под дулом пистолета заставляли. Кроме одного раза, который лучше забыть. Для Томми и Энди тот раз и стал началом конца.

– Пора резко уматывать, согласишься? – сказал Томми.

Энди с этими людьми никогда не встречался, даже с Бассани и Кармоди. Нет, в «Бельведере» видал, ясен пень, – на грине, в клубе, с женами, вечерами по субботам, – но не был представлен: осторожность прежде всего.

На Энди вышел солиситор Бассани и Кармоди. Честолюбивый салага, только со стажировки. Незадолго до того Бассани и Кармоди расплевались со старой и авторитетной адвокатской конторой и нового юриста выбрали, видимо, за то, что ради бабла носом землю рыл, а угрызения совести, в общем, побоку. Представлял их в гражданском процессе по недвижимости, и, сказал, им понравились его прихваты.

Клиентам его, поведал солиситор, требуется турагент, а сам он будет посредничать.

– Ну чего, нормально, – сказал Энди.

Солиситор, решил он, чутка идиот. (В смысле зрелости и цинизма Энди опережал его на добрых десять лет.) Чувак вел себя так, будто скорешился с мафией, а клиент у него – Аль-Капоне. Дело было в конце девяностых, и больше всего солиситор смахивал на Тони Блэра. Радужный скользкий тип, ничего к нему не липнет. Его клиенты, сказал солиситор, хотят себе отпускную недвижимость – эдакий пансионат, отдохнуть от напряженной жизни в Великобритании. Надо будет организовывать поездки для них и

для их друзей. Сам солиситор займется бумагами («формальностями»), а сейчас подбирает того, кто готов поехать и поискать.

– Типа агента по недвижимости? – удивился Энди.

– Примерно, – ответил солиситор.

– Так и где, – спросил Энди, – эти ваши клиенты желают обзавестись недвижимостью? Бенидорм? Тенерифе? Можно Айя-Напа – сейчас набирает популярность.

– Мы подумывали, Таиланд.

– А, очень экзотично.

– У этих джентльменов экзотические вкусы. Давайте вы туда съездите и глянете.

– Я? – переспросил Энди.

– Да, вы, – ответил Стив Меллорс.

Недвижимость будет не на их имя, сообщил Стив Меллорс, – у Бассани и Кармоди на подобные случаи была компания «Сан-Кэт», и с таким названием, считал Энди, контора должна заниматься санитарией – бумажные полотенца в мужском сортире менять или опустошать корзины для «предметов женской гигиены». Лишь многие годы спустя выяснилось, что это гибрид имен их старших дочерей, Сантины и Кэтлин. Возникают вопросы.

Конечно, Энди знал, кто такие Бассани и Кармоди. Их знали все. Их влияние распространялось на все восточное побережье – везде успели. Бассани – император мороженого, Кармоди – владелец галерей игровых автоматов и парков с аттракционами. Работали в муниципалитете, славились филантропией, Кармоди даже один срок отбыл лорд-мэром, бряцал и лязгал регалиями. У таких людей на пальцах золотые перстни с печатками, а в гардеробе – лестно для фигуры скроенный смокинг, и не один. Перед такими людьми все виляют хвостом, потому что они делают одолжения: ордера на строительство, исходно-разрешительная документация, лицензии на торговлю спиртным, контракты на частный извоз – все это было у них в прейскуранте, если ты готов платить. Иногда плата – молчание.

Про другое, давнее, на чем строилось судебное дело, Энди тогда особо не знал. «Вечеринки», дети. Сейчас знал, что многое и не всплыло, массу народа из их круга так и не вычислили. Многие годы грехов, аж с семидесятых, восьмидесятых. Их высокопоставленные друзья и знакомцы годами обменивались детьми друг с другом. Неприкосновенные лица. Это их имена Кармоди собрался выдать? Большинство уже умерли, – может,

потому он и готов заговорить.

Бассани и Кармоди арестовали спустя годы после того, как от «Пансионата» избавились, а к тому времени Энди и Томми уже обрубали все связи, и о том, что эти связи были, так никто и не узнал. Стив, ясен пень, тоже давным-давно не консультировал Бассани и Кармоди. Когда начался суд, их защищала пара придурков а-ля «Норт-сквер»^[87], а молодого солиситора, некогда рулившего их делами, и след простыл. Язык они не распускали, никаких имен не выдали, и Энди еще гадал тогда, не потому ли, что они боялись возмездия – себе или своим родным. За многие годы они успели состряпать кое-какой грязный бизнес с кое-какими могущественными людьми, и эти люди запросто могли устроить им нечаянную смерть от пера в тюремной душевой.

Пока шел суд, слухи разлетались только так. Например, про «черную записную книжечку», – впрочем, ее так никто и не обнаружил, никто не узнал имен мужчин, которые на протяжении десятилетий обменивались детьми, мужчин, ходивших друг к другу в гости на «особые вечеринки». А вот Энди их имена знал – он устраивал им поездки в Бангкок и из Бангкока. Видел их паспорта. Делал копии. И хранил все бумаги. Мало ли когда понадобится страховка. Черная записная книжечка. И не черная, и не книжечка, и от руки ничего не записано – файл на флешке, спрятанной в горах налички на чердаке «Спрута и сердцевидки».

Расставшись с Бассани и Кармоди, они втроем, Стив, Томми и Энди (три мушкетера, прозвал их Стив, – дурацкая кликуха) занялись девчонками.

«Андерсона, Прайса и партнеров» придумал Стив. Кадровое агентство, на вид легальное, «абсолютно кошерное». Только девчонки, потому что на девчонок всегда спрос – всегда был, всегда будет. Партиями – ни за что. Привозим по одной, максимум попарно, как на Ковчеге. Все по-честному – никаких детей, никаких беженцев. Только девушки.

Томми согласился мигом, но он вообще души не чаял в Стиве, непонятно почему.

Энди не торопился, но Томми сказал:

– Хитрый, да ты не парься, это ж не бизнес, а прям вечный двигатель.

Чистая правда.

«Андерсон, Прайс и партнеры» – официальное лощеное лицо. «Экзотическое путешествие» Энди завозило девчонок в страну. Спрос и предложение – фундамент капитализма, так? Девчонки у них уже из ушей лезли.

– Экспоненциальный рост, – говорил Стив.

Девчонок не вербовали насильно и не похищали с улиц – они приезжали по доброй воле. Думали, едут работать по-настоящему – медсестрами, бухгалтерами, сиделками в домах престарелых, секретаршами, даже переводчицами. Кто-то торгует хлебом, или обувью, или машинами. «Андерсон, Прайс и партнеры» торговали девчонками.

– Бизнес как бизнес, – пожимал плечами Томми. – Сколько таких бизнесов.

Агентство в лице Стива нанимало девчонок по Скайпу из его «второго офиса». Не офис никакой, а бесколесный трейлер, врос в землю на стоянке, раньше принадлежавшей Кармоди, но впечатление производил – вплоть до фоновых шумов людной конторы.

У многих девчонок были навыки и квалификация. Ага, много им от этого пользы, когда их приковывают к старой больничной койке в «Березках» и накачивают наркотой. Стив это называл «объезжать», будто они лошади. Потом их распределяли. Шеффилд, Донкастер, Лидс, Ноттингем, Манчестер, Халл. Самых отборных отправляли контактам в Лондон, кое-кто в итоге даже возвращался в Европу. В новом Иерусалиме цвела и пахла торговля белыми рабынями.

И вообще, кто заподозрит троицу немолодых белых мужиков из курортного городка? Полиция, службы безопасности смотрели не туда – их интересовали азиатские педофильские сети, румынские работорговцы. А эти трое прятались у всех на виду, утоляли неутолимую жажду секса в борделях-однодневках, саунах и еще менее легальных, менее целительных заведениях. (Казалось бы, не бывает таких – ошибка вышла, бывают.) Бизнес преуспевал.

Все цифры педантично записывались, все расчеты проводились под покровом даркнета. «Андерсон, Прайс и партнеры» – зонтик, накрывший все, но «Андерсон, Прайс и партнеры» – это, по сути, лично Стив. А со Стивом история такая: он кайфовал от игры, от власти, манипуляций и лжи, любил дурачить девчонок. Старый трейлер Кармоди для него скорее хобби, а может, и убежище. У одних мастерские, у других огороды, а вот у Стива трейлер.

На въезде в город Энди снова свернул к «Сейнсбери» шаговой доступности, где купил своим подопечным по корнуоллскому пирогу и еще фанты, а себе прогорклого кофе. Глазам не верится, сколько девчонки способны умять.

– Бездонные вы бочки, а? – сказал он.

Впрочем, дальше-то им мало что светит – можно и угостить. Они в ответ чирикнули что-то неразборчивое – в переводе, надо думать, «спасибо». Нежданная совесть пробивалась из тьмы на свет божий. Энди запихал ее поглубже во тьму и сказал:

– Ну, девчонки, вот мы и приехали, – едва показалось расползшееся и ветхое здание «Белых березок».

Здесь и в самом деле был как бы дом престарелых. В девятнадцатом веке «Березки» зародились частной психиатрической клиникой для состоятельных, но под конец там селили «смятенных и дряхлых». Здание принадлежало Тони Бассани – у него на побережье было несколько таких домов. «Березки» закрылись много лет назад, и их выкупила «подставная фирма». Фирма была зарегистрирована в расселенном жилом доме в Данди, но за ней крылись и другие.

– Танец семи покрывал, ёпта, – говорил Томми.

Томми и Энди понятия не имели, что скрывается за фирмой в Данди, – юридической стороной занимался Стив. Шалопай Томми считал, что их защитит незнание, а вот Энди не верилось, что незнание способно защищать.

Жасмин и Мария смотрели скептически. Окна в здании по большей части заколочены. Лупится краска унылого оттенка конторской магнолии. Вдобавок почти на всех окнах решетки, хотя картина приводила Энди на ум не столько тюрьму, сколько бондовый склад, где прячешь товар, пока не подвернется шанс скинуть его дальше. Чем они тут, собственно, и занимаются.

– Это белые борозки? – нахмурилась Жасмин.

– Внутри получше, – сказал Энди. – Увидите. Все, вылезайте, пошли.

Он тут как пастух с двумя упрямыми овцами. Ягнятками, прямо скажем. По пути на бойню. Совесть опять встрепенулась, и он вбил ее поглубже. Все равно что в «убей крота» играть.

Кто-то постучал в окно, и Энди вздрогнул. Василий. А на короткой цепи у него ротвейлер Томми – и при виде пса девчонки приглушенно зачирикали. Зря дергаются – безмозглая шавка просто для виду.

– Не бойтесь, Брут у нас котик, – сказал Энди, хотя они не понимали ни слова. – Пойдемте, девчонки, шевелитесь. Ноги в руки. Пора начать новую жизнь, да? Будьте как дома.

Грозовой перевал

Утро в тюрьме, которую желтая пресса окрестила Усадьбой Уродов. Убогие коридоры Уэйкфилдской тюрьмы ее величества еще заполняла вонь казенного завтрака, и от овсяно-яичного букета Реджи замутило.

Заключенного номер Джей-Эс-5896 они рассчитывали найти в больничке – он же вроде на пороге смерти, – однако их проводили в обычную комнату для допросов. Надзиратель принес кофе и сказал:

– За ним уже пошли, он чуток тормозной.

В унылой комнате с голыми стенами вонь завтрака перебивал сосновый аромат промышленной дезинфекции, будто здесь недавно кого-то стошнило. Кофе был отвратный, но органы чувств порадовались и такому противоядию.

В конце концов приковылял объект их интереса – о прибытии возвестило металлическое звяканье, и Реджи сначала решила, что он в наручниках: все-таки Уэйкфилд – тюрьма строгого режима. Но Майкл Кармоди оказался без оков, привязан только к большому кислородному баллону на колесиках.

– Эмфизема, – прохрипел он, рухнув за стол на жесткий стул.

В дверях застыл надзиратель, хотя едва ли Майкл Кармоди рванет на свободу. Отсюда он выберется только ногами вперед.

– Мистер Кармоди, – сказала Ронни, – мы приехали в связи с тем, что полиции стала известна новая информация по вашему делу. Назван ряд лиц, не фигурировавших в ходе расследования преступлений, за которые вы сейчас отбываете тюремный срок.

– А я-то и не заметил, – саркастически обронил Кармоди.

Сарказм сарказмом, но от прежнего Кармоди осталась лишь тень. Реджи видела фотографии периода мэрской роскоши, и даже на полицейских снимках после ареста – а на них, сказать правду, люди обычно не в лучшем виде – Кармоди был здоров и бодр, хотя краснолиц и перекормлен. Теперь щеки у него ввалились, а белки глаз нездорово пожелтели. Ему, конечно, уже за восемьдесят. Встретишь на улице – ни дать ни взять безвредный престарелый пенсионер.

– Мы думаем, вы можете предоставить информацию о ряде лиц, в отношении которых мы ведем расследование, и хотели бы задать вам несколько вопросов. Ничего, мистер Кармоди?

– Мать честная, – сказала Реджи.

– Да уж. А вроде хотел поговорить, – озадаченно сказала Ронни, когда всего-то минут двадцать спустя они снова забрались в машину.

(– У тебя антибактериальных салфеток нет? Я как будто вся изгваздалась.)

– Собирался же стучать, как тот дятел, – и нате вам.

– Может, на него надавили? Пригрозили?

– Может быть, – ответила Реджи. – Он же в тюрьме, тут преступников пруд пруди. Ты поведешь или я?

– Давай ты, если хочешь, – сказала Ронни. Весьма великодушно с ее стороны: когда за рулем сидела копуша Реджи, Ронни только и делала, что давила ногой на воображаемую педаль газа.

Сюда ехали два часа, теперь два часа назад.

– Зазря, – сказала Ронни.

– Зато пейзажи, – ответила Реджи.

Пустоши. *На ветреных вилявых пустошах*^[88]. До Хоэрта – тридцать миль в другую сторону. Реджи знала, потому что в универе ездила туда на экскурсию с Саем, до того еще, как он предпочел пятидневный пир на индийской свадьбе тостам с фасолью и бокс-сету «Безумцев»^[89] с Реджи. («Дело в тебе, не во мне», – сказал он.) В Оксфордском словаре нет такого слова, «вилявый» (Реджи проверила). Невозможно не восхищаться изобретателями слов.

– Бывала в Хоэрте?

– Нет, – сказала Ронни. – Это что?

– Хоэртский пасторат. Где жили сестры Бронте.

– Сестры Бронте?

– Ага.

– Нашу Бронте, наверное, в их честь и назвали. Я раньше не задумывалась.

– Наверное, – сказала Реджи. – Хотя на Сицилии есть город Бронте, вроде бы в честь одного из циклопов, который якобы жил под горой Этна. И адмиралу Нельсону король Фердинанд пожаловал титул герцога Бронте за то, что помог вернуть трон в Наполеоновские войны. Наша Бронте не пишет себя с диерезисом.

– Чё?

– С диерезисом – две точки над «е», не называется «умляют». Это их отец так выпендрился.

– Ты мало в люди выбираешься, да?

– Честно? Да. Теперь да.

Они опросили «свою» Бронте, Бронте Финч, в ее доме в Илкли, в прелестной лимонной гостиной, куда Бронте принесла им по красивой кружке чаю и клубничной тарталетке, купленной «У Бетти», и им обеим не хватило силы воли отказаться, невзирая на молчаливый уговор не пить и не есть на работе. Бронте эти тарталетки нарочно купила – невежливо не съесть, решили они уже потом. Бронте – их нулевой пациент, первая деталь головолмки.

В доме у Бронте были мягкие диваны, в которых тонешь, и картины в подлинниках по стенам, и восхитительный старый ковер («исфаханский») поверх дубового паркета. В камине – большая ваза темно-розовых пионов. Во всем вкус, во всем удобство. Реджи вспоминала дом доктора Траппер. В один прекрасный день Реджи и сама хотела обзавестись таким домом.

Бронте без диерезиса была миниатюрной красавицей за сорок, матерью троих детей («Ноа, Тилли и Джейкоб»), в спортивном костюме «Лулулемон». Волосы утянуты в вихрастый узел на макушке, – похоже, Бронте только что из спортзала.

– Теплая йога, – засмеялась она смущенно, словно это какая-то ерунда.

На диване нежился крупный темно-серый кот.

– Иван, – представила его Бронте. – Как Грозный. Осторожнее, он кусается, – умильно прибавила она. Взяла кота и унесла в другую комнату. – Мало ли. Он не любит чужих.

– Да кто ж их любит? – сказала Реджи.

Бронте работала ветеринаром.

– Только мелкие животные. Не хочу всю жизнь просидеть, сунув руку по плечо в коровью жопу, – смеялась она.

Ее муж Бен – консультант по ЧС в Центральной больнице Лидса. Эти двое лечили всех от мала до велика. У Бронте была чудесная улыбка – вот что Реджи мигом запомнилось.

Илкли еле-еле перешел через границу в Уэст-Йоркшир, отчего Реджи с Ронни и досталось это дело. Бронте полюбилась им сразу. Как не проникнуться к женщине, которая с аристократическим акцентом произносит «коровью жопу» и покупает тебе клубничные тарталетки «У Бетти»?

Солнце скромным помолвочным кольцом с алмазом на худом пальце Бронте пускало зайчики через окно. Пулялось маленькими дроблеными радугами в эти лимонные стены, когда Бронте наливала чай. Ронни и Реджи выпили чай, съели клубничные тарталетки, а затем достали

блокноты и под диктовку Бронте Финч записали длинный перечень всех мужчин, которые насильвовали ее в детстве, начиная с ее отца, мистера Лосона Финча, судьи Суда короны.

– Мрачно там.

– В Уэйкфилде?

– В Хоэрте. Я вот думаю, сестрам Бронте жизнь была – все равно что тюрьма, – задумчиво сказала Реджи. – И она же странным образом дарила им свободу.

– Я их никогда не читала.

– Даже «Грозовой перевал» в школе?

– Неа. Я только песню Кейт Буш знаю.

– Детектив-констебль Ронни Дибички и детектив-констебль Реджи Дич. Мы ищем мистера Стивена Меллорса.

– Извините, – сказала секретарша юридической конторы Стивена Меллорса в Лидсе, – мистера Меллорса сегодня нет. Он, по-моему, работает из дома.

Здание новое, сплошь сталь, и хром, и чудной арт. Храм во славу денег.

– Спасибо. Передайте, пожалуйста, что мы заходили.

– А что сказать, когда он спросит зачем?

– У нас кое-какие вопросы о его клиентах. Прежних клиентах. Я оставлю визитку.

Они забрали машину с многоэтажной парковки.

– Денег в Лидсе куры не клюют, – отметила Ронни.

– Не то слово.

Реджи думала было позвать Ронни к себе в квартиру «кофе глотнуть», но это же будет ужас как непрофессионально. А вдруг Ронни сочтет это приглашением к некоей близости, и тогда придется выдавать стандартную конфузную телегу, мол, я не лесбиянка, была бы лесбиянкой – тогда бы конечно? Но абсурдно предположить, что Ронни станет к ней подкатывать лишь потому, что лесбиянка, и вообще, с чего бы Реджи нравилась ей, если Реджи никому на свете не нравится? (А вдруг она *правда* лесбиянка, просто, как настоящая шотландская пресвитерианка, умудряется это вытеснять?) Если люди предполагали, что она лесбиянка (а они часто это предполагали, поди пойми с чего бы), Реджи никогда не отрицала, потому что отрицание означает, что лесбиянкой быть плохо. Похоже, Нокс^[90] ее нокаутировал, да?

- Мы весь день будем сидеть на парковке и любоваться бетоном?
- Извини. Куда теперь? Если хочешь, давай ты за руль.

– Фелисити Ярдли. Известна местной полиции – проституция, наркотики.

Домофон был древний и на вид замызганный.

– Она дома, – сказала Реджи. – Наверху штора качалась, я видела.

Ронни нажала звонок. Ответа не последовало. Работает ли домофон, большой вопрос, но Ронни все равно в него заговорила:

– Мисс Ярдли? Я детектив-констебль Ронни Дибицки, со мной детектив-констебль Реджи Дич. Мы подняли давнее дело. Это просто плановая беседа, вам она ничем не грозит. Мы проверяем ряд лиц, связанных с этим делом, потому что возникли новые обвинения.

Ничего. Ронни снова позвонила. Все равно ничегошеньки.

– Ну, мы же не можем ее *заставить*. Давай заедем попозже. Дай еще салфетку. Бог его знает, кто на эту кнопку жал. Есть, кстати, хочу – умираю. Мы же купим картошки?

– Ну знамо дело, – сказала Реджи.

– А дальше кто?

Реджи сверилась с блокнотом.

– Кэтлин Кармоди, дочь Кармоди. Ее ни разу не допрашивали, но Бронте сказала, что Кэтлин иногда появлялась на вечеринках. Они примерно сверстницы – понятно, я думаю, что это значит. И мне не нравится называть это вечеринками, – прибавила она.

– Потому что предполагается, что на вечеринках ты веселишься.

– Ну, лично я – нет, – ответила Реджи, – но в целом да.

Кэтлин Кармоди сидела посреди игровой галереи, как паучиха в паутине. Порой кто-нибудь подходил к ее кабинке и разменивал деньги. Это и автоматы умеют – дочери Кармоди досталось какое-то избыточное занятие. Лицо у нее было нездорового оттенка, точно у подземного жителя, что никогда не видит солнца.

Дребезг в галерее драл уши, разноцветье – глаза. Словно проектировали под секретный проект ЦРУ – нарочно сводить людей с ума.

– Мисс Кармоди? Кэтлин Кармоди? – спросила Реджи, перекрикивая грохот. – Я детектив-констебль Реджи Дич, а это детектив-констебль Ронни Дибицки. Мы подняли давнее дело, касавшееся вашего отца, Майкла Кармоди. Это просто плановая беседа, вам она ничем не грозит. Мы

проверяем ряд лиц, связанных с этим делом, потому что возникли новые обвинения, и хотим задать вам несколько вопросов, если вы не против. Мы пытаемся достроить картину, заполнить лакуны. Примерно как пазл собирать. А нельзя поговорить где-нибудь приватно?

– Отъебитесь. И если еще увижу тут ваши рожи – останетесь без рож. Все понятно?

– У тебя не создается впечатления, что она не расположена с нами разговаривать? – спросила Реджи, когда они вернулись в машину.

– Детектив-констебль Реджи Дич и детектив-констебль Ронни Дибички, миссис Брэгг. Не забыли нас? А мистер Брэгг дома?

– Только что ушел.

– Не знаете, когда вернется?

– Нет.

– Передадите ему, что мы заходили? Опять?

У стойки портье в прихожей «Спрута и сердцевидки» две недовольные жизнью походницы поправляли друг на друге огромные рюкзаки. Реджи вспомнились гигантские улитки – видела как-то раз в зоопарке.

– Да ее под арест надо, – посоветовала Ронни одна походница, кивая на Роду Брэгг. – Цены здесь конские, а тебя еще и травят.

– Валите-валите, – весело напутствовала Рода, когда женщины неуклюже пропихнули обремененные грузом тела в дверь. – Лесбиянки проклятые, – сказала она Ронни и Реджи. – Хотя что я вам-то говорю.

– Да, – назло ей ответила Ронни. – Полиция – крупнейший наниматель представителей ЛГБТ-сообщества в Великобритании.

– Небось и против брекзита голосовали. Все вы одинаковые.

– Все мы лесбиянки и хотим остаться в Евросоюзе?

– Да.

– Тут она, может, и права, – сказала Реджи, когда они вернулись в машину.

– Может быть. – Ронни по-ленински воздела кулак и сардонически провозгласила: – Вернем Британии былое величие. И вот как тут не ржать?

– Это у Баркли Джека такая коронная фраза.

– «И вот как тут не ржать»? И что? Ржут?

– Поехали глянем.

И ни слова о единороге

В городе было одно подходящее кафе – Джексон предложил встретиться там. Он знал, что туда пускают с собаками, – здесь это, правда, почти повсеместно, весь бизнес в городе застопорился бы, если бы не обслуживал представителей семейства псовых, но именно в этом кафе вдобавок подавали пристойный кофе. Джексон приехал загодя и одну чашку уже выхлебал, а Дидона у его ног под столом еще усердно жевала заказанную ей вареную сосиску.

(– Зубы выпадают, – грустно сказала Джулия.)

В ближайшем киоске Джексон купил «Йоркшир пост» и теперь лениво ее листал, – интересно, убийство жены Винса Айвса попало в газеты? В конце концов нашел в глубинах – крошечная заметка про «Венди Истон, она же Айвс». Представитель полиции отмечал, что это было «особо жестокое убийство. Мы просим всех, кто располагает какой-то информацией, связаться с нами». О том, что Венди Истон убили клюшкой для гольфа, полиция ни словом не обмолвилась, – видимо, решили эту деталь не светить. Джексонова внутреннего полицейского по-прежнему занимала клюшка. Что за клюшка-то? Запасной паттер Винса, то есть случайное орудие, или убийца принес ее с собой, то есть убийство было умышленное? Если...

– Мистер Броуди?

– Миссис Холройд?

«Вы меня узнаете, – по телефону сказал Джексон новой клиентке, – потому что я мужчина с палевым лабрадором». Стоило, пожалуй, сунуть красную гвоздику в петлицу или записать номером «Гардиан» – и то и другое в здешних местах встречается гораздо реже, чем мужчина в обществе палевого лабрадора.

Звали клиентку миссис Холройд, и никакой другой идентификации она не предоставила. Когда назвалась, Джексон подумал, что нынче женщины все реже предваряют себя словом «миссис». «Миссис» – титул, наводивший Джексона на мысли о матери. Головной платок, хозяйственная сумка и руки прачки.

Кристал Холройд не походила на его мать. Вообще. Ни капли.

Кристал Холройд, высокая блондинка, явно всячески усовершенствованная, вместо аксессуара прихватила не собаку, а ребенка, девочку по имени Карри, замаскированную, если Джексон ничего не

перепутал, под Белоснежку. Точнее говоря, под диснеевский образ Белоснежки – знакомый синий с красным корсаж, желтая юбка, на голове фирменная красная лента с бантиком. Джексон некогда был отцом маленькой девочки. Он в таких вещах разбирался.

От воспоминания о последней встрече с Марли – уже не маленькой, уже не девочки, а взрослой женщины – сердце сжалось. Они с Марли яростно поругались – на пустом, казалось бы, месте.

(– Пап, ты какой-то *луддит*. Иди найди себе пикет, постой где-нибудь с плакатом или на демонстрацию сходи, покричи: «Мэгги Тэтчер пойдет далеко – она крадет у детей молоко!»)^[91]

Да, оскорбляли его прихотливо и пространно. Джексон так изумился дочериному историко-политическому анализу – ее слова – отцовской личности, что оборону толком не держал.)

Надо бы ей позвонить. Помириться до того, как они увидятся в выходные. Им предстоит вместе предпринять (или, как вариант, претерпеть) один из важнейших обрядов перехода. После этого спора, случившегося месяц назад, они лишь обменялись несколькими ледяными СМС. Наводить мосты должен Джексон, и он это понимал. Едва ли можно передавать дочь жениху с рук на руки, если с дочерью ты на ножах.

В отличие от Марли, дочь миссис Холройд была ребенком безмятежным и воспитанным. Жевала яблочные ломтики – брала их одной рукой, а другой обнимала мягкую игрушку, которую Джексон поначалу принял за белую лошадь, но, приглядевшись, опознал единорога – вместо рога спиральный радужный рожок. Джексон вспомнил девочку с Эспланады. Само собой. На нем обязанность защищать, а он не защищает.

– Мистер Броуди, с вами все хорошо?

– Да-да, спасибо, миссис Холройд.

– Лучше Кристал.

Он заказал еще кофейник, а она – мятный чай. Люди, которые пьют травяные чаи, слегка подозрительны. (И да, Джексон понимал, что это иррационально.) Он уже хотел сложить «Йоркшир пост» и перейти к делу, но тут Кристал коснулась его локтя и сказала:

– Погодите.

Забрала у него газету и принялась сосредоточенно читать. Читая, она шевелила губами. Очень красивые губы, и вдобавок избежавшие хирургии, в отличие от многих других ее органов, – не то чтобы Джексон прекрасно разбирался в этом вопросе. Помада розовая. Под цвет туфель на (очень)

высоких каблуках – классические лодочки, какие пристало носить женщине, а не девочке. По обуви о человеке многое понятно. Короткое – но пристойно короткое – платье открывало великолепные ноги. («Наблюдения и выводы», – в свою защиту пояснил Джексон судье Джулии у себя в голове. В женском суде председательствовала она.)

– Венди Айвс. Убита, – пробормотала Кристал Холройд, качая головой. – Что за хурма? Быть не может.

– Вы знакомы? – спросил Джексон. Логично – городок-то невелик.

– Да, немножко. Встречались. Она замужем за Винсом – он друг моего мужа. Хороший мужик.

Винс вчера никаких друзей не упоминал, – собственно говоря, Джексону показалось, что Винс лишен друзей просто на удивление.

– Они развелись, – продолжала Кристал. – Венди снова взяла себе девичью фамилию. – Кристал похмурилась в газету. – Не очень приятная была женщина – хотя это, само собой, не повод убивать.

– Иногда этого хватает, – заметил Джексон.

– Винса она, конечно, здорово кинула.

– Я с ним вчера случайно познакомился, – сознался Джексон.

– Да? Как? Где?

– На утесах. Он подумывал прыгнуть.

– Ебать-колотить, – сказала Кристал, а потом зажала уши Белоснежке, будто надеялась обогнать звук с его скоростью, и сказала: – Ты этого не слышала, золотце.

Белоснежка невозмутимо поела свое яблоко – кусочек себе, кусочек единорогу. Отравления не случилось, стеклянный гроб не потребовался.

Кристал Холройд считала, что за ней следят, и хотела, чтоб Джексон выяснил кто.

– Может быть, ваш муж? Думает, что вы ему изменяете?

Джексон тишком вздохнул – опять двадцать пять. Очередной подозрительный супруг. Но, как ни странно, дело было не в этом.

– Может, и Томми, – сказала она. – Но вряд ли.

– А вы да? – спросил Джексон. – Изменяете мужу? Для ясности.

– Нет, – сказала она. – Не изменяю.

– У кого еще есть причины за вами следить?

Она пожала плечами:

– Это теперь вопрос к вам, нет?

Она явно чего-то недоговаривала. Правда, по опыту Джексона, зачастую хоронилась где-то глубоко в тылу. Само собой, иногда лучше пусть и дальше хоронится, чем идет в лобовую атаку, примкнув штык.

Невозможно вообразить, каково быть женатым на женщине, которая выглядит так. «Только Эссекс»^[92], программа, на которую Джексон наткнулся случайно (честно), листая каналы, битком набита такими вот Кристал Холройд. Сама-то она не из Эссекса – она, если Джексон верно распознал акцент, откуда-то из Ист-Райдинга. Сразу видно, сколько тебе лет, если ты рассуждаешь о йоркширских райдингах, которые отменили давным-давно, перерисовав административные границы.

Кристал Холройд – не его тип, хотя Джексон уже не знал, есть ли у него тип.

(– Я так понимаю, главное – чтоб дышала, – недавно высказалась Джулия. Вот эти нападки совершенно ни к чему, возмутился он мысленно.)

Прежде его идеалом женщины была Франсуаза Арди^[93] – он же все-таки отчасти франкофил. Джексон даже был женат на женщине, отлитой в такой изложнице, хотя и англичанке, – на коварной волчице Тессе, – но ее, надо думать, изготовили на заказ, идеально спроектировали образцовым артефактом, чтоб его соблазнить.

(– Я могу быть твой тип, – сказала Татьяна. – Я могу быть французской, если хочешь.)

Это она дразнилась, а не обольщала. Холостячество Джексона веселило ее безмерно. Мало того что в мозгу у него давным-давно окопалась Джулия – теперь там шебуршилась еще и Татьяна, а только этого Джексону и не хватало. Выражение «внутренний голос» обретало новые дивные смыслы. Зато эти две совместными усилиями выперли из башки его первую жену Джози.)

– И что мне сделать, если выясню, кто за вами следит? – спросил он Кристал Холройд, опасаясь снова получить распоряжение «найти и уничтожить», как от Рики Кемп.

– Ничего, – ответила Кристал. – Я просто хочу знать, кто это. А вы бы не хотели?

Да, он бы тоже хотел.

– У вас правда есть опыт в таких делах? – спросила Кристал, и ее гладкие черты на миг исказила скептическая гримаска.

Ботокс? Джексон, правда, в этой теме ни уха ни рыла – знал только, что платишь человеку без медицинского образования, а он тычет иголками тебе в лицо. Как в фильмах ужасов. Джексон предпочитал женщин *au naturel*^[94].

(– С бородавками и все такое, – сказал он Джулии, которая, кажется, не приняла это за комплимент.)

– Не переживайте, миссис Холройд... Кристал, не в первый раз на родео.

– Надеюсь, вы не ковбой, – сказала она, глянув на него бесстрастно.

Глаза у нее были ошеломительно зелены – как ледниковая вода в Скалистых горах. (Туда он ездил с любительницей дайкири, уроженкой Ланкашира. Она писала о путешествиях – и до сих пор, наверное, пишет, – поэтому их удивительно неприязненные отношения почти целиком проходили на заграничных территориях.)

– Нет, – засмеялся Джексон. – Я не ковбой. Я шериф.

Она как-то не восхитилась.

Он записал ее данные. Кристал не работала, была «просто» домохозяйкой и матерью, хотя это само по себе полный рабочий день, как будто в свое оправдание прибавила она.

– Абсолютно, – согласился Джексон.

Не ему тут выступать, подвергая сомнению женский выбор. Это он раз-другой в жизни проделывал – всегда заканчивалось плохо. (В мозгу до сих пор эхом отдавался «луддит».)

Кристал с мужем, вышеупомянутым Томми, жила в большом доме под названием «Горняя гавань», в нескольких милях от города. У Томми была компания грузоперевозок и, вдобавок к мини-Белоснежке, еще сын Гарри от первого брака. Хороший мальчик, сказала Кристал. Шестнадцать, но «для своих лет слишком юный. Но и слишком взрослый», прибавила она.

– Ваш муж развелся? – спросил Джексон, думая: клише на клише, первую жену променял на новейшую модель, но Кристал сказала, что нет, первая жена погибла, несчастный случай.

– Какого рода несчастный случай?

– Упала с утеса.

– С утеса?

Серые клеточки взяли за ручки и в восторге запрыгали. Люди с утесов не падают – Джексон наемно обзавелся компетенцией в этом вопросе, – люди с утесов прыгают, или их сталкивают, или они тащат тебя за собой.

– С утеса, да. Несчастный случай. То есть я надеюсь.

Кафе выбрал он, стоянку выбрала она.

– Та, что за «Ко-опом». Встаньте у стены, возле железной дороги. И я тоже постараюсь, – сказала она по телефону.

Инструкции Джексон выполнил, хотя и не понял – и уж точно не предполагал, что через десять минут после того, как допьет второй

кофейник и уплатит по счету, медленно потащится со стоянки следом за «ренджровером» Кристал.

Стоянка большая, припарковался бы дальше – едва ли удалось бы проследить за Кристал на выезде. Всегда приятно, если женщина планирует наперед.

– Вы уходите из кафе первым, – велела она. – Я за вами через пять минут.

– Ладно, – сказал Джексон.

Красивых женщин он слушался запросто. Что не раз обрекало его на гибель.

Кристал уже дала ему номер своей машины – большого белого «эвока», сразу бросается в глаза, – и теперь Джексон профланировал мимо, изображая беззаботность, а сам разглядывал автомобиль, и нутро, и экстерьер. По автомобилю о человеке многое понятно. Окна затемнены, но в ветровое стекло видно, что чистота внутри безукоризненная, особенно если учесть, что в этой карете возят Белоснежку. Вот машина Джулии – наглядное пособие на тему хаоса: крошки, собачьи галеты, сброшенная одежда, солнечные очки, заблудшие кроссовки Натана, газеты, сценарии «Балкера» в кофейных пятнах, недочитанные книги. Джулия называла это своим «беспутством» – старое слово, оказывается.

(– Старые слова лучше всех, – сказала Джулия. К примеру, «жена», подумал Джексон.)

Его, впрочем, интересовал не столько интерьер машины Кристал Холройд, сколько наружность: под дворник что-то подсунули. Не парковочный талон, а белый конверт, а на нем написано имя. *Тина*.

Джексон аккуратно вытащил конверт.

(– Ты же в курсе, что убило кошку? – спросила Джулия.

Ага, подумал Джексон, но у кошки ведь еще восемь жизней осталось, нет? А у него? Он летал с утеса, на него нападала бешеная собака, он чуть не погиб в железнодорожной катастрофе, чуть не утонул, его чуть не сплющили в мусоровозе, его взрывали – ну, его дом взрывали, – и это не считая парочки «еле пронесло» на службе в полиции и в армии. Не жизнь, а череда катастроф. Вдруг это уже девятая жизнь? По последней – и по домам. Может, стоит поосторожнее.)

Конверт не запечатали, и Джексон вытряхнул содержимое. Не записка, не письмо – фотография Белоснежки в костюме другой принцессы, в синем платье. Снимок не постановочный – Белоснежка где-то качается на качелях. Снимали, похоже, длиннофокусником. Кто снимает длиннофокусниками детей в парках? Извращенцы, сталкеры, частные

детективы, вот кто. Джексон перевернул фотографию. На обороте написали: «Держи рот на замке, Кристина». Интересно. Пока не прочел, думал, история невинная – какой-то знакомый Кристал сфотографировал ее дочь и хотел передать снимок. Но в «держи рот на замке» нет ничего невинного. Тот, кто это написал, не озаботился прибавить в конце «не то пожалеешь». Незачем.

Тина и Кристина – они обе и есть Кристал? Три женщины в одной. Святая троица. Или нечестивая?

Вопросов всегда больше, чем ответов. Вот всякий раз. Может, когда умираешь, тебе отвечают на все вопросы, вручают этот шаблонный подарок под названием «завершенность». Может, Джексон наконец узнает, кто убил его сестру, но когда ты сам уже умер, поздно добиваться справедливости, и это будет бесить чуть ли не больше, чем незнание.

(– Джексон, забудь и отпусти, – сказала Джулия. Но как?)

Он вложил фотографию обратно в конверт, конверт подsunул под дворник и заторопился к своей машине, пока Кристал не увидела. Огляделся. Если за ней следят – а послание намекает, что это более чем вероятно, – тогда они видели, как он рассматривал фотографию. Джексон лоханулся, как салага, – или тот, кто донимает Кристал Холройд, теперь призадумается? Отныне Кристал под защитой Джексона, нравится ему такой поворот или нет. И ее мнения по этому вопросу тоже никто уже не спрашивает.

Он смотрел, как Кристал идет к машине, держа Карри за руку, как они болтают не закрывая рта. Как Кристал замерла, увидев конверт, боязливо вынула его из-под дворника, открыла еще боязливее. Посмотрела на фотографию, перевернула, прочла послание на обороте. На таком расстоянии гримасу в подробностях не разглядеть, но язык тела заговорил оглушительно. Кристал закаменела статной статуей – глядела на записку, точно расшифровывая иностранные слова. А затем подхватила Карри на руки, будто на земле дочери грозит опасность. Мадонна с младенцем, хотя, насколько знал Джексон, Богоматерь никогда не носила таких розовых лодочек. Каждое воскресенье мать в тщетной надежде приобщить Джексона к религии таскала его к мессе. Если б Мадонна походила на Кристал Холройд, шансов было бы больше.

Кристал рывком ожила. Усадила Карри в детское кресло на заднем сиденье «эвока» и спустя считанные секунды уже уматывала прочь, – похоже, у этой женщины появилась цель.

Джексон выехал со стоянки за Кристал Холройд. Хотя, говоря строго, ехал он не за ней, а за серебристым «БМВ», который неторопливо

пристроился ей в хвост.

Поначалу Джексон заподозрил, что у Кристал Холройд паранойя – ее заявление за мятным чаем («За мной следят») прозвучало несколько театрально, и, однако, узрите: она, оказывается, не ошиблась.

Их небольшой тройной кортеж выпетлял из города и покатил по А174 – Джексон замыкал ряды. Незаметная слежка давалась ему хорошо – ну еще бы, сколько он народу-то пас. Джексон сфотографировал номер «БМВ» – в Инспекцию автомобильного транспорта улетит еще один запрос.

«Эвок» впереди заморгал правым поворотником. Джексон успел ввести координаты «Горней гавани» в навигатор – Кристал у нас, значит, направляется домой. Видимо, серебристый «БМВ» проводил ее, куда хотел или куда ему было нужно, – он миновал съезд, и Джексон покатил следом.

Кто там, за этими затемненными окнами, – тоже частный детектив? И этот частный детектив только что наблюдал, как его объект тайком встретила в кафе с незнакомым мужчиной, который теперь его, частного детектива, преследует? Может, этот детектив их еще и сфотографировал? Фигово выйдет, если, вопреки словам Кристал, за ней следят по поручению мужа. Вполне возможно, что фотография – весточка от него: скажем, угроза отнять ребенка. Или, допустим, он из тех, кто карает заблудшую жену, убивая отпрысков. Джексон с одним таким сталкивался – мужик загнал в реку двухдверный хэтчбек, пристегнув двух дочек на заднем сиденье. Столько лет прошло, а от одного воспоминания мутит.

И само собой, все было совершенно невинно, но вдруг Джексон нечаянно выставился человеком, с которым у Кристал Холройд роман? Или – и эту сложную мысль серые клеточки еле переварили – вдруг Кристал Холройд выставила Джексона человеком, с которым у нее роман? Это зачем бы ей? Подсунуть ложный след кому-то прямо под нос? Тут Джексон что-то перемудрил, да?

Спустя пару миль на шоссе обнаружили дорожные работы, возле которых повесили временный светофор. «БМВ» с ревом промчался на желтый, Джексон застрял на (необъяснимо долгом) красном. Смирившись с тем, что слежка завершена, он развернулся на зеленый и поехал назад. Глянул на часы – до randevу с Юэном еще пара часов. Времени вагон.

Добравшись до съезда к «Горней гавани», Джексон опять увидел «эвок» – на сей раз тот выезжал на шоссе. Ехал быстро, прямо-таки мчался, словно за рулем сидел стакнувшийся с грабителями банка гонщик, а не женщина, называвшая себя домохозяйкой и матерью. Сам бы Джексон «эвок» не выбрал. «Эвок» – машина для женщин, хотя и состоятельных.

Тем не менее, неохотно признал он, технико-эксплуатационные характеристики у «эвока» ничего так. Некоторые модели – в том числе, видимо, и эта – разгонялись с места до шестидесяти миль меньше чем за семь секунд. Отдадим «эвоку» должное, и вдобавок мнения человека за рулем не самой дорогой «тойоты» никто не спросит.

Куда это Кристал Холройд так срочно намылилась? Это она только притворялась, что едет в «Горнюю гавань», хотела стряхнуть с хвоста серебристый «БМВ»? Или не самую дорогую «тойоту»? Но это же вообще какой-то бред. Не женщина, а загадка. Когда она уже почти скрылась из виду, Джексон дал по газам и рванул за ней. Серые клеточки очень удивились и кинулись бегом, стараясь не отстать.

Трансильванские кланы

Дома Кристал усадила Карри смотреть «Свинку Пеппу»^[95]. В кухне есть телевизор, можно приглядывать за Карри из оранжереи, пока срочно перекуриваешь. Карри, правда, и так с места не сдвинется, Пеппа для нее – все равно что героин. Она по-прежнему маскировалась под Белоснежку, а Кристал сбросила туфли на каблуках, натянула джинсы и старую футболку. Очень нужно прибраться. За уборкой проще подумать и про фотографию, и про послание. «Держи рот на замке, Кристина». Кто ее теперь зовет Кристиной? Да никто, вот кто. Тина давным-давно умерла, похоронена даже, воскресла в образе Кристал, блестящей и гладкой, как стеклышко. И про что ей держать рот на замке? Ее никто ни о чем не спрашивал. Наверняка тут замешан серебристый «БМВ», так? Следит, чтоб Кристал не открывала рта (и при этом не говорила про что?).

Как она и предсказала скептически настроенному Джексону Броуди, следили за ней от самой парковки. В зеркало заднего вида Кристал различала вдали «тойоту» Джексона Броуди. Чуть-чуть спокойнее – но лишь чуть-чуть, – если знать, что кто-то следит за человеком, который следит за ней. Может, за Джексоном Броуди тоже кто-нибудь следит – такая бесконечная вереница людей, и у всех в поле зрения она, Кристал. Томми ни при чем – в этом она уверилась окончательно. Похоже, все серьезнее и грязнее. Похоже на прошлое. Ну, они же не соврали? Если открыть рот и заговорить о прошлом, на свет вырвутся все демоны ада.

От Джексона Броуди-то будет толк? «Не в первый раз на родео», – сказал он. Мужчина в лучшем виде – в голове одно гумно. Всю жизнь ею вертят как хотят всякие бахвалы – мужчины, для которых она кукла, и не в хорошем смысле слова. («Бравада, – сказал Гарри. – Это из итальянского». Подходящее имечко для скаковой лошади.) Кристал предпочитала молчаливых мужчин с низкой самооценкой – вот Винса Айвса, например. Вроде приличный человек. Венди что, правда убили? Почему? Открыла рот и заговорила? У нее, что ли, тоже было прошлое? Как-то не верится. Она же покупала одежду по каталогам «Боуден» и гордилась тем, что вырастила страшненькое чахлое деревце.

Парадная дверь распахнулась с грохотом. Томми. Так и не научился входить в дом по-тихому. Вчера вернулся поздно, уехал – еще шести утра не было, выскользнул из постели, не разбудив Кристал. Непохоже на Томми – уйти, не позавтракав, и спокойно поспать он ей обычно тоже не

дает. Кристал уже привыкла, что ее будят тычками в бок и просьбой заварить чаю. Судя по всему, это входит в круг ее должностных обязанностей. На День матери Гарри и Карри принесли ей завтрак в постель – поднос с цветочком из сада в вазочке, кофейник, круассаны, джем, идеальный персик. (Карри: вот она – идеальный персик. Еще не побитый жизнью.) И открытку, которую помог сделать Гарри. Рисунок карандашом, семейство палка-палка-огуречиков – мама, папа, двое деток. «Лучшей мамочке на свете» – вот что там говорилось. Гарри неловко похлопал Кристал по плечу и сказал: «Извини, я ж не хотел, чтоб ты плакала». «Это от счастья, Гарри», – сказала она. Часто ты в этой жизни плачешь от счастья? Нечасто – вот как часто. Приятно, что слезы не высохли окончательно.

– Кристал? – заорал Томми. – Куда ты там запропастилась, бля?

Кристал вздохнула. Поищи – найдешь, подумала она. Затушила сигарету, забросила мятную пастилку в рот.

– Я тут!

Когда Томми вошел в кухню, Кристал сказала, натянув на лицо счастливейшую из улыбок:

– Ну надо же, милый, – ты дома, да среди дня? Историческое событие.

– Тебя не было?

– Меня не было?

– Я и говорю – тебя не было. Я заезжал, а тебя не было.

– Заскакивала в Уитби, по хозяйству кое-что.

– В таком виде?

– Переделалась. Слышал про Венди?

– Венди? – растерялся Томми.

– Про Венди Айвс, жену Винса. Она умерла. Ее кто-то убил.

– Ебаный в рот. Как?

– Не в курсе.

– Что думаешь? Винс? Я бы понял – она была корова надутая. А пожрать есть? Сэндвич какой?

И это все? Его обед важнее, чем убийство Венди? Настораживает, до чего легко он отмахивается от мыслей о мертвой жене. Может, и о живой тоже.

– Легко, – сказала Кристал. – Свинина и соленые огурцы или жареная курица?

– Без разницы. Курица. Я в кабинете поем.

Томми был какой-то сам не свой – не нормальный беззаботный Томми.

– На работе нехорошо? – посочувствовала Кристал. Сопереживание

тоже входило в круг ее должностных обязанностей.

– Можно и так сказать. Я пойду, – ответил он и вдобавок что-то буркнул про писанину. Потом, правда, ему хватило совести проворчать извинения. – Утречко то еще, – сказал он и клюнул ее в щеку. – Извини.

– Ничего страшного, милый.

Сам не свой, точно. А чей тогда?

Томми закрыл дверь в кабинет.

Кристал достала из холодильника упаковку готовых куриных котлет. Содрала с них пластик и сморщила нос от запаха мяса. Мертвое животное. И Венди сейчас пахнет так же? *Отошла в путь всей плоти*. Это же откуда-то, да? Из Библии или из Шекспира, скорее всего^[96]. Гарри наверняка знает. Гарри знает всё. Временами Кристал переживала, что он знает слишком много. *Держи рот на замке*. Эти слова по-прежнему рикошетили в мозгу.

Кристал выложила сэндвич на тарелку и украсила веточкой петрушки – не то чтобы Томми оценил. Когда Кристал была моложе, за гарнир ходил разве что пакетик кетчупа к картошке. В ее годы уже можно говорить «когда я была молода» – какая тоска. Не такая, впрочем, как воспоминания о молодости. Кристал надеялась, что Карри, когда вырастет и станет оглядываться на детство, ничего, кроме счастья, не вспомнит. *Держи рот на замке*.

Томми у себя в кабинете пялился в пустой монитор. Кристал порой сомневалась, умеет ли Томми его включать, – он же все делает на айфоне. Точнее, на айфонах, во множественном, потому что их у Томми было два – тот, о котором Кристал полагалось знать, и тот, о котором Кристал знать не полагалось, или, во всяком случае, ей про него не сказали. Второй она нашла несколько недель назад, относя пиджак Томми в химчистку, и при виде этого айфона сердце у нее оборвалось. Первым делом подумала, естественно, что у Томми роман на стороне, – честно говоря (и Джексону Броуди она об этом честно говорила), Кристал удивилась бы, потому что, невзирая на все свое мачистское бахвальство, Томми был не из таких. Томми в браке нравилось, в браке его жизнь проще, а измена усложнила бы ему жизнь. «Папе нужен марьяж», – сказал Гарри. (Угадайте, откуда взялось это слово.) «Из французского», – пояснил он. А Кристал думала, это что-то карточное.

К ее облегчению, телефон оказался сугубо по работе и содержал главным образом сообщения. «Свежий ассортимент в порту в 4:00». Или «Новая партия едет в Хаддерсфилд». В адресной книге ни одного имени, а

сообщения отправляли и получали люди, обозначенные инициалами: Э, В, Д, Т, еще кто-то, почти весь алфавит. В основном, видимо, шоферы. «Выгрузку в Шеффилде закончил, босс. Все путем». Сотрудники Томми никогда не приходили в гости. «Полезное с приятным, – говорил он, – сочетать нельзя». Видимо, к его телефонам это тоже относилось.

«Кабинет» Томми – комнатуха окнами на фасад, в стародавние времена служила, наверное, какой-то приемной для гостей. (Дом, по словам Гарри, был эдвардианский. «Тысяча девятьсот пятого года примерно», – объяснил он, зная, что датировка для Кристал – темный лес.) Кабинет совсем не походил на громадную подвальную берлогу Томми. В берлоге полным-полно мужских игрушек – стол для снукера, массивный телевизор, под завязку набитый бар. А в кабинете сплошь темное дерево, зеленая кожа и латунные настольные лампы. Громоздкая железная картотека, мощный компьютер и коробка дорогих сигар на виду. Скорее нафантазированный кабинет, чем взаврадашний. Кабинет, нафантазированный человеком, который начинал на боксерском ринге. И не поймешь, чем Томми там занимается: они оба знают, что настоящий кабинет у него – трейлер во дворе «Грузоперевозок Холройда». Там-то никакого темного дерева и зеленой кожи – там холодильник с пивом, брендовый календарь «Пирелли» и груды распечаток с тахографов, и чеки, и счета-фактуры, покрытые следами кофейных чашек, – бухгалтер Томми приходил каждый месяц и приводил все это в божеский вид. Ну, по возможности.

Кристал как-то раз туда забегала – в самом начале их романа, думала удивить Томми на День святого Валентина. Явилась с тортом в форме сердца, из продуктового «Маркс энд Спаркс» (давно дело было, во времена грязного питания), но Томми ее быстренько выпер. «Даме тут не место, – сказал Томми. – А вот парни не откажутся», – прибавил он, забрав у нее торт, и у нее сердце не лежало (ха!) объяснять, что торт – романтический жест, предназначенный одному Томми, а не паре обрюзгших мужиков, которые, мельком заметила она, смоят в трейлере и играют в карты.

– Спасибо, – сказал Томми, взял сэндвич с тарелки и вгрызся, даже не глянув. Кристал еще минутку раздумий уделила курам. Одному богу ведомо, что выпало на курью долю ради сытости Томми Холройда. Лучше не думать. *Держи рот на замке.*

– Еще что-нибудь, милый? – спросила она.

– Не. Закроешь за собой дверь, ага?

Она еще шла по коридору, когда зажужжал домофон, и Томми из-за

двери заорал:

– Открой, ладно?

Кристал глянула на экранчик у двери – перед видеокамерой стояла девушка. Такая маленькая, что видна только макушка. Кристал нажала кнопку микрофона и сказала:

– Алло?

Девушка что-то показала – бумажник, что ли, или визитку, Кристал не разглядела.

– Я детектив-констебль Реджи Дич, – сказала девушка. – Со мной моя коллега детектив-констебль Ронни Дибицки. – Она показала на кого-то – видеокамере не видно. – Мы бы хотели поговорить с мистером Холройдом. Мистером Томасом Холройдом.

Детективы?

– Нам просто побеседовать, – сказала детектив. – Ничего страшного.

Держи рот на замке, Кристина. Но пришли не к ней, пришли к Томми. Кристал замялась – скорее из природного отвращения к полиции, чем из страха, что Томми напортачил.

– Миссис Холройд?

Кристал их впустила – деваться-то было некуда, правильно? Постучалась в кабинет и сказала:

– Томми? Тут пришли два детектива. Хотят с тобой поговорить.

– Поболтать, – мило поправила одна. – Просто поболтать.

Кристал провела их в гостиную. Там громадные окна с фантастическим видом на море – вау-фактор, говорил Томми. Детективы, похоже, никакого «вау» не заметили.

Явился Томми – рядом с двумя девчонками смотрелся еще крупнее. Мог бы взять по детективу в руку и поднять обеих разом.

– Заваришь кофе, милая? – сказал он Кристал. – И дамам тоже?

Дамы улыбнулись и сказали, что нет, спасибо.

Кристал вышла из гостиной, но дверь на щелочку не закрыла и осталась прямо за порогом. У Томми неприятности? Наверное, с грузовиками что-нибудь или с шоферами. Авария, скажем, нарушение ПДД. Полиция не впервые навещала этот дом и расспрашивала о грузовиках, но обычно все проблемы потихоньку рассасывались сами. Насколько знала Кристал, Томми был довольно законопослушен. Так он, во всяком случае, утверждал. «Я бизнесмен, идти против закона не в моих интересах, – говорил он. – Можно зашибать кучу бабла, если по закону».

А может, они из-за Венди. Они же должны допросить всех, кто ее знал?

Венди несколько раз бывала в «Горней гавани» – вечеринка на воде в день рождения Кристал, коктейли на Рождество, в таком духе. Всегда заносилась, как будто она лучше их. По крайней мере, лучше Кристал.

(– Ой, вот *мне* духу не хватит надеть такое *крошечное* бикини!

– Оно и к лучшему, – сказал Томми. – Лошадей распугает.)

Кристал расслышала преамбулу – Томми обронил имена пары высокопоставленных полицейских, с которыми «гонял мячи на поле» в «Бельведере». Детективы и глазом не моргнули.

– Вы по поводу Венди Айвс? – спросил он.

Вы по поводу Венди Айвс? Реджи переглянулась с Ронни. Та губами беззвучно сложила «гольф» и задрала не одну, а обе брови. Винс говорил, что Томми Холройд – «друг по гольфу». А не может так быть, что вдобавок он – «особый друг» Венди Айвс? Многое зависит от того, кому принадлежит эта клюшка. Отпечатки-то с нее уже сняли? Нет ли где зловещего, пока еще непостижимого звена, связующего убийство Венди Айвс и их операцию «Виллет»? Столько вопросов. Некто однажды сказал Реджи, что вопросов всегда больше, чем ответов. Тот самый некто, что вчера у нее на глазах взбегал на утесы. Тот самый некто, чью жизнь она когда-то спасла. Что тут забыл Джексон Броуди? Где этот человек ни появится, следом за ним вечно приходит путаница. И он задолжал Реджи денег.

– Венди Айвс? – переспросила Ронни. – Нет, это в отделе тяжких преступлений. Все в порядке, сэр, не волнуйтесь. Мы подняли одно старое дело. Ваше имя упомянули в связи с одним из лиц, которых мы проверяем, и мы хотим задать вам несколько вопросов, если вы не против. Мы пытаемся достроить картину, заполнить лакуны.

– Ну конечно, помогу всем, чем смогу, – любезно ответил Томми. – А каких «лиц», если позволите спросить?

– Извините. Мы не вправе раскрывать. Мистер Холройд, вам не приходилось слышать о так называемом магическом круге?

До них донесся рев машины, улепетывающей, похоже, на форсаже.

– Слыхала? – озадаченно спросила Ронни.

– Что? – спросила Реджи, зеркала ее гримасу. – Безошибочно узнаваемый шум автомобиля, удаляющегося на высоких скоростях?

– Это миссис Холройд уехала? – мило улыбнувшись, спросила Ронни у Томми Холройда. – Похоже, кофе вам не видать.

Тот в ответ нахмурился, будто пытался перевести ее слова.

Реджи встала и отошла к панорамному окну. Окно выходило на зады. Ни дорожек, ни машин, только море и небо до самого горизонта.

– Вау, – сказала Реджи.

Кристина и Фелисити. В бегах. Бегут.

Кристина – для друзей Тина, хотя друг у нее только один, подруга Фелисити, Фи. Тина и Фи бегут по улице не разбери-поймешь куда, задыхаются от хохота, точно заложницы, что вырвались из плена, хотя нельзя сказать, будто двери детского дома запирались или кого-нибудь волновало, внутри они или нет. «Ильмы» – вот как назывался детский дом, и дети там, конечно, были, а вот дома они там не нашли.

В «Ильмы» отправляли «трудных девочек», и Тина так и не поняла, почему там очутилась, – она-то считала, что совсем не трудная, вот ни на столечко. Тину забрали в детский дом, когда мать бросила ее, а отца сочли непригодным для опекуинства, после того как он попытался продать Тину своим собутыльникам в пабе. «Ильмы» смахивали на кару за то, что совершили Тинины родители, а не Тина.

Фи моталась по органам опеки с пяти лет – вот кто трудная. Бунтарка, дерзкая и языкастая, – «испорченная девчонка», отзывалась о ней Вобла. Миссис Обли – прозвали, конечно, Воблой. Низенькая и толстая – почти круглая, как яйцо. Тина все воображала, как облая Вобла скатывается по широкой лестнице «Ильмов» и у подножия разлетается на куски. У Воблы были пушистые волосы, и она вечно орала на девочек, пронзительно и скрипуче, но на нее никто не обращал внимания. Был еще помощник директора – совсем другой коленкор. Дейви – крупный дородный мужик, видок такой, будто ему только бы лупить девчонок до кровавых соплей, хотя он покупал им сигареты, а порой даже баночный лагер. Фи вечно выпрашивала у него что-нибудь. Фифа – вот как он ее звал. А Тину – Тень: сейчас-то не скажешь, а в детстве она была мелочь худосочная. Иногда Тина видела, как Фи выгребается из безвоздушного прокуренного кабинета Дейви, физиономия бледная и нездоровая, но когда Тина спрашивала, все ли хорошо, Фи лишь пожимала плечами и говорила: «Тип-топ-поп» – была у нее такая присказка (а также «Ах, „Бисто“» и «Можно мне ща, Боб?»^[97]).

Они, конечно, и раньше «ударялись в бега», уже сто раз. Иногда на автобусе ехали в центр и тырили всякое в «Вулвортсе» – диск «Новых пацанов на районе»^[98] (в комнате отдыха был проигрыватель), лак для ногтей, клубничный губной блеск, конфеты горами. И в кино ходили, через пожарный выход лазили смотреть «Кэндимена»^[99], а потом не одну

неделю мучились кошмарами. Стопом мотались в Гримсби (толстый слой грима этой дыре не помешал бы) и в Беверли (скуко-та-а), но сегодня им предстояло приключение покруче. Они не просто линяли – они линяли с концами. Назад не вернуться. Никогда. Они в бегах.

Фи предложила ехать в Бридлингтон, потому что там жили эти двое извращенцев.

– Доброхоты, – фыркала Вобла; можно подумать, если люди хотят добра, они непременно злые (хотя, конечно, в данном случае так оно и было).

Дейви приятельствовал с этими доброхотными мужиками, Тони и Миком, и Дейви же первым зазвал их в «Ильмы». Тони – мороженщик этот, Бассани, – привозил большие рожки мороженого без названий. По дороге мороженое успевало наполовину растаять, но это ничего, нормально. Он раздавал рожки сам, велел девочкам строиться в очередь, а потом каждой что-нибудь говорил: «Держи, милочка, засунь себе в ротик» или «Полижи-ка, дорогая», – и все хихикали, даже Вобла.

Тони и Мик, по словам Дейви, были местными бизнесменами. И местными знаменитостями – вечно мелькали в газетах. Ни Фи, ни Тина газет не читали, но Дейви им показывал. У Тони была большая машина «бентли», и он катал девочек. Тина в машине не бывала ни разу, но Фи говорила, если ездить, получаешь кучу ништяков – конфеты, сигареты, даже деньги. Что полагалось делать за эти ништяки, Фи не уточняла, но и так понятно. У Мика были галереи игровых автоматов, и Фи обещала, что в Бриде Тони с Миком дадут работу и ей, и Тине, а потом можно подыскать жилье, и они будут свободны – делай что хочешь и когда в голову взбредет.

Фифа и Тень. В бегах. Обеим по двенадцать лет.

Первым их подвозил немногословный шофер грузовика со стоянки автосервиса на окраине города – он купил им чипсов и пепси. Они ему наплели, что им шестнадцать, и он рассмеялся, потому что не поверил, а когда высадил их у развязки, сказал:

– Вы уж повеселитесь на море, девочки, – и выдал пару фунтов. – Купите себе леденцов, – сказал он, – и не давайте мальчикам вас целовать.

Потом их подвозил мужик на бежевом универсале – этот спустя несколько миль сказал:

– Девчонки, я вам не такси, я бесплатно извозом не занимаюсь, – а Фи ответила:

– Такси тоже, – а он сказал:

– Что, поганка, больно наглая?

Остановился у придорожной стоянки, и Фи велела Тине выйти из машины на пять минут, а когда Тина вернулась, водитель больше не жаловался, что он не такси, а довез их до самого Бридлингтона, высадил прямо у Саут-Марин-драйв.

– Скотина грязная, – сказала Фи, когда они вылезли, а он укатил.

В Бриде они первым делом купили чипсов и сиг на деньги, которые дал первый шофер.

– Во житуха, – сказала Фи.

Облокотившись на перила, они курили и смотрели с Променада, как накатывают волны.

Выяснилось, что житуха так себе. Мик поселил их в трейлере на краю одного своего участка, в двух шагах от живодерни. И работу тоже как бы дал. Иногда они трудились на ярмарке аттракционов или на стойке регистрации трейлерной стоянки, но в основном ходили на «вечеринки» Тони и Мика. Тина, пока впервые туда не попала, представляла себе воздушные шары, и мороженое, и игры – вечеринку, каких у нее не бывало никогда, – но попала пальцем в небо. На вечеринках даже не кормили мороженым, хотя, казалось бы, куда без него, Бассани-то чем по жизни занимается? Игры, впрочем, были. Явно не из тех, какими развлекаются на детских праздниках, хотя на вечеринки приходили и другие девочки тех же примерно лет. Детей всегда было полно – дети вечно приходили и уходили. Не только девочки – пацаны тоже.

– Думай о чем-нибудь другом, – посоветовала Тине одна девочка. – О хорошем. О единорогах и радугах, – цинично прибавила она.

Не только вечеринки – друзья Мика и Тони порой заявлялись и в трейлер. Вагон страсти, смеялся Мик. (Чудовищно. Такие воспоминания вытесняешь лет по тридцать.)

– Не нойте, – говорил Мик. – Деваться вам некуда. И вообще, не врите – вам же самим нравится. Вы обе те еще шалавы.

От одного воспоминания у Кристал в трубочку сворачивался мозг. Они были дети. Маленькие девочки, немногим старше Карри. Их никто не искал. Ни Вобла, ни Дейви. Ни полиция, ни соцработники. Они были утиль – не стоили заботы.

Помнится, Фи твердила, мол, им повезло, Мик и Тони о них заботились, дали им дом – и вот опять это слово. Замызганный трейлер – никакой не дом, в нормальном доме за конфеты и сиги не делаешь «приятно» старичью. Ну, казалось, что они старичье. Если вдуматься, они,

пожалуй, были не старые. Тогда. Судья как-то раз сказал Тине: я понял, что старею, когда офицеры полиции стали выглядеть совсем мальчишками. Офицеры, слоны, пешки. Все они – фигуры на большой шахматной доске вселенной, верно?

Играть Тину научил один друг судьи. Сэр Какой-То, имя-двустволка. Гав-Планкетт. Что-то в этом духе. «Королевский рыцарь», – говорил Тони Бассани. Он гордился связями. Гав-Планкетт, или как там его, приносил в трейлер шахматы. Говорил, что Тина «умная девочка». Он был первым, кто ей так сказал. Сейчас вспомнишь – странные у него были запросы, но у мужчин случались закидоны и похуже, чем поиграть в шахматы. Потом-то он, понятно, хотел не только шахмат. Давненько она не заставляла себя думать и про судью, и про его друзей. Про магический круг.

Это они так себя называли. Магический круг.

– Любим фокусы-покусы всякие, фигли-мигли, – смеялся один из них.

Нынче утром ввиду желанного отсутствия посетителей в «Мире Трансильвании» Гарри с головой нырнул в «Крэнфорд»^[100]. Крэнфорд ему нравился – безопасное пристанище, где наималейшим событиям приписываются глубокие и яркие смыслы. Гарри считал, лучше так, чем выдавать важные вещи за мелочи.

По его мнению, из «Мира Крэнфорда» получился бы аттракцион поинтереснее, чем из «Трансильвании». Платишь за билет – и навещаешь мисс Мэтти, пьешь чай, проводишь вечер за картами или хором с соседями поешь у рояля. («Убежище» – так мисс Рискинфилд называла Крэнфорд.) Гарри с удовольствием послушал бы, как капитан вслух читает «Записки Пиквикского клуба». Гарри бы...

– Гарри?

– Кристал? – Гарри вынырнул из крэнфордских грез. – Ты что тут делаешь?

Со вздохом облегчения Кристал плюхнула Каррину на билетную стойку.

Гарри нахмурился.

– Ты же не поведешь Каррину туда, правда? – спросил он, пальцем ткнув в темное жерло тоннеля, уводящего в Трансильванию.

– Эпическая сила, да ни за что.

Кристал очень старалась не материться. Просто ужас как старалась – Гарри подозревал, что до свадьбы с его отцом Кристал материлась *часто*. Выходило даже смешно, потому что временами дурацкие невинные словечки, которые Кристал выбирала на замену, звучали ничем не лучше.

- Гарри, можешь за ней присмотреть?
- Здесь?
- Да, здесь.
- Я скоро уйду – у меня дневное представление.
- Я ненадолго.

– Это что за хуйня? – осведомился Баркли Джек, за сценой наткнувшись на Гарри с растрепанной Белоснежкой на руках.

- Она – моя сестра, – сказал Гарри. – А не «это».
- Сестра?

Баркли Джек сморщился, будто сама идея родственных отношений – это что-то невыносимое. Может, у него нет никакой родни. Гарри не помнил, чтоб Баркли Джек хоть раз упоминал жену или ребенка, и вообразить его чьим-то отцом почти невозможно – он даже за человека сходил с трудом.

Кристал, хоть и обещала, не вернулась к тому времени, когда Гарри настала пора передать бразды Эми, а Эми отказалась подежурить с ребенком почти так же категорически, как Эмили, так что Гарри пришлось тащить Каррину с собой на автобусе, по американским горкам среди пустошей. В автобусе Каррина никогда не бывала и не капризничала довольно долго – за что надо сказать спасибо и пакету «Монстер манч», строго-настрого запрещенному ее матерью, разумеется, но Кристал могла бы и не переживать, даже если бы узнала, потому что Каррину стошнило всей этой кукурузой считанные минуты спустя, а потом она мигом уснула у Гарри на коленях. Он как мог подтер оранжевую лужу, но дело осложнялось отсутствием бездонной сумки аксессуаров, которые обычно возила с собой Кристал, – целого арсенала влажных салфеток, чашек-непроливаек, сменной одежды, воды и соков, перекусов и полотенец. Кристал могла бы прихватить хотя бы детскую коляску. («Ага, массу пользы это бы тебе принесло», – прокомментировала Эми, глядя, как Гарри выволакивает сестру из «Мира» и бежит на автобус.) И чем развлечь Каррину – игрушку, книжку, а в идеале портативный DVD-плеер и избранные тома «наследия», как выразилась бы мисс Рискинфилд, Свинки Пеппы, хотя вряд ли мисс Рискинфилд сталкивалась со Свинкой Пеппой. Куда это Кристал так срочно намылилась? Вообще-то, она была сама не своя. Начать с того, что не на каблуках. Это же о чем-то говорит?

Из автобуса и Гарри, и Каррина вышли весьма и весьма помятыми.

- Ну, пусть мне тут не мешается, – сварливо распорядился Баркли.

Баркли «воскрес из мертвых», сказал Соня. Накануне Соня (неохотно) прокатился с Баркли на «скорой» в больницу, откуда Баркли отправили восвояси спустя пару часов.

– Панический приступ, – доложил Соня. – Жалко – а я-то надеялась, занавес дали. Он что-то увидел на телефоне, и это его подкосило, да?

– Не знаю, – невинно пожал плечами Гарри.

Падая, Баркли уронил телефон, и только потом, когда «скорая» уже уехала, Гарри заметил, что телефон ускакал под тяжелый красный занавес. Гарри за ним наклонился, и тут телефон засиял сообщением. «Чтоб ты понимал: игнорировать мое сообщение НЕ НАДО». Очень интересно. Гарри открыл сообщения. Телефон не был запаролен – Гарри знал, поскольку сам помог снять пароль, когда Баркли в сотый раз за неделю его забыл. Можно, пожалуй, сказать, что Гарри нарушил тайну переписки, но мало ли – вдруг Баркли уже на пороге смерти, а сообщения как-то относятся к делу?

– Или ты больно любопытный, – сказал Соня.

Тоже правда, согласился Гарри. Сообщение, которое не надо было игнорировать, прислали вчера вечером, в 22:05, примерно когда у Баркли отхлынула кровь от мозга и он рухнул. Отправитель – номер, не имя, и содержание вполне прямолинейное: «Не раскрывай пасть, Баркли, не то будет ОЧЕНЬ плохо».

Гарри сунул телефон в карман, и теперь телефон виновато прожигал в кармане дыру. Гарри так его и не вернул – отчасти потому, что с Баркли от зрелища телефона может приключиться новый панический или даже почестному сердечный приступ, а отчасти потому, что... короче, Гарри не знал почему. Потому что все это очень любопытно. Даже увлекательно. Как детективный роман. Что такого знает Баркли, отчего ему так угрожают?

– Ну, за Баркли всегда водилось много дурных привычек, – сказал Соня, щурясь на текст СМС сквозь очки для чтения, до того немодные, что, вероятно, модные. – За ними по пятам идут дурные люди.

Соня так сказал – получился весьма и весьма Шекспир.

– Короче, ребенок мелкий, ей тут не место, – прибавил сейчас Баркли, угрюмо глядя на Каррину. – И кстати, ты не видел мой телефон?

– Э-э.

Гарри хотел сознаться, честное слово, но Баркли прибавил:

– Последи, чтоб этот блядский ребенок мне не мешал, усек? – и Гарри решил его наказать: еще немного подержать телефон у себя.

– Да, мистер Джек, – ответил он. – Очень постараюсь.

Грех роптать

– Вы меня задерживаете?

– Вы уже который раз спрашиваете, мистер Айвс, а я который раз отвечаю: нет, мы вас не задерживаем, – сказала инспектор Марриот. – Вы по доброй воле пришли на допрос и вольны уйти в любой момент, что вам наверняка подтвердит ваш солиситор.

Она отрывисто кивнула Стиву Меллорсу, а тот похлопал Винса по плечу и сказал:

– Не волнуйся. Это стандартная процедура.

(«Вы считаете, вам на обычном допросе нужен адвокат, мистер Айвс?») Да, еще бы он не считал!

– Мы вас допрашиваем как свидетеля, мистер Айвс. Вас никто ни в чем не обвиняет.

Пока что, подумал Винс.

– Я здесь как друг, – пояснил Стив детективу-инспектору Марриот, – не как юрист. Однако, – прибавил он, обернувшись к Винсу, – я думаю, на все вопросы полезно отвечать «Без комментариев» – на случай, если тебя задержат в дальнейшем.

Из полиции позвонили с утра пораньше, попросили снова прийти. Винс в панике позвонил Стиву и вывалил всю прискорбную историю убийства Венди, и что полиция зовет его на второй допрос, и он, Винс, думал бежать или прыгнуть с утеса, но потом вспомнил про Эшли, нельзя же лишить ее обоих родителей разом, хотя ей-то, похоже, только мама была дорога, и нет, Винс не в обиде, Эшли он любит, и он не убивал Венди, он Богом клянется, зато вчера вечером чуть не угробил этого мужика на утесах...

– Винс, Винс, Винс, – сказал Стив. – Успокойся. Я уже еду. Все будет хорошо.

Впрочем, приехав к Винсу, он первым делом сказал:

– Я не уголовный адвокат, – а Винс ответил:

– Оно и к лучшему, потому что я не уголовник.

Юрист по корпоративному праву – чем он вообще занимается? В основном известно, чем он не занимается.

– Естественно, они хотят с тобой побеседовать, – сказал Стив. («Господи, Винс, ты правда тут живешь?») – Ты посмотри с их точки зрения...

– Я не хочу смотреть с их точки зрения! Я хочу, чтоб они смотрели с

моей!

– Винс, ты давай поспокойнее. Перед ними не стоит так нервничать. Тут главное произвести хорошее впечатление. Вы с Венди сколько были женаты? Двадцать лет?

– Двадцать один.

– Двадцать один. И разводились. Полиция заподозрит, что ты испытывал к ней личную неприязнь, даже злость. Конечно, ты первый в списке тех, с кем они хотят поговорить.

– И вы точно не видели мисс Истон... миссис Айвс... вашу жену, – (можно подумать, он не знает, кто такая Венди), – когда ночью навещали дом?

– Я не заходил внутрь. Я же сказал. Я вам уже все рассказал миллион раз.

Нет, он не будет отвечать на вопросы: «Без комментариев» – комментарии у него завались!

Проснувшись утром в дурацкий час – он, наверное, больше никогда в жизни крепко не уснет, – Винс прогулялся к дому. Не «семейному дому» уже, а месту преступления – его украсили черно-желтыми ленточными гирляндами. «Место преступления, проход запрещен». Связаться с Эшли так и не смогли – Винс воображал, как она внезапно возвращается и видит, что дом ее детства упаковали, точно подарочек на похороны. Из ниоткуда возник офицер полиции и сказал:

– Сэр? Я могу вам чем-то помочь?

– Вряд ли, – ответил Винс.

Вряд ли на свете есть люди, которые способны ему помочь. Тем не менее звякнуть Стиву Меллорсу не помешает. Давным-давно Винс спас ему жизнь – пора требовать должок, пускай теперь Стив спасет жизнь ему.

Винс позвонил Стиву домой – ответила Софи.

– Ой, Винс, – сказала она, – как дела? Давно не видались. Как Венди?

– Венди?

Винс замялся. Всего-то восемь утра – в трубке было слышно, как сын Джейми спрашивает, где его чистая форма для регби, а чем-то недовольная дочка стонет. Баламутить эту беспорочную семейную атмосферу чернухой своей жизни как-то невежливо.

– Хорошо. Венди хорошо, спасибо. Слегка простудилась, – прибавил он. Не хотел, чтоб вышло, будто у Венди все *слишком* хорошо.

– Ну, привет ей от меня. Я позову Стива, он как раз собирался уходить. Как-нибудь вскорости приезжайте с Венди к нам на ужин. По-моему, наша очередь.

Венди сейчас в таком виде, что Софи, пожалуй, не захочет сажать ее за стол.

– Шикарно, – ответил Винс.

У инспектора Марриот ходил в напарниках молодой детектив-сержант. Он все показывал фотографии места убийства, пихал их к Винсу по столу, а Винс отпихивал. И эти двое задавали одни и те же вопросы, снова и снова, будто он вот-вот сломается и сознается от чистой неодолимой скуки.

– Я не убивал Венди, – сказал он. – Сколько раз еще повторять?

Стив опять примирительно возложил ладонь Винсу на локоть, но тот ее стряхнул.

– Мы этого и не говорим, мистер Айвс. Мы просто пытаемся выяснить, что произошло.

– Я знаю, что произошло! – сказал Винс. – Кто-то убил Венди! Не я! Я был в «Бельведере».

– Но еще вы были возле дома.

– Я там пробыл *пять минут*. Буквально.

– За пять минут много чего может случиться, мистер Айвс.

Инспектор Марриот тяжело вздохнула, словно Винс ее огорчил. Собственная природа, к некоторому ужасу обнаружил он, подсказывала ему утешить детектива чем-нибудь таким, что ей желанно. А желанно ей, чтоб он сознался в убийстве Венди. Но он не убивал Венди! Теперь Винс понимал, как люди сознаются в преступлениях, которых не совершали. Это проще, чем беспрестанно твердить, что невиновен.

– Я просидел в «Бельведере» весь вечер. Томми и Энди подтвердят. Томми Холройд и Энди Брэгг – я вам вчера про них уже говорил, вы с ними связались? Они скажут, в котором часу я уехал.

– Боюсь, нам пока не удалось связаться ни с мистером Холройдом, ни с мистером Брэггом, но мы, разумеется, будем пытаться и дальше. – Она замолчала и посерьезнела, будто хочет спросить что-то страшно важное. – Вы же служили в армии, да?

– Да, в Корпусе связи, очень давно.

– То есть постоять за себя вы умеете?

– Постоять за себя?

– Да. Постоять за себя. Например, вы умеете обращаться с оружием.

– С оружием? Вы же сказали, что Венди убили клюшкой для гольфа?

– Ну, ее *использовали* в качестве оружия. Оружием может стать что угодно. Почитайте Агату Кристи. – (Но там же все выдуманно, про себя возмутился Винс.) – Мы не списываем со счетов ни одну версию, – продолжала инспектор Марриот. – Расследование пока на ранних стадиях. Мы ждем данных патологоанатома о точном времени кончины. Когда получим, станет яснее, как оно соотносится с вашими передвижениями и вашей историей.

– Это не *история*, – уперся Винс. – И раз я волен уйти, я так и поступлю.

Он вскочил, заскрежетав стулом. Эффектно хлопнуть дверью он не планировал и слегка смутился своего порывистого идиотизма.

Инспектор беспомощно развела руками:

– Как вам будет угодно. Мы вскоре с вами свяжемся. Будьте добры, не уезжайте из города.

– Зря сорвался – вряд ли это тебе на пользу, – сказал Стив, указывая ключами на свою машину, припаркованную перед отделом полиции.

«Дискавери» вякнула, кротко с ним согласившись.

– Да я понимаю, понимаю, но это кошмар. Какой-то Кафка. – Кафку Винс не читал, но прекрасно знал, что люди имеют в виду, поминая это имя. – Они правда пытались связаться с Томми и Энди? Как это им не удалось?

– М-да, Томми и Энди, – задумчиво сказал Стив. – Они наверняка скажут все как надо.

– Все как *было*, Стив.

– Но согласись, картина складывается нехорошая.

– Ты же вроде должен быть за меня.

– Я и за тебя. Не сомневайся.

Винс собирался вернуться к себе в квартиру, но Стив сказал:

– Поехали в «Бельведер», пообедаем. Надо обсудить стратегию.

– Стратегию? – озадачился Винс.

– Ты в зоне военных действий. Надо нейтрализовать врага. Надо выстроить твою историю.

Вот опять это слово – «история». Жизнь Винса превращается в выдумки. Кафка бы им гордился.

Едва тронулись, у Стива зазвонил телефон. Он ответил по гарнитуре, и разговор вышел в основном односторонний – сплошь «ага» и «понял». Договорив, Стив сильно помрачнел.

– В лавке лихо, Стив?

– Чутка не без того, паря.

Комедийные йоркширцы, подумал Винс. Акцент у обоих не то чтобы сильный. Родители Винса росли южнее, познакомились в войну, а после войны отдрейфовали к северу. У обоих был безликий лестерширский акцент, смягчавший открытые каденции Уэст-Йоркшира, звучащие вокруг Винса с детства. Стив, напротив, выдавил из себя местный акцент уроками красноречия – факт, который он скрывал от других пацанов в школе: боялся, что сочтут слюнтяем. А Винс знал. Некогда он был хранителем тайн Стива. Мать Стива помешалась на «развитии» сыночка. Ну и Стив ведь развился? Не то слово как.

(– А в город ты не ездил? – спросил Стив, когда Винс и Венди приходили на ужин.

– Давно уже нет, – сказал Винс.

Отец умер вскоре после свадьбы Винса и Венди – незачем возвращаться.

– Я там иногда бываю по работе, – сказал Стив. – Все стало иначе. Одни паки. Имамы и мечети.

От слова «паки» Софи передернуло. А Венди нет. Софи укоризненно положила руку мужу на плечо.

– Стив, – как бы эдак рассмеялась она, – это ужасно.

– Мы же тут среди своих? – ответил Стив, на свои предрассудки лишь пожав плечами. – Я говорю вслух, что думают все. Венди, еще вина?

– Завсегда, – сказала Венди.)

– Я слегка дам крюка, ничего, – сказал Стив; прозвучало, отметил Винс, отнюдь не вопросом. – У меня одно дельце. Это быстро.

Хотелось бы надеяться. Предвкушение обеда оживило Винса. Внутри воцарилась пустота, словно оттуда все вычерпали ложкой с острыми краями, – впрочем, может, это от страха. Невзирая на то, что Винса подозревали в убийстве, проголодался он адски. Правда, последний раз он ел вчера вечером – тост в доме у этого мужика. Винса так трясло, что он бы позабыл имя, если б мужик не дал ему визитку. *Джексон Броуди* – «*Расследования Броуди*». «Позвоните, – сказал, – если нужно будет поговорить».

Ехали довольно долго, и чем дальше, тем больше ветшали задворки за окном – неказистые кафе, тату-салоны, гаражи и автосервисы, абсурдным образом преобразившиеся в похоронные бюро, словно так им и было на роду написано. Винса нежданно-негаданно посетило воспоминание о матери – как она лежала в сумеречном похоронном бюро, где пахло

пчелиным воском и чем-то менее приятным: формальдегидом, наверное, хотя, может, это он вспоминает законсервированные образцы организмов на школьных уроках биологии.

Мать умерла от какого-то безымянного рака – вроде бы постыдного, судя по тому, как приглушенно его обсуждали подруги и родственницы. Винсу было всего пятнадцать, мать казалась старухой, а так-то она была значительно моложе его нынешнего. Мать хорошо стряпала – Винс по сей день живо вспоминал вкус ее жаркого и бисквитного пудинга на пару. После ее смерти Винс с отцом жили на готовых мясных пирогах из мясницкой лавки, варили треску в пакетах, и от такого рациона утрата ощущалась острее. «Скучаю я по стряпне твоей матери», – говорил отец – имея в виду, подозревал Винс, что скучает по женщине, а не по ее пастушьему пирогу, хотя пирог и мать стали как бы неразделимы: так «Венди» отчасти подразумевает «бонсай» и «просекко». А из чего состоит Кристал Холройд? Из конфет, и пирожных, и сластей всевозможных, вероятно. Винс вообразил, как кусает ее – в ногу или в руку – и слышит сахарный хруст. Господи, Винс, уймись, подумал он. Совсем сбрендил?

В конце концов они вырулили на окраину, почти уже в загородные поля, и тут Стив свернул влево и покатил по длинной петляющей дороге между разросшимися кустами и деревьями. У Венди руки бы тут зачесались врубить газонокосилку, подумал Винс. Но потом вспомнил, что Венди больше ничего не хочет, в этой жизни у нее не осталось никаких чувств. Где она теперь – в следующей жизни, стрижет и кромсает кустики? Винс надеялся, что Венди не попала в ад, хотя вообразить ее в раю нелегко. Не то чтобы Винс верил в ад и рай, но невозможно представить, что Венди нет вообще нигде. Ради нее он надеялся, что, если она в раю, райский штат укомплектован ангелами низшего чина и они верой и правдой служат ей после тяжкого дня в бонсайных полях. («Я вымоталась, Винс, принеси мне просекко, а?») Мать Винса хотя бы с удобством разместилась в баптистском похоронном бюро – а Венди до сих пор лежит где-то на холодном столе, точно медленно гниющая пикша.

– Винс... ты как?

– Ой, извини... задумался. Про Венди.

– Хорошая была женщина.

– Ты считаешь?

Стив пожал плечами:

– Ну вроде. Я-то с ней встречался всего пару раз. Человека узнать – целая жизнь нужна. Софи меня удивляет до сих пор.

Винс вспомнил свою кошку. Его Софи, в отличие от Софи Стива, в

молодые охотничьи годы таскала Винсу в подарок мышей. Бархатистые крошки – Софи без усталости с ними играла, а в финале откусывала им головы. И Винс тоже беспомощная мышка, с которой играет инспектор Марриот? И скоро ли ему откусят голову?

Машина свернула, и впереди замаячило большое заброшенное здание. Побитая вывеска гласила: «Белые березки: у нас как дома». Прежде тут, наверное, было какое-то учреждение, психбольница или дом престарелых, но для таких целей здание больше не подходило – явно закрыто уже не один год. Винс терялся в догадках, что за дельце может быть здесь у Стива.

– Посиди в машине, – сказал ему тот, атлетически выпрыгивая из «дискавери». – Я на пять минут.

Пять минут что-то затянулись, отмечал Винс, поджидая Стива в машине. Вдруг подступило другое воспоминание. Что за день такой – прямо у Винса на глазах с прошлого сдирают обертки. Когда Винс был маленьким, у одного друга его отца был участок, и этот друг отдавал им лишние овощи из своего изобильного урожая – свеклу, фасоль, салат. Боб, вот как его звали. Дядя Боб. Летними вечерами отец Винса часто мотался к Бобу на участок. Машины у них не было, был фургон – на боку художник намалевал «Роберт Айвс – сантехник». Времена были прямолинейные, никто не стремился изобретать хлесткие имена или емкие слоганы. («Наше дело – труба», – недавно прочел Винс на боку белого фургона.)

Когда Винсу было лет шесть или семь, отец как-то вечером взял его с собой на участок к Бобу.

– Спроси, нет ли у него картошки! – крикнула мать вслед, когда фургон уже отъезжал от обочины.

– Посиди в фургоне, – велел отец Винсу, припарковавшись у въезда на участок. – Я на пять минут.

И Винс остался один, а отец, насвистывая, ушел искать Боба в сарае у дальней границы участка.

Августовские сумерки сгустились темнотой. Участки вокруг пустовали, и Винсу стало страшно. В те годы его ужасно пугали мысли о призраках и убийцах, а темноты он боялся до смерти. Он сидел целую вечность, воображая все кошмары, которые, вероятно, приключились с отцом, – и хуже того, все кошмары, которые вот-вот приключатся с ним самим. Когда отец вернулся, по-прежнему насвистывая, Винс уже трясся, плакал и на человека не походил.

– Ты чего ревешь, дурень? – спросил отец, обнимая огромный салат, букет гвоздик и мешок запрошенной картошки. – Нечего тут бояться. Мог

бы пойти и поискать меня.

А Винс-то и не знал. Не знал, что у него есть свободная воля, самостоятельность. Он был как собака: сказали сидеть – он и сидел.

Боб был старше отца, жил бобылем, и в благодарность за овощи его по воскресеньям часто приглашали на обед. У отца были оговорки: «Не садись к дяде Бобу на колени, если позовет». Боб и впрямь вечно уламывал Винса посидеть у него на коленях («Иди, паря, обними старого дядю Боба»), но послушный Винс к нему не шел. Матери дядя Боб нравился – он смешной, говорила она.

– Торчит у себя в сарае – прямо и не знаешь, чем это он там занят.

Винс годами не вспоминал дядю Боба. И фургон забыл напрочь. «Роберт Айвс – сантехник». Винс скучал по отцу. Но все равно нельзя вот так оставлять ребенка одного.

Часы на приборной доске «дискавери» сообщили, что Стива нет уже почти полчаса. Что за бред, Винс успел бы дойти до «Бельведера» пешком, а он торчит тут, как болван, и в пупке ковыряется.

Нынче он самостоятельный человек. Не всегда сидит, если сказали сидеть. Винс вылез из машины. Запирать не стал, поднялся на крыльцо «Белых березок». Вошел.

Двустороннее движение

Гданьск. Совершил посадку.

Ну наконец-то, подумал Энди. Самолет вылетел с двухчасовым опозданием и потерянного времени почти не наверстал. Энди смотрел, как статус переключается туда-сюда с «по расписанию» на «задерживается», «летит» и «ожидается», словно самолет навсегда застрял в прорехе пространственно-временного континуума, кружит в ожидании посадки где-то в космической пустоте. К восьми вечера Энди и сам провалился в черную дыру, выпив четыре эспрессо и в мельчайших подробностях изучив «Дейли мейл» от корки до корки. До того дошел, что даже взялся за sudoku – и без малейшего успеха. С тех пор как он доставил таек в «Березки», миновали как будто не часы, а дни. Одна тайка сопротивлялась, и Василий подхватил ее за талию и поднял, а она возмущенно брыкалась и пиналась. Без толку, для Василия она – все равно что кукла тряпичная. Перед глазами Энди так и стояло ее перекошенное лицо – девушку уносили, а она кричала: «Мистер Энди! Мистер Энди, помогите!» Иисус

прослезился^[101]. А вот Энди нет, ясно? Сердце у него что камень. А если треснет? Уже трескается? Уже повсюду побежали трещинки. *Мистер Энди! Мистер Энди, помогите!*

Ощущение такое, будто он весь день только и делал, что катался туда-сюда по А1 на волнах кофеина. Машина небось покрышками уже прогрызла в асфальте колею. Разъездные коммивояжеры столько за рулем не сидят, сколько Энди. А он сам-то кто, если вдуматься? Торговый представитель, толкает свой товар по всей стране. В клиентах недостатка нет, это уж точно.

Он опять вспомнил стиралки, которые грохнулись с грузовика Холройда. Жертвы автострады. Спрос на стиральные машины не бездонный, а вот девчонок можно загонять до бесконечности.

А жена Стива, эта заносчивая ханжа Софи, знает про трейлер, мужнин «другой офис»?

– Стивен работает с утра до ночи, – сказала она Энди, когда все собрались выпить под Новый год.

– Да уж, настоящий трудоголик, – согласился тот.

Венди и Винс тоже приходили. Венди перепила, и Энди засек, как Софи переглядывается со Стивом и закатывает глаза. Если б знала, откуда текут деньги, носа бы не задирала.

– Конечно, он старается ради меня и детей, – сказала она. – Замечательно самоотверженный человек.

Ага, подумал Энди, щас.

Не в сексе дело, никто из них к товару не притрагивался – разве что, может, изредка Томми; дело в деньгах. Сплошная прибыль, ноль убытков. Для Энди это всегда была просто работа, чтоб хватало на жизнь и на безбедную старость под конец, во Флориде или Португалии, непременно с прекрасным полем для гольфа. Дом с бассейном, где Рода будет прохладиться в объемистом утягивающем купальнике, попивая пинья-коладу. С бумажным зонтиком. Бумажные зонтики – известный признак хорошей жизни. Лотти, наверное, не согласится.

Энди на эту хорошую жизнь отложил вдоволь – ну и зачем дальше тянуть? Где предел? Когда это кончится? Он уже преступил столько границ запретного, что ходу назад, пожалуй, что и нет. Он перевалил вершину и застрял на ничейной земле. («Господи, Энди, – сказал Стив. – Ты когда это завел привычку *думать*? Тебе не идет».) Сплошная карусель, вроде тех, что у Кармоди, и с нее никак не слезть.

– Как в той песне, – сказал Томми. – «Выписаться можешь – уехать

нельзя»^[102].

Стив пытался залучить к ним четвертого мушкетера. Винса Айвса. Не, не д'Артаньян – скорее н'ет, чем д'А. Винс со Стивом знакомы аж со школы, и Стив считал, что Винс может «пригодиться» – в армии служил, в компах разбирается, но что им толку-то? В интернете Стив и Энди и сами неплохо шарили.

Энди так понял, что Стив считал, будто задолжал Винсу, потому как сто лет назад Винс вытащил его из канала. (А если бы Винс бросил Стива тонуть, как ненужную кошку, они бы тут этим ремеслом не промышляли. Если вдуматься, за все, что они творят, в ответе Винс.) Мигом стало очевидно, что Винс не из таких – их бизнес он тупо не потянет, кишка тонка. Четвертый мушкетер оказался пятым колесом, и они решили не посвящать его в дела, хотя он по-прежнему таскался с ними на гольф и вечеринки. В итоге оказалось, что от Винса вреда больше, чем пользы, особенно сейчас, потому как на убийство Венди полиция слетелась, что мухи на конский навоз. И Винс даже прилично клюшкой махнуть не умеет.

Энди вздохнул и допил кофе. Оставил щедрые чаевые, хотя никто его не обслуживал. Перешел в зал прилета. Их имена уже вбиты в айпад – Энди его включил и подправил гримасу. Мистер Конгениальность. Двери распахнулись, и он поднял айпад повыше, чтоб точно заметили.

На сей раз Стив заманил двух красивых блондинок – польки, настоящие сестры. Надя и Катя. Засекли Энди мигом. Громадные чемоданы – все как водится. Уверенно направились к нему. На вид прямо-таки пугающе крепкие и здоровые – на миг Энди почудилось, что сейчас они кинутся на него с кулаками, но затем та, что повыше, сказала:

– Здравствуйте, мистер Прайс?

– Не, я его представитель. – Как папа римский – представитель Бога на земле, прибавил он про себя. – Меня зовут Энди, лапушка. Добро пожаловать в Великобританию.

Заходит ищейка в бар

– И я говорю ей: «Меня только твоя внутренняя женщина интересуется, дорогая моя!»

На сцене повсюду голосил Баркли Джек.

– Какой тошнотный, господи, – сказала Ронни. Они с Реджи стояли позади кресел, дожидаясь окончания дневного представления.

– Да уж, – согласилась Реджи. – Неандерталец. Увы, все его любят. Особенно женщины. Вот что прискорбно.

Порой Реджи гадала, настанет ли день, когда люди ее не разочаруют. Это, видимо, утопия, а утопии, как и революции, никогда не ладятся. («Пока что», – сказала доктор Траппер.) Не исключено, что где-то далеко-далеко отсюда все иначе. Не исключено, что в Новой Зеландии. («Может, приедешь, Реджи? Приезжай в гости. Может, стоит даже работу здесь подыскать». Хорошо было бы жить поблизости от доктора Траппер, смотреть, как растет ее сын Габриэль.) Защищать справедливость – дело очень праведное, но ты все равно что Кнуд, который пытается остановить прилив^[103]. (Это исторический факт? Как-то сомнительно.)

– Что общего у дороги и женщины? – завопил Баркли. – Вот ты, в первом ряду, – сказал он, указывая на женщину в красной майке. – Да-да, я с тобой говорю, деточка. Ты бы ноги-то сдвинула, а то продует.

– Я тут в зале вижу *детей*, – сказала Реджи. Вздохнула. – Долго еще?

– По-моему, не очень, – ответила Ронни. – Минут десять.

Баркли Джека в ходе первого расследования брали на контроль, но потом списали со счетов. Бассани и Кармоди по должности положено было многие годы сталкиваться со многими артистами – с Кеном Доддом, Максом Байгрейвзом, Братьями Хи-Хи^[104], – и никто из них под подозрение не попал. Кармоди каждое лето закатывал большую вечеринку и зазывал всех звезд, что заезжали в город. Роскошное было мероприятие – один такой праздник снимали еще на пленку, Ронни и Реджи смотрели. Домашнее кино Бассани, судя по всему: эти двое судят конкурс «Прелестное дитя» и какой-то еще конкурс красоты, где женщины в цельных купальниках. Все хохочут. В кадре возникал и Баркли Джек – в одной руке бокал, в другой сигарета, ухмыляется в камеру. Просто очередной человек («Мужчина, – поправила Ронни, – очередной мужчина»), чье имя всплыло в бесконечно ветвящемся фрактале под названием «Операция „Виллет“». Еще одна деталь пазла, еще один кирпич

в стене^[105].

– Гендерная текучка, вот как я это называю! – Это Баркли Джек проорал богам свой следующий панчлайн; Реджи отключилась уже некоторое время назад.

– И вот как тут не ржать? – с каменным лицом прокомментировала Ронни.

Разумеется, многие годы о нем ходили кое-какие слухи, а один раз был даже обыск у него дома – невзирая на шумливое поклонение северному колориту, обитал Баркли Джек, вообще-то, в Южной Англии. Успех отвернулся от него давным-давно, и однако же нате – скачет по сцене, больше жизни самой, нарумяненный и разряженный, травит анекдоты, и от их неуместности скривится любая уважающая себя женщина – да, собственно, персона любого из двух основных гендеров и всех промежуточных. В чем, понятно, и состоит привлекательность Баркли Джека – он высказывает вслух то, что люди обычно говорят только про себя, хотя у нас теперь есть интернет, паутина ненависти и злобы, и такого рода комики должны, казалось бы, подрастерять свой шарм.

– Мы, наверное, можем сию минуту задержать его по нескольким эпизодам, – задумчиво отметила Реджи.

– Не стоит потраченных калорий, – ответила Ронни.

– Потому что там бреши и тут брешут! – взвыл Баркли Джек. – У нас в зале, часом, из Херефорда никого нет? – неумолимо продолжал он.

В ответ из аудитории злобно рявкнул мужской голос, и Баркли Джек сказал:

– А, так это ты – тот самый хер из Херефорда?

На миг повисла пауза – аудитория переваривала шутку, – а затем зал восторженно взревел.

– «О нет, здесь ад, и я всегда в аду»^[106], – пробормотала Реджи.

– Чё? – переспросила Ронни.

– Все в порядке, мистер Джек, не волнуйтесь, – сказала Реджи.

Они втроем набились в тесную гримерную Баркли Джека. Не гримерная, а помойка. В воздухе витало зловоние. Реджи подозревала пожеванные обьедки бургера, уместившиеся в бардаке на туалетном столике, – а может, это сам Баркли Джек гниет изнутри. До иллюстрации здорового образа жизни ему далековато.

Тут Реджи в зеркале, по-голливудски обрамленном лампочками, увидела себя. Маленькая, изнуренная – впрочем, не более, чем обычно. *Бледа*, как сказала бы ее мать на своем родном наречии. Неудивительно,

что семейство ее красивого бойфренда взирало на Реджи в ошеломлении, когда он привел ее знакомиться.

Реджи внутренне встряхнулась и продолжила:

– Мы подняли давнее дело, это просто плановая беседа. Мы проверяем ряд лиц и хотим задать вам несколько вопросов, если вы не против. Мы пытаемся достроить картину, заполнить лакуны. Примерно как пазл собирать. Я хотела бы для начала спросить, известен ли вам человек по имени... мистер Джек, вы как себя чувствуете? Может, вам присесть? Дать воды? Мистер Джек?

– Как обращаться с опасным сыром?

– Господи, пацан, – сказал фокусник, – у тебя что, все анекдоты про сыр?

– Нет, – сказал Гарри. – Я пошел в магазин и сказал: «Это у вас что?..»

– Это анекдот, – спросил фокусник, – или неопишимо скучный эпизод из твоей жизни?

– Анекдот.

– Я на всякий случай уточнил.

– И женщина за прилавком сказала: «Это булка за четыре фунта». Я спросил: «А почему она серая и на ней кирпич?» А женщина сказала: «Это потому, что она до-ро-га».

– Ну-у-у, – протянул Соня, – это *как бы* смешно, если тебе лет, скажем, десять. Но, Гарри, тут многое зависит от подачи. А ты как будто страхового иск подаешь.

Гарри не парило, что Соня его рецензирует (© Белла Рискинфилд). То есть нет, вообще-то, парило, но он знал, что Соня говорит плохое не по злобе, а из желания помочь. Если Гарри собирается строить карьеру в театре, за кулисами или перед, надо учиться воспринимать критику, даже враждебную.

– Уй-я, не говори, – сказал Соня. – Все тебя ненавидят до печенок прямо. Говно, а не жизнь, но куда деваться?

Они сидели в примерке – у Сони с фокусником была одна на двоих. Гарри даже и не сказал бы наверняка, кто из них жаловался на такие обстоятельства больше.

(– Радуйтесь, что не чревовещатель, – тогда бы вас тут было трое, – сказал Гарри. – Это шутка, – прибавил он.

– Н-да? – сказал фокусник.)

Соня был в чулках, без туфель и без парика – на свет явилась жидкая поросль вокруг монашеской тонзуры, уберегавшая его от окончательного

облысения. В остальном Соня был при полном параде и в гриме, поскольку между дневными и вечерними представлениями уходить из театра не трудился. Они с фокусником как-то сложно играли в карты – эта игра длилась у них с начала сезона. И никогда ничем не заканчивалась, хотя деньги то и дело переходили из рук в руки. Фокусник, как выяснилось, научился ей «в крытке».

– Это значит «в тюрьме», – пояснил Соня для Гарри.

Фокусник склонил голову набок, согласившись с такой трактовкой.

Они прервались, чтобы фокусник отмерил виски в два захватанных стакана. От состояния этой посуды с Кристал случился бы припадок.

– Плеснуть тебе каплю, Гарри? – спросил фокусник.

– Нет. Но спасибо.

Виски был дешевый, купажированный. Гарри знал, потому что отец покупал дорогой односолодовый. По совету отца Гарри попробовал, но его замутило от одного запаха. «Да, виски надо пить, пока не пристрастишься», – сказал отец. Гарри считал, что, пожалуй, пристращаться к виски как раз-таки не надо.

– А бебе куда дел? – спросил Соня.

– Каррину? Ее танцовщицы развлекают.

В последний раз заглянув к ним в гримерную, Гарри обнаружил, что его сестру накрасили – тени для век, губная помада, вся физиономия в блестках. Танцовщицы размалевали ей ногти зеленым, а шею и вообще почти всю Каррину целиком замотали в боа из перьев. Страшно представить, что сказала бы Эмили, узрев такой наряд.

– Извините, – сказал Гарри всей гримерной: несколько девушек ходили там плюс-минус полуголыми.

– Да нормально, – пропела одна. – Ты тут уже все видел.

Что, про себя отметил Гарри, не совсем правда.

– Девки сожрут ребенка живьем, – угрюмо посулил фокусник.

Соня достал пачку сигарет, угостил фокусника и сказал:

– Дай прикурить, Гарри, будь другом?

Гарри услужливо поднес огонек.

– А научите меня фокусу? – попросил он фокусника.

Тот собрал карты, картинно их перетасовал, раскрыл веером и сказал:

– Выбери карту – любую карту.

Из дверей гримерной Баркли прямо на Гарри выскочила девушка. И удивила его, спросив:

– Ты, часом, не Гарри?

– Я Гарри.

– Ой, отлично. – Шотландка: она сказала «ытлично». – Мистер Джек тебя спрашивал. Ему нужны таблетки, он не может найти. Я ему дам, если скажешь, где взять.

– Он здоров? – спросил Гарри. – Его что, опять накрыло?

– Он, кажется, немножко расстроился, – сказала девушка.

Гарри не знал, почему у Баркли нет при себе таблеток, и понятия не имел, где они в таком случае обретаются. Он сунул голову в гримерную кордебалета, и Каррина, увидев его, визгливо возликовала. К ее туалету добавили тиару – дешевую, со стразами, девчонки надевали такие для кордебалета под «Бриллианты девушке лучшие друзья»^[107].

(– И это правда, – сказала Гарри одна танцовщица. – Ты об этом не забывай.

– Постараюсь, – пообещал он.)

Тиара была Каррине сильно велика – приходилось держать, чтоб не сползала. Гарри спас сестру от танцовщиц (а то сожрут). Надо стрелкнуть у Сони средство для удаления макияжа, пока Кристал не пришла. (Да где ж его мачеху носит?)

Нет, таблеток Баркли девчонки не видели, и чревовещатель тоже. И Коко (по словам чревовещателя). Проиграв этот раунд, Гарри вернулся к Баркли. В гримерке возникла еще одна девушка, и вдобавок к ним туда набился Соня, так что теснота была умопомрачительная.

– Они, оказывается, у Джессики Рэббит^[108] были, – сообщил Баркли, предъявив Гарри флакон.

– Мне вчера отдали в больнице, – пояснил Соня. – На хранение.

– М-мудак, – лаконично высказался Баркли.

– Вы как себя чувствуете, мистер Джек? – спросил Гарри.

– Замерз как собака. Закрой дверь, а?

В гримерке стояла удушающая жара. Может, Баркли и впрямь болен – на здорового человека он не похож, но он ведь никогда не похож на здорового человека. Гарри поступил, как просили, и вздрогнул: лицо Баркли омыло гримасой полнейшего ужаса. Словно узрел какую-то призрачную жуть. Рот раззявился, открыв крысиные зубы в никотиновых пятнах. Баркли трясущейся рукой указал на Гарри.

– Что? – перепугался тот: на ум пришел полуразложившийся сын, который явился на порог в «Обезьяньей лапке»^[109], – этот рассказ в последнее время не давал Гарри спать по ночам.

– У тебя за спиной, – пропел Соня, черпая, видимо, из своего опыта

выступлений на рождественских елках.

Гарри развернулся рывком, ожидая очутиться нос к носу по меньшей мере с вампиром, и увидел, что потрясло Баркли. На внутренней стороне двери красной краской было тляп-ляп намалевано одно слово сплошь заглавными: «ПИДО».

Ну чесслово, подумала Реджи. Хоть бы грамотно писать научились.

Из коридора нерешительно постучали, но никто ничего не сказал, так что отвечать пришлось ей:

– Войдите.

Все опять принялись толкаться, чтобы в гримерной уместился еще один человек. Из-за двери выглянула бестелесная голова чревовещательской куклы – неопознанной и отталкивающе уродливой пернатой дичи.

– Коко, убывай! – заорал на нее дрэг-квин.

Из коридора донеслась возня – похоже, Коко там с кем-то поцапалась, – и, завершая состав этой труппы отщепенцев, в гримерную втиснулась жена Томми Холройда. Вот небось каково в Калькуттской «черной дыре»^[110], подумала Реджи. Только здесь хуже.

– Мама! – возопило дитя, все в блестках, перьях и до сей минуты невидимое, и потянулось, желая на ручки. В голосе у девочки звучало облегчение – и ее легко было понять.

– Миссис Холройд, – сказала Реджи. – Какая встреча. До чего тесен этот мир.

Чудны дела

Ваше имя упомянули в связи с одним из лиц, которых мы проверяем, и мы хотим задать вам несколько вопросов, если вы не против. Почему? При чем тут вдруг Томми? Ничего не понятно. Ему-то про те времена откуда знать? Он немногим старше Тины и Фи. Может, он был одним из пацанов на вечеринках? Сердце у Кристал в груди заскакало как бешеное, и Фи сказала:

– Тин, ты как? На, покури. Поставить чаю?

Судя по виду, едва ли она справится с чайником, но Кристал ответила:

– Ага, давай. Спасибо.

Про травяной или без молока смолчала – Фи таких глупостей не поймет.

Фи ее даже не узнала, когда открыла дверь.

– Это я. Тина, – сказала Кристал. – Кристина.

– Ёпта, – сказала Фи. – Ну ты глянь. Мисс Вселенная.

– Пусти меня в дом, – сказала Кристал. – Надо поговорить. Полиция расспрашивает про магический круг.

– Знаю.

Судя по всему, у судьи была дочь. Кристал была не в курсе. Звали эту дочь Бронте, и с ней произошло то же, что с ними. Фи сказала, что помнит ее, но Фи ходила на вечеринки чаще Тины. А теперь, спустя столько лет, Бронте Финч пошла в полицию – вот почему все вдруг посыпалось: прошлое и настоящее сталкиваются лоб в лоб на ста милях в час.

– И Мик тоже, – сказала Фи. – Я так поняла, он поэтому тоже какие-то имена выдал. Тебя-то нашли? Сюда уже заявлялись – я объяснила, куда им надо пойти. Мы много чего можем порассказать, а? Много имен знаем.

– Я не буду говорить ни с кем. Я на своей машине нашла вот это. – Кристал показала фотографию Карри и записку на обороте. – Предупреждение. Они угрожают моему ребенку.

Фи держала фотографию долго-долго, смотрела и смотрела, пока Кристал не забрала.

– Славно, – сказала Фи. – Славный ребенок. Мне тоже кое-что прислали.

Она порылась в сумке и добыла оттуда бумажку. Послание было не столь лаконично, однако мысль излагалась вполне доступно. «Ни о чем не

говори с полицией. Если поговоришь – пожалеешь».

Судья-то, конечно, уже умер, как и многие из магического круга. Королевский рыцарь Гав-Планкетт еще дрыгался – недавно вот руиной возник на ТВ. А член палаты общин, ныне пэр, который любил... нет, не вспоминай даже, что он любил, – этот взобрался на самую верхушку и неистовствует насчет брекзита. «Зовите меня Ник, – говорил он. – Ценитель Баб Ник. Ха-ха». Всякий раз, видя его по телику, Кристал содрогалась. («Давай не будем смотреть новости, Гарри, там вечно все плохо».) У этого остались всевозможные связи со всевозможными людьми. Людями, о чьем существовании и не подозреваешь, пока они не начнут тебе угрожать.

Кристал вырвалась в пятнадцать. Кармоди выдал ей денег горстью – грязные купюры «с лошадок»: он был пассивным компаньоном у букмекеров на ипподроме, с отмытыми деньгами Кристал знакома давным-давно. Было грязное, стало чистое – история ее жизни.

– Катись отсюда, – сказал Мик, когда она запихивала деньги в сумку.

Ты теперь слишком старая, сказал он. Ну, она поехала на вокзал, села в поезд и укатила. Проще простого, оказывается. Разворачиваешься и уходишь. Кристина бежит.

Она умоляла Фи поехать с ней, но Фи предпочла остаться – она к тому времени уже апатично подседа на наркоту. Надо было Кристал выволочь ее из этого трейлера, из этой жизни, хоть бы Фи и отбивалась. Теперь-то уже поздно.

Кристал сняла комнату в одной там квартире, и нельзя сказать, что жизнь ее переменялась в мгновение ока, точно в сказках или в «Красотке»^[111], и надо было выживать, и без грязи не обошлось, но она все-таки выжила. Извольте. Новое имя, новая жизнь. И она все это никому не отдаст.

Они пили (слабый) чай и курили без остановки.

– Так ты замужем? – спросила Фи, глубоко затягиваясь. Она оживилась – может, закинулась чем-то, пока заваривала чай. – Старая замужня дама, – рассмеялась Фи: картинка ее забавляла.

– Да, замужем. «Миссис Холройд», – сказала Кристал, руками изобразила заячьи ушки и засмеялась: ей вдруг представилось, что это абсурд – как она может быть вот этой женщиной, Кристал Холройд, когда подлинный ее удел сидит сейчас напротив и ерзает, хочет пойти на улицу и заработать на следующую дозу?

– М-да? – переспросила Фи. – Томми тебе не родня?

– Томми? – эхом откликнулась Кристал. В голове затрепыхались крохотные флажки аварийной сигнализации.

– Томми Холройд. На Тони и Мика работал, в те еще времена. А, нет, погоди, это, по-моему, когда ты уже уехала. Ты была до Томми. Он потом неплохо поднялся – это у него «Грузоперевозки Холройда».

– «Грузоперевозки», – снова эхом откликнулась Кристал.

– Ага. – Фи презрительно фыркнула. – Можно, конечно, и так назвать. Только не говори, что вышла за *этого*? За него, да? Ну точно. Ох блядь, Тин.

Как-то раз Кристал в живот заехал один мужик – здоровый мужик, искал себе боксерскую грушу, а нашел Кристал (ну, Тину – тогда она была Тина). Больно – словами не передать. Дыхание пресеклось в буквальном смысле, и она валялась на земле, свернувшись фасолькой, и гадала, вдохнут легкие еще хоть раз или ей настал конец. Но никакого сравнения с тем, что с ней произошло вот в эту самую минуту. Куда ни посмотришь, ее мир рушится.

Выяснилось, что Фи знакома с Томми гораздо дольше, чем Кристал. И знает о нем гораздо больше. И о Томми, и о его поделщиках.

– Ты правда не в курсах, чем он занимается? Ты же вроде была умная.

– Очевидно, это прошло, – ответила Кристал. – Я поставлю чайник, ладно? И ты мне расскажешь все, чего я не знаю.

С прошлым ведь какая штука – бежишь от него далеко-далеко, быстро-быстро, а оно всегда прямо за спиной и норовит цапнуть за пятки.

– Блядь, блядь, блядь, – сказала Кристал, когда чайник заверещал свистком.

Она отдала Фи пятьдесят фунтов – все, что было в кошельке, – и Фи сказала:

– А часы?

Тогда Кристал отдала ей и «картье» – которые с гравировкой «От Томми с любовью».

В театре «Чертоги» Кристал прежде не бывала. Дешевая копия какого-то более пышного заведения. Величественная лестница, зеркала, но краска лупится, а клетчатый ковер протерся. Из кафе в фойе тянуло затхлостью несвежего кофе. Уже развесили афиши рождественского представления. «Золушка». Из грязи в князи. Наоборот-то никто не хочет, верно? Тони Бассани водил Тину и Фи на рождественскую елку, как детей малых. Каковыми они и были. «Питер Пэн». Капитана Крюка играл какой-то

мужик из телика. Алан Забыла Фамилию. А теперь его вообще никто не помнит. Тони купил им одну на двоих коробку шоколадных конфет «Черная магия», и когда показывали текст, они подпевали всем песням. Чудесный был вечер, они обе прекрасно его провели, а потом Тони сопроводил их за кулисы и познакомил с Капитаном Крюком. «Подарочек тебе на Рождество, Эл, – сказал Тони, оставляя их в гримерной. – В знак благодарности – прекрасный выдался сезон».

В театре стояла тишина – должно быть, дневное представление закончилось, – и пришлось спрашивать в кассе, как найти Гарри. Гарри в кассе не знали, поэтому Кристал спросила Баркли Джека – сказала, мол, она его племянница, потому что они посмотрели скептически и спросили:

– Вы уверены? Он не любит гостей.

– Да я тоже, – ответила Кристал.

Ей объяснили, как найти его гримерную за сценой, и она нашла и постучалась.

Людей в гримерной было под завязку. Они тут что, в «сардинки» играют?^[112] Магический круг тоже во что-то подобное играл. Игры и потехи, называл это Бассани. В гримерной были сегодняшние детективы, но этот факт Кристал отложила до лучших времен – ей и без того было о чем подумать. То же касалось Баркли Джека (этот, по физиономии судя, вот-вот отбросит копыта) и присутствия дрэг-квин без парика (это, вероятно, Соня, новый друг Гарри). Карри не видать, и на миг Кристал обуяла паника, но тут Гарри протолкался из общей суতোлки к двери, и Карри оказалась у него на руках. Видок такой, будто ее расстреливали блестящими. Эту мысль Кристал тоже отложила до лучших времен.

Водила Кристал быстро, подрезала ловко, до самого Уитби Джексону нелегко было за ней угнаться. И парковалась хорошо – на Уэст-Клиффе волшебным образом загнала «эвок» на парковочное место, предназначенное для совсем крошечной машинки. Джексон завел менее послушную «тойоту» на стоянку подальше от Кристал – ну, насколько посмел – и дальше пошел за нею пешком. Она не только водила быстро – ходила тоже. Каблуки и короткое платье она сменила на кроссовки и джинсы, Белоснежку несла на руках; прошла сквозь Китовую арку и по каменной лестнице спустилась к гавани и пирсу. Она задала такой темп, что Джексон поспевал с трудом, не говоря уж о Дидоне, хотя та доблестно старалась.

Кристал шагала, слаломисткой виляя в толпе отпускников, которые

забили тротуары и текли неспешным селем. Джексон держался поодаль, терялся в толчее, прикидывался туристом на случай, если Кристал обернется и его засечет.

Прямо ему в ухо из галереи игровых автоматов рявкнула музыка – едва ли она, впрочем, заслуживала такого названия. Погода стояла хорошая, но внутри народу битком. Натан обожал такие заведения, и Джексон провел несколько мозгоубийственных часов, глядя, как сын скармливает деньги бездонной утробе «Хватай-ки» или «Толкни монету». Так и формируются аддикции. Музейная мумифицированная «Рука славы» проигрывала «Хватай-ке» всухую. Ни один из завсегдатаев этой невыносимой для глаза обстановки на здорового гражданина не походил. Половина ожирела и обрюзгла, другая половина, похоже, только что откинулась из мест не столь отдаленных.

Следующий маневр Кристал застал Джексона врасплох: она нырнула в павильон под названием «Мир Трансильвании». Вампиры, надо полагать, – в этом городе от кровососов некуда прятаться. Не самое подходящее развлечение для трехлетки, но что Джексон в этом понимает? («Луддит!»)

Джексон болтался в проеме между хибарой, торговавшей морскими гадами, и будкой предсказательницы, чья вывеска гласила: «Мадам Астарти, ясновидящая и звездная спиритуалистка. Карты Таро, хрустальный шар, хиромантия. Ваше будущее у вас в руках». Бисерная занавеска скрывала мадам Астарти от любопытных глаз внешнего мира, но из будки до Джексона доносилось тихое бормотание, а затем голос – по всей видимости, хозяйки – произнес:

– Выбери карту, милочка, любую карту.

Ерунда на постном масле. Джулия рванула бы туда со всех ног.

Джексон старался глубоко не вдыхать ароматы пирса, жареные и сахарные («оружие массового уничтожения», по словам Джулии), – скверные, конечно, однако слюнки все равно текли. Пора бы пообедать, но, похоже, сегодня Джексону не светит иного топлива, кроме кофеина. С собой у него только пакет собачьих лакомств, но нет, до наступления полной анархии ему все-таки еще питаться и питаться по-человечески. Собачье же лакомство он выдал отважной Дидоне в награду за стоицизм.

У входа в паб через дорогу выставили меню, из которого следовало, что внутри подают «йапас», и Джексон отнюдь не сразу постиг, что подразумеваются йоркширские тапас. Он читал, есть такое движение «йекзит» – за ограниченную автономию графства, иными словами. В Йоркшире, утверждали сторонники, население почти сопоставимо с Данией, экономика крупнее, чем в одиннадцати странах ЕС, а золотых

медалей на Олимпиаде в Рио Йоркшир заработал больше, чем Канада. Занятно, что брекзит представлялся Джексону концом цивилизации, а вот йекзит отзывался в сердце песнью сирен.

(– Тем самым разжигаются гражданские войны и племенной геноцид, – сказала Джулия.

Джексон не знал других людей, начинавших фразы с оборота «тем самым», а прогноз ее виделся ему чуток слишком зверским – начинается-то все невинно, с йапас «севиче с креветками» и «трубач под кисло-сладким соусом». Трубач – [так называемая] еда, которую Джексон готов отведать, только если это спасет жизнь одному из его детей. И даже в таком случае, ну-у...)

Отвлекло его отбытие клиентки мадам Астарти, худой молодой женщины, явно недовольной всеми временами своей жизни – и прошедшим, и настоящим, и будущим.

А затем Кристал наконец вышла из «Мира Трансильвании» – очевидно, бросив там Белоснежку, – и не успел Джексон перевести дух, они снова помчались – по машинам и в путь.

– Ты уж извини, – сказал Джексон Дидоне и посадил ее на заднее сиденье. Дидона заснула мигом.

Похоже, Кристал ехала в Скарборо – это хорошо, Джексону тоже туда. Если Кристал его заметила, можно сослаться на совершенно невинное алиби, хотя Джексон таскался за ней, точно охотник за добычей, и вел себя, собственно говоря, ничем не лучше серебристого «БМВ», который ему полагалось расследовать. Он снова глянул на часы – до встречи его пубертатного альтер эго Хлои с Юэном еще час.

В пункте назначения имела место очередная ловкая парковка. И снова прогулки по улицам – Кристал шла рысью, а скоро перейдет на галоп. С чего такая спешка? Надо вернуться и спасти Белоснежку из лап вампиров?

Они уже шагали трущобами. Кристал резко затормозила перед тату-салонном и проверила имя под звонком на соседней двери. Квартира, надо думать, наверху. Спустя пару минут дверь отворилась и наружу опасно выглянула женщина. Угадать возраст не позволяла костлявая немощь преданной потребительницы мета. От якобы «домохозяйки и матери» не ожидаешь подобных знакомств. Женщина куталась в мужской кардиган, словно околевала от холода. На ногах у нее были старомодные мохнатые шлепанцы – такие носила бы Джексонина бабка, если б она у него была (в роду Броуди не отмечалось особого долгожительства). Женщины напряженно поговорили на пороге, а потом закутанная в кардиган женщина посторонилась и пропустила Кристал в дом.

Джексон вновь переключился в режим безделья – на сей раз он болтался в кофейне через дорогу. Не кофейня, скорее горе-забегаловка, убогое заведение, где других посетителей не было, так что Джексон запросто занял место у окна и оттуда подкарауливал появление клиентки. Он заказал кофе (гнусный) и делал вид, что увлечен айфоном, пока Кристал не выскочила внезапно из-за двери. Не успел Джексон бросить на стол пятифунтовую купюру (безобразно переплатив) и уломать Дидону встать, Кристал уже одолела пол-улицы.

Продолжать преследование Джексон передумал. Боялся, что это угробит собаку, а в перечнях его недостатков – по обеим версиям, и Джулии, и Натана, – ему только этого и не хватало. Он перешел через дорогу – глянуть, как зовут изможденную подругу Кристал. Над звонком приклеили скотчем бумажку, а на бумажке фломастером написали: «Ф. Ярдли». Интересно, что значит «Ф». Фиона? Фифи? Флора? Как-то непохожа она на Флору. Мать Джексона звали Фидельма, и ей всю жизнь приходилось диктовать англичанам свое имя по буквам. Мать родилась в Мейо – тоже не упрощало картины. Акцент у нее был густой. «Как говорит картошка», – называл это брат Джексона Фрэнсис (тоже на «Ф»), презиравший свое кельтское наследие. Фрэнсис был старше Джексона и с дорогой душой раскрыл объятия свободе шестидесятых. Работал сварщиком в Управлении угольной промышленности, обзавелся щегольским костюмом и мотоциклом, стригся под горшок а-ля «Битлз». И каждую неделю гулял с новой девчонкой. Он был ролевой моделью, с него можно было брать пример. А потом он покончил с собой.

До самоубийства его довели угрызения совести. Фрэнсис считал, что он в ответе за гибель их сестры. Если б можно было сейчас с ним поговорить, Джексон выдал бы традиционную полицейскую телегу про то, что в смерти Нив виноват лишь один человек и это человек, который ее убил, но если по правде, встретить ее брат на автобусной остановке, как ему и полагалось, неведомый чужак не изнасиловал бы Нив, не убил и не выбросил ее тело в канал, и за это Джексон так брата и не простил. Джексона обиды не смущали. От обид есть польза. Обиды не дают сойти с ума.

Джексон позвонил в дверь Ф. Ярдли, и после продолжительного ожидания, а также шарканья и звона ключей и цепочек дверь наконец отворилась.

– Чего? – спросила женщина в кардигане.

Без экивоков, значит. Вблизи Джексон разглядел впалое отчаяние ее исхудалых черт. Сколько ей лет? От тридцати до семидесяти, выбирай на

вкус. Бабкины шлепанцы она сменила на дешевые лаковые сапоги до колена, а под широченным кардиганом обнаружили короткая юбка и минималистичный топ в блестках. Делать скоропалительные выводы Джексон не любил, но сейчас поневоле сказал себе: «панельная девица» – и вдобавок дешевая. Работая в полиции, он всегда ладил с представительницами древнейшей профессии, поэтому сейчас достал лицензию и завел свою обычную придверную болтовню:

– Мисс Ярдли? Меня зовут Джексон Броуди. Я частный детектив, представляю интересы клиентки, некой миссис Кристал Холройд. – (Не соврал же.) – Она попросила задать вам ряд вопросов о...

Не успел он что-нибудь сочинить, она сказала:

– Отъебись, – и грохнула дверью у него перед носом.

– Звякните мне, если передумаете! – крикнул он в щель почтового ящика и отправил туда визитку. – Пошли, – сказал он Дидоне и погнал ее назад к машине. – Надо шевелить поршнями, а то на свиданку опоздаем.

Лишь вблизи театра «Чертоги» Джексон заметил, что позади него беззвучной акулой маячит серебристый «БМВ».

Машина свернула направо, а Джексон на миг замялся, неловко развернулся и поехал следом по переулку. Без толку – ни следа «БМВ», – поэтому он вернулся к «Чертогам», припарковался и занял позицию за эстрадой. Ни оркестра сегодня, ни музыки. На шахте, где работали отец и брат, был духовой оркестр – а на какой шахте их не было в те времена? – и брат играл на флюгельгорне. В детстве Джексон считал, что это дурацкое название для инструмента, но играл Фрэнсис здорово. Неплохо бы еще хоть разок услышать, как брат играет соло. Или помочь сестре приметать подол на платье, которое она сшила. Или чтобы мать чмокнула Джексона в щеку перед сном – на большие нежности ее не хватало. У них в семье не принято было прикасаться друг к другу. Теперь-то уже поздно. Джексон вздохнул. Он уже сам себя утомлял. Чужая, что скоро настанет пора все это отпустить. В конце концов, будущее у него в руках.

Он прождал у эстрады полчаса, но Юэн так и не явился. Подгреб сутулый юнец в худи, и Джексон уже решил, что его добыча все-таки может оказаться молода, но вскоре к юнцу подвалили собратья в таких же нарядах – худи, треники, кроссы, в которых все они смотрелись уголовниками (собственно говоря, как и Натан с друзьями). Джексон мельком увидел лицо одного – недавний утопленник. Пацан посмотрел сквозь Джексона, словно того и не было, а затем все они единодушным рыбьим косяком двинулись прочь. Джексон проводил их глазами, и взгляд

наткнулся на припаркованный напротив «эвок» Кристал Холройд.

– Чуток слишком совпадение, нет? – сказал Джексон Дидоне.

– Ну, ты же сам все понимаешь, – сказала в ответ Дидона. – Совпадение – просто объяснение, которое ждет удобного случая.

Нет, ничего такого она не говорила. Еще не хватало. В совпадения она не верила – она верила только в судьбу.

Возможно, сообразил Джексон, не он следил за Кристал, – возможно, Кристал следила за ним. Джексон не меньше любого мужчины ценил загадочных женщин, но у соблазна загадки есть предел, и этот предел уже не за горами. Дальше мысль не пошла: ее сбило с пути появление Кристал в обществе подростка – вероятно, Гарри («хорошего мальчика»), – который нес на руках Белоснежку. Прежний чистенький ребенок несколько видоизменился. В последний раз Джексон встречал Белоснежку в Уитби. А сюда она как попала? Телепортировалась?

Джексон размышлял, стоит ли показаться Кристал на глаза, и тут вдруг случилось светопреставление.

Гарри вынес Карри на улицу, Кристал отперла «эвок». Гарри забрался на заднее сиденье – пристегнуть сестру в детском кресле. Кристал хотела, чтоб Гарри поехал с ними, но он сказал:

– У меня вечернее шоу, я не могу пропустить.

– Слушай, это, вообще-то, не вопрос жизни и смерти, – сказала Кристал.

Лучше бы он поехал с ней. Сейчас важнее всего защищать Карри, но Гарри ведь тоже надо защищать, правильно? Он все-таки еще ребенок. Кристал понятия не имела, что будет делать, но знала, чего делать не будет, – она не пойдет в суд и не станет рассказывать о прошлом. Что, ее детям потом с этим пятном жить? *Держи рот на замке, Кристина.*

Впрочем, она больше ни в чьей игре не пешка. Этому ее, понятно, тоже научил друг судьи, шахматист сэр Гав-Планкетт. В эндшпиле пешка может обернуться королевой. Кристал подозревала, что уже разыгрывается эндшпиль, – она только не знала, кто противник.

Кристал открыла дверцу водителя, и тут-то все и случилось. Двое мужиков, здоровых и мускулистых, подбежали, совершенно ее ошарашив, и один заехал ей кулаком в лицо.

Тут включился вин-чун, Кристал вскочила и пару раз заехала мужику в ответ, но тот был все равно что Рэмбо. Секунда – и все позади, а Кристал валяется на земле. Мужик, который ей врезал, уже сел за руль, а другой

захлопнул дверцу со стороны Гарри – при этом Гарри внутри, не говоря уж о Карри, – и нырнул на пассажирское сиденье. Они умчались, пижонски скрежеща покрывками, – и в мгновение ока вся жизнь Кристал исчезла дальше по дороге.

Кристал опять поднялась и кинулась следом, но толку-то? Как ни бегай, «эвок» не догонишь. Она разглядела, как Гарри, потрясенно распахнув рот, смотрит в заднее стекло. «Его личико», – подумала она, и сердце скрутило каким-то катаклизмом.

Из ниоткуда возник Джексон Броуди. Таскался за ней целый день. Он что думал – она не заметит?

– Вы нормально? – спросил он.

– Мою машину только что угнали, а в ней мои дети, так что нет, ничего нормального не вижу. Что ж вы, блядь, за шериф такой? Где ваша машина?

– Моя машина?

– Да, блядь, ваша машина. Надо за ними.

En famille^[113]

– Миссис Меллорс? Я детектив-констебль Ронни Дибички, а это детектив-констебль Реджи Дич. Можно зайти и поговорить с мистером Меллорсом? Он дома?

– Нет, боюсь, он уехал. Называйте меня Софи, – предложила она, выставляя ладонь для рукопожатия. – Что-то не так? Это из-за его нынешнего дела? – прибавила она – воплощенная супружеская поддержка.

– Ну как бы... – сказала Реджи.

Софи Меллорс оказалась замечательно сложенной и вежливой дамой за сорок. Высокая, в изящном платье, на скромных каблуках и вся, с ног до головы, пятидесяти оттенков нежного, от карих глаз до медового платья и карамельных туфель. Дорогих туфель. Реджи всегда первым делом смотрела на обувь. По обуви о человеке многое понятно. Это ее Джексон Броуди научил. Реджи была бы рада с ним повидаться, невзирая на приступ неприязни, который пережила, увидев его на утесах. Вообще-то, она ужасно хотела поболтать с Джексоном Броуди. Был у нее краткий период, когда она прикидывалась его дочерью, и ей понравилось.

– Заходите, будьте добры, – сказала Софи.

«Обходительная» – вот какой ей подойдет эпитет, решила Реджи. Такие платья вроде бы называются «чайные». Хоть сейчас на садовый пикник. Реджи вспомнила растрепанную Бронте Финч в трениках – как та

скармливала им клубничные тарталетки. *Только мелкие животные.*

Софи Меллорс провела их в громадную кухню – некогда, вероятно, живое сердце фермы. Реджи вообразила, как за этим огромным столом сидят работники – ужинают после сбора урожая или жуют горячий завтрак перед ягнением. Стол ломится от окороков и сыров. Желтые желтки яиц только что из-под кур, клюющих корм во дворе. О фермерстве Реджи не знала решительно ничего – разве что из всех профессий у фермеров один из самых высоких процентов самоубийств, поэтому, видимо, там не сплошь окорока и ягнята, а в основном слизь, и грязь, и тревоги. Короче, фермерство здесь давным-давно выветрилось: кухня дома под Молтоном – праздник дорогой техники и сработанных на заказ шкафчиков. На столешнице лазанья под пищевой пленкой ждала отправки в «Агу». Плита «Ага», знамо дело, тоже была – от подобной женщины меньшего и не ожидаешь.

– Ничего срочного, беспокоиться ему не о чем, – сказала Ронни. – Мы подняли давнее дело – бывшие клиенты мистера Меллорса. Мы подумали, он сможет предоставить нам некоторую информацию. Вы не знаете, где ваш муж?

– Прямо сейчас? Честно говоря, понятия не имею, но обещал вернуться к ужину. – Софи Меллорс покосилась на лазанью, словно у той могли быть соображения касательно пунктуальности мистера Меллорса. – Ида сегодня полдня ломает Баттонса, и Стив обещал поесть с нами, когда она вернется. *En famille*, так сказать.

«Ида сегодня полдня ломает Баттонса». Реджи не представляла даже, как подступиться к переводу этой фразы. Надо полагать, Баттонс не имеет отношения к Золушке^[114], а «ломает» не касается компьютеров. Сай взломал глобальную корпорацию, производителя газировки, чье название – второе самое узнаваемое слово в мире. Ну и понеслась.

– Вы его подождете? – спросила Софи Меллорс. – Хотите кофе или чаю? – (Они хором отказались.) – Или вина? – прибавила она, кивнув на бутылку красного, терпеливо стоявшую на столешнице.

– При исполнении – нет, спасибо, – чопорно ответила Ронни.

Вино уже открыли. Это оно дышит, подумала Реджи. Все на свете дышит так или иначе. Даже неодушевленные камни – просто нам тонкости слуха не хватает расслышать.

Ронни слегка пихнула ее локтем и шепнула:

– Вызывает планета Земля, прием.

– Ага, – вздохнула Реджи. – Слышу вас хорошо.

В кухню ворвался мальчик-подросток – молодая энергия, тестостерон

через край. В заляпанной грязью форме для регби, помятый и побитый после игры.

– Мой сын Джейми, – со смешком представила его Софи, – прямо с поля боя.

Реджи почти не сомневалась, что это цитата из «В ожидании героя». В студенческие годы и по пьяни у Реджи не имелось возражений против караоке. Аж больно, до чего давно это было.

– Хорошо поиграли? – спросила Софи.

– Ага, нормас, – сказал он.

– Это полицейские, им надо поговорить с папой.

Пацан вытер ладони о шорты и пожал руки им обеим, а Софи спросила:

– Ты не знаешь, где он? Он сказал, что к ужину вернется.

Пацан пожал плечами:

– Без понятия, но... – Он достал телефон и прибавил: – Он же есть в «Найти друзей». Посмотри – может, уже едет?

– Ой, точно, умница, – сказала Софи. – Я бы и не вспомнила. Мы все там есть, но я только иногда проверяю, где Ида. Искать мужа – это как-то... – Она опять уставилась на лазанью, словно та подскажет уместное слово. – Назойливо, – в конце концов решила она. (Ронни явственно вздохнула. Софи Меллорс – многоречивая женщина. И она еще не закончила.) – Все равно что чужие СМС или письма читать. Как будто не веришь, что с тобой будут честны. Все имеют право на личную жизнь, даже мужья и жены.

– Да, понимаю, – сказала Реджи. Реджи, которая, когда ее бросил Сай, одержимо следила за ним по трекеру, где они оба зарегистрировались, не говоря уж о «Фейсбуке», «Инстаграме» и вообще всех сайтах, где он мог появиться в своем обезредженном будущем. – Без доверия никуда, – кивнула она.

– Вот у нас Ида, – с нежностью сказала Софи, показывая на зеленую точку у Джейми на телефоне; точка двигалась к дому. – Почти приехала. Ее подвозит мама подруги. Мы по очереди.

– А вот папа, – сказал Джейми, тыча в красную точку.

Все четверо вперились в экран.

– По-моему, мистер Меллорс заехал в какую-то глушь, – заметила Ронни. – И там стоит.

– Это просто поле, – бодро пояснил Джейми. – Он часто туда ездит.

– Правда? – переспросила Софи, и по ее лицу летним облачком скользнула легчайшая гримаска.

– Ага, – сказал Джейми.

– И ты никогда не интересовался, что он там делает? – спросила Ронни, запустив бровь в полет.

Пацан снова пожал плечами и с замечательным отсутствием подросткового любопытства ответил:

– Нет.

– Может, медитирует, – весело предположила Софи.

– Медитирует? – переспросила Ронни, чьи брови уже выходили в открытый космос.

– Да, он медитирует. Ну, знаете – осознанность.

Снаружи подъехала, затем укатила прочь машина, а спустя несколько секунд Софи сказала:

– О, вот и Ида, – и просияла маленькой, довольно надутой девочке, мрачно ввалившейся в кухню.

На девочке были бриджи, в руке шлем для верховой езды. Всех присутствующих, включая лазанью, девочка наградила хмурой гримасой. Видимо, догадалась Реджи, дочери семейства не досталось галантного гена прочих Меллорсов.

– Хорошо было? – спросила ее Софи.

– Нет, – проворчала Ида. – Ужасный день.

Понимаю тебя, сестрица, подумала Реджи, прекрасно тебя понимаю.

– Ты же в курсе, что это за поле, да? – сказала Реджи, когда они с Ронни вернулись в машину.

– Старая трейлерная стоянка Кармоди?

– Бинго.

– Поехали глянем, – может, он еще там, – сказала Ронни. – В каком смысле «ломает»?

– Понятия не имею. Вообще-то, я знаю не *все*.

– Да всё ты знаешь, вот не надо.

Ангел Севера

Они ехали на юг, отслеживая маяк надежды – координаты Гарри – на телефоне Кристал. За Вифлеемской звездой никто не следил так истово.

– Это мне Гарри поставил приложение, – пояснила Кристал. – Семейное – я вижу его, он видит меня. Я особо не смотрю, а Гарри о таких вещах переживает – наверное, после мамы. Ее не могли найти дня два. Ему непременно надо знать, где все. Он как пастушья собака.

– Я тоже, – сказал Джексон.

Всю поездку сигнал мигал, исчезая с радаров и возникая вновь, и Кристал следила за ним, сжимая телефон, словно могла спасти сигнал от полного исчезновения чистым усилием воли.

На щеке у нее уже проступал здоровенный синяк. Синел и чернел – через пару часов будет шикарнейший бланш. Пару раз она схлопотала жестко, но без борьбы не сдалась – на адреналине, вероятно. Отплатила почти сполна, парой ударов а-ля ниндзя, на раз-два, и локтями работала грамотно – где-то, видимо, научилась. Кристал – амазонка, но, увы, ее противник был боевая машина. Похоже, бывший военный, думал Джексон, подбегая к месту потасовки. Оpozдал, увы. Все заняло считанные секунды, и к тому времени, когда Джексон взял след, мужик сбил Кристал наземь, вырвал у нее ключи от «эвока» и уже уматывал по дороге. *Что ж вы, блядь, за шериф такой?*

Кристал опустила солнечный козырек и глянула на себя в зеркальце. Сняла накладные ресницы – и поморщилась, отдирая их от потемневшего века. У нее и свои ресницы прекрасные, отметил Джексон, можно было ничего к ним не добавлять, но что смыслит луддит?

– Во уродина, – буркнула Кристал зеркальцу и достала из сумки очки. – Ни хера без них не вижу, – сказала она. Куда подевалась женщина, которая так старалась не ругаться? – А эта скотина разбила мне солнечные с диоптриями.

Судя по всему, похищенные дети побивали тщеславие. Рядом с Джексонном сидела не та женщина, которую он впервые увидел каких-то несколько часов назад. Ее словно постепенно разнимали на части – даже волос у нее вроде бы стало меньше, хотя непонятно, как такое может быть. Джексон не удивился бы, если б дальше она отстегнула деревянную ногу.

– В багажнике есть аптечка, если хотите, – сказал он. – Можем остановиться.

– Нет. Едем дальше. Обойдусь. – От тревоги она практически озверела. – Хотите я поведу?

Джексон откликнулся безмолвным презрением, какого и заслуживал этот вопрос, а взамен сознался:

– Я подглядел в конверт у вас на машине. Видел фотографию вашей дочери и записку. «Держи рот на замке». То есть не говори о чем?

– Всякие люди вопросы задают, – невнятно ответила она.

– Кто? Какие люди?

Она пожала плечами, не отводя глаз от телефона.

– Полиция, – неохотно пояснила она после паузы. – Полиция задает вопросы.

– Про что?

– Про всякое.

Джексон пережил немало натужных бесед с Натаном и знал, что тут можно только упорствовать.

– А вам самой вопросы задавали?

– Нет, – сказала Кристал. – Не задавали.

– А вы бы ответили? Если бы вас спросили?

Загадочная – не то слово. Джексон покосился на нее, и она сказала:

– Следите за дорогой.

– А вы знаете, о чем они спрашивают?

Она опять пожала плечами. Это, видимо, и означает держать рот на замке.

– Они только что проехали поворот на Рейтон-Гэп, – сообщила она, глядя в телефон.

– А человек в серебристом «БМВ», – не отступил Джексон, – и люди, которые увезли ваших детей, – они друг с другом связаны, не знаете?

А как иначе-то? Одни за тобой следят, другие похищают твоих детей? Больно навязчивое совпадение, нет? Перед глазами кратко моргнул портрет Рики Кемп. *У меня есть очень неприятные знакомые.*

И кто его знает, – может, есть еще третий человек, который оставляет записки с угрозами. Кое-какие серые клеточки грохнулись в обморок от усилия понять, и остальные серые клеточки приводили их в чувство, обмахивая платочками.

– Ну-у... – сказала Кристал.

– Что «ну-у»?

– Они как бы связаны, но как бы и нет.

– А, замечательно, картина сильно прояснилась. Кристально просто. Они работают тандемом? Все эти люди? Они хотя бы знают друг о друге? Что вы такого сделали, господи боже мой, – почему все это на вас свалилось?

– Одни вопросы у вас, – сказала Кристал.

– А давайте у вас будут ответы? – сказал Джексон. – Или можем заехать в полицию, как уже давным-давно поступил бы любой разумный законопослушный гражданин, у которого украли детей.

– В полицию я не пойду. Я не поставлю под удар своих детей.

– Мне кажется, дети и так под ударом.

– Лишнего не надо. И вообще, откуда мне знать, – может, тут полиция и

замешана.

Джексон вздохнул. Хотел было поспорить – ему сейчас не до теорий заговора, – но в этот момент телефон у Кристал в руке блямкнул сообщением.

– Господи, – сказала она. – Это Гарри. Нет, не Гарри, – поправилась она и в отчаянии тихо застонала. Показала Джексону телефон – на фотографии разгневанный Гарри обнимал Карри. – Текст тот же, – упавшим голосом прибавила Кристал.

– «Держи рот на замке»?

– И продолжение.

– Какое продолжение?

– «Держи рот на замке, а то больше не увидишь своих детей живыми».

На вкус Джексона, перебрали с мелодрамой. Похитители, которые взаправду берут заложников, встречаются редко – разве что террористы или пираты, что в данном случае маловероятно. А похитители, которые убивают заложников, встречаются еще реже. Заурядные, они же стандартные похищения совершаются ради денег или опеки, а не для того, чтобы кто-то молчал (и кому на свете взбредет в голову по доброй воле взять на себя заботы о трехлетке?), однако сейчас выкупа не требовали, вообще ничего не просили. Только запугивали. Коза ностра какая-то. Может, Кристал в программе защиты свидетелей?

– А ваша подруга?

– Какая подруга?

– К которой вы сегодня ездили. Которая живет над букмекерами. Она тоже в эти ваши игры играет, с вопросами без ответов?.. Ответа она снова не дала, – пробормотал Джексон, поскольку Кристал продолжала молча смотреть в телефон. А затем он произнес то, что на текущем этапе произносят все хорошие телеполицейские – Балкер особенно любил эту реплику: – Если хотите, чтоб я вам помог, придется рассказать мне все.

– Некрасивая история.

– Да где ж красивые-то взять?

История и впрямь была некрасивая. Долгая извилистая повесть, и за ней они доехали до самого мыса Флэмборо.

По дороге к мысу оба молчали. Джексон размышлял об утесах – очень высоких утесах – и подозревал, что Кристал думает о том же. Похищенных детей в такие места не возят. Мыс Флэмборо весьма популярен среди самоубийц, а со скал, откуда люди прыгают, сталкивать тоже удобно. В голове у Джексона всплыла картинка – Винс Айвс падает с обрыва.

На мысу были маяк и кафе, а больше особо ничего не было, но почти четверть часа назад маячок Гарри остановился здесь. На стоянке несколько машин. Туристы приезжали сюда бросить вызов ветрам и полюбоваться видом.

– Вроде они в кафе, – сказала Кристал, глядя в телефон.

В кафе их, конечно, ни следа. Вероятность вот так запросто наткнуться на похитителей, которые жуют поджаренные булочки и сдают детей без боя, стремилась к нулю, но Кристал уже мчалась на мужика, спиной к ним сидевшего за столом над кружкой.

Мужик, мягко говоря, удивился, когда Кристал без объявления войны стиснула ему шею захватом. Содержимое кружки – в которой, увы, был томатный суп – залило все вокруг, но в основном ему штаны.

Когда Джексону удалось отодрать Кристал от мужика – хватка у нее, что у боа-констриктора, – она ткнула пальцем в мобильный на столе. С кастомным чехлом, на котором Джексон разглядел фотографию Кристал и Гарри – притиснувшись друг к другу щеками, они улыбались фотографу (Гарри, вероятно).

– Это телефон Гарри, – избыточно пояснила Кристал.

Облитый томатным супом мужик оказался заурядным, то есть стандартным, идиотом, владельцем навороченной скоростной тачки, которую Джексон заприметил у входа. Какой-то человек подвалил к нему на заправке, рассказал скоростной мужик (когда вновь обрел дар речи), и предложил сотню фунтов, чтобы он, скоростной, отвез телефон во Флэмборо и швырнул с обрыва.

– Розыгрыш – у них там мальчишник какой-то.

Кристал грохнула его лбом об стол. Джексон огляделся, любопытствуя, как на это откликнутся прочие посетители кафе, но те потихоньку рассосались. Джексон их не винил. Жены и матери, подумал он. Выводить их из себя? Даже не думай. Мадонны на стероидах.

– Погодите, я не понял, – сказал он скоростному мужику. – Неведомо кто подходит к вам, дает сотню фунтов, чтоб вы выкинули телефон в море, а потом исчезает, вы вряд ли опять его увидите – и вы все равно делаете, что попросили?

– Я не сделал. И не собирался, – сказал скоростной, потирая лоб. – Я хотел оставить телефон, поменять симку.

Его башка продолжила знакомство со столешницей.

– Это физическое оскорбление, – пробубнил скоростной, когда Кристал запрокинула ему голову за волосы.

Повезло мужику, что голова еще держится на плечах. Завидуй,

Боудикка^[115].

– Я на вас в суд могу подать, – сообщил Кристал скоростной.

– Только, блядь, попробуй, – прорычала она.

– Спасибо за помощь, – саркастически сказала Кристал, когда они снова сели в машину.

– По-моему, вы и без меня отлично справлялись, – ответил Джексон.

Детки в лесу

– Я думала, мы на ночь в Ньюкасле? А мы уехали из Ньюкасла?

– Планы поменялись, лапушка. Я вас на ночь везу в гостиницу – это где ночлег и завтрак.

– Да, я знаю, что такое гостиница, но почему?

Удивительно, до чего хорош у нее английский. Лучше, чем у Энди, скажем прямо. Это та, которая повыше. Надя и Катя. Обе умные – умные и красивые. Недостаточно, впрочем, умные. Рассчитывают устроиться в лондонский отель. Того, что им предстоит, собаке не пожелаешь. Перед глазами вдруг всплыла невозмутимая физиономия Лотти. У собак есть моральный кодекс? Песья честь и все такое?

– Какая-то неприятность получилась, – сказал Энди девушке. – Проблема с *Airbnb*, где вы должны были остановиться. Утечка газа, – развил сюжет он. – То есть во всем доме. Пришлось эвакуировать жильцов. Никого не пускают. Гостиница – она вам по пути, чуть южнее, в сторону Лондона. А с утра я за вами заскочу и отвезу на вокзал, сядете на поезд в Дареме или в Йорке. В Донкастере даже, – прибавил он, в уме катя по железной дороге восточного побережья. Ньюарк? Или Ньюарк на другой ветке? Чего он вообще на этом залип? Они и близко не подойдут ни к вокзалу, ни к поезду. – Завтра в обед уже будете в Лондоне. Чай в «Ритце», да, девчонки?

И оборачиваться не нужно – Энди чувствовал, как они глазами сверлят ему затылок, будто Энди какой-то олух. Ему полагается ловко охмурять девушек, но эти две почему-то сбивали его с панталыку. Разводить цирк стоило невероятных усилий. Никто не знает, во что ему обходится эта работенка.

Это правда, «неприятность» в самом деле получилась, но утечки газа и *Airbnb* тут ни при чем, хотя Энди так и не понял, какова природа неприятности. Томми наконец-то вышел на контакт – Энди как раз

встретил девушек в аэропорту. Беспечности ни следа, и занесло Томми, видимо, в какую-то дыру, где мобильный не ловил, потому что слова безнадежно заплутали в шипении белого шума.

Сразу после раздался другой звонок. Стив Меллорс – сказал, что в «Березках» неприятность.

– Какая? – эдак небрежно спросил Энди; Надя явно прислушивалась.

– Не по телефону, – сказал Стив.

Это почему еще? Телефоны кто-то *прослушивает*? От ужаса Энди поплохело.

– Давай живо в «Березки», – велел Стив. – Свистать всех наверх.

– Ну, я тут везу двух очаровательных польских барышень, и дел у меня, так сказать, выше крыши, – любезно ответил Энди, улыбаясь девушкам в зеркало заднего вида. Увидел свое отражение. Не улыбка – скорее посмертный оскал.

– Да господи, тащи их с собой, – ответил Стив. – Все равно в итоге окажутся тут.

На случай если девушки что-то заподозрили, Энди растянул оскал пошире. Мне б на сцене выступать, подумал он. Мистер Конгениальность. Мог бы наняться в «Чертоги». Он ходил на летнее шоу – «Назад в восьмидесятые», Баркли Джек и прочие. Узнал много нового о посредственности. Упирался, но Рода его приволокла, поскольку, как выяснилось, когда-то встречалась с фокусником.

– Сто лет назад, – сказала она. – Тебе, Эндрю, волноваться не о чем.

Он и не волновался. Пока она не сказала. Рода с фокусником обменялись воздушными поцелуями и «привет-дорогушами» – Энди Роду такой не знал. Взревновал на миг, хотя прикидывал, что это ревность собственности, а не страсти.

– Красивая сумка, – сказал Роде фокусник, глянув на «Шанель».

– Подделка, – сказала Рода. – Не видишь, что ли?

– Не знаю даже, – ответил фокусник. – По мне, так все на свете подделка.

– Ангел Севера, – машинально объявил Энди, когда они миновали громадные проржавевшие крылья, маячившие в темной вышине.

С заднего сиденья ответили молчанием – обернувшись, Энди увидел, что девушки уснули. Та, что пониже, положила голову на плечо той, что повыше. Трогательно. По возрасту обе годились бы ему в дочери, будь у него дочери. Посмотришь со стороны – можно подумать, он их папаша, везет дочурок домой. С концерта. Или каникул. На миг его огорошила

утрата того, чего он никогда не знал.

Девушки проснулись лишь на повороте к «Березкам».

– Приехали? – сонно спросила Надя.

– Ага, – сказал Энди. – Приехали.

Все здание темно, только фонарь на крыльце тускло освещал дверь. Энди затормозил. Ни малейших признаков жизни, кроме бледных мотыльков, в суицидальном раже атаковавших лампочку. Ни следа обещанной неприятности – разве что неприятность эта без шума и пыли уничтожила всех обитателей «Березок». Акустическая волна или беззвучные инопланетные войска.

– *Это* – гостиница? – спросила Надя и встряхнула сестру.

– Да, лапушка, – сказал Энди. – На вид не ахти, это правда. Но внутри уютно и мило.

Надя снова встряхнула сестру и сказала:

– Катя, просыпайся, мы приехали.

На сей раз тон был резче, настойчивей, и Энди занервничал. Надя подергала ручку, но на дверях стояли детские замки.

– Выпустите нас, пожалуйста, – сердито сказала она.

– Погоди, лапушка, – ответил Энди и набрал Томми. – Я только спрошу, где наши встречающие.

Томми трубку не взял, но парадная дверь внезапно распахнулась, и появились Джейсон с Василием. Тактика отработанная: бегом к машине, открыть дверцы, схватить по девчонке и выволочь наружу.

Польки оказались боевые, Энди мог бы догадаться. Они брыкались, и вырывались, и орали. Особенно младшая Катя – как зверюга дикая, огонь девка. Глядя из машины, Энди с удивлением понял, что отчасти болеет за девчонок. Шансов у них не было – бой закончился, когда Джейсон вырубил Катю ударом по башке. Закинул ее на плечо, как мешок с углем, и понес в дом, а следом Василий потащил за волосы вопящую Надю.

Энди так увлекло это зрелище, что он чуть со страху не помер, когда в окно громко постучали.

– Дела хреновы, Хитрый, – сказал Томми.

Гензель и Гретель

Напоследок Гарри успел увидеть, как Кристал стоит на дороге и орет на удаляющийся «эвок». Потом человек на пассажирском сиденье перегнулся через спинку и велел Гарри отдать телефон, и лечь на пол, и глаз не открывать – то есть, сделал вывод Гарри, они не хотят, чтоб он видел, куда они едут, а может, боятся, что он из окна подаст кому-нибудь сигнал, попросит помощи. Хотя бы мешок на голову не натянули и глаз не завязали – а если бы планировали похитить Гарри, подготовились бы, мешок или повязку припасли, нет? Значит, просто угон, но операция не задалась, так? В конце концов, «эвок» – дорогая тачка, неудивительно, что ее захотели спереть. И, дальше рассуждал Гарри (он вообще много рассуждал, это помогало ему не спать), они проедут пару миль, выпустят его и Каррину, и все спокойно разойдутся по своим делам. Счастливый финал для всех причастных.

Каррина молчала, и когда Гарри вопреки распоряжениям приоткрыл веки на щелочку и посмотрел, выяснилось, что сестра, слава тебе господи, уснула. Перегрелась, кажется, – волосы липли к взмокшему лбу. На щеках мерцали заблудшие блески. Успокоившись на этот счет, Гарри очень постарался не открывать глаз, что оказалось просто на редкость сложно: все инстинкты подталкивали поступить наоборот. Он пошарил вслепую и нащупал горячую липкую ладошку Каррины.

Гарри, конечно, ничего не видел, но поневоле слышал, как недовольно ворчат люди спереди. Похоже, он ошибся. Не автомобильный угон, а настоящее похищение, и похищали Каррину. У отца Гарри водились деньги, чего он скрывать не любил, и, пожалуй, логичнее похитить его дочь и потребовать выкуп, чем просто угнать его тачку. («Мою тачку», – поправил голос Кристал у Гарри в голове.) А вот Гарри, тоже ребенок Томми, видимо, не засчитывался. («Парнишка», называли его эти люди – очевидно, не знали даже, как его зовут.) Он тут просто «сопутствующий урон». То есть что – разменная монета? Скоро они остановятся, велют ему выйти из машины, поставят на край канавы и пристрелят? (Гарри недавно смотрел документалку про СС. «Оставь историю в прошлом, ей там самое место», – сказала Кристал, увидев, что на экране.)

Где-то спустя полчаса машина остановилась, и один похититель сказал: – Глаза можешь открыть. Вынеси ребенка сам.

Когда Гарри выбирался из машины, коленки слегка дрожали, но

стрелять его никто вроде не собирался. Он отстегнул Каррину – та возмутилась во сне, но не проснулась. Как она отнесется к сложившейся ситуации, оставалось только гадать, хотя, вообще-то, натура у нее довольно флегматическая. («По названию похоже на болезнь», – сказала Кристал.)

Лишь теперь Гарри выпал шанс хорошенько разглядеть похитителей. Ожидал увидеть замурзанных, обдолбанных уголовников, но это он, видимо, слишком часто пересматривал с Карриной «101 далматинец», потому что эти дядьки оказались крепкие и деловитые, почти что спецназовцы, как бывшие солдаты из «Кто рискует – побеждает»^[116], хотя решительно непонятно, на что десантникам сдалась Каррина.

Машина остановилась посреди поля. Вокруг тоже одни поля. Моря не видно, но горизонт пуст – ощущение такое, будто море где-то рядом. Когда-то на поле была трейлерная стоянка – у пары ветхих трейлеров колеса заросли ржавой травой и чертополохом, один остался вообще без колес. В углу у ворот стоял трейлер поновее и покруче, стационарный.

– Даже не думай драпать! – рявкнул Гарри один дядька, а другой, который забрал телефон, сейчас выудил его из кармана и сфотографировал Гарри и Каррину, хотя, опять же, интересовала его только Каррина.

– Подними ее повыше. Ущипни, что ли, пусть проснется.

Гарри поднял ее повыше и сделал вид, будто щиплет.

– Без толку. Отключилась – не добудишься, – сказал он. – Даже землетрясение не поможет.

Закончив с фотосессией, они кому-то отправили снимок, сначала посоветовавшись о том, что сообщить в сопроводительной записке. Кристал найдет Гарри – он поставил ей трекер на телефон. Эта мысль его взбодрила, но тут один дядька буркнул:

– Надо выкинуть этот ебанный телефон, пока не отследили.

Гарри решил дать дядькам имена, чтоб запомнить на потом. Вообразил, как уже после всего добрая женщина из полиции на заднем сиденье патрульной машины расспрашивает обо всем, что выпало на его долю, а он ей говорит: «Ну, у того, которого я называл Пинки, был шрам на подбородке, а у Прикола татуировка на предплечье – лев, кажется», – и добрая женщина из полиции отвечает: «Молодчина, Гарри. Твои сведения наверняка помогут нам очень быстро поймать этих коварных злодеев». Гарри, конечно, понимал, что добрая женщина из полиции не скажет «коварные злодеи» – да он бы и сам не стал так выражаться, – но звучит хорошо, и вдобавок она же воображаемая.

(– Ведь как обстоит дело с воображением? – сказала ему мисс

Рискинфилд. – Оно не знает границ.)

Пинки и Прикол – это такие стародавние куклы^[117]. Гарри их видел на «Ютубе» – тоска неопишная. Он не удивился бы, обнаружив их на афише в «Чертогах». Гарри и узнал-то про них только потому, что Баркли называл так (с презрением, иначе он не умел) двоих рабочих сцены.

Гарри думал, если лишит похитителей анонимности, они будут не такие страшные, но с именами они ужасали еще больше. Он старался сосредоточиться на образе доброй женщины из полиции, но ему снова и снова виделось, как она стоит над канавой, куда скатили его бездыханное тело.

Интересно, что там написал Пинки и для кого. (Лучше, наверное, «кому»? У мисс Рискинфилд насчет стилистики было очень строго.) Отцу, вероятно, – грозное требование выкупа. «Плати, или убьем ребенка». Гарри передернуло. В воображаемой канаве теперь валялись два тела.

У Пинки с сообщением не задалось – он бродил по полю кругами, держа телефон над головой, словно бабочку ловил.

– Связи нету ни хера, – в конце концов заключил он.

– Потом отправишь, – сказал Прикол.

Пинки – так же звали персонажа («протагониста», услышал он голос мисс Рискинфилд у себя в голове) «Брайтонского леденца»^[118]. Гарри к следующему триместру полагалось прочесть. А он, может быть, уже никогда и не прочтет. Целые эскадры мировой литературы проплывут нечитанными над Гарри, пока он будет истекать кровью в этой канаве, глядя в небеса.

– Ты! – скомандовал Прикол.

– Да? – (Чуть не прибавил «сэр».)

– Тащи девчонку сюда.

– Меня зовут Гарри, – сказал Гарри. Про это он где-то читал: надо показать похитителям, что ты тоже человек.

– Блядь, да знаю я, как тебя зовут. Тащи девчонку. И не чуди мне тут, а то пожалеешь.

Наступил вечер – в окна трейлера сочился размытый сумеречный свет. Гарри и Каррину заточили в одной из развалюх. Каррина проснулась вскоре после этого и успела отыграть больше половины ролей Семи Гномов – поворчала, повеселилась, подурила, подремала. И проголодалась, но, к счастью, похитители оставили Гарри пакет из «Ко-опа» – упаковка сэндвичей с белым хлебом и бутылка «Айрн-брю». Кристал, наверное, сделает поправку на обстоятельства.

Гарри проводил время (а каждую минуту хоть выпроваживай, потому что все они топтались и не желали проходить), играя с Карриной в дурацкие игры, и травил ей бесконечные анекдоты – она их не понимала, но исправно старалась посмеяться. («Какой у пирата любимый сыр? Чедд-аррхх».) А еще Гарри, естественно, пересказывал все истории сказочного канона и по кругу пел «Отпусти». Теперь Каррина, слава богу, опять разыгрывала сонного гнома. Гарри воспользовался шансом и снял у нее с лица несколько блесток. Когда она задремала, Гарри стало нечем заняться – только обдумывать положение, в котором они тут оказались.

Есть чему радоваться, сказал он себе. Их не связали, не заткнули им рты кляпами, а если б их планировали убить, вряд ли оставили бы еду, правда? Тем не менее они, безусловно, в плену. Гарри очень старался выбраться из трейлера. Попытался разбить толстые оконные стекла – в трейлере валялся старый железный табурет. Тупым ножом, найденным в ящике, выковырять стекла из рам. Вышибить дверь ногой. Вышибить дверь плечом. С нулевым результатом. Трейлер вроде древний, но крепкий.

– Это такая игра, – утешил Гарри сестру, но ее это, судя по всему, не утешило ни капли. Наоборот: агрессия брата была Каррине внове и приводила в ужас.

Гарри про себя поклялся, что, если они отсюда выберутся – *когда* они отсюда выберутся, – он не будет таким хилым и бесполезным. Он будет тягать веса, и попросит отца научить его боксу, и больше никогда в жизни не будет так напуган и беспомощен.

На миг Гарри обуял восторг – он вспомнил, что в кармане так и лежит мобильный Баркли Джека, – но бабочковый сигнал телефону не давался. Гарри попробовал отправить сообщение, но оно не ушло. От досады и разочарования он чуть не расплакался.

По-прежнему хотелось есть, но последний сэндвич Гарри приберегал до того часа, когда Каррина проснется, а потому решил, что сейчас, пожалуй, разумнее всего просто уснуть. Свернулся калачиком подле сестры на единственном тонком и мерзком матрасе. От Каррины пыхало жаром – все равно что под батареей лежать. Гарри постарался отвлечься от текущего положения дел, грезя о приятном – как он покупает чай в гостинной мисс Мэтти в «Мире Крэнфорда» («Гарри, дорогой мой, заходите, будьте любезны») или открывает конверт с результатами выпускных экзаменов («Сплошные „отлично“, Гарри! Поздравляем»). Когда он фантазировал о том, каково быть художником по декорациям Национального театра и отвечать за сценографию постановки «Трех сестер» (на сегодняшний день – одна из любимых его пьес), до него

донесся несомненный шум автомобильного мотора. Гарри вскочил и выглянул в нечистое заднее окошко. К воротам подъехала машина, и оттуда кто-то выбрался. Гарри узнал шотландку, детектива-констебля из «Чертогов». Добрая женщина из полиции! За ней вышла вторая детектив-констебль, обе подошли к стационарному трейлеру и постучались.

Гарри заколотил в окно. Запрыгал, заорал, завизжал, снова заколотил. Поле большое, их трейлер от бесколесного далеко, но все равно – не может же быть, что его не слышно? Проснулась Каррина и заплакала, что хорошо, подумал Гарри, – чем громче, тем быстрее детективы обратят внимание. Но трейлер был как будто звуконепрозрачный.

Детективы снова постучались в стационарный трейлер и заглянули в окна, словно кого-то или что-то искали. Гарри увидел, как одна пожалала плечами. Нет, умоляю, подумал он, не уходите! Он яростно на них орал, молотил кулаками по стеклу, но обе оставались глухи и слепы. На один прекрасный миг ему почудилось, что его заметили, потому что шотландка обернулась и вроде бы прислушалась, но потом обе, кажется, увидели что-то, для Гарри незримое, – и исчезли.

Вскоре появились вновь – с какой-то девушкой. Поддерживали ее с боков, точно сама она идти не могла. Усадили ее в машину, и одна, шотландка, под села к ней назад, а другая за руль, и они укатили. Гарри рухнул на пол и разрыдался. Он и не подозревал, что на свете возможно такое отчаяние. Подарить надежду, а затем отнять – что может быть бесчеловечнее?

Каррина обхватила его за шею и сказала:

– Сё хоошо, Гарри. Не плачь, – хотя у нее и самой глазищи были на мокром месте.

Так они некоторое время посидели, обнимая друг друга, а потом Гарри шмыгнул носом, и встал, и рукавом вытер нос, и сказал:

– Ешь сэндвич, Каррина, тебе понадобятся силы. Мы отсюда выберемся, – а когда она послушно все сжевала, он сказал: – Закрой уши, – и подхватил табуретик, и стал швыряться им в окно.

Видимо, пытаясь привлечь внимание полицейских, он это окно хорошо расшатал, потому что толстый плексиглас выпал одним цельным куском, и Каррина заорала:

– Гарри, ура! – и оба по такому случаю слегка поплясали.

– Теперь давай быстрее, – сказал Гарри и переправил Каррину в окно – держал за руки, пока она не достала ногами почти до земли, а потом отпустил.

Она мягко приземлилась в крапиву и даже еще плакать не начала, когда

Гарри выбрался сам и ее подхватил.

Он побежал. Что нелегко с трехлеткой на руках, особенно если трехлетка покусана крапивой, но иногда это правда вопрос жизни и смерти.

Уже почти совсем стемнело. Они сидели на обочине узкой дороги, где, похоже, не ездил никто и никогда, но Гарри больше не мог ступить ни шагу. Здесь телефон ловил сигнал, и Гарри снова и снова набирал Кристал, но она не отвечала. Номер он вспоминал лет сто и уже заподозрил, что все-таки не угадал. Отныне, решил он, буду заучивать все важные номера из списка контактов, а не надеяться, что вместо меня все запомнит телефон. Отцовского номера он вспомнить не мог, хоть тресни. Наизусть Гарри знал еще только один номер и позвонил тому, кто в крайнем случае сойдет за родителя, – Соне.

Едва набрал, появилась машина, поэтому Гарри оборвал звонок, запрыгал на обочине и замахал руками. Если иначе домой не попасть, он вполне готов был броситься движущейся машине наперерез, но не пришлось – она неторопливо затормозила сама чуть впереди. Незримая рука распахнула заднюю дверь, Гарри подхватил Каррину на руки и подбежал.

– Спасибо, что остановились, – сказал он, когда они забрались внутрь. – Спасибо вам огромное.

– Не вопрос, – отозвался водитель, и серебристый «БМВ» покатыл в загородную темень.

Последний поклон

Фи срезала путь. Переулок темный, один фонарь перегорел, но места знакомые, Фи иногда водила сюда клиентов, чтоб по-быстрому под стенкой. Вонь стоит – тут большие мусорные баки, это на задах лавки, где торгуют рыбой с картошкой. Фи не работала – Фи шла к своему барыге, хотела обменять Тинины золотые часы, болтавшиеся на костлявом запястье, – сейчас это самое безопасное для них хранилище. Фи за них получит крошечную долю их стоимости, но все равно на улицах ей за неделю столько не заработать.

Она услышала, как позади кто-то вошел за нею следом в переулок, и ускорила шаг. Предчувствия не обнадеживали – волосы дыбом и все такое. Фи на горьком опыте научилась доверять нутряным инстинктам. В конце переулка горел свет, и она не отрывала от него глаз – дотуда всего шагов

двадцать или тридцать. Дыхание перехватило. Шпильки сапог скользили по жирной брусчатке. Фи не оглядывалась, но услышала, что тот, кто позади, нагоняет, и кинулась бежать, но шпилька застряла в булыжниках, и Фи полетела головой вперед. Сдохну в этой грязной дыре, подумала она, останусь тут валяться мусором, утром кто-нибудь подберет.

– Здравствуй, Фелисити, – сказал чей-то голос. – А мы тебя уже обыскались.

Она обмочилась от ужаса.

Ворота тюрьмы Уэйкфилда медленно открылись, и наружу высунулась машина «скорой». Вырулив на дорогу, она начала разгоняться и врубила сирену с мигалкой, хотя пассажир ее, невзирая на усердное применение СЛР, был уже мертв.

Фельдшер прервался и уже приготовился сдать, но тут подключился тюремный медбрат, сопровождавший пациента, – теперь на тощую грудь заключенного номер Джей-Эс-5896 энергично давил он. Начальник тюрьмы категорически потребовал, чтобы все было по правилам, – никому не надо обвинений в том, что заключенному дали помереть прежде времени. Толпа народу ждет не дождется его кончины.

Медбрат, дородный дядька, обнаружил заключенного во время ночного обхода. Майкл Кармоди валялся на полу у шконки – катетер выдернут, кислородная маска сорвана. Впечатление такое, будто он от чего-то уползал. От смерти, наверное, решил медбрат. Он отлучался в комнату отдыха незаконно перекурить, но пока его не было, в камеру точно никто не заходил. Медбрат пощупал пульс, но было очевидно, что Кармоди выписывается из Усадьбы Уродов навсегда. Вскрытие, конечно, проведут, но, вообще-то, смерть Майкла Кармоди ни для кого не сюрприз.

Медбрат перевел дух, и фельдшер сказал:

– Все, он отчалил. Закругляемся, ладно? Время смерти – одиннадцать двадцать три. Пойдет?

– Пойдет. Сволочь он был, – сказал медбрат. – Туда ему, гадине, и дорога.

– Да, тут тебя многие поддержат.

Баркли Джек пошарил на туалетном столике в поисках стакана с джином – всего секунду назад стакан был, Баркли зуб дает, но поиски успехом не увенчались. В гримерной темень кромешная. Баркли заорал, призывая Гарри, но никто не откликнулся. Где этот идиот малолетний?

Баркли вывалился из гримерной – что-то ему совсем нехорошо. Опять

накрыло. За сценой еще темнее – только откуда-то сверху сочится тусклый свет. Куда все подевались? Разошлись по домам, а его бросили тут одного?

Странное дело – Баркли уже стоит за кулисами. Как он сюда попал? Отключился, что ли, по дороге? «У вас, вероятно, была ТИА», – сказали ему в том году, когда он загремел в Королевскую больницу Борнмута, грохнувшись в обморок на кассе в супермаркете «Асда». ТИА – по названию вроде какие-то авиалинии, но нет: транзиторная ишемическая атака. Напасть напала, атаковала внезапно. В больнице Баркли обследовали вдоль и поперек, но он никому ничего не сказал. А кому говорить-то? Дочь с ним годами не разговаривает – он не в курсе даже, где она теперь живет.

Его, наверное, нечаянно заперли в театре. Опять этот клятый ассистент режиссера – должен же был проверить, что никого нет. Баркли пошарил в кармане и вспомнил, что потерял телефон.

А потом он вдруг очутился на сцене, – похоже, время опять скакнуло. Занавес закрыт. А Баркли, оказывается, все-таки не один – из зала доносились выжидательные шепотки и бормотание. Зрители ждут. Занавес медленно раскрылся рывками, и спустя секунду черноты кто-то врубил прожектор. Баркли всмотрелся в темный зал, козырьком ладони прикрывая глаза, точно землю со стены выглядывал. А где все?

Может, если начать, они слегка оживятся.

– Человек приходит к стоматологу, – начал Баркли, но вышло скрипуче.

Стоматолог? Или просто врач? Давай дальше. Ты же боец. Это испытание.

– И говорит: «По-моему, у меня проблема».

Тишина.

– И говорит...

Его перебило цунами оглушительного хохота – бальзам на душу. Зал разразился яростной овацией. Ёпта, подумал Баркли, я же еще и до финала не дошел. Незримая аудитория хлопала, а кое-кто повскакал на ноги, скандируя:

– Барк-ли! Барк-ли! Барк-ли!

На него опять волной накатила тьма, будто занавес закрылся. И на сей раз уже не открылся. Аплодисментов Баркли Джек больше не слышал.

Соня сидел в комнате для родственников и ждал, когда кто-нибудь придет и скажет, что делать с трупом Баркли Джека. С комиком случилась вырубка (крайней степени и во всех смыслах) – какой-то дурной анекдот, Гарри бы оценил, но Соня был не расположен к шуткам. Он весь вечер сопровождал Баркли в последний путь. «Скорая», реанимация, комната для

родственников – Соня претерпел все. Похоже, он по умолчанию стал ближайшей родней Баркли Джека. Сам бы он на такую роль и пробоваться не стал.

И что, долг велит ему и похороны замутировать? А кто-нибудь придет? Может, третьесортные актеришки древнейших времен и летних шоу в «Чертогах», что то же самое. Кордебалет явится всей ротой: для таких мероприятий кордебалет – самое оно. На все дни рождения девчонки всегда притаскивали торты. Баркли Джеку больше не светит дней рождения.

Соня испустил вздох: ему было скучно. В комнате для родственников больше ни души – один Соня, сидит как приклеенный в обществе электрического чайника, банки растворимого кофе и захватанных журналов на потертом лаке кофейного столика: пара номеров «Хелло!» минимум годичной давности и какое-то старое воскресное приложение. Пока что Соня успел выпить несколько чашек дрянного кофе и почерпнуть массу необязательных сведений о королевской семье Швеции (он и не знал, что там водятся короли) плюс рекомендации о том, как закатить «изысканное летнее барбекю». Барбекю бывает изысканным? Соня уже и забыл, когда его в последний раз приглашали на барбекю, хоть бы и не изысканное.

«Скорая» и вся эта драма реанимации виделись Соне бессмысленными – к тому времени, когда фельдшер из больницы Святого Иоанна приложил дефибриллятор к седоволосой груди Баркли в запруженном коридоре перед его гримерной, Соня уже вполне уверился, что пациент с этой планеты отбыл. Фельдшеру помогал – впрочем, не особо – чревовещатель: вдруг выяснилось, что в театре он отвечает за первую помощь.

– Баркли! – громко твердил он. – Баркли! Баркли! – будто собаку домой зазывал.

Соня празднично пролистал фотографии на телефоне. Его единственный сын недавно сам стал отцом. Новорожденный младенец Тео уже обзавелся инстаграм-аккаунтом, и невестка неохотно открыла Соне доступ. Вот фотки с крещения, прямо перед началом летнего сезона. Ребенку все устроили чин по чину – англиканская служба, полный набор крестных, женщины в дурацких шляпках, к крестильному чаю подали верхний этаж свадебного торта. Сониная невестка была начеку всю дорогу. Боялась, подозревал Соня, что он явится в образе, злой феей нависнет над колыбелькой, своим сомнительным карьерным выбором проклянет ее дитя. Он, конечно, ничего подобного не сделал – надел свой лучший костюм «Хьюго Босс» и броги, блестящие, как его почти облысевший череп, и не

оставил на лице ни капельки базы «Илламаска».

– Не в том беда, что он дрэг-квин, – прошептала кому-то невестка за мини-кишами (а Соня подслушал). – Беда в том, что он совсем фиговый дрэг-квин.

– Мистер Шеперд? – В комнату вошла медсестра.

– Да? – подскочил Соня.

– Не хотите побыть с мистером Джеком?

Соня опять тяжело вздохнул. Таков, видимо, мертвецкий этикет. Бессмыслица продолжается.

– Да, конечно, – ответил он.

Он молча разглядывал желтеющие впалые черты Баркли, гадал, сколько надо потянуть времени, прежде чем вежливо будет свалить, и тут зазвонил телефон. Соня глянул на экран. На экране значилось: «Баркли Джек». Соня нахмурился. Опять посмотрел на Баркли. Тот помалкивал, упрятав подбородок в простыню. Может, шутка, подумал Соня, хотя, вообще-то, Баркли не шутник. И едва ли весь больничный штат сговорится под скрытую камеру устроить розыгрыш с участием трупа, ну?

Соня взгляделся в Баркли. Нет, подытожил он, явно мертвый. Затем опасливо поднес телефон к уху и сказал:

– Алло? – но никто не ответил. – «Дальше – тишина»^[119], – поделился Соня с трупом Баркли, ибо не чужд был Шекспира.

Пожалуй, да – вот как тут не ржать?

Сегодняшний улов

«Аметист» вышел в море с первыми лучами. Рыбацкая лодка, на борту четверо из Ньюкасла. Эти ребята постоянно нанимали «Аметист», и капитану они были все равно что старые друзья. Приезжали раза два или три в год, к ловле относились серьезно – не настолько, впрочем, серьезно, чтоб не нажраться накануне в «Золотом шаре», пьянея заодно и от наступившей свободы, потому как семейная рутина временно приостановлена. Жены никогда с ними не ездили – оставались на севере, дома на привязи, благодарили судьбу за то, что избавлены от смертоносно занудных бесед о рыбе, настоящем эле и сравнительных достоинствах А1 и тоннеля Тайн.

Утро обещало быть чудесным. В небе толкались зефирные облачка – вскоре они растают.

– Славный будет денек, – сказал кто-то, и ему ответили хорovým согласным бормотанием. Достали фляжку кофе, и начался блаженный день.

Удили на кальмара. Рассчитывали на крупную рыбу – треску, морскую щуку, сайду, пикшу, а может, даже палтус попадетсЯ, если свезет.

Утренняя прохлада почти развеяла последствия вчерашнего «Сэма Смита», когда у первого рыбака стало клевать. Что-то большое и тяжелое – но, как ни странно, поимке не противилось. Рыбак всмотрелся в воду – мигнула серебристая чешуя. Если рыба, то гигантская, хотя в воде она телепалась так, словно уже сдохла. Нет, разглядел рыбак, не чешуя. Блестки. Не палтус и не пикша – женщина. Или девушка. Рыбак заорал, прибежали друзья, и вчетвером им удалось подцепить и выволочь на палубу мертвую русалку.

Рука славы

Далеко в море, в широком устье Южного залива, Джексон видел рыбацкую лодку, повернувшую назад в гавань. В раннем солнце море блестело как зеркало. Хорошо сейчас, наверное, выйти на лодке. Джексон вывел Дидону на ежедневный моцион, а потом берегом поедет к себе в коттедж. Домой он вечером так и не вернулся – когда Гарри и Карри ушли спать, он выпил с Кристал пару стаканов виски и заночевал в одной из пустых спален «Горней гавани». Для обоих виски послужил скорее лекарством, чем собственно алкоголем, и даже не в алкоголе дело – Джексон бултыхался в отливе изнеможения, а в таком состоянии опять заползти в машину прямо-таки немислимо. Когда засыпал, Дидона лежала калачиком на ковре в ногах постели, а когда проснулся, она мирно похрапывала, растянувшись на белых просторах императорских размеров постели, головой на соседней подушке. («Ты когда последний раз спал женщину? Настоящую женщину?»)

Джексон пил кофе, а Кристал – что-то подозрительное, с таким названием, что это можно кричать в секции карате. («Комбуча!») Кристал поведала, что занимается боевыми искусствами.

(– Вин-чун. По названию – как будто это в китайском ресторане заказывают, я знаю, да.)

И что, прием «лбом об стол», продемонстрированный в кафе на мысу Флэмборо, тоже входит в программу обучения?

– Не, просто хотелось убить тупицу.

Дидоне она сварила сосисок, а вот Джексону достались только гречневая каша, миндальное молоко и упреки – мол, в его годы пора за собой последить.

– Спасибо, – сказал он.

Кристал, судя по виду, готова была позавтракать ногой, отодранной от коровы заживо, но нет, «сырой какао-шарик» – похоже, предел ее роскошеств. Какао-шарик смахивал на говно, что Джексон про себя отметил, но высказывать вслух не стал – мало ли, вдруг за такое мнение его вмажут лицом в столешницу? – и молча, как послушный мальчик, съел свою гречку.

Неуловимый Томми Холройд так и не появился. Джексон уже заподозрил, что муж – плод воображения Кристал. Интересно, как Томми отнесется к чужаку, что незваной Златовлаской валяется у него на постели

и ест его гречневую кашу.

По случаю утреннего тепла Кристал надела шорты, майку и шлепанцы. Из-под майки выглядывала бретелька бюстгалтера, шикарные ноги на виду. Как и шикарный бланш.

– Держите, – сказала она, грохнув перед Джексонем кружкой кофе.

Ни одна женщина в жизни Джексона не интересовалась им меньше.

Царица амазонок села напротив него за стол и сказала:

– Между прочим, я вам платить не буду. Вы не сделали нихуя.

– Логично, – сказал он.

Когда Джексон уезжал из «Горней гавани» после этого богадельного завтрака, и Карри, и Гарри, вымотанные событиями предыдущего дня, еще спали наверху. Вечером, прежде чем усталость доконала Гарри, он успел вкратце изложить их с сестрой приключения. Их отвезли в поле, сказал он, заперли в трейлере, откуда они затем сбежали, но Гарри понятия не имеет, где стоит этот трейлер, знает только, что где-то рядом вроде было море. Они сбежали, а какой-то человек подвез их до «Горней гавани». Человек себя не назвал, но у него была серебристая машина – по крайней мере, Гарри так показалось, в темноте трудно разглядеть, и нет, марку он не знает, он уже так перенервничал, что вообще с ног валился, сказал он, можно оставить его в покое и отпустить спать? И вообще, какая разница, если человек помог, а может, даже их спас.

– Он знал, как меня зовут, – прибавил Гарри.

– То есть? – нахмурилась Кристал.

– Он сказал: «Залезай, Гарри». Сам знаю, что это странно, вы наверняка хотите обсуждать это миллион лет, но мне правда надо лечь. Извините.

– Не извиняйся, – сказала Кристал, целуя его в лоб. – Ты герой. Спокойно.

– Ага. А вы-то, кстати, кто? – спросил он Джексона.

– Нравнодушный очевидец, – ответил тот. – Я помогал твоей мачехе вас искать.

– Но вы его не нашли, – вмешалась Кристал. – Он сам себя нашел. Уверяет, что детектив, – пояснила она для Гарри, – но детектив из него, как из слона балерина.

– Что скажете? – спросил Джексон, когда Гарри уполз вверх по лестнице. – Откуда мужик его знал?

(Хорошо это или плохо? Прилив или отлив?)

– Ничего не скажу, – ответила Кристал. – Не собираюсь ничего

говорить ни про что, и нет, посмотреть записи с наших видеокамер нельзя, потому что мы с вами завязываем. Они выразились очень внятно. Я держу рот на замке. – Она изобразила, как застегивает эти свои великолепные губы на молнию, и прибавила: – Я разберусь сама, спасибо, так что проваливайте куда подальше, Джексон Броуди.

Поскольку на мысу Флэмборо Гарри и Карри не оказалось, Джексон отвез павшую духом Кристал назад в «Горную гавань».

– Может, позвонят на домашний, – с надеждой сказала Кристал. – Или привезут их назад. Если хотели преподать мне урок, у них получилось, – уверяю вас, мне мои дети дороги.

Доехали уже в сумерках. Когда свернули на подъездную дорогу, над головой воздушным эскортом замелькали летучие мыши. «Тойота» приближалась к дому, и вдоль обочин автоматически врубалась приветственная иллюминация. Ничего себе домина. Надо думать, «Грузоперевозки Холройда» процветают.

Джексон как раз талдычил Кристал, что теперь у нее нет другого пути – только в полицию, а она как раз талдычила ему, что пускай отъебется, и тут вспыхнула сенсорная лампа над парадной дверью.

Кристал ахнула, а Джексон сказал:

– Ох блядь, – поскольку оба увидели, что лежит на крыльце.

Похоже на груды одежды, но вблизи она обрела человеческие очертания. Сердце у Джексона ухнуло вниз на несколько этажей, и он подумал: «Господи, умоляю, пожалуйста, только не труп». Но тут фигура заворочалась и распалась на две – одна побольше, другая поменьше. Та, что побольше, встала и заморгала в ярком свете. Гарри.

Кристал выскочила наружу, не успел Джексон дать по тормозам, и помчалась к Гарри, и обняла его, а затем подхватила с крыльца Карри.

Джексон одеревенело вылез из машины. Долгий выдался денек.

На Эспланаду он поднялся на фуникулере – пожалел Дидонины лапы, но его колени тоже сказали спасибо. Вышел из кабины – а наверху все заполонила съемочная группа «Балкера». Джулии, впрочем, не видно, поэтому Джексон пошел на базу. Весьма любопытно было бы знать, когда он снова получит отпрыска. С последней встречи Джексон несколько раз писал Натану, спрашивал, как дела. («Как оно?») После истории с Гарри он думал о Натане – о том, каково будет, если Натана умыкнет злонамеренный незнакомец. На свои вопросы Джексон получил лишь один лаконичный ответ. «Норм». Почему так выходит, что сын может по многу

часов трындеть с друзьями ни о чем, а как с отцом поговорить, так у него слова лишнего не найдется? И где вообще Натан? До сих пор у друга, видимо, хотя, черт бы его побрал, выключил GPS на телефоне – не отследишь. Придется прочесть нотацию о том, как это важно.

На базе Джулии тоже не видать. В конце концов Джексон отловил вторую помощницу режиссера – раньше с ней не сталкивался, – и она сказала, что Джулия сегодня на площадке не появлялась. Серьезно? Она же говорила, у нее ни минуты свободной нет.

– Она, наверное, с Натаном, – сказал Джексон, а помощница режиссера ответила:

– С кем? Нет, по-моему, она уехала на весь день. В аббатство Риво, если не ошибаюсь. С Каллумом.

С Каллумом?

В фургоне кафетерия Джексон съел весьма желанный сэндвич с беконом. Никакой тебе тут гречневой каши. Завтрак на площадке – самая популярная трапеза, говорила Джулия. Дидона получила от повара еще одну сосиску.

– В твои годы пора за собой последить, – сказал ей Джексон.

Подошел актер, игравший Балкера, – Мэтт / Сэм / Макс. Жуя яичный рулет, сказал:

– По вашему экспертному мнению, как лучше всего убить собаку? У меня скоро сцена, надо будет застрелить, но я подумал, если немножко побороться врукопашную, выйдет более зверски. Ну, влаторукопашную, наверно.

Джексону однажды пришлось убить собаку – не хотелось бы заострять внимание на этой истории, – но от комментария он воздержался: не при Дидоне же.

– Лучше пушка, – посоветовал он. – Видит бог, пушка зверская и сама по себе, хватит сполна. – И прибавил как бы невзначай: – А кто такой, кстати, Каллум?

– Бойфренд Джулии? Новый оператор-постановщик. По-моему, он ей нравится, потому что хорошо ее освещает.

Джексон проглотил эту весть вместе с сэндвичем.

Бесило не столько появление в жизни Джулии какого-то непонятного и неожиданного Каллума, сколько то, что она поехала с ним в Риво. Террасы Риво – одно из самых любимых мест Джексона на всем белом свете, он планировал жить там после смерти, если после смерти будет жизнь. (Маловероятно, но он не прочь подстраховаться.

– А, пари Паскаля^[120], – загадочно сказала Джулия.

Прилив / отлив, догадался Джексон.)

Собственно говоря, он же и показал Джулии Риво. А теперь она показывает Риво кому-то другому. Черт его знает, что там с Паскалем, но Джексон готов был держать пари: Джулия не скажет Каллуму, что они милуются в самом любимом месте ее бывшего любезного друга.

Он уже направлялся домой по Пизэм-роуд, как раз миновал парковые ворота, и тут навстречу ему проехал фургон с мороженым. «Бассани», розовый, как тот, что был в прошлый раз, и скрипел той же самой музычкой. *Если пойдешь сегодня в лес, тебя ждет сюрприз немаленький.*

Джексона от нее мороз по коже подрал; на ум пришли все девочки, потерявшиеся за много лет. Девочки, что терялись в лесах, на железных дорогах, в переулках, подвалах, парках, придорожных канавах, у себя дома. Девочки теряются буквально на каждом шагу. Столько девочек, которых он не спас. У Патти Гриффин была такая песня, называлась «Осторожнее»^[121], – Джексон ее иногда переслушивал. *Все девчонки, что сбились с пути.* Неизменно вгоняла его в неодолимую меланхолию.

О последней потерянной девочке он не вспоминал минимум сутки. О девочке с единорогом на рюкзаке. Где она сейчас? Дома, в безопасности? Выслушивает укоры любящих родителей: мол, что ж ты так – вернулась поздно, рюкзак посеяла? Хотелось бы надеяться, но Джексон всеми печенками чуял, что дело обстоит иначе. По его (обширному) опыту, мозг умеет мутить воду, а вот печенки никогда не обманывают.

Может, насчет девочки с единорогом он и заблуждается, но на свете полно людей, которым он должен служить, которых он должен защищать, нравится им это или нет. Люди, похитившие Гарри и Карри, не отпустили детей по доброй воле – ну и что им помешает снова похитить одного из них или обоих? Кристал, конечно, сказала, что держит на замке рот с этими великолепными губами, но похитителям-то откуда об этом узнать? Что делать Джексону – не будить спящих псов? А псы чем заняты – и вправду спят или рыщут по окрестностям, подкарауливают шанс атаковать вновь? Его собственная спящая псина отрубилась на заднем сиденье, переваривая сосиску, и своих песьих соображений не высказывала.

Джексон вздохнул и свернул к «Горней гавани». Он тут пастух, он тут шериф. Одинокий Рейнджер. Или Тонто.

(– Ты же в курсе, что *tonto* по-испански значит «глупый», да? – спросила Джулия.)

Может, пастух из него как из слона балерина, но порой, кроме него, никого больше нет.

– Хей-хо, Серебряный^[122], – шепнул он «тойоте».

Женская работа

Ронни и Реджи всю ночь провели в больнице, в маленькой одноместной палате, куда определили девушку. Кто-то должен был ее охранять, и как-то никого больше не нашлось. Пробудить у других полицейских интерес к девушке вообще оказалось сложно, хотя ее избили, а в крови у нее, по словам врача, нашли героин.

Когда они позвонили, дежурный сержант чуть не заржал. Мы, сказал, слишком «бедны ресурсами», допрашивать девушку никто не поедет, придется Ронни и Реджи подождать до утра, как всем.

– Еще кофейной трансфузии? – спросила Ронни, и Реджи вздохом обозначила согласие.

Больничная кофемашина участвовала в конкурсе на звание производителя худшего в мире кофе (а это очень конкурентная сфера), но обе уже заменили этим кофе всю кровь в организме, и еще один стаканчик ничего не изменит.

Когда они нашли девушку вечером на краю поля, она была полуголая и пряталась в кустах. Вся в синяках, с ужасно распухшей губой, но в основном просто перепугана до смерти. Грязная, исцарапанная шипами и колючками – вид ее, не говоря о поведении, прозрачно намекал, что за ней охотились, что она убегала через поля, и канавы, и изгороди. Будто за ней хищники гнались. Жуткая сюжетная линия, прямиком из «Балкера» или «Мыслить как преступник»^[123], в жизни такого не бывает. И однако вот она – беглянка, которая спаслась.

С ее появлением у обеих испарилось всякое желание искать Стивена Меллорса – да его на поле и не было. Была пара старых трейлеров, ржавые развалюхи, и один поновее, стационарный, но они стучались, и никто им не открыл. Все жалюзи опущены, что творится внутри – непонятно. Вряд ли Стивен Меллорс практиковал там осознанность.

Обе решили, что, видимо, навигатор на телефоне Джейми Меллорса глюкнул, а Стивен Меллорс уже *en famille*, трескает лазанью и глушит красное, надышавшееся так, что захватывает дух. Реджи как-то раз засекала Сая посреди Ла-Манша, а когда позвонила, оказалось, что он в брайтонском пабе. «Ты что, следишь за мной?» – засмеялся он, но тогда они еще были вместе и слезка его умиляла, а не пугала (этот поворот случился позднее).

Удалось добиться от девушки имени – Мария – и установить, что она с Филиппин. Гораздо дольше до них доходило, что имя «Мария», которое она бесконечно твердила в такой ажитации, – не ее имя. Ронни перешла на пиджин – ткнула пальцем себе в грудь и сказала:

– Ронни, я Ронни, – затем ткнула пальцем в Реджи и сказала: – Реджи, – а затем ткнула пальцем в девушку и вопросительно задрала брови.

– Жасмин.

– Жасмин? – переспросила Ронни, и девушка энергично закивала.

Она снова и снова повторяла еще одно имя. Разобрать толком не удавалось, но походило на «мистер Прайс».

– Это мистер Прайс с вами такое сделал? – спросила Реджи, указав на девушкино лицо.

– Человек, – сказала она и подняла руку выше головы.

– Большой человек? – спросила Ронни.

Опять энергичные кивки, но потом девушка заплакала и снова заговорила про Марию. Изображала чудную пантомиму – будто тянула за что-то невидимое, обернутое вокруг шеи. Если б они играли в шарады, Реджи предположила бы, что это «Висячие сады Семирамиды», но почти не сомневалась, что девушка имела в виду не это. Реджи с Саем часто играли в шарады, вдвоем. У них на двоих было много благотворного невинного веселья – ребячества даже. По этому ребячеству Реджи скучала больше, чем по всякому прочему. Также известному как секс.

Они запросили переводчика, но особых надежд не питали, и до начала рабочего дня переводчика не пришлют точно. Ронни сходила на разведку, вернулась с филиппинкой – больничной уборщицей с бюджетом, где значилось «Ангел», – и попросила ее побеседовать с Жасмин. Едва уборщица заговорила, из Жасмин излился полноводный поток слов, сопровождаемый полноводными же слезами. Тут и тагалог знать не нужно – ясно, что повесть горестная.

Увы, не успели они добыть хоть какие-то внятные сведения, на пороге палаты зловеще замаячила грозная тень.

– Приветик, а вот и Кэгни с Лейси^[124].

– Детектив-инспектор Марриот, – бодро откликнулась Реджи.

– Дружок-то ваш – слышали?

– Дружок? – переспросила Реджи. Не может быть, что Марриот говорит про Сая, правда?

– Майкл Кармоди? – предположила Ронни.

– И первый приз присуждается девушке в синем.

– А что с ним? – спросила Реджи.

– Помер, – лаконично ответствовала Марриот. – Ночью.

– Убит? – хором спросили Реджи и Ронни, но детектив-инспектор пожала плечами:

– Сердечный приступ, судя по всему. Скучать по нему никто не будет. Это, что ли, ваша девица? – спросила она, кивнув на Жасмин.

Вроде сочувственно говорит – Реджи присудила ей за это несколько очков: гёрлгайды похвалили бы детектива-инспектора. Реджи, правда, никогда не была гёрлгайдом и теперь жалела – из нее бы вышла хорошая гёрлгайд.

(– Ты и есть гёрлгайд, Реджи, – сказала Ронни. – До кончиков ногтей.)

– Откуда она? – спросила Марриот.

– С Филиппин, – ответила Реджи. – По-английски почти не говорит.

– С корабля и в массажный салон?

– Не знаю. Вот эта дама, Ангел, – она нам переводит.

– В общем, так вышло, что мы и сами обзавелись тут мертвой азиатской девкой, – сказала Марриот, не глянув на Ангел. – Обнаружена ночью. Выброшена в море, увы-увы. Кто такая – неизвестно. Была, похоже, задушена – пока ждем результатов вскрытия. Как автобусы прямо – годами ждешь хоть одну иностранную секс-работницу, и вдруг...

Реджи вычеркнула все очки.

– Наша не мертвая, – сказала она, – и вы не знаете наверняка, что она секс-работница.

– Она женщина, – прибавила Ронни. – И ей нужна помощь.

– Да-да, хештег *MeToo*, – сказала Марриот. – Короче, мертвая, живая – она уже не ваша, мы ее забираем. Валяйте рыскать дальше.

Они попрощались с Жасмин. Та вцепилась в руку Реджи и что-то сказала – Реджи думала, это «до свидания» на тагалогге, но Ангел поправила:

– Нет, она сказала «спасибо».

– А, кстати, – уже на пороге сказала Ронни детективу-инспектору Марриот, – вероятно, выяснится, что вашу «мертвую азиатскую девку» зовут Мария... – И уже в коридоре буркнула: – Ни хрена себе. Гендерные и расовые стереотипы в одном флаконе.

– Да уж, просто праздник, – сказала Реджи.

Прямо перед тем, как Марриот явилась и их изгнала, Жасмин сделала паузу, чтобы попить. Из-за рассеченной губы воду ей пришлось сосать через трубочку, а Реджи и Ронни, воспользовавшись кратким перерывом,

спросили Ангел, не сообщила ли Жасмин, что с ней произошло. Ну и вообще – может, она сказала хоть что-то полезное?

– Она повторяет одно и то же.

– Это да, – согласилась Реджи. – «Мария» и «мистер Прайс».

– Да, и еще кое-что. Не знаю, что это. Похоже на «белые бороздки».

– Ангел, – сказала Ронни.

– Популярное имя на Филиппинах, – пояснила Реджи. – Смешно, если это не имя, а должность, да? К примеру, зарабатываешь первый ангельский бедж и потом растешь, девять ангельских чинов, один за другим, и выходишь на пенсию серафимом, достигнув высот профессии. Я бы не отказалась от беджа «Ангел». Или удостоверения. «Детектив-констебль Ронни Дибицки и ангел Реджи Дич. Мы просто хотим задать вам несколько вопросов, не волнуйтесь». И ты, конечно, тоже можешь быть ангелом. Ангел Ронни Дибицки.

– Ты, солнце, кофе перепила. Тебе надо полежать в темноте. Стоп. – Ронни придержала Реджи за локоть. – Смотри. Это же дрэг-квин из «Чертогов», нет?

У стойки в приемной стоял человек, заполнял бумаги. Джинсы, серая фуфайка, мокасины, выдавшие времена и получше, – вчерашняя гротескная пародия на женщину почти неузнаваема. С нынешней наружностью ему бы косить газон и через забор объяснять, как проще всего доехать до Лидса.

– Интересно, что он тут делает?

– «Белые бороздки»? «Березки», как думаешь? – гадала Реджи по пути к машине.

– В смысле дерева?

Ронни потралалила менее очевидные окраины интернета на айфоне.

– Я вижу только «Скарборо нюос», заметке сто лет. «Белые березки» – раньше был дом престарелых, закрыли после какого-то скандала, и потом, кажется, еще был суд. Жестокое обращение с пациентами, условия не отвечают требованиям, ля-ля-тополя. У заведения давняя история – изначально было психбольницей, образчиком викторианских реформ. Есть основания думать, что больница стала прототипом психиатрической клиники, где держали Ренфилда. Ренфилда?

– Персонаж «Дракулы» Брэма Стокера, – сказала Реджи.

– А, точно, тут дальше написано. «Визит Брэма Стокера в Уитби вдохновил его на...» Ля-ля и снова тополя. Это недалеко – давай заедем? Хотя мы тут решительно ни при чем, и Марриот устроит нам выволочку,

если решит, что мы тут самовольничаем.

– Да мы глянем по-быстрому – что плохого-то? – сказала Реджи.

– Ничегошеньки. Мы мухой – в пять минут уложимся.

БЫТЬ ВОЛКОМ

К тому времени, когда сквозь тонюсенькие занавески просочились первые лучи солнца, у Винса от бессонницы уже пересохла глаза. Рассветный хор выкрутил громкость до максимума, даже не дождавшись рассвета. Кто-то должен побеседовать с этими птицами насчет распорядка их выступлений. Удивительно, что здесь вообще водятся птицы. Интересно, им приходится орать громче, чтобы слышать друг друга в грохоте игровых автоматов? Интересно также, заснет ли Винс когда-нибудь нормально? Всякий раз, закрывая глаза, он видел ее. Девушку.

Вчера он провел внутри пять минут – ему хватило. За дверью оказался вестибюль со следами прежней жизни «Белых березок», какого-то заведения для престарелых, – пожарные двери, указатели «Выход», пара древних инструкций по технике безопасности: так и так, закрывайте двери, ведите учет посетителей. На стене – обмякшая бумажка с отпечатанной на машинке просьбой к волонтерам помочь с организацией пикника в Пизэм-парке и потрепанный временем плакатик с объявлением о «летнем празднике», украшенный (дурно) нарисованными от руки воздушными шарами, лотерейными билетами, тортом. При мысли о том, как растерянных сенильных стариков, точно детей малых, развлекают шариками и тортом, Винс впал в тоску еще чернее обычного. Хотя, казалось бы, куда чернее? Но лучше с утеса рыбкой, чем доживать в таком вот заведении до последнего огрызка своей жизни.

Винс толкнул пожарную дверь с армированным стеклом и очутился в коридоре первого этажа. Вдоль коридора двери, и все закрыты, кроме одной – она распахнута, словно приглашает внутрь. В тесной палате – две старые больничные койки с голыми грязными матрасами.

А обитательница всего одна, девушка. Девушка безжизненной кучкой валялась на полу под одним из зарешеченных окон. Вокруг шеи туго затянут тонкий шарф. Концы шарфа обрезаны прямо над узлом, так и болтаются на решетке. Лицо у девушки распухло и полиловело. Смысла сцены трудно не понять.

Совсем крошка – тайка, китайка, что-то такое. В дешевом серебристом платье с блестками, голые ноги в синяках – совершенно очевидно мертвая,

но Винс все равно присел на корточки и пощупал пульс. Когда встал, голова закружилась так, что он думал, сейчас грохнется в обморок, и несколько секунд простоял, цепляясь за косяк.

Он вышел задом и тихонько прикрыл дверь. Хоть как-то выразил почтение к смерти. В ошеломлении он дергал ручки других дверей, но везде было заперто. Он бы не утверждал наверняка – собственному мозгу веры больше не было, – но, кажется, из-за дверей доносились шумы: тихий стон, краткий всхлип, какие-то шорохи и шмыганье, словно там жили мыши. Винс думал, такие вот дома бывают только в других странах – а в этой ни за что. О таких вот домах читаешь в газетах – в таких домах у людей, которых ты знаешь почти всю жизнь, не может быть «дельце».

Откуда-то из глубин донесся мужской голос, и Винс сомнамбулой пошел по ниточке звука. Ниточка привела его к большой задней двери. Двойная дверь обвешана всевозможными засовами и замками, но обе створки распахнуты, а за ними бетонированный задний двор. Центральная фигура светового диптиха – Томми. Сердце у Винса оборвалось. Томми. Тот разговаривал со своей собакой, крупным ротвейлером Брутом – Винса эта псина пугала до полусмерти. Томми грузил Брута в свой «ниссан-навару». На пассажирском сиденье – русский мужик, у Томми работает. Вадим? Василий? Брутальнее Брута. Собака возбужденно вертелась, будто предвкушала охоту.

Винс вышел во двор. После вымораживающей тьмы яркое солнце ослепляло. Винс и забыл, что такое лето. Забыл, что такое дневной свет. Винс забыл все, кроме распухшего и лилового девичьего лица. Томми обернулся и сказал:

– Винс?

Смотрел при этом так, будто впервые видит и прикидывает, друг перед ним или враг.

Во рту пересохло, и Винсу не верилось, что удастся заговорить, но он все-таки проблеял:

– Там девушка. – Собственный голос был странным, точно прилетал издали, не изнутри. – Мертвая. По-моему, повесилась. То есть удавилась, – рассеянно поправился он, хотя ни за что не смог бы объяснить, с чего в такой момент вдруг залип на словоупотреблении.

Он ждал, что Томми в ответ логично разъяснит обстоятельства, в которых они тут оказались, но Томми ничего не разъяснял – только сверлил Винса глазами. Томми когда-то был боксером. Вероятно, умеет запугать противника еще до начала боя.

В конце концов Томми проворчал:

– Ты что тут забыл?

– Я со Стивом приехал, – выдавил Винс.

Это, по крайней мере, правда. Солнце слепило, точно Винсу в лицо жарили прожектором. Он вышел на сцену и догадался, что ошибся пьесой, не знает реплик.

– Стив! – заорал Томми не оборачиваясь.

Из-за угла старого сарая или, может, гаража появился Стив. Двор обступали какие-то развалюхи. Стив спешил и заметил Винса не сразу.

– Ну что такое? – спросил он. – А то хорошо бы тебе двигаться, Томми, она уже далеко успела убежать. Ты звонил Энди?

Томми в ответ молча указал подбородком на Винса.

– Винс! – сказал Стив, точно забыл о нем напрочь. – Винс, Винс, Винс, – тихонько повторил он, печально улыбаясь. Как ребенку, который его огорчил. – Я же просил подождать в машине. Тебе здесь не место.

А где тогда мне место? – не понял Винс.

– Что за дела? – рявкнул Томми Стиву.

– Не знаю, – ответил тот. – Давай спросим Винса.

Он подошел и одной рукой обхватил Винса за плечи. Винс подавил желание шарахнуть прочь.

– Винс? – спросил Стив.

Время словно застыло. Яркое солнце завязло в небе и не сдвинется больше никогда. Стив, Томми и Энди. Три мушкетера. Картинка сложилась. Вселенная хотела развлечься, и ей мало было того, что Винс потерял работу и дом, что его, господи боже, подозревают в убийстве жены. Нет, теперь еще надо показать ему, что его друзья (друзья *по гольфу*, тоже правда) причастны к... а к чему они тут причастны-то? Держат секс-рабынь? Торгуют женщинами? Они что – психопаты, серийные убийцы, ненароком узнали, что у них общие интересы – все трое, так совпало, любят убивать женщин? В эту минуту Винс готов был рассмотреть любую версию, даже самую бредовую.

Он и не понял, что высказал эти соображения вслух, пока Стив не ответил:

– Торговля – просто синоним покупки и продажи товаров. В Оксфордском словаре написано.

Винс почти не сомневался, что этому слову там есть и другие определения.

– Прибыль без убытков, – прибавил Стив. – Куча денег в банке, и всегда появятся еще. Знаешь, каково это?

Солнце ослепляло Винсу самый мозг. Он закрыл глаза и вдохнул жар.

Мир стал другим.

Все вдруг прояснилось. Ни в чем нет никакого смысла. Нет морали. Нет истины. Без толку спорить, если больше нет договоренностей о том, что хорошо, а что плохо. Решай сам. Выбирай любую сторону – что ни выберешь, божественной кары не последует. Ты один-одинешенек.

– Винс? – напомнил о себе Стив.

– Нет, – в конце концов ответил ему Винс. – Я не знаю, каково это. Вообще-то, наверное, неплохо.

Он внезапно расхохотался, отчего Стив вздрогнул и отдернул руку.

– Вот я подозревал – вы что-то мутите! – торжествующе объявил Винс. – Теперь все понятно. Скрытные вы сволочи, могли бы и меня взять. – Винс ухмыльнулся сначала Томми, потом Стиву. – Четвертому мушкетеру найдется место?

Стив хлопнул его по спине и сказал:

– Молодчага. Добро пожаловать. Я так и знал, что рано или поздно ты к нам придешь.

Электронные часы у кровати показывали пять утра. Можно и встать. Сегодня у Винса полно дел. Приятно для разнообразия обзавестись целью.

Заражение крови

– Кипперсов^[125].

– Что?

– Можешь сегодня заехать в «Форчунс» и купить кипперсов?

– Кипперсов?

– Да боже мой, Эндрю. Да, кипперсов. Я же не по-иностранному говорю. – (А эффект тот же.) – На завтрак. Пара в «Бискайском заливе» специально попросила на утро.

Энди вернулся домой в самом начале шестого – они с Томми всю ночь искали беглянку Жасмин. И не нашли. Куда она делась? Угодила в полицию, распустила язык, болтает про них? Энди надеялся войти в дом бесшумно, но жаворонок Рода уже встала.

– Ты где был?

– Прогулялся с утраца, – сблефовал он.

– Прогулялся? – усомнилась она.

– Да, прогулялся. Хочу себя в форму привести.

– Ты?

– Да, я, – терпеливо ответил он. – После смерти Венди я осознал, как драгоценна жизнь.

Яснее ясного, что она не верит ни единому слову. Энди ее не винил. И что такого в жизни драгоценного? Оторви да брось, бумажки да тряпье. Энди вспомнил Марию – застывшую, как игрушка, поломанную – не починить. Крохотную, как птичка, что прежде времени выпала из гнезда. Он сперва подумал, что она передознулась. Или ее слишком много лупили по лицу.

– Повесилась, сука тупая, – сказал Томми.

– Ты точно в море не выходил? – спросила Рода. – Ты как-то пахнешь... странно.

Я пахну смертью, подумал Энди. И отчаянием. Ему было страсть как жалко себя.

Они не только искали одну девицу – они еще пытались избавиться от другой.

– Другая слиняла, – сообщил Томми вечером, когда Энди прибыл в «Березки» с польками и узнал, что Мария наложила на себя руки.

– Жасмин?

– По барабану. Который час уже ищем – нифига. Давай-ка помогай. И отдохлой надо избавиться.

– От Марии.

У Энди в марине стояла лодочка – ничего такого особенного, тазик с мотором («Лотти»), на котором Энди иногда выходил порыбачить. Томми иногда составлял компанию – всякий раз надевал спасжилет, потому что не умел плавать. Что не красило его как мужчину, на взгляд Энди.

Под покровом темноты они погрузили Марию в «навару» Томми, а потом перетащили в «Лотти» и попыхтели в Северное море. Прилично удалившись от берега, подхватили Марию – Томми за плечи, Энди за ноги, вес воробьиный, – раскачали и бухнули за борт. Под луной она серебристо блеснула гибкой рыбой и исчезла.

Может, стоило привесить к ней что-нибудь тяжелое?

– Она же обратно всплывет, нет? – сказал Энди.

– Да небось, – ответил Томми, – но кого колышет? Очередная тайская шлюха под наркотой. Кому какое дело?

– Она была с Филиппин, не из Таиланда.

И ее звали Мария. Католичка, между прочим. Энди снял распятие с ее шейки, размотав то, что осталось от шарфа, на котором она повесилась. Спрятал в карман. Шарфик был тоненький, но задачу выполнил. Томми распилил его ножом «стэнли», но было поздно. Энди узнал шарф – Мария

купила вчера в «Праймарке», в Ньюкасле. словно целая жизнь с тех пор прошла – для Марии уж точно. Энди распутал обрывки шарфа на оконной решетке – нежно, как и подобает обращаться с реликвиями, – и воссоединил их с тем лоскутом, что уже лежал в кармане.

Когда Мария бултыхнулась в море, Энди бросил распятие следом и про себя вознес молитву. Краткий миг подумывал столкнуть за борт и Томми, но того спасет жилет. Удача – штука такая, ненадежная: наверняка Томми будет тут плескаться, пока не найдут спасатели или случайные рыбаки. Лотти тоже нашла бы, конечно, – ньюфаундленды под это и заточены: грести сильными лапами по волнам, вытаскивать на берег все подряд – людей, лодки. Лотти, впрочем, здесь нет – только Брут, псина Томми, спит в «наваре».

– Хитрый?

– А?

– Ты что-то замечтался. Разворачивайся давай.

Томми терялся в догадках, как девчонкам удалось выпутаться из пластиковых шнуров, которыми они были привязаны к койкам. И почему одна осталась, а другая бежала? – недоумевал Энди. Жасмин проснулась, увидела, что Мария покончила с собой, и убежала поэтому – или Мария покончила с собой, потому что Жасмин ее бросила? Уже, пожалуй, и не узнать.

Видимо, рассуждал Энди, Жасмин оказалась покрепче, хотя по виду и не скажешь. Что она будет делать? Он вспомнил, с какими счастливыми лицами девчонки смотрели «Без указки», как они восторженно визжали в супермаркете. Внезапно накатила яростная тошнота – цепляясь за борт, Энди выблевал нутро в Северное море.

– А я не знал, что у тебя морская болезнь, – сказал Томми.

– Съел, наверное, что-то не то.

И еще Винс!

– Блядь, Томми, это зачем? – спросил Энди, когда Томми изложил, что стряслось в «Березках», пока Энди не было.

Одна девчонка мертва, другая бежала, и тут Стив принимает в их ряды Винса Айвса. Полиция подозревает Винса в убийстве жены, Стив совсем уже? Винс привлечет к ним нежелательное внимание со всех сторон.

– Да ладно тебе, Винс не убивал Венди. Его на такое не хватит.

– А на *это* – хватит? – спросил Энди, когда они переваливали Марию за борт.

– Ну, я тоже не писаю кипятком, оттого что нас стало четверо, но если Винс теперь будет помалкивать... И Стив за него ручается.

– А, тогда, конечно, все путем, – саркастически заметил Энди. – Раз *Стив* ручается.

Только вылезли из лодки, позвонил Стив.

– Стив. Как дела?

– Энди, как у тебя? – (Ответа Стив никогда не дожидался.) – Я думаю, с учетом обстоятельств, девчонок лучше срочно вывозить – передислоцируемся в Миддлсбро. Сворачиваем операцию в «Березках».

Он так выражается – можно подумать, в армии служил. Можно подумать, он тут капитан, а они пехотинцы сраные.

Энди вообразил, как освобождает девушек – распахивает дверь, размыкает цепи рабства, а потом смотрит, как девушки бегут по цветущему лугу, точно дикие лошади.

– Энди, ты слушаешь?

– Да, Стив, извини. Первым же делом начнем погрузку.

Мир Крэнфорда

– Ты как? – спросил Соня. – Ты вечером пропустил представление.

– Баркли сердился? – спросил Гарри.

– Нет, мать, не сердился. Он не может сердиться, он вообще ничего не может – он мертвый.

– Мертвый?

– Как птица додо.

– Так, – сказал Гарри, пытаясь переварить эти неожиданные известия.

– Извини, что в лоб. Обширный инфаркт. Даже до больницы не доехал.

Новость потрясла Гарри, но не особо удивила. В конце концов, нельзя сказать, что Баркли был как огурчик, хотя все равно...

– Может, мне прибраться слегка в гримерной? – спросил Гарри, решительно не понимая, как действовать. Но когда люди умирают, другие люди поступают так, правильно? Слегка прибираются.

Помнится, когда погибла мать Гарри, ее сестра, с которой они почти никогда и не виделись, приехала разбирать материны вещи. Гарри хотел помочь тетке, но нестерпимо было смотреть, как на кровати растет гора материной одежды, как тетка бездушно роется в шкатулке с драгоценностями. («Ты посмотри на эти браслеты. Вкуса у нее особо не было, согласись?»)

Как-то все решили, что материны вещи Гарри не нужны. Может, у него поэтому так мало воспоминаний. К чужой истории нас привязывают вещи.

Заколка, туфля. Такой как бы талисман. (Слово, которое он выучил недавно, пост-Рискинфилд.) Сейчас до Гарри дошло, что тогда он видел сестру матери в последний раз. «Они не дружили», – сказал отец. А вдруг так будут говорить про Гарри и Каррину, когда они вырастут? Лучше бы нет. В мире Гарри было так мало людей, что он намеревался держать их всех как можно ближе. «Мир Гарри». Это что будет за аттракцион? Никаких вампиров, конечно, и пиратов тоже не надо – только куча книг, и пицца, и телик. А что еще? Кристал и Каррина. А мать? Долг велит воскресить ее в своем «Мире». А вдруг она тогда будет зомби? И как она поладит с Кристал? Гарри сообразил, что забыл посчитать отца. Как отец справится с двумя женами? И еще, конечно, есть Кулема – придется, видимо, выбирать между ней и Брутом. *Et tu, Brute*^[126], подумал Гарри. Он играл Порцию, жену Брута, у мисс Рискинфилд во «внегендерной» постановке «Юлия Цезаря». Эмили с наслаждением играла Цезаря. В душе она диктатор. Того и гляди без мыла влезет в его фантазийный «Мир». Гарри вполне сознавал, что рассудок у него потихоньку расшатывается.

– Ни в чем себе не отказывай, – сказал Соня, прервав эти размышления.

Например, в чем себе не отказывать? – не понял Гарри.

– У него не гримерка, а яма помойная.

К своему немалому стыду, Гарри сообразил, что о смерти Баркли уже успел забыть.

– Это точно, – согласился он. – Кто там будет после мистера Джека, тот не обрадуется. А уже нашли кого-нибудь?

– По слухам, хотят залучить Джима Дэвидсона^[127]. Но к дневному представлению не успеют. Твой покорный закроет амбразуру. Гвоздем программы буду, а, мать?

А раньше Соня бывал гвоздем программы?

– Ой, да, но, знаешь, говенные кабаре, говенные гей-клубы, говенные девичники. А теперь – та-даам! – говенные «Чертоги».

– Лучше, пожалуй, так, чем умереть, – сказал Гарри.

– Необязательно, мать. Необязательно.

В гримерной пахло табаком, хотя курить в театре строго запрещалось, а в одном из ящиков туалетного столика Гарри нашел забитую окурками пепельницу – пожароопасность в худшем виде. Полупустая бутылка джина собственной марки супермаркета «Лидл» спрятаться даже не пыталась. Гарри глотнул в надежде, что джин либо взбодрит его, либо успокоит – либо то, либо это, он сам не понимал, как себя чувствует. Он никогда не употреблял наркотики, разве что тяжку-другую чужого косяка на

вечеринке (и его мутило), но теперь понимал, отчего столько народу в школе что-нибудь да употребляет – не Гермiony, впрочем, эти к «злоупотреблению веществами» относились пуритански, как и ко всему прочему. Сейчас Гарри отчаянно хотелось чем-нибудь замазать воспоминания о прошедших сутках.

От вчерашних походов с Пинки и Приколом голова шла кругом. А теперь, после внезапной смерти Баркли сразу после похищения Гарри, все стало неопределенным и скользким, словно мир слегка перекосялся. То и дело в голове вспыхивали картины вчерашнего ужаса. *Блядь, да знаю я, как тебя зовут.* Во рту до сих пор тошнотворный вкус «Айрн-брю». В следующий раз, когда Гарри услышит «Отпусти», у него, вполне вероятно, взорвется голова. Это, наверное, ПТСР какой-нибудь. И никто даже не попытался внятно объяснить, что это было, почему двое весьма неприятных людей выдернули Гарри и его сестру из их жизни и держали под замком в старом трейлере. Ради чего? Ради денег? Они требовали у Кристал или у отца выкуп? А если так, сколько стоят Гарри и Каррина, интересно знать? Или, говоря точнее, сколько стоит Каррина? («Бесценные – вы оба бесценные», – сказала Кристал.) Почему никто не вызвал полицию? И *что* за человек тусил с Кристал?

Неравнодушный очевидец, сказал он. *Я помогал твоей мачехе вас искать.*

Ты сам себя нашел, сказала Кристал. Говоря строго, нашел его человек в серебристой машине («Залезай, Гарри»), но понятно, про что она. Их попытаются похитить снова? А что будет с Карриной, если заберут только ее и некому будет делать вид, что все это – просто невинная игра? Некому рассказать ей про Золушку и про Красную Шапочку и все прочие сказки, которыми Гарри развлекал вчера сестру. Некому устроить «долго и счастливо» в конце.

Гарри сел на табурет и уставился в зеркало. Странно, что Баркли был здесь вчера, сидел за этим самым туалетным столиком, смотрел в это самое зеркало, обмазываясь базой, а теперь зеркало опустело, что похоже на название романа Агаты Кристи. На посту в «Мире Трансильвании» прошлым летом Гарри прочел их все.

Он решил, что совсем на себя не похож. Зато отражение у него *есть*, что утешительно. Он не Баркли – он хотя бы не живой мертвец.

У Джексона Броуди была собака – старая лабрадорша с мягкими ушами. Гарри не понял, отчего эта собака вдруг пришла на ум – видимо, по ассоциации с Брутом и Кулемой, – и еще загадочнее, отчего при мысли о старой лабрадорше он ни с того ни с сего разрыдался.

В этот самый миг фокусник просунул голову в дверь.

– Господи, Гарри, – сказал он. – Я и не знал, что ты к этой паскуде так проникся. Ты как? – буркнул он. – Позвать девчонок?

– Нет. Спасибо, – прохныкал Гарри. – Я нормально. Вчера был плохой день.

– Добро пожаловать в *мой* мир.

Фокусник, видимо, сходил и позвал Соню: тот мигом явился утешать, встревоженный и вооруженный кружкой чаю и вафлей в шоколаде.

– Пошли ко мне, мась, хочешь? Поможешь мне с костюмами. Кучу блесков надо заменить. Вечно отваливаются. Я иногда как будто потею блеском. Шоу-бизнес, одно слово.

Тонто

В «Горней гавани» не видать ни Белоснежки, ни ее матушки-ниндзя. Весь дом вымер – или как будто вымер. «Эвока», естественно, тоже нет. Полиции Кристал избегает – интересно, сообщила ли, что машину украли? «Эвок», наверное, валяется где-нибудь в поле, выгорел дотла. Вероятно, у Холройдов найдутся и другие машины. На территории два больших гаража – перестроены, похоже, из конюшен, оба заперты и непроницаемы.

Осталось ветхое строение, не поддавшееся переделкам, – сарай или, может, прачечная: в углу стоял старый медный бойлер, который не разжигали десятилетиями. Все заросло паутиной, а на стене кто-то мелом написал «Бэт-пещера» и нарисовал летучую мышь-вампира, в плаще а-ля Дракула и с плакатом «Отвалите от блядских летучих мышей». Подпись – «ГХ», из чего Джексон сделал вывод, что рисовал Гарри. И неплохо – у мальчика талант.

Занятный пацан – старше Натана, но в некотором смысле скорее ребенок. («Для своих лет слишком юный, – сказала Кристал. – Но и слишком взрослый».) Натан полагал себя крутым – Гарри явно не из таких.

Отнюдь не сразу до Джексона дошло, что рисунок указывает на реальных летучих мышей. Задрал голову к стропилам, он различил тесное гнездовье крохотных серых тел – точно пыльная постирушка на веревке висит. Сосать у Джексона кровь они вроде не планировали, так что он от них отвалил.

Где Гарри? С Кристал? Летучие мыши выудили из памяти дракулье заведение на набережной. Джексон еще удивлялся, почему Кристал оставила Гарри с вампирами – вошла с ней, вышла без нее, – но потом

Кристал объяснила, что там работает Гарри.

«Мир Трансильвании» – вот как называлось заведение. «ВЗБУДОРАЖИМ СТРАШНЫМ АНТУРАЖЕМ». Не слоган, а фигня какая-то. Джексон вчера проследил за Кристал до дверей.

А Гарри в безопасности? (А хоть кто-нибудь на свете?) За ним приглядывают? Отвалили от него?

На дверях мужественно дежурила девушка – хотя это, наверное, противоречие в терминах. На вид надменная – пожалуй, могла бы и возразить, если бы к ее работе применили такое наречие. Она сидела, уткнувшись носом в «Улисса». («Девушка, которая уткнулась носом в книгу» – еще один скандинавский детектив, который Джексону неохота читать.) Джексон как-то раз открыл «Улисса» и заглянул внутрь – а это совсем не то же самое, что прочесть. Гарри с головой ныряет в книги, сказала вчера Кристал, когда Джексон спросил: «Ладно, а Гарри – он какой?» – рассчитывая прикинуть, как у мальчика обстоят дела с инстинктом выживания. Чтобы Натана, как вот Гарри и его друзей, поглощали книги – нет, без шансов. Натан к книге и близко не подойдет без содрогания. Переведенную и упрощенную версию «Одиссеи», которую ему полагалось прочитать, он особо и не открывал. Одиссей и Улисс – это ведь один человек? Обычный человек, пытается вернуться домой.

А девушка, которая читает «Улисса», знает, где Гарри Холройд?

– Гарри? – переспросила она, извлекая нос (тоже довольно высокомерный) из книги и меряя Джексона подозрительным взглядом.

– Да, Гарри, – не сдал позиций Джексон.

– А вы кто такой?

Вот тебе и воспитание.

– Друг его мачехи. Кристал.

Девушка эдак занятно надула губы – видимо, имея в виду, что эти сведения ее не убеждают, – однако местонахождение Гарри нехотя сообщила:

– У него дневное шоу в «Чертогах».

Гарри выступает на сцене? А, правильно – вчера, перед тем как включился сценарий «светопреставление», Гарри с сестрой и мачехой выходили из театра.

– Спасибо.

– Вы точно не хотите билет в Трансильванию? – спросила девушка. – «Взбудоражим страшным антуражем», – с непроницаемым лицом прибавила она.

- Спасибо, этот мир и без того довольно страшен, – ответил Джексон.
- И не говорите. Прямо Дикий Запад, – буркнула девушка, снова уткнувшись носом в книгу.

Древо познания

Когда они распутали события дня, час уже был до того поздний, что Кристал предложила Джексону Броуди заночевать в «Горней гавани». Дорогой односолодовый виски Томми тоже, конечно, сыграл роль. Оба пили по-любительски, виски быстро сделал свое дело, временно заглушил травму похищения, после чего оба они плюс собака Броуди зашаркали наверх, точно зомби, и расползлись по постелям.

Томми приехал домой спозаранку. Кристал разбудил знакомый гул «навары», свернувшей на подъездную дорогу, и она послушала, как открывается и закрывается дверь гаража, а затем Томми чем-то грохочет внизу – бог его знает, что он там делал. Все затихло, а потом он вдруг возник у постели – Кристал почувствовала, как он тщетно старается ходить потише, – и поцеловал ее в лоб. Он пахнул, как обычно пахнет после выходов в море на лодке Энди Брэга, – соляровкой и соленым, водорослями, что ли. Кристал пробормотала «доброе утро», делая вид, что спит, и он прошептал:

– У меня сегодня кое-какие дела. Увидимся, киса.

А каково ему будет, если он узнает, что в одной из гостевых спален, с глаз подальше, спит чужой мужчина и его собака? Джексон Броуди, разумеется, некомпетентен во всех вопросах, но когда он в доме, Кристал спокойнее, хотя ему она бы ни за что не призналась.

Некогда Томми был для нее решением проблемы. А теперь стал проблемой. *Ты была до Томми*, сказала Фи. Томми не знал, что у них с Кристал общая юность. Забавно – в смысле «странно», а не в смысле «смешно», как сказал бы Гарри, – если в те дурные прежние времена их дорожки на миг почти пересеклись, скользнули друг мимо друга, точно раздвижные двери. Один вошел в эту жизнь, другая вышла. Может, Томми и в Бридлингтон приехал тем же поездом, на котором уехала она. Может, они даже миновали друг друга на платформе – он весь такой дерзкий, только что получил работу у Бассани, а она с дешевой сумкой «Мисс Селфридж», набитой грязными деньгами Кармоди. Кристал бежала от прошлого, где были Бассани и Кармоди, Томми бежал к грядущему, где они будут. Тут, впрочем, Кристал вспомнила, как он говорил, что купил

себе первый мотоцикл в семнадцать. *Мои первые колеса*. А сейчас-то посмотрите на него. Сплошь колеса. И все крутятся и крутятся, колесо в колесе^[128].

Кристал вспомнила этот его второй телефон. *Свежий ассортимент в порту в 4:00. Новая партия едет в Хаддерсфилд. Выгрузку в Шеффилде закончил, босс. Все путем.*

Грузоперевозки, сказала Фи. *Можно, конечно, и так назвать.*

Грузовики вообще ни при чем, и их груз тоже. Томми торговал не этим.

Что хуже – стародавний режим насилия и манипуляций у Бассани и Кармоди или хладнокровная ложь «Андерсона, Прайса и партнеров»? Те же яйца. Две стороны монеты. Полезное с приятным. Томми, Энди, Стивен Меллорс – все они работали на Бассани и Кармоди уже после того, как поезд увез оттуда Кристал. Томми пришел молодым, сам был почти пацан. И поэтому не так виновен? У Бассани и Кармоди он был бойцом, умел надавить на людей, чтоб не залупались, следил, чтоб у больших шишек наверху дела шли гладко. А теперь он сам большая шишка наверху, и какая уж тут невиновность?

Кристал услышала, как Томми уехал – на сей раз, судя по звуку, на «С-классе». Мужчина сменил лошадей и поскакал дальше. Дом опять погрузился в сон, но Кристал в его стенах не спалось. «Горняя гавань». Тихая гавань, бухта, где всегда штиль. Теперь не так.

Вот ведь придурок, а? Она же его на камерах видит – он что, не понимает? Джексон Броуди что-то вынюхивал в окрестностях дома. Даже заглянул в старую прачечную. Бог его знает, чем он там занимался, но лучше бы не трогал летучих мышей – Гарри очень расстроится. Гарри проснулся поздно и объявил, что днем пойдет в театр, хотя от мысли о том, что он будет где-то шляться, Кристал потряхивало.

– Как войдешь, не выходи, – велела она. – Пусть этот здоровый транс за тобой присмотрит.

– По-моему, он не транс, – сказал Гарри.

– Да неважно. Я потом приеду и тебя заберу.

Она подвезла его до остановки и посадила на автобус, а потом на телефоне следила, как он едет. Гарри удивился, вновь повстречавшись со своим телефоном, и еще больше удивился, узнав, что телефон без него прокатился на мыс Флэмборо.

– Что это были за люди? – нахмурился он, когда они ждали автобуса.

– Не знаю, – ответила Кристал. – Я думаю, может, они обознались.

– А почему ты не вызвала полицию?

– Так не понадобилось же? Смотри, вот и автобус.

Когда Гарри надежно устроился на втором этаже и автобус поплыл прочь, Кристал подняла Карри повыше, чтоб помахала брату. Гарри не дурак, он будет задавать вопросы снова, и снова, и снова. Может, стоит рассказать ему всю правду. До того новый для Кристал подход, что она еще некоторое время простояла, глядя вслед автобусу, который уже исчез.

А вот и Джексон Броуди вернулся – и вновь звонит в дверь. Кристал посмотрела на крупный план его лица на экранчике домофона. Какой-то все же подозрительный у него видок. Джексон Броуди хочет помочь, но только осложняет дело. В основном потому, что он, как и Гарри, снова, и снова, и снова задает вопросы.

Утром Кристал по-быстрому выперла Джексона Броуди за дверь, но ясно было, что он теперь как собака с костью, челюстей не разожмет; и точно, Кристал не ошиблась, он опять явился и что-то вынюхивает – можно подумать, она там за сараями прячется.

В конце концов он сдался, и Кристал послушала, как он уезжает, – вот теперь можно и планы строить. Дел сегодня по горло.

Актеры, на выход!

Черно-желтая полицейская лента, обвившая «Сойдетитак», никуда не делась, но местами провисала, болталась и хлопала как живая. От дома веяло опустошением, будто он пустовал не считанные дни, а годами.

С утра Винсу полагалось явиться в полицию на очередной допрос. Может, сегодня его планировали арестовать. Инспектор Марриот огорчится, если Винс не придет, но ему есть чем заняться.

Полицейских в доме не наблюдалось, и Винс отпер дверь своим ключом. Точно грабитель, право слово, хотя дом по-прежнему его, по крайней мере наполовину, а поскольку владелицу другой половины убили, когда она, владелица, еще была, говоря строго, за Винсом замужем, он теперь, видимо, владеет домом единолично. При разделе имущества Винсу предстояло отдать свою половину Венди.

– М-м, – сказал вчера Стив по дороге в отдел полиции (с тех пор как будто *годы* прошли!), – согласишься, выглядит подозрительно – что Венди умирает прямо перед тем, как ты теряешь дом, и полпенсии, и сбережения.

По бракоразводному соглашению, которое составил ты, подумал Винс. Поди пойми, как Стиву удалось добиться таких успехов, – адвокат-то он

довольно хреновый. Да только теперь все понятно, верно? Теперь Винс знает, как Стив зарабатывал свое благосостояние. («Куча денег в банке, и всегда появятся еще. Знаешь, каково это?»)»

Ключи от «хонды» Венди так и висели в коридоре возле уродского барометра, свадебного подарка от одного из ее родственников, – прогноз неизменно и неумолимо гласил: «Сушь». Что может быть хуже, чем на свадьбу подарить барометр? Разве что подарить барометр, который не работает. «Может, он работает, – несколько недель назад сказала Венди. – Может, это барометр нашего брака». Пока составлялись бракоразводные бумаги, Венди переживала особо желчный период и без устали бомбардировала Винса заявлениями о разделе семейного имущества, где «раздел» означал, что Венди получит все, а Винс ничего. С тех пор как Венди заехали по башке клюшкой Винса, жалоб ни ползвука.

– Признайся, Винс, – сказал Стив, – что она тебя провоцировала. Вполне понятно, что ты готов был ее убить.

Стив тут кто – свидетель обвинения? Венди пререкалась из-за того, кому достанется собака, а барометр ее не прельщал. «Забирай», – сказала она, вся такая щедрая. *Давай договоримся, Винс: мне собаку, тебе барометр.* Нет, на самом деле она этого не говорила – но могла. Надо бы забрать Светика. Он же не понимает, что творится. И Эшли, понятно, тоже. От нее по-прежнему ни слова. Где она? Как она? Все возится с орангутанами?

Эшли вернется сюда, в дом своего детства, а тут совершили убийство. Надо оставить ей записку – вдруг Винса не будет. Он выдрал листок из блокнота у телефона и нацарапал послание для дочери. Прислонил к бонсаю. Деревце успело подрасти – освободилось от смирительной рубашки своей тюремщицы.

Машина Венди стояла в гараже. Тропинка вела мимо газона, и Винс приклеился к нему взглядом. Здесь она умерла. Убегала, наверное, спасалась от убийцы. Чуть ли не впервые он постиг, что эта смерть реальна. Времени после убийства прошло всего ничего (Винс потерял счет), но трава тоже выросла – Венди бы такого не потерпела.

В гараже Винс отыскал маленькую стремянку, обитавшую на настенном крючке, и подставил ее под балку. Если б кто увидел, решил бы, что Винс намерен повеситься. Перед глазами промелькнуло лицо девушки из «Белых березок», и Винс рискованно зашатался, но не упал, выпрямился, ладонью провел по грязной балке сверху. В ладонь впилась заноза, но Винс шарил, пока не нашел искомое.

Он сел в машину, завел двигатель и задом выехал с дорожки. Теперь за

рулем я, подумал он. Засмеялся. Понимал, что смеется как маньяк, но слушать-то некому. И надо же – он помнил, как ехать в «Белые березки».

Приехав, бесстрашно устремился внутрь. У него была цель. Первым он увидел Энди. Тот вытаращился в ужасе.

– Винс? – сказал Энди. – Блядь, Винс, ты чего? Винс?

Порой ты лобовое стекло

По пути в «Березки» Энди купил запрошенных кипперсов. Жрать хотелось ужасно, он не помнил, когда в последний раз ел, и все же пока не настолько проголодался, чтоб жевать кипперсы. Их вообще едят просто так? Типа странные такие суси.

Энди уговорился встретиться здесь с Томми – отсюда было видно, как «мерседес» сворачивает на дорожку. При парковке Томми не церемонился. «Березки» объял штиль после шторма. Проблема исчезнувшей Жасмин никуда не делась, но в остальном люки вроде бы надежно задраены и лодка готова к списанию. Раз надо перевозить девушек и закрывать лавочку, нужны Василий и Джейсон, но их машин что-то не видать.

Внутри и снаружи стояла тишина. И удушающая жара, словно хорошая погода последних дней вошла, и застряла, и застоялась, и воздух почти осязаемо сгустился. Тишина гробовая – в такой обстановочке Энди уже становилось не по себе. В палатах на первом этаже ни души. Где Томми? Где Василий с Джейсоном? И где, кстати, девчонки?

А вот и... нет, не Томми, а Винс. Винс целеустремленно надвигался по коридору, целя в Энди из пистолета. Из пистолета! Винс!

– Винс? – сказал Энди. Винс наступал. – Блядь, Винс, ты чего? Винс?

Без малейшего предупреждения Винс нажал спуск. Выстрел отбросил Энди назад – изобразив комическое сальто, взмахнув руками и ногами, Энди отлетел и плюхнулся на пол. Его подстрелили. Его, сука, подстрелили. Энди заверещал, как кролик в агонии.

– Ты в меня попал, блядь! – заорал он на Винса.

Винс придержал шаг, бесстрастно глядя на Энди, и снова двинулся вперед – он по-прежнему наступал, и на лице его застыла эта безумная гримаса. Энди еле встал и заковылял прочь, невзирая на жгучую боль в... в чем? Легком? Желудке? *Сердце?* Энди, оказывается, ни черта не смыслит в собственной анатомии. Сейчас наверстывать как-то поздновато. На топливе чистейшего страха он шатко протащился по коридору, пару раз врезался в стенки, свернул в другой коридор и заволок себя вверх по лестнице, всю дорогу ожидая града пуль в спину, который его и прикончит. Града пуль не случилось, хвала небесам, и теперь Энди прятался в одной из палат. В палате, где, к его удивлению (хотя, если надо удивить человека, ничего нет лучше выстрела в упор), обнаружили все девушки. Видимо, Томми согнал их сюда, как скот, чтобы потом проще было перевозить.

Девушки по-прежнему были скручены пластиковыми шнурами и пребывали более или менее в летаргии, что хорошо, поскольку теперь-то охота шла на Энди, да? Хитрый лис спрятался в нору. Будь девушки в себе, набросились бы на него сворой гончих и разорвали на куски.

Под окном бок о бок съежились две вчерашние польки. Старые знакомицы, можно сказать, но вряд ли помогут, если попросить. Одна полька, Надя, приподняла отяжелевшие веки и невидяще воззрилась на Энди. Зрачки – гигантские черные дыры. Того и гляди затянут и проглотят Энди целиком – ужас.

– Моя сестра? – прошептала она. – Катя?

На что он сказал:

– Да-да, лапушка, рядом с тобой лежит.

Надя что-то пробормотала по-польски и опять уснула.

Энди достал телефон – очень медленно, стараясь отрешиться от невыносимой боли, – и набрал Томми. Мобильные в «Березках» ловили отвратительно. Может, потому, что стены толстые? Наверняка в таких вещах разбирается Винс. Томми не ответил. Энди позвонил Стиву и попал на голосовую почту. (А что, уже никто никогда не подходит к телефону?)

– Стив, Стив, – нервно зашептал Энди. – Ты где? Приезжай в «Березки». Срочно. Винс спятил. У него *пистолет*. Он меня *подстрелил*. Приезжай, а? И найди Василия и Джейсона.

Энди поставил телефон на беззвучный режим – он насмотрелся фильмов ужасов и знал, что телефон всегда оглушительно звонит, выдавая тебя, как раз когда обезумевший убийца уже решает бросить охоту. Винс жаждет крови. Господи, кто бы мог подумать? Венди, наверное, могла. Рода права – небось Винс и жену свою кокнул. А они, выходит, играли в гольф с кровожадным психопатом. У которого вдобавок херовый гандикап.

Где-то взревел двигатель – Энди умудрился добраться до окна и успел увидеть, как «мерседес» Томми хрустит гравием, разгоняется и исчезает за поворотом. Наверняка же услышал выстрел, гад? И бросил Энди помирать. Вот тебе и дружба.

Прямо видно, как кровь утекает из дырки в боку, точно из незакрытого горлышка масляного бака. Заткнуть нечем... но тут Энди вспомнил, что в кармане так и лежат лоскутья шарфа. Он добыл их не без труда – от малейшего движения боль адская – и прижал к ране. Жалко, что распятие себе не оставил. За свою жизнь Энди успел забыть о Боге. А Бог о нем тоже забыл? Без Его воли не упадет на землю ни одна малая птица^[129], да? А с крысами у Него как?

Телефон сердито завибрировал, и на экран всплыла невозмутимая

морда Лотти. Вот хорошо бы, чтоб звонила и вправду Лотти, – от нее сейчас пользы больше, чем от Роды, и уж точно она бы хоть посочувствовала, объясни ей Энди свои текущие затруднения. («Тебя подстрелили? Винс Айвс? Потому что ты торгуешь женщинами? Потому что умерла девушка? Что ж, удачи тебе, Эндрю».)

Разговор пробудил Катю от апатии. Катя забормотала по-польски, Энди прошептал:

– Спи-спи, лапушка, – и удивился, когда она послушно закрыла глаза.

– С кем ты там разговариваешь? – рявкнула Рода.

Он сдвинул руку с телефоном, и боль ударом молнии прошла все тело. В детстве, когда Энди было больно, мать его не утешала – она его корила. («Нечего было прыгать со стены, Эндрю, – тогда бы и руку не сломал».) Если б мать целовала его и обнимала, жизнь его, может, сложилась бы иначе. Эндрю тихонько захныкал.

– Это ты там ноешь? – спросила Рода. – Ты что вообще делаешь? Не забыл про кипперсы? Ты меня слушаешь? Эндрю?

– Да, слушаю, – вздохнул он. – Кипперсы я купил, не волнуйся. Скоро буду дома. – (В трупном мешке, вероятнее всего, прибавил он про себя.) – Пока, любимая.

Возможно, это его последние слова Роде. Надо было рассказать, где спрятано бабло. Не видать теперь Роде пинья-колады у бассейна. Вот она удивится, узнав, где закончилась его жизнь. Или не удивится. С ней не поймешь – в этом смысле у них с Лотти много общего.

Либо Энди тут помрет, либо постарается найти помощь – его, конечно, может добить Винс, но тогда Энди помрет по-любому. Сидеть и ждать, когда тебя убьют, – так себе вариант, и сквозь боль, дюйм за дюймом, Энди гусеницей пополз к двери. Он думал про Марию и Жасмин. Одна осталась, другая слиняла. Жалко, что не слиняли обе. Жалко, что нельзя отмотать время вспять, к Ангелу Севера, к квартире в Кисайде, к аэропорту, самолету, к той минуте, когда они науглили «кадровые агентства Великобритании» или как они отыскиали «Андерсона, Прайса и партнеров». Жалко, что они не сидят, не потеют над швейными машинками в Маниле, не сострачивают джинсы «Гэп», грезя о прекрасной британской жизни.

Его мучительно медленному продвижению к двери помешали польки. Пришлось переползать через них, и Энди безостановочно бубнил извинения.

– Прости, лапушка, – сказал он, когда снова проснулась Надя.

Та с трудом села – глаза у нее больше не походили на черные дыры. Зрачки сузились до булавочного острия и вот-вот пронзят Энди самую

душу. Надя посмотрела на него и нахмурилась:

– Тебя стреляли?

– Ага, – подтвердил он. – На то похоже.

– Из пистолета?

– Ага.

– Где он? Где пистолет?

Сойдетитак

Девятимиллиметровый браунинг, личное оружие армейского образца, несколько лет назад заменили на Glock. *Корпус связи. В прошлой жизни.* Так сказал Винс Айвс в тот день, когда они вместе грохнулись с обрыва. Должно быть, контрабандой привез пистолет домой – должно быть, на армейском транспорте, возвращаясь с последнего задания. У Джексона были знакомые, которые так поступали, – хотели сохранить скорее как сувенир, чем как оружие. Напоминание о том, что некогда ты был солдатом. Всех мучило подозрение – и, увы, впоследствии оно обычно подтверждалось, – что, уходя со службы, оставляешь позади лучшие дни своей жизни.

Винс упоминал Косово. Или Боснию? Джексон забыл. А жаль, потому что в ходе текущей беседы пригодилось бы. Одно дело – уговаривать человека не прыгать с обрыва, совсем другое – убеждать его опустить пистолет, из которого он в тебя целит, особенно если глаза у него бешеные, как у спугнутой лошади.

– Винс, – сказал Джексон, покорно задрал руки, – это я, Джексон. Вы мне звонили.

Позвоните, если нужно будет поговорить. Если последствия таковы, может, впредь не стоит так щедро разбрасываться визитками.

С полчаса назад был панический звонок – исковерканный голос Винса пробулькал в трубку маршрутные инструкции и сказал, что он в беде – или что случилась беда, Джексон не понял. То и другое, наверное. Ну что опять? У Винса нервный срыв, он стоит над обрывом, хочет прыгнуть? Или его задержали за убийство жены. Джексон никак не ожидал, что у мужика будет пистолет и что пистолетом этим он будет целить прямехонько в незримую мишень Джексонова сердца. «Пушка зверская и сама по себе», – сказал вчера Джексон этому Сэму / Максу / Мэтту, который играет Балкера. Вот не то слово.

Джексона посетило неприятное видение – он лежит на столе в морге, а Джулия взвешивает на ладони его сердце. «Здоровый мужчина. Никаких симптомов сердечных заболеваний». Если верить ясновидящей с набережной, его будущее у него в руках. Да где там: его будущее – в руках Винса Айвса.

– Извините, – сказал тот, опуская руку с пистолетом и краснея: совесть, значит, все-таки есть у человека. – Не хотел пугать.

– Это ничего, Винс, – сказал Джексон.

Не нервнируем мужика, пусть сосредоточится. Надо забрать у него пистолет.

– Ужас, – сказал Винс.

– Да, но все будет хорошо, – утешил Джексон. – Все можно исправить, – (клише из «Балкера»), – только бросьте оружие.

Джексон поворошил память в поисках подходящей выдержки из какого-нибудь кантри или даже другой полезной цитаты из «Балкера», но Винс досадливо ответил:

– Да нет, не я, не со мной ужас. А здесь. То, что здесь творится.

– А что здесь творится?

– Сами гляньте.

Винс провел Джексону экскурсию по первому этажу – палаты камерного типа, матрасы в пятнах, смрад отчаяния. Держался Винс отрешенно, как бесстрастный риелтор. Джексон подозревал, что у Винса шок.

От природы безмятежная Дидона, которая зашла в «Белые березки» вместе с Джексоном, – собаки умирают в перегретых «тойотах» и все такое – дергалась, как взвинченный пес-одоролог. Джексон решил привязать ее в вестибюле. Она уже насмотрелась, а все, что тут происходит, – не ее собачье дело.

Когда Джексон вернулся, Винс в глубокой задумчивости стоял посреди одной палаты. Здесь, сказал он, вчера была мертвая девушка. А теперь никакой нет, ни живой, ни мертвой. Вообще нет девушек. Джексон уже подозревал, что все это – плод Винсова перевозбужденного воображения.

– Может, их перевезли, – сказал Винс. – Одна убежала – они, наверное, боятся, что она расскажет, где была. Все равно девушки у них тут надолго не задерживаются.

У них? У «Андерсона, Прайса и партнеров», пояснил Винс. Нет никакого Андерсона и никакого Прайса, это компания его знакомых.

– Друзей, – угрюмо пояснил он. – Томми, Энди и Стив.

Словно ведущих детской телепрограммы перечисляет, подумал Джексон, но тут серые клеточки завибрировали антеннами.

– Часом, не Томми Холройд? Муж Кристал?

– Он, – ответил Винс. – Кристал заслуживает чего получше. Вы ее знаете? Знакомы?

– Ну как бы.

– Томми Холройд, Энди Брэгг, Стив Меллорс, – сказал Винс. – Три

мушкетера, – язвительно прибавил он.

– Стив Меллорс? Стивен Меллорс? Юрист из Лидса?

– Вы и его знаете? – насторожился Винс. – Вы с ними, случайно, не в сговоре?

Джексон отметил, что Винс крепче стиснул пистолет. Это он для форсу? Да блин, он же служил в Корпусе связи – он хоть раз стрелял в боевой обстановке? И, что важнее, ему хватит духу хладнокровно выстрелить в человека?

– Господи, да нет, – сказал Джексон. – Успокойтесь, а? Просто совпадение. Он мне иногда подбрасывает работу. Я проверяю ему информацию.

Не сказать, что Джексон удивился. Граница между законом и беззаконием тонка, а Стивен Меллорс из тех, кто успешно ее седлат.

– Ничего себе совпадение, – буркнул Винс.

Так-то да. Нелепейший образчик, даже в череде совпадений длиной в жизнь. Может, Джексона и впрямь затянули в этот адский заговор, а он ни сном ни духом? Впрочем, как нередко напоминала Джулия, ему не нужно искать бед на свою голову – беды прекрасно находят его сами.

– А сейчас они где? – спросил он Винса. – Томми, Энди и Стив?

– Где Стив, не знаю. Томми только что уехал, я видел. Энди где-то здесь. Вряд ли ушел далеко. Я его подстрелил.

– Вы его *подстрелили*?

– Ну да.

Не для форсу, значит.

– Винс, мне будет гораздо лучше, если вы уберете пистолет.

– Честно говоря, мне будет гораздо лучше, если не уберу.

Шагая по коридору, Джексон местами видел на стенах кровь, а на лестнице заметил кровавый отпечаток – едва ли добрый знак. В детском саду у Марли дети смастерили дерево, повесили на стенку. Вместо листьев на дереве росли отпечатки детских ладоней, зеленой краской разных оттенков, и учительница мисс Картер подписала их именами. Назвала все это «Древо жизни». Интересно, помнит ли Марли. Она была ветвью древа жизни Джексона. А теперь растит собственное дерево – пускает корни, отращивает ветки. В этом дремучем лесу метафор Джексон что-то заплутал.

Все деревья и метафоры выветрились из головы без следа, едва Винс открыл дверь в одну из палат. Вот они где. Женщины. Джексон насчитал семь, в аварийном состоянии разной степени – все обдолбаны по самое не могу, у всех руки скручены пластиковыми шнурами. Воздух железисто

пахнул свежей кровью. Словно в прихожую скотобойни зашел.

– Винс, я звоню спасателям, ладно? – сказал Джексон.

Пушкой человек с пушкой считает, что командует здесь он. Поскольку так, будем честны, дело и обстоит.

– Только в полицию не надо, – сказал Винс.

– Без полиции тут никуда. Я уже насчитал три особо тяжких – и это минус человек, в которого вы стреляли.

Вот уже сутки Джексон только и делает, что (безуспешно) уговаривает разных людей взяться за ладошки длинных рук закона.

– Никакой полиции, – невозмутимо сказал Винс. – Я прослежу.

«Я прослежу»? Это что значит? – недоумевал Джексон, трижды подряд нажимая девятку на телефоне.

– Здесь не ловит, – сообщил он Винсу и предъявил телефон – смотрите, мол. – Я выйду в коридор, хорошо?

Не хватало только, чтобы спасатели угодили тут в засаду. Одного человека Винс уже подстрелил – кто поручится, что он не готов продолжить? А если он выберет классический сценарий «убийство / самоубийство» в ореоле гнева и, как полагается камикадзе, прихватит с собою всех, кто под руку подвернется?

Пряча телефон в ладонях, чтобы приглушить разговор, Джексон продиктовал диспетчеру номер своего прежнего удостоверения и понадеялся, что проверять никто не будет. Прикидываться полицейским – преступление, но вокруг, куда ни плюнь, творились деяния, которые в преступной иерархии располагались гораздо выше. Увы, голос диспетчера в трубке стал прерываться, растворился в эфире, а Джексона раскрыли: подошел Винс.

– Вы же не вызвали полицию? – спросил он и пушкой указал на дверь в палату, словно уличное движение регулировал.

– Нет, – правдиво ответил Джексон. – Не вызвал.

Со своим верным «лэзерменом» он обошел девушек, по очереди перерезая им шнуры. Девушки шарахались и от него, и от ножа, а он твердил:

– Все хорошо, я полицейский, – что вроде как должно обнадеживать больше, чем то же самое, но в прошедшем времени, хотя девушкам без разницы – английский у всех неродной.

В конце концов их успокоил его тон. Джексон проверил, все ли целы. В основном синяки – такие появляются, если человека бить. Джексон подумал про Кристал Холройд, про то, как ее лупили вчера. До сих пор вздрагивал при одном воспоминании. Не может быть, что она знала об

этом заведении, знала, чем Томми зарабатывает, чем оплачивает благополучие, какое было ей неизвестно до встречи с ним. Хотелось верить, что она из праведных.

Винс между делом сунул пистолет в кобуру, а кобуру запихал под ремень на спине и теперь отпаивал девушек водой, шепча:

– Уже все хорошо, не бойтесь.

Джексон взглядом ощупал пистолет. Как у Винса реакция? Готов он по правде пристрелить Джексона? Вряд ли – вон как он нежен с девушками, – но готов ли Джексон рисковать?

Они работали, как санитары на поле брани, – быстро и четко. Палата и впрямь смахивала на зону военных действий. Здесь разворачивался очередной бой в войне против женщин.

Сказка стара как мир. Какой-то Дисней, подумал Джексон. Когда Марли была маленькая, они вместе смотрели «Красавицу и чудовище» на видеокассете из «Блокбастера». (Видеокассета! Милый боженька, это же какой-то артефакт с Ковчега.) А теперь Марли повстречала своего Прекрасного Принца, готовилась отведать своего «долго и счастливо». Отравленное яблоко. («Пап, почему ты не можешь за меня порадоваться? Что с тобой такое, а?») Марли двадцать три – она запросто могла оказаться одной из тех, кого держали под замком в «Белых березках». Здесь у каждой девушки есть история – жизнь, не история, – но их всех превратили в анонимный товар. От одной мысли ныло сердце. За них. За всех девушек. За всех дочерей.

Джексон прислушивался, надеясь на вопль надвигающихся сирен, но различал только тишину. Снова и снова он опускался на колени в кровь, в свежую липкую жижу, – и кровью истекали не девушки. Очевидно, тот, кого подстрелил Винс. Энди. Томми, Энди и Стив. Веселая троица.

– Так, – сказал Винс, внезапно вскочив. – Пойду поищу эту сволочь Энди, надо его кончить.

Впрочем, идти искать Винсу не пришлось: считанные секунды спустя Энди и сам их нашел – ввалился в палату, рухнул на стену и сполз на пол. Было ясно, что всю эту кровь производит он.

– Помогите, – сказал Энди. – Блядь, умираю.

Джексон сообщил, что «скорая» уже едет, шагнул было к нему, хотел помочь, но Винс опять наставил пистолет и сказал:

– Не надо. Вот не надо. Пускай эта сволочь кровью истечет.

– Энди? Винс? Это что у вас здесь такое?

Стивен Меллорс. Которого Джексон в последний раз видел в Лидсе, в баре, где Стив глазами ошупывал Татьянины прелести. Томми, Энди и Стив. Кто войдет следующим? Может, Татьяна? В сопровождении отца-клоуна? Потому как у нас тут явный цирк. Стивен Меллорс, как и Винс, на праздник явился вооруженным – с бейсбольной битой, точно громила из подворотни. Запоздало заметив Джексона, он нахмурился:

– Броди?! А что?..

– Мы тут, бля, не чаевничать собрались, – перебил его Винс. – И не знакомиться. Играть в «передай посылку» никто не будет. Мороженого и варенья не планируется. Пошел вон туда, – сказал он, указав пистолетом. – Иди в угол и сядь, *закадыка*, – ухмыльнулся он.

– Винс, успокойся, – посоветовал Стивен Меллорс – а это, как известно, примерно худшее, что можно сказать человеку, который размахивает стволом. – Хорошо, хорошо, – прибавил он, когда Винс прицелился в него тщательнее. И обиженно плюхнулся на пол.

– Биту свою дебильную положи, – сказал Винс. – Хорошо. Пни ее ко мне.

– Подыхаю, – пробубнил Энди. – А то, может, вы не заметили.

– У тебя просто царапина, – сказал ему Винс. – Не гони волну.

– Мне надо елеосвящение.

– Без понятия, что это, но его тебе не надо.

Бывший католик Джексон хотел было пояснить термин, но передумал: Винс теперь ровно целился в голову Стивену Меллорсу, и, вполне вероятно, елеосвящение вот-вот понадобится этому последнему.

– Не стреляйте, – сказал Джексон. – Вы этого не хотите, Винс. – (Тоже популярный в «Балкере» афоризм.)

– Я-то как раз хочу.

– Сюда уже едет полиция.

– Не врете. И вообще, это не важно. Знаете, – непринужденно продолжал он – ни дать ни взять два кореша за пивом в пабе, – я когда служил в армии, у нас кое-кто говорил, что лучше погибнуть в бою, биться до последнего, чем оттрубить свои девять десятков. Чем тащиться по жизни, – слегка усмехнулся он. – И я этого никогда не понимал.

– А теперь понимаете?

– Ага. И вы, я думаю, тоже.

– Нет, – сказал Джексон. – Прежде – возможно, сейчас нет. Лично я готов тащиться до упора. Охота с внуками познакомиться. Опустите пистолет, Винс. – (Разговаривай с ним, пусть он говорит. Люди не стреляют, пока говорят.) – Подумайте о дочери... Эшли, да? Приедет

полиция с отрядом спецназа. Вас могут застрелить – если они стреляют, то на поражение.

– Да не приедет никакая полиция, – сказал Винс.

И, похоже, ошибся. Похоже, полиция уже приехала. В палату вошли две девушки – не то чтобы спецназ, однако цирковая труппа собралась в полном составе.

– Детектив-констебль Ронни Дибички, – объявила одна, предъявляя удостоверение. – Прошу вас, сэр, опустите пистолет, пока кто-нибудь не пострадал.

– Я вот уже пострадал, – отметил Энди Брэгг.

Их дуэтная стойкость под дулом заряженного пистолета восхитила Джексона. Храбрые, подумал он. Мужчины падают. Женщины восстают.

– Этому человеку срочно нужна медицинская помощь, – сказала одна детектив-констебль, опускаясь на колени подле Энди Брэгга. Хотела было заговорить в рацию, но Винс сказал:

– Бросьте. Встаньте, отойдите от него.

– Ничего, «скорая» уже едет, – сказал Джексон.

И не одна, хотелось бы верить.

– Замолчите, – сказал Винс. – Все.

Он нервничал все сильнее, что неудивительно. Под этим своим пистолетом он теперь пас толпу народу, в том числе двух офицеров полиции, и обе, похоже, с Винсом уже знакомы. («Мистер Айвс, вы меня помните? Ронни Дибички».)

– Кто-нибудь может объяснить, что тут происходит? Мистер Броуди? – обратилась одна к Джексону.

– Помимо самоочевидного? Нет. – Пауза: Джексон засек «мистера Броуди». – Вы откуда знаете, как меня зовут? – растерялся он.

– Мистер Броуди, это же я. Реджи. Реджи Дич.

– Реджи?

Миры сталкивались и слипались. Может, Джексон взаправду взял и спятил. Или у него глюки. Или это альтернативная реальность. Или все три варианта разом. (Реджи! Малютка Реджи Дич!)

– Задержите его, – сказал ей Винс, стволom указывая на Стива Меллорса. – Его зовут Стивен Меллорс, и он мозг всего предприятия.

Энди Брэгг заворчал – кажется, не согласился с характеристикой «мозг».

– Потому что иначе я его пристрелю, – сказал Винс. Шагнул к Меллорсу и повторил: – Задержите его, – и теперь дуло и голову Меллорса разделяли считанные дюймы. – Иначе пристрелю, честное слово.

Выбор за вами – так или эдак. Я бы лучше выстрелил, но задержание меня устроит.

– Да ебанный же в рот, – сказал Меллорс, ни к кому конкретно не обращаясь.

Очевидно, один только Джексон заметил, как Ронни Дибицки выскользнула за дверь, – все остальные увлеченно наблюдали за пистолетом и отмечали его близость к голове Стивена Меллорса.

– Стивен Меллорс, вы задержаны по подозрению в... – произнесла Реджи. Покосилась на Джексона, и он сказал:

– Попробуй для начала тяжкие телесные. Потом, наверное, сможешь добавить Закон о современном рабстве. И еще пару-тройку тонких штрихов.

– Стивен Меллорс, – сказала Реджи, наградив Джексона недобрым взглядом, – вы задержаны по подозрению в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью. Вы не обязаны давать показания, но если при допросе вы не упомянете того, на что впоследствии сошлетесь в суде, это может помешать вашей защите. Все, что вы скажете, может быть использовано в качестве доказательств.

И тут одна из девушек нестойко вскочила и, точно обвинительница в мелодраме, ткнула в Стивена Меллорса пальцем.

– Марк Прайс, – сказала она. – Ты Марк Прайс.

Грузоперевозки

Снились ей сливы. Всего несколько дней назад они сидели коленка к коленке, Надя, и Катя, и их мать, на балкончике материнной квартиры, ели сливы из старой пластмассовой миски. Сливы были цвета синяков. Больших лиловых синяков.

Сливы они собрали, когда навещали дедушку на ферме. То есть у него не совсем ферма, просто участок, но дедушка выращивал там кучу всего. Сливы, яблоки, вишню. Огурцы, помидоры, капусту. В детстве они помогали ему квасить эту капусту, втирали соль, пока не размягчались листья. У дедушки на веранде стояла огромная деревянная бадья этой капусты. Капуста пряталась от зимнего холода под толстым слоем плесени. Катю воротило. У нее всегда был слабый желудок – мать говорила, что Катя привереда, но Катя в основном переживала из-за веса.

Ходить с дедушкой на охоту Катя тоже не любила. Отвращало ее не столько убийство, сколько свежевание. Дедушка умел содрать с кролика

шкурку за несколько секунд, а потом рассечь брюхо и вывалить дымящиеся кишки. Они даже на землю упасть не успевали – дедушкины собаки пожирали их на лету. Надя усердно училась у дедушки – таскалась за ним по лесам и полям, выслеживала кроликов.

И лис тоже, хотя Катя говорила, что, если б дедушка не стрелял лис, лисы бы тогда ели кроликов и никому не приходилось бы мотаться по окрестностям и притворяться ковбоями, паля во все подряд.

Надя стреляла метко. Как раз на выходных подстрелила лису – большую бурую тварь с огромным хвостом. Лучшие шкуры дедушка прибивал на дверь дровяного сарая. «Трофеи», – говорил.

Надя была его любимица. «Моя силачка» – вот как он ее называл. Кате было все равно. Ее вообще мало что волновало, кроме фигурного катания. Надя бросила балет, чтобы мама смогла платить за секцию. Надя не обижалась – отчасти оно, пожалуй, и к лучшему, больше не надо изо дня в день кому-то что-то доказывать. Надя любила сестру. Они дружили – лучшие подруги. Надя ходила на все Катины выступления. Расстраивалась ужасно, когда Катя проигрывала или падала, потому что на льду Катя была прекрасна. Когда ей пришлось бросить фигурное катание, Надя переживала едва ли меньше ее.

Они собрали сливы, все до одной, даже побитую мелочь. Дедушка сам варил сливовицу. От нее сносило крышу. Прихватите бутылочку с собой в Лондон, сказал он. Покажите англичанам, что пьют нормальные люди. Дедушка так и не простил Черчилля за то, что предал поляков после войны. Катя плевать хотела на историю.

– У нас теперь современность, – говорила она.

Надю что-то разбудило, а потом она заснула вновь. Видела Энди. Думала, он за ней приглядит, а потом вспомнила, что с ней стряслось. И с ее сестрой.

Она проснулась опять и услышала, как Катя говорит:

– Ты Марк Прайс. – Сестра встряхнула Надю и сказала: – Надя. Это Марк Прайс.

Сливы были лиловые. Как синяки. На языке почти сгустился вкус. Вот теперь Надя проснулась.

В доме веселья [\[130\]](#)

– Господи боже, – прошептала Ронни. – Да что тут такое?

– Осторожно, кровь, – предостерегла Реджи; на стене кровавый

отпечаток руки, образец пещерной живописи, толстенный старый линолеум на лестнице тоже испятнан и закапан. – Свежая. Не поскользнься, – прибавила она, когда они пошли по кровавому следу.

Ищейки, подумала Реджи, кровавые гончие. Они осмотрели первый этаж – даже и без крови хватало признаков того, что здесь творится какой-то ад.

В вестибюле сидела на привязи собака, и поначалу они косились на нее опасно, но когда вошли, стойкая старая лабрадорша приветственно завильяла им хвостом.

– Привет, старушка, – шепнула ей Реджи, погладив бархатистое темя.

Наверху дверь в первую же палату была открыта, и внутри они мельком заметили страшную живую картину, составленную из сломленных перепуганных женщин. Некто на полу истекал кровью и стонал – слишком, пожалуй, красноречиво, так что, вопреки его громким заявлениям, едва ли помирал.

– Детектив-констебль Ронни Дибицки, – объявила Ронни, выставив удостоверение, точно щит.

Реджи следом за ней вошла в палату, и лишь тогда они обе увидели пистолет.

– Винсент Айвс, – шепнула Ронни.

Реджи думала было применить к нему тхэквондо, выбить пистолет из руки («Кий-я!»), но больно опасно: народу в палате битком, и высока вероятность пристрелить кого-нибудь в процессе.

Ронни предпочла подход на мягких лапках.

– Мистер Айвс, – нежно сказала она, точно добрая учительница школьнику, – вы меня помните? Ронни Дибицки. Мы на днях беседовали у вас дома. Прошу вас, опустите пистолет, пока кто-нибудь не пострадал. Можете?

– Вообще-то, нет. Извините. Заходите сюда, пожалуйста.

И Винс указал пистолетом – очень вежливо, словно билетер в кинотеатре. Реджи вспомнила, как он смахивал крошки, прежде чем усадить ее и Ронни на диван. Глянула на Ронни. Они что, правда по доброй воле войдут и станут заложницами?

По всей видимости, да.

В палате было не протолкнуться. Как вчера в гримерной Баркли Джека – только новая версия, кошмарная и, кажется, совсем другой актерский состав. На сей раз, по счастью, обошлось без куклы чревовещателя. Посреди сутолоки обнаружился Джексон Броуди, и Реджи сочла, что это, пожалуй, в порядке вещей. Он вообще друг анархии.

В углу скорчился еще какой-то человек, и Винсент Айвс в него целился. – Задержите его, – сказал Винс Реджи. А затем шагнул к человеку и упер пистолет почти ему в голову, точно казнить собрался. – Его зовут Стивен Меллорс, и он мозг всего предприятия. Потому что иначе я его пристрелю. Выбор за вами – так или эдак.

От задержания, прикинула Реджи, вреда не будет – потом всегда можно отпустить без протокола, если ничего плохого он не совершал, хотя каковы шансы в этой вот обстановочке, где все они очутились? Преступлений в списке скорее прибавится, а не убавится. Кратко поразмыслив, Реджи начала:

– Стивен Меллорс, вы задержаны по подозрению в...

Она осеклась, не зная, что именно ему предъявить. И сама на себя разъярилась, потому что в поисках фигуры власти глянула на Джексона Броуди. Отчего-то старшим по званию полицейским здесь по-прежнему был он. И вообще старшим, если уж на то пошло.

В досаде на себя, на него Реджи вздохнула, но его совета послушалась:

– Стивен Меллорс, вы задержаны по подозрению в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью. Вы не обязаны давать показания, но если при допросе вы не упомянете того, на что впоследствии сошлетесь в суде, это может помешать вашей защите. Все, что вы скажете, может быть использовано в качестве доказательств.

Говорят, в переломные мгновенья время замедляется, но у Реджи время помчалось как угорелое. Все случилось так быстро, что потом поди еще восстанови.

Все началось с того, что одна девушка громко ахнула и, качаясь, встала. Смотрела она так, будто очнулась от долгого-долгого сна. Крохотная, еще ниже Реджи, с двумя фингалами и окровавленным носом. *Только мелкие животные*. Вздернув себя с пола, она неподвижно уставилась на Стивена Меллорса, а затем ткнула в него пальцем и сказала:

– Марк Прайс. Ты Марк Прайс.

Наклонилась и потрясла девушку, валявшуюся рядом на полу. Такие похожие – наверняка сестры.

– Надя, – сказала первая, пытаюсь пробудить вторую.

Дальше Реджи разобрала только «Это Марк Прайс», но в остальном разговор, по всему судя, шел на польском. Реджи оглянулась на Ронни, надеясь, что та переведет, но оказалось, что Ронни исчезла. Наверное, пошла звать подмогу.

Вторая девушка, Надя, тоже встала и, скакнув на удивление резво – а ведь пять секунд назад почти что в коме была, – цапнула пистолет у Винса

из руки. Стивен Меллорс, похоже, девушку узнал – он развернулся, пополз было прочь, да только ползти было некуда. Его уже загнали в угол – во всех смыслах, – и ни единой мышиной норки, крысе укрыться негде. Надя подняла браунинг – рука тверда, прицел точен – и выстрелила Стивену Меллорсу в спину. Затем снова подняла руку, сказала:

– За мою сестру, – и выстрелила еще раз.

Грохот вышел оглушительный и рикошетил по палате целую вечность. А затем на миг повисла глубокая тишина. Время, только что мчавшееся во весь опор, вдруг зависло, и в этом застылом миге девушки молча обнимались, глядя на безжизненное тело Стивена Меллорса. Потом Надя, женщина, которая только что хладнокровно выстрелила человеку в спину, повернулась, посмотрела на Реджи в упор и кивнула, точно обе они – члены некоего тайного сестринства. Реджи не удержалась и кивнула в ответ.

– Реджи Дич, – задумчиво протянул Джексон Броуди.

– Да. Вообще-то, детектив-констебль Дич.

– Ты *детектив*? В *Йоркшире*?

– Мать честная. Это ж не ваше личное графство. Кончайте уже всему дивиться-то, мистер Броуди?

Они сидели в фургоне отдела тяжких преступлений и ждали, когда у них возьмут показания. Патрульный принес им чаю с печеньем. Ясно, что ситуацию будут распутывать не один час. Когда пыль улеглась, Стивен Меллорс был мертв, а Винсент Айвс исчез. Эндрю Брэгга увезли на «скорой».

(– Это был *наш* мистер Брэгг? – спросила Ронни. – А мы-то его обыскались.)

Жертв секс-торговли передали в ОСРТЛ, отправили в безопасное место.

– Отдел по современному рабству и торговле людьми, – пояснила Джексону Реджи на случай, если он не в курсе. Но что тут современного? – подумала она. Пирамиды, сахарные плантации, бордели – эта забава творится повсюду и называется эксплуатацией. *Plus ça change*^[131].

– Ты стала детективом? В *Йоркшире*?

– Ответила уже, но еще раз: да и да. И не льстите себе – вы по обоим пунктам ни при чем.

– А это вообще кто? – осведомилась Ронни, глядя на Джексона довольно воинственно.

– Давний знакомый, – сердито ответила Реджи, не успел Джексон объясниться сам. – Когда-то был полицейским. Когда-то жил

в Йоркшире. – Когда-то был моим другом, договорила она про себя. – Я один раз спасла ему жизнь.

– Это правда, – подтвердил он Ронни. – Я по-прежнему в долгу, – сказал он Реджи.

Ронни удалось сбежать и вызвать полицию, так что подробности развязки прошли мимо нее.

– Был кромешный ад, – доложила Реджи, макая печенье в кружку. – Пара секунд – и все. Винсент Айвс уронил пистолет, а Эндрю Брэгг умудрился цапнуть его с пола и застрелить Стивена Меллорса.

– А по виду не скажешь, что мог, – удивилась Ронни. – По виду ему собороваться было пора. И зачем он друга-то застрелил?

– Да кто его знает? – ответил Джексон. – Преступники – они же сами себе закон. То и дело друг другу в глотки вцепляются. По моему опыту.

– Он много чего видел, – поддержала Реджи. – Он очень старый.

– Спасибо. Спасибо тебе, Реджи.

– Да пожалуйста, мистер Б.

Фейковые новости

– Детектив?

В голове не укладывалась эта взрослая версия Реджи. И очень, надо сказать, недружелюбная. Выяснилось, что Джексон задолжал ей денег, и он действительно выудил с морского дна памяти смутное воспоминание о том, как вроде бы одалживал у Реджи, когда Тесса, его злая фейковая жена, опустошила его счет в банке. Лишь когда Джексон написал в блокноте расписку, Реджи смягчилась. Немножко.

– Рада вас видеть, мистер Б.

– И я тебе рад, Реджи.

Большинство свидетелей в палате были в таком состоянии, что ничего свидетельствовать не могли, только Джексон и Реджи представили хотя бы подобие связной версии событий, и даже в их изложении зияли непонятные дыры.

У Джексона за душой была хорошая свидетельская репутация – когда-то служил в военной полиции, когда-то был полицейским в Кембриджшире, ныне частный детектив. По его словам, он присутствовал на месте, когда в «Белые березки» прибыл Стивен Меллорс с бейсбольной битой. Винсент Айвс принес с собой пистолет, явно

намереваясь защитить девушек, которых планировали продать. «Вооруженная осада» – это небольшое преувеличение. Винсент Айвс, уверял Джексон, руководствовался стремлением к высшему благу – разве не таков критерий, по которому надлежит судить всех? Увы, Айвс пистолет уронил, а Эндрю Брэгг подобрал, после чего застрелил Стивена Меллорса – впрочем, в порядке самообороны, когда тот атаковал его с бейсбольной битой. Такая последовательность событий не вполне удовлетворила полицию (Где пистолет? Где бита? Крупные вопросительные знаки), а вот Джексона она полностью устраивала. Плохие люди наказаны, людей с добрыми намерениями никто не распинает. А девушки, самостоятельно свершившие правый суд, не покараны – они и без того пострадали так, что никому не пожелаешь. Убийство при самообороне – одно дело, но выстрелить человеку в спину, и не единожды, а дважды... на это Королевская прокурорская служба вряд ли посмотрит сквозь пальцы.

Эндрю Брэгг был ранен еще до приезда Джексона, но ничего не помнит. С места преступления «скорая» мигом доставила Эндрю Брэгга в больницу, где ему сделали срочную спленэктомию и перелили несколько пинт крови.

– Все не так плохо, как на первый взгляд, – сказал хирург, выйдя из операционной.

О том, что с ним произошло, воспоминаний у пациента не сохранилось – он даже не помнил, кто в него стрелял.

– Вам бы детективные романы писать, – сказала Джексону Реджи. – У вас к сочинительству прямо талант.

К прибытию вооруженного наряда полиции Стивен Меллорс уже отбыл в великий небесный некрополь, а Винсент Айвс исчез вместе с пистолетом.

Пистолет валялся теперь на дне морском – выброшен с оконечности пирса в Уитби на полной воде, и с него навеки смыты отпечатки всех, кто к нему прикасался. И Джексона, и Винса Айвса, и девушки, которая застрелила Стивена Меллорса. Джексон мягко вынул пистолет у нее из руки и тихонько сунул в карман. Надя. Надя Вильк и ее сестра Катя. Приехали из Гданьска, работали там в гостинице. Настоящие люди с настоящими жизнями, не просто нули без палочки для желтой прессы. «Иностранцы секс-работницы освобождены из Хоррор-хаты в результате полицейской операции». И «Девушки, проданные для проституции, замешаны в кровавой перестрелке». И так далее. В новостях полыхало еще долго. Триумвират – Томми, Энди и Стив – рулил сетью торговли живым

товаром, паутиной, что раскинулась далеко и широко. Так сразу и не распутаете. Большинство девушек, которых эти трое ввезли в страну, уже не спасти – они давным-давно канули в черные дыры, не отыщешь и с мощнейшим фонарем. Но семеро из палаты в «Белых березках» были спасены и в конечном итоге отправились по домам. У всех взяли душераздирающие показания – это тоже заняло немало времени. Жасмин улетела домой тем же самолетом, что и гроб ее подруги Марии.

Может, они придут в себя, может, и нет, но у них, по крайней мере, есть шанс, и этот шанс им дал Винс Айвс, поэтому Джексон считал, что Винсу Айвсу дозвоительно избежать медийного и судебного эшафота.

– Энди, поступи как надо, – сказал Джексон Брэггу, опустившись рядом на колени, прислушиваясь к нарастающему вою сирен. Чтоб наверняка дошло, вжал большой палец в рану Энди Брэгга. А затем, не обращая внимания на визги, прибавил: – Ты ничего не помнишь. Полная амнезия. Все ясно?

– А то что? – простонал Брэгг.

Торговаться, значит, любит. А с Богом поторговаться не хочет? Пари Паскаля – оно про это?

– *А то* я тебя добыю сию минуту, и ты отправишься прямиком в ад. Поступи как надо, – повторил Джексон. – Ты причинил боль и страдания – возьми на себя ответственность. Сознайся в грехах, – продолжал он, апеллируя к внутреннему католику Энди. – Искуп. Получи отпущение. И, Энди, – прибавил он, губами придвинувшись к самому его уху, – если раскроешь варежку о том, кто застрелил Стивена Меллорса, я тебя отыщу, и вырву у тебя сердце, и скормлю его своей собаке.

Когда Джексон забирал Дидону, та смотрела на него вопросительно. По морде не скажешь, что ее бы уж очень воодушевил обещанный кровавый пир. Взамен Джексон выдал ей собачье лакомство. Похоже, ей и впрямь больше нравились те, что формой как косточки.

Ровно в полдень [\[132\]](#)

Любви не сыщешь днем с огнем, зато вот денег – запросто. Если знаешь, где искать. В сейфе, конечно, где ж еще? Когда «Горнюю гавань» перестраивали, Томми поставил сейф – крепкий, старомодный, мощное хранилище. Стоит в углу его кабинета, вделан в пол, к сейфу прилагается большой ключ и на дверце двуручный рычаг больше ключа, так и просится, чтоб повернули. Этот сейф мог бы сыграть главную роль в кино

про грабителей банков. Этот сейф говорил: «Смотри на меня, больше никуда не смотри». В нем, однако, лежало всего с тысячу фунтов наличными, а для Томми это мелочь разменная.

Еще в сейфе лежал какой-то ювелирный хлам, простые безделушки, а также несколько документов, на вид вроде важных, но на самом деле нет.

– И теперь, – объяснял Томми жене, – если кто-нибудь вломится в дом среди ночи и приставит нож к твоему горлу, – (почему нож непременно к моему горлу, недоумевала Кристал, почему не к горлу Томми?), – и велит тебе открыть сейф, можно и открыть – это ерунда. – (Нож к ее горлу – это ерунда?) – Откроешь этот, и они решат, что сорвали куш. – (Куш? Это не сейф, а Томми считал, будто живет в кино про грабителей банков.)

«Важные вещи» – паспорта и свидетельства о рождении, свои «инвестиционные» часы «Ришар Милль» (возмутительно дорогие), алмазный браслет Кристал, и ее алмазный кулон, и где-то двадцать тысяч фунтов двадцатифунтовыми купюрами – Томми держал в другом сейфе, чуть поменьше, вделанном в стену кабинета и спрятанном за никаким эстампом с яхтами в море под названием «Паруса на заре». «Более тайный тайник», называл его Томми, довольный своей хитростью.

– Мужик твой, видать, совсем параноик, – смеялся мастер, который ставил сейф. Мастер был из компании с лобовым названием «Установка сейфов на севере» («Все наши инженеры прошли расширенную проверку биографий в СМСД и одобрены согласно стандартам BS7858») и почти целый день долбил и сверлил в кабинете. – У вас тут прямо Форт-Нокс.

– Да уж, – сказала Кристал, вручая ему кружку от души посахаренного кофе и четверной «Кит-Кат».

Кристал специально для рабочих припасала угощение. Они ее за это уважали и готовы были услужить, делая всякую лишнюю работу по мелочи. («Пока вы здесь, вы не могли бы глянуть?..» – и так далее.) Томми говорил, что услужить они хотят не из-за «Кит-Ката», а из-за ее сисек и жопы. Иногда Кристал думала: а вот если бы ее вдруг подменили копией, очень хорошим роботом («высокофункциональным андроидом», подсказал Гарри), Томми заметил бы?

– Два сейфа, – сказала Кристал. – Да уж. Можно подумать, мы тут королевские регалии прячем.

– Три, – сказал установщик сейфов, сосредоточенно маркируя связки ключей.

– Три? – беспечно переспросила Кристал. – Что-то он слишком увлекся, да? Он у нас уникал, Томми. А третий куда? Места же совсем нет?

Второй телефон. Третий сейф. Четвертый мушкетер. Пять золотых

колец. Вообще-то, одно, и вдобавок латунное, не золотое – вытяжное круглое ушко, заподлицо вмонтированное в половицу.

– Один – тайна, два – полтайны, три – нет тайны, – сказала Кристал.

– Забавно, – сказал профессиональный установщик тайников.

Вечером, заглянув в кабинет, она увидела, что Томми как раз завешивает второй сейф «Парусами на заре». И что поверх тайника с третьим сейфом он уже поставил тяжелую железную картотеку. Слишком громоздкую, не станешь вечно тягать ее туда-сюда, – видимо, третий сейф предназначен для долгосрочного хранения, а не на каждый день. Интересно, Томми его уже заполнил? И если заполнил, то чем?

– Красиво, скажи? – И Томми отошел полюбоваться «Парусами на заре», а точнее, тем, что они скрывали, поскольку искусство его не колыхало ни в каком виде. – И не догадаешься, что там, да?

Да, согласилась Кристал, не догадаешься. Томми был весел, почти ликовал. Они недавно въехали в этот дом, Кристал была беременна Карри. Кристал Холройд, только что коронованная Королева Горней Гавани.

Томми вручил ей две связки ключей и сказал:

– Это запасные – вдруг тебе понадобятся твои украшения. И налички бери сколько хочешь и когда хочешь.

Когда Кристал только вышла за него, ей прямо не верилось, до чего он щедр. Повезло мне, думала она.

О третьем сейфе под картотеккой – ни слова. От него тоже были запасные ключи – Кристал попросила, и установщик выдал ей на радостях, выпив кофе и съев «Кит-Кат». Он, видимо, был не в курсе, что мужья хранят секреты от жен. И что жены, собственно, тоже хранят секреты от мужей.

– А ты смотрела, как он тут все устанавливал? – невзначай спросил Томми, наконец выровняв «Паруса на заре» к своему удовольствию.

– Не, он полдня провозился. Я детскую готовила. – Ей ужасно нравилось слово «детская». В нем столько всего – любовь, забота, деньги. – Пойду наверх, милый, ладно? Закончу там.

Они уже знали, что Карри – девочка.

– Из конфет, и пирожных, и сладостей всевозможных, – бормотала Кристал, устраивая колыбельку.

Колыбелька стоила целое состояние – настоящая, старомодная, как в сказках, убранная кружевом и шелком. Кристал недавно совершила ошибку – посмотрела «Ребенка Розмари» по телевизору, поздно ночью, на канале хорроров, и теперь перед глазами встала страшная сцена, где Миа Фэрроу заглядывает в колыбель – черную копию той, что у будущей

дочери Кристал, – и понимает, что родила ребенка Сатаны. Карри будет ангелом, а не демоном, напомнила себе Кристал. И Томми – не Сатана, прибавила она про себя. (На этот счет она уже передумала.)

Запасные ключи от третьего сейфа она спрятала под матрас в колыбели. Маловероятно, что Томми станет менять простынки, заляпанные отрыжкой и дерьмом. Дети сделаны не из конфет и пирожных, это Кристал знала, – они из плоти и крови, и лелеять их надо соответственно. С тех пор третий ключ (похоже на название детектива, «Третий ключ») перемещался по дому – по местам, которые Кристал считала наиболее Томми-непроницаемыми, хотя уже некоторое время назад упокоился в пакете замороженных бобов эдамамэ в «Менегини», потому что, когда Томми заглянет *туда*, случится второе пришествие.

– Ну как? – Томми зашел в детскую, как раз когда Кристал разгладила простыню на матрасике в колыбели. Подергал мобиль с овечками, головокружительно его раскрутил.

Кристал залетела, работая у Бассани и Кармоди, и они дали ей бабла на аборт в Лидсе. С ней поехала Фи. Не самое драгоценное воспоминание. Когда эту штуку из нее выскребли, Кристал вздохнула с таким облегчением – не передать. «Дьявольское отродье», – сказала Фи, протягивая ей сигу, пока обе ждали обратного поезда. Остатка денег, которые им выдал Мик, хватило на карри и полбутылки водки. Им обоим было по четырнадцать. Потом Кристал удивлялась, почему в клинике никто не спросил, сколько ей лет и что с ней случилось. Никто не заподозрил даже, что она *бездомная*. Рядом с Кристал у ее дочери всегда будет дом – с Карри никогда не случится ничего плохого.

Овечки наконец перестали кружиться, и Кристал сказала:

– Хорошо. Только сюда нужно побольше розового. Гораздо больше розового.

Сдвинуть эту картотеку – проще удавиться, и Кристал пихала ее и наклоняла, пихала и наклоняла, точно вальсировала с особо неуклюжим партнером или, допустим, с поставленным на попа гробом. Кристал знала, что внутри – во всяком случае, что было внутри в последний раз, когда она туда заглядывала, потому что с нескладным железным партнером танцевала не впервые. Томми предпочитал деньги в виде денег, а не пластика. «Ликвидные деньги – они текучие», – говорил он. Проблема с текучими деньгами в том, что их могут потерять и спустить в унитаз. А в сейфе их полно. Очень большие лужи, есть что подтирать. Миссис Швабр, подумала Кристал.

К тому времени, когда картотека сдвинулась и показалось латунное кольцо, Кристал уже вспотела. Она потянула за кольцо – поднялся аккуратно склеенный кусок половицы.

– Сезам, откройся, – пробормотала Кристал себе под нос.

Разумеется, Томми – Томми, который не заглядывал домой уже не первые сутки, – решил вернуться именно в этот момент, так что ей пришлось торопливо изобразить танцевальную репризу с картотекой, сдвигать ее изо всех сил, и когда Томми вошел («Кристал! Где тебя носит, бля?»), картотека стояла более или менее где положено, а Кристал была в оранжерее.

Томми чмокнул ее в щеку и спросил:

– Опять курила? – но ответом особо не заинтересовался. Похоже, вымотался, и Кристал сказала:

– Может, передохнешь, а я тебе выпить налью?

– Не, – сказал он. – Спасибо, кис, дела.

Он ушел в кабинет и закрыл дверь. Подслушивая под дверью, Кристал различила знакомый скрежет картотечного вальса.

– Блядь, – сказала она, потому что Томми вот-вот обнаружит, что его кладовая пуста.

И заметила, что в дверях стоит Карри в обнимку с единорогом и в костюме Бель. Встревоженная – Карри и правда тревожилась, ходила расстроенная с самого похищения. А кто бы не расстроился?

– Плохое слово, мамуль, – попеняла она.

– Да, это правда, плохое, – согласилась Кристал. – Извини.

– Мамуль? Ты хоошо?

– Тип-топ-поп, золотце. Тип-топ-поп.

На этом все, ребята

– Кристал? У тебя все нормально?

Винс приехал в «Горнюю гавань» и обнаружил, что дверь стоит нараспашку, а обитателей не видать – только Карри сидела в кухне и смотрела «Холодное сердце». Винс знал, что это «Холодное сердце», потому что на прошлое Рождество смотрел его с Эшли. Она говорила, что это феминистское кино, но Винсу показалось, что Дисней как Дисней.

– Привет, миленькая, – сказал он Карри; та сидела в наушниках и сняла их, когда он заговорил. – А мама с папой дома?

– Бассейн, – ответила она и снова надела наушники.

Пистолета у Винса, конечно, уже не было. Винс собирался застрелить Томми из пистолета, а теперь придется сочинять на ходу. У него, правда, была бейсбольная бита Стива, и Винс планировал расколоть Томми череп, как яйцо. Подумал про Венди. Вот ей хватило клюшки для гольфа.

Стив был мертв, в этом Винс был вполне уверен, так что теперь с любыми планами можно попрощаться. Винс жалел, что не сам убил Стива, но, пожалуй, была некая справедливость в такой смерти – в том, что Стива убила одна из девушек. А Энди, если повезет, истечет кровью, не дождавшись приезда «скорой». То есть разобраться осталось с одним Томми. Когда девушка застрелила Стива, в палате началось светопреставление, и Винс выскользнул из «Белых березок», сел в «хонду» и укатил, не успели они там сказать «раз – и нету». По встречной полосе к «Березкам», на полную мощность врубив сирену, как раз мчалась первая полицейская машина.

Кристал в шортах и топе на бретельках стояла на краю бассейна. Мокрая насквозь – видимо, плавала прямо так, а не в купальнике. Подле нее безмятежно сидел Брут. Кристал в задумчивости курила сигарету.

– Ой, Винс, привет, – сказала она. – Как дела?

Он замялся, не в силах придумать ответ, который вместил бы этот день с утра до текущей минуты, затем сказал:

– А ты знаешь, что у вас входная дверь открыта?

– Это Томми – я его вечно прошу проверять, закрыто или нет. Никогда не проверяет. Шалопай, так его и растак.

Отвлечшись на зрелище ее груди под мокрым топом, Винс не сразу сообразил, что в бассейне кто-то есть. Не просто кто-то – Томми, и он не плавает, он дрейфует лицом вниз.

– Господи, Кристал, – сказал Винс, уронил бейсбольную биту и принялся стягивать ботинки – прыгнуть в воду, спасти Томми. Чтобы потом его убить.

Кристал придержала его за локоть и спокойно сказала:

– Не морочься. Он умер.

Напоследок она глубоко затянулась сигаретой и выкинула окуроч в бассейн.

Умер? Что тут случилось?

– Кристал, что происходит?

– Да вот, слегка прибираюсь. А у тебя как?

Ты не просто летаешь [\[133\]](#)

Вода прельщала, но Кристал сюда не плавать пришла, хотя мысль, конечно, соблазнительная.

Услышав, как сдвигается картотека, Кристал постучалась в кабинет и нервно сказала:

– Томми, зайди посмотри, милый. В бассейне. Что-то не так. Можешь побыстрее?

А потом она припарковала Карри перед телевизором, нацепила ей розовые наушники и побежала в гулкий подвал. Искусственный дневной свет отражался от голубой воды и золотой мозаики. Кристал вдохнула запах хлорки. Ей страшно здесь нравилось.

Когда Томми пришел, Кристал стояла на самом краю.

– Вот здесь, – поманила она. – Встань рядом, тогда видно.

– Что видно? Где? Я не вижу...

Она шагнула ему за спину, и толкнула изо всех сил, и он в панике забарахтался в воде. Схватился за бортик, вылезти – раз плюнуть, но Кристал это предусмотрела, поэтому прыгнула к Томми, заплыла ему за спину и обняла, держа вертикально, как при спасении на водах. Томми что-то сказал, но он давился водой, трудно было разобрать слова. То ли «спасибо», то ли «помоги», то ли «что за хуйня, Кристал?». Буксировать его к бортику она не стала – оттащила дальше, туда, где глубже, а потом быстро уплыла, разрезая воду экономным брассом. Когда вылезла из бассейна, Томми уже погрузился с головой.

– Да вот, слегка прибираюсь, – сказала Кристал Винсу, когда тот пришел. – А у тебя как?

– Н-да, – сказал Винс, вместе с нею наблюдая, как к ним надувным матрасом подплывает тело Томми. – Та же фигня.

– Тебя куда-нибудь подвезти, Винс?

Только факты, мэм

Слова, которых Джо Фрайди в «Сетях зла»^[134] никогда не говорил, и любая девчонка, которая знает все, знает и это.

- Ты слишком много знаешь, – сказала Ронни.
- Нет, я знаю недостаточно, – сказала Реджи.

Благодаря операции «Виллет» с так называемого третьего человека – хотя на самом деле «третьих людей» было несколько – в конце концов сорвали маску.

На рождественской открытке Николаса Сойера коллегам и друзьям был изображен семейный портрет – его жена Сьюзен, сыновья Том и Роберт и внуки Джордж, Лили, Нелли Изабелла и Альфи. Его невестки в кадре отсутствовали – как будто Николасу важны были только прямые потомки. Или, может, невестки в тот день были заняты. Или стеснялись перед объективом. Портрет был внесезонный, снимали летом на безымянном поле – Николас утверждал, что оно расположено в сельской местности его избирательного округа, но, вообще-то, оно могло быть где угодно.

Фотография отдавала непринужденным весельем семейного снимка, однако фотографировал профессионал – Николас Сойер желал контролировать свой имидж. Он желал контролировать все. Ему стукнуло семьдесят пять лет, сорок из них он был членом палаты общин от одного и того же избирательного участка в Кенте, на протяжении двадцати регулярно становился членом кабинета министров и закончил на обороне, а десять лет назад возвысился до палаты лордов, где предпочел позицию независимого. Себя и свою жену он до сих пор именовал «Ник и Сьюзи», хотя сама Сьюзи больше склонялась к «леди Сойер». Николас проводил совещания с несколькими компаниями из списка 500 «Файнэншл таймс», специализируясь на подрядчиках Минобороны, а Сьюзи сидела в совете директоров множества благотворительных фондов, и почти все они больше покровительствовали искусствам, нежели добивались социальной справедливости.

У этой четы была квартира в Челси, *maison de maître*^[135] в Лангедоке, а также дом в родном избирательном округе, «Роузли» в Кенте, который остался за ними, когда Николас ушел из палаты общин, – здесь они теперь проводили почти все выходные. «Роузли» – коттедж с соломенной крышей, в завидной деревушке, просто загляденье, за многие годы несколько раз

фигурировал в крупных газетах, в статьях про стиль жизни. Там чета и обреталась, когда полицейские приехали и попросили Николаса прокатиться с ними до ближайшего отдела, где его допросили, предварительно проинформировав о праве хранить молчание. Три недели спустя его задержали и предъявили обвинение по нескольким эпизодам нарушения Закона о половых преступлениях 2003 года – некоторые эпизоды датировались аж восьмидесятыми. Для полноты картины добавили обвинение в сговоре. Этот скандал полностью сфабрикован, уверял Николас всех подряд, – его бросают на съедение, приносят в жертву на алтарь политкорректности, все это – заговор прессы с целью его дискредитировать, журналисты его ненавидят, потому что он поддерживал ограничение их свобод. И так далее.

В день, когда арестовали Николаса Сойера, полиция задержала еще несколько человек. Одним из них был сэр Квентин Гоф-Планкетт, ветеран и красноречивый участник антиевропейской кампании. Сэр Квентин был также выдающимся шахматистом – он прошел в Западноевропейский зональный турнир чемпионата мира в 1962 году и многие годы покровительствовал благотворительной организации, которая обучала играть в шахматы детей из неблагополучных семей.

Также были допрошены, а в итоге и получили обвинения вышедший на пенсию старший полицейский чин из Чешира, бывший судья выездного суда и престарелый босс семейной строительной компании. Утверждалось, что все они некогда входили в подпольную группу, среди ее участников известную как «магический круг». Срока давности для половых преступлений в Великобритании не существует.

Королевская прокурорская служба воздала хвалу Бронте Финч, дочери судьи Суда короны, за ее показания. Ее «отважное» выступление на открытом процессе помогло привлечь к ответственности «жесточкого хищника».

По делам всех обвиняемых дала показания и другая свидетельница, мисс Фелисити Ярдли. Сохранить анонимность она не пожелала и позднее продала свою историю таблоидам за неназванную сумму. Мисс Ярдли, бывшая проститутка и наркоманка, утверждала, что выступить с показаниями ее убедили сотрудники МИ5. Она уверяла, что «человек в серебристом „БМВ“» отвез ее на конспиративную квартиру, где она, мисс Ярдли, дала показания об «иностранцах», с которыми встречалась в обществе Николаса Сойера. Ей сказали, что он годами продавал военные тайны русским, китайцам и вообще всем, кто готов был платить. В МИ5 землю рыли, ища способ его «нейтрализовать» – это они так сказали,

пояснила она. Ей предлагали вступить в программу защиты свидетелей, но с этим предложением «сволочуги» ее кинули.

Таинственные люди из Службы безопасности сказали мисс Ярдли, что магический круг был вроде «иллюминатов» (слово, которое ей удалось произнести отнюдь не с первой попытки) и раскинул щупальца очень широко. Члены этой группы вполне готовы были убить любого, кто раскроет их секреты. Ей самой, заявляла мисс Ярдли, угрожали причинением серьезного вреда, в случае если она заговорит с любым участником расследования; то же самое произошло с ее подругой, которая была жертвой тех же самых мужчин: по словам мисс Ярдли, подруге тоже угрожали и даже похитили ее детей. Эту свидетельницу сторона обвинения предъявить не смогла. «Ну а что им еще сказать?» – прокомментировала Фи, бессознательно копируя другую женщину^[136], тоже ставшую козлом отпущения для сильных мира сего.

Сторона защиты заявила, что мисс Ярдли – ненадежная свидетельница, судя по ее показаниям – ненасытная до славы фантазерка, которая впаривает свою историю каждому встречному и поперечному. Николас Сойер – патриот, он ни за что не предаст свою родину и уж тем более не станет насиловать несовершеннолетних.

Поразмыслив три дня, присяжные вынесли вердикт «виновен».

– Это пародия на правосудие, – заявила жена Николаса леди Сюзен Сойер и прибавила, что адвокаты уже подали апелляцию.

Гоф-Планкетт скончался при загадочных обстоятельствах, не успело его дело дойти до суда. Старший чин из Столичной полиции покончил с собой, спрыгнув с крыши многоэтажной автомобильной парковки. Директор строительной компании перенес обширный инфаркт прямо за столом и умер, не успел его помощник добежать к нему с дефибриллятором, который хранили возле женской уборной.

Энди Брэгга арестовали еще в больнице по обвинениям, проистекающим из Закона о современном рабстве: ввоз людей в Великобританию с целью сексуальной эксплуатации, организация переездов и перевозок в целях сексуальной эксплуатации и организация проституции в целях личного обогащения, – а также по подозрению в связях с преступной организацией и в отмывании денег. Если вынесут приговор, свободы Энди больше не видать.

– Вроде все по справедливости, – сказал он Роде.

– Безмозглый олух, – таков был ее собственный вердикт «виновен». Энди она навестила всего однажды.

В больнице Энди Брэгг умудрился сообщить Роде, где спрятаны деньги, и ей удалось переехать на Ангилью, где она купила гражданство и виллу с бассейном. Пинья-коладу пила как воду. Лотти обзавелась паспортом и новой жизнью, которой была остро недовольна, о чем, впрочем, по ее физиономии ни за что не догадаешься.

«Черную записную книжечку» Энди Брэгга, до отказа набитую доказательствами вины магического круга, прислали Бронте Финч анонимно (хотя на конверте с флешкой была марка Ангильи), чтобы та использовала эти данные при рассмотрении дела Николаса Сойера в апелляции. Это несколько не облегчило положение Энди Брэгга, так как он умер от полиорганной недостаточности, вызванной сепсисом, спустя неделю после поступления в больницу.

– Заражение крови, – пояснила медсестра, сообщив эту весть Роде.

Причиной вполне могла быть грязь с измаранного платка Марии, которым Энди затыкал рану. Во всяком случае, Реджи нравилась такая версия. Правосудие свершилось.

Томас Холройд утонул у себя дома в бассейне. Судмедэксперт признал смерть подозрительной, но тем дело и кончилось. Мистер Холройд не умел плавать, и сочли, что он поскользнулся, упал в бассейн и не смог выбраться, однако вероятность того, что он наложил на себя руки, вычеркнуть не смогли.

Даррена Брайта, сорока одного года, поймали в результате операции самозваной «антипедофильской» группы «Правосудие Севера». Ее представитель Джейсон Кемп заявил, что группу создали после того, как некто онлайн попытался заманить в свои сети его дочь. Мужчины прикинулись несовершеннолетней девочкой Хлои и назначили встречу Брайту, который в сети изображал мальчика-подростка по имени Юэн. Этот Юэн, используя стоковые фотографии из интернета, создал «очень убедительный аватар», объяснили суду. Встречу снимал на видео другой член группы, и позднее ролик появился на «Ютубе».

Когда его запостили, дом мистера Брайта осадила толпа, вопившая «Убей педофила!», и полиции пришлось его спасать.

Представитель полиции сказал:

– Мы не одобряем самосуда, поскольку в таких случаях могут уничтожаться улики или страдать неверно идентифицированные жертвы, но мы счастливы, что мистер Брайт привлечен к суду.

Полиция больше не ищет Винсента Айвса по подозрению в убийстве жены, хотя все равно не отказалась бы допросить в связи с его участием в осаде Хоррор-хаты (за терминологию полиция ответственности не несет). По некоторым данным, он уехал за границу.

Эшли, вернувшись домой и обнаружив, что лишилась и матери, и отца, нашла отцовскую записку, в которой говорилось: «Прости, что все так. Можешь забрать Светика из полиции? Его надо выгуливать дважды в день, и он любит спать на своем синем одеяле. Очень тебя люблю. Папа xxx».

Софи Меллорс угодила в список «Разыскиваются» Национального агентства по борьбе с преступностью, и на нее выписали европейский ордер на арест в связи с причастностью к организации, называвшей себя «Андерсон, Прайс и партнеры». «Андерсон, Прайс и партнеры» служили фасадом группе преступников, куда входил супруг миссис Меллорс, работавший в Лидсе, а ныне покойный юрист Стивен Меллорс; организация занималась ввозом девушек в Великобританию. Обманным путем организация ввозила в страну бесчисленных девушек, которых затем продавала в секс-индустрию. Все три «партнера» – Томас Холройд, Эндрю Брэгг и Стивен Меллорс – были также связаны с делом, известным как «Операция „Виллет“», однако по обоим делам не были привлечены к ответственности, поскольку все трое скончались.

Соседи сообщили, что уже несколько недель не видели ни Софи Меллорс, ни ее детей.

Софи Меллорс («вдова убитого на Хоррор-хате бандитского босса»), разумеется, давно отбыла пароходом из Бретани в Бильбао с двумя огорошенными отпрысками на буксире. Иду весь рейс тошнило. Когда Иду не тошнило, она рыдала, потому что ей пришлось оставить своего пони Баттонса, а обещание нового пони в той стране, где они осядут, не утешало ее ни капельки. Нет больше такой лошади, как Баттонс, завывала она. (И, как впоследствии выяснилось, не ошиблась.) Джейми необратимо погрузился в молчание. В интернете он все прочел про Бассани с Кармоди и про секс-торговлю, которую замутили его родители. Он ненавидел родителей за то, что они сделали, и презирал за то, что попались.

Софи всегда язвила насчет пристрастия Томми и Энди к наличным. Доля Стивена в доходах «Андерсона, Прайса и партнеров» копилась на всевозможных неприкосновенных счетах в швейцарских банках. Софи не зря годами трудилась бухгалтером – трюку-другому она обучилась. Раздумывая, где безопаснее всего укрыться, она отсиживалась в Женеве. Большинство стран, не имевших соглашений об экстрадиции

с Великобританией, были на редкость отвратительны – Саудовская Аравия, Таджикистан, Монголия, Афганистан. Она подумывала о Бахрейне, но в итоге предпочла просто-напросто купить всем новые документы, за что выложила сумму, которой хватило бы развязать небольшую войну. Затем она записала детей в очень дорогие швейцарские пансионаты и приобрела ферму в Ломбардии, где плюс-минус с удовольствием проводила время за ремонтом. И да так и не простила ее за утрату Баттона – да, собственно, и за все остальное.

Так а Венди Истон-то кто убил?

Спасатель Крейг. Крейг Камминг убил Венди «в приступе ревности», по словам обвинителя. Крейг пришел в дом жертвы, «Сойдетитак», в надежде на возобновление их отношений. Выступая на суде, детектив-инспектор Энн Марриот продемонстрировала вещественные доказательства и заявила, что Крейг Камминг убил миссис Айвс (также известную как Истон) клюшкой для гольфа, хранившейся в гараже. Клюшка для гольфа может послужить признаком спонтанного приступа гнева, отмечало обвинение, однако перчатки для гольфа, которые надел Камминг, – вечер был теплый, лето в разгаре – свидетельствуют не о спонтанности, а о наличии умысла. Согласно детализации звонков с телефона Камминга, в течение двух часов, предшествовавших убийству, Камминг позвонил жертве четырнадцать раз.

Венди Айвс, разъехавшаяся с мужем Винсентом, делилась с подругой, что боится бывшего бойфренда с тех пор, как он стал следить за ней, когда она ездит на работу. После заседания дочь миссис Айвс, девятнадцатилетняя Эшли, перед зданием суда зачитала подготовленное заявление, в котором говорилось:

– «Я довольна тем, что справедливость восторжествовала, но никто не заменит мне мать, так жестоко отнятую у нас этим человеком. На свете не было никого вернее, великодушнее и добрее ее».

Крейга Камминга приговорили к пожизненному заключению с рекомендацией об условно-досрочном не ранее чем спустя пятнадцать лет.

В лавке лихо

По пути они сделали крюк и заехали на перевал Роуздейл-Чимни размяться и посмотреть на закат, что затопил бескрайнее небо, распахнутое роскошной палитрой – красным, и желтым, и оранжевым, даже фиолетовым. Такое небо требовало поэзии – эту мысль он озвучил, а она ответила:

– Да нет, зачем? Одного неба вполне достаточно.

Так приходит мудрость, подумал он.

На холме стояла еще одна машина – пожилая пара тоже любовалась видом.

– Великолепно, да? – сказал мужчина.

Женщина улыбнулась им, поздравила «счастливую парочку» с бракосочетанием, а Джексон ответил:

– Вы не так поняли. Это моя дочь.

Когда они снова сели в машину, Марли хихикнула:

– Наверное, звонят сейчас в полицию, сообщают об инцесте.

Марли перепугала женщину, вручив ей букет невесты. Та колебалась – как будто это принесет несчастье.

– Я понимаю, что вельми жизнерадостна, – сказала Марли Джексону (он мысленно отложил слово «вельми», чтобы потом уточнить значение по словарю), – но я думаю, это просто истерика.

На человека в истерике она не походила. Джексон за свою жизнь навидался истерик.

– Сам понимаешь, – продолжала она. – Восторг демобилизации, настали каникулы, в таком духе.

– Я понимаю, – сказал Джексон, хотя не понимал – лично он никогда никого не бросал у алтаря. Если бы да, возможно, жизнь его сложилась бы получше.

Джози была беременна, когда они поженились, то есть Марли уже существовала (незачатие любимых детей неизменно тормозит фантазию на тему «если б я прожил свою жизнь иначе»). Джексон и Джулия так и не поженились, даже близко не подошли, но Натан все равно бы случился. А если бы Джексон не женился на проклятой воровке Тессе, он бы, вероятно, по-прежнему был богачом и смог оплатить свадьбу, которую хотела дочь, а не предоставил бы «свойственникам», как уже сейчас и лишь с легчайшей иронией называла их Марли, взять расходы на себя.

– А чего нет-то? – сказала она.

У них «денег как грязи», а поскольку в семье ни единой дочери, одни сыновья, из заключения этого «союза», как они выражались, они хотели выжать все до капли.

– И вообще, – прибавила Марли, – они меня любят как родную дочь.

– Ничего подобного, – возразил скаредный Джексон. – Это я тебя люблю как родную дочь. Они тебя «любят» как будущую мать их внуков. Ты для их табуна – племенная кобыла, больше ничего, и нужна, чтоб они до бесконечности наследовали землю.

Да, Джексон сказал редкостную гадость, но он с ними встречался, и ему не понравилось то, что они олицетворяли, хотя вели они себя очень любезно (крайне любезно, будем честны), а Яго – да, жениха звали Яго – оказался безобидным типом (у него еще были братья Лолло и Уолдо – и вот поди пойми), хотя обаянием и лоском был наделен чуток чрезмерно – Джексон таким не доверял. Яго «работал в Сити» – фраза, которая Джексона всегда ставила в тупик и раздражала равно.

– Мы никак не можем позволить вам заплатить, – сказали свойственники, когда их познакомили с Джексоном. – Ребята хотят закатить пир на весь мир, и мы с удовольствием возьмем расходы на себя.

Джексон возражал, но без толку. Со свойственниками он встречался лишь однажды, и ему не верилось, что его кровь смешается с их кровью – в «союзе» – и они будут течь вперемешку весь остаток вечности, или сколько-то там еще протянет эта планета. Свойственники происходили из древнего аристократического рода, с громадным семейным особняком под Хелмсли и таунхаусом в Белгравии. Старые деньги, серьезные и не напоказ, о каких никогда не слышишь.

По случаю помолвки в саду лондонского дома устроили «небольшую вечеринку» – шампанское и клубника. Джексон попросил Джулию съездить с ним, оказать моральную поддержку, и хотя на съемках ей дали всего одни выходные, согласилась она весьма бодро. Сказала, что хочет «посмотреть, как живут богачи». Родители Яго, похоже, пребывали в заблуждении, что Джексон и Джулия по-прежнему вместе. Мать Яго была поклонницей «Балкера» и немало восторгалась перспективой принять в семью «звезду».

Джексон разглядывал блюдо крошечных канапе, и тут из-за спины подошел Яго, обнял его за плечи и сказал:

– Я же не могу и дальше звать вас «мистер Броуди». Как лучше – «Джексон»? Или, – тут он засмеялся, – вас лучше звать «папа»?

– Можете попробовать, – сказал Джексон. – Но я бы не советовал.

– Я понимаю, что момент неудачный, – сказала Марли. – Я же не собиралась его бросать, пап. Уж точно не у алтаря.

– И однако же.

– Бедный Яго, да. Нельзя так с людьми. Вот я корова. Это у нас сейчас разбор полетов? Ты что планируешь – порицать меня за то, что оставляю позади себя шлейф разрушений, или поздравлять с тем, что я вновь свободна?

– Вообще-то, я планировал посочувствовать из-за того, что ты выходишь за человека по имени Яго.

– За буржуя?

– Да, за буржуя, – сказал Джексон. Спустя пару миль он глянул на нее и сказал: – А тебе не надо расстроиться посильнее?

– Время есть, – сказала Марли. Опять рассмеялась и прибавила: – А Джулия-то старалась, туалетку покупала.

– Туалетка?

– Это я так называю вуалетку. Они идиотские, ненавижу, – сказала Джулия.

– И все равно надеваешь?

– Ну, знаешь, не каждый же день единокровная сестра твоего сына выходит замуж.

Вообще-то, смотрелась она весьма прелестно. Вуалетка была не курьезная, не королевско-свадебная – скромная черная шапочка с соблазнительной сеточкой, и Джулия походила в ней на француженку стародавних времен, особенно в этом костюме, который надела, потому что «он доказывает, что у меня еще есть талия». Ее «арку» в «Балкере» закруглили – история «популярной судмедэксперта» закончилась скверно в ее собственном морге после того, как ее от души потаскали по всему восточному побережью, – эти пейзажи неизменно ласкают зрительский взор. Джулия проговорила Джексону, что регулярно ходит в спортзал. Настолько для нее нетипично, что Джексон сделал единственный возможный вывод, – очевидно, она согласилась на «Танцы со звездами». Хотелось бы надеяться, что не ради Каллума.

– Да это ерунда, чисто ради секса, – беспечно сказала она, когда он спросил.

Джексон не понял, полагалось ли ему утешиться таким ответом.

Джулия выглядела уж точно стильнее Джози – та пришла в цветастом платье и жакете, во всю глотку кричавших «мать невесты». («„Жак

Верг“, – прошептала Джулия. – Очень ее старит»). Джози надела не вуалетку, а широкополую шляпу с цветами. Похоже, чувствовала себя не в своей тарелке. Может, понимала, что ее дочь вот-вот совершит главную ошибку своей жизни. Джексон, правда, собрание гостей видел только мельком сквозь двери церкви. Церковь стояла неподалеку от дома жениха, нормандская и красивая, до отказа набитая такими же розовыми розами, какие составили букет Марли.

Марли заночевала в гостинице, где затем должен был состояться прием, – свойственники и Джози тоже, а Джексон, Джулия и Натан предпочли «Черный лебедь» на центральной площади Хелмсли. Двухкомнатный номер. Джулия и Натан в одной комнате, Джексон в другой. Натан ужинал с ними, горбясь над телефоном и почти не отрываясь от своей игры – во что он там играл, бог весть. Проще было разрешить ему, чем пилить, чтоб сел прямо, ел как полагается, поучаствовал в разговоре, из кирпичиков складывал цивилизованность.

– Варвары не у ворот, – сказала Джулия, – они качают колыбельку.

Ее это не волновало – Джексон считал, что она недооценивает проблему.

– Хорошо пообщался с другом? – спросил Джексон, когда забирал Натана, наконец-то развязавшись со всеми последствиями «Белых березок».

Тот пожал плечами:

– Ну наверно.

Джексон заехал за сыном на площадку «Балкера», где его мать билась в предсмертной агонии. Джексон обменял на него Дидону.

– Честный обмен, – сказала Джулия.

По собаке Джексон тотчас начал скучать, – может, надо завести свою. Некогда и недолго он пас весьма неудовлетворительную собаку с идиотской кличкой. Может, завести более мужественного пса – колли, например, или немецкую овчарку по имени Штырь или Бунтарь.

Натан расслабленно плюхнулся на пассажирское сиденье «тойоты» и сразу достал телефон. После паузы поднял голову, и повернулся к Джексону, и сказал:

– Но хорошо, что я вернулся.

– Вернулся?

– К тебе, пап. Я тут подумал... а можно все время жить с тобой?

– Твоя мать не разрешит, – ответил Джексон. Счастье раздулось внутри громадным пузырем, и Джексон держался за него, пока тот не лопнул – что

неизбежно. – Но я ужасно счастлив, что ты этого хочешь.

– Норм, – сопровождаемое пожатием плеч.

Сыновнее равнодушие слегка сдуло пузырь, но не совсем, и Джексон протянул руку, ладонью обнял Натану затылок. Натан отбился, сказал:

– Ну па-а-ап, на дорогу смотри.

Джексон засмеялся. Все и повсюду было хорошо. Хотя бы ненадолго.

Винтажный «бентли» с розовыми ленточками на капоте провез Джексона и Марли от гостиницы до церкви, то есть примерно два шага. Марли хотела, чтоб ее свадьба была стильной и исключительно «в хорошем вкусе». Стиль – не суть, подумал Джексон. Даже девичник не скатился в пошлость, о чем доложила Джулия, которую туда пригласили. Никаких попок в Йорке или на Ибице – вместо этого розовое шампанское под вечер в отдельном зале «Савоя».

– Очень степенно, – отчиталась Джулия. – Не заметила ни единого шарика в виде пениса. Прямо огорчилась даже, честное слово, – я-то рассчитывала на надувные пенисы. И дорого, я подозреваю, запредельно.

Джексон предположил, что заплатили свойственники.

– Это же просто свадьба, – посетовал он. – Слишком много поставлено на один-единственный день.

– Ну да, вселяет чрезмерные надежды на последующий брак, – сказала Джулия.

– Она еще слишком молодая, куда ей замуж?

– Молодая, – согласилась Джулия, – но мы все должны учиться на своих ошибках.

А она на своих научилась?

– Каждый день – новый урок! – засмеялась она.

Тезис прекрасно подошел бы для репертуара Пенни Рулькин. На этом фронте без перемен. В списке приоритетов Джексона вечный треугольник Пенни / Гэри / Кёрсти сейчас располагался отнюдь не на первом месте. Джексона больше занимала перспектива купить себе новый костюм.

– Ну почему-у? – застонал он. И да, получилось точь-в-точь как у Натана.

– Потому что потому, – ответила Джулия.

«Бентли» высадил его и Марли перед церковными воротами. «Покойницкими воротами», сказала она. Машину забронировали для поездки в один конец, а после церемонии гости пешком пройдут пару сотен ярдов до гостиницы, где будет прием. Для этого надо пересечь поле.

– Я подумала, это красиво, – сказала Марли, – старомодная такая сельская свадьба.

– А если будет дождь? – спросил Джексон. Или с точки зрения практической: а если не все гости могут свободно передвигаться?

– Все могут, и ничего не будет, – ответила Марли.

Он восхитился уверенностью ее оптимизма (унаследованного явно не от него). И тем не менее за церковью припарковал верную «тойоту» – на маловероятный случай дождя, или внезапной инвалидности, или внезапной инвалидности под дождем.

– Или на случай, если ты в последний момент решишь бежать, – пошутил он. Ах, как они с Марли смеялись.

Они медленно зашагали по тропинке к церкви, где их поджидала стайка подружек невесты, разных размеров, но все одинакового (стильного) оттенка розового. Натан сопровождать невесту отказался наотрез. Джексон его понимал.

– Она же твоя сестра, – уламывала его Джулия.

– Единокровная сестра, – поправил Натан. – И я ее почти не знаю.

Что правда – и об этом Джексон жалел.

– У них, конечно, большая разница в возрасте, – сказала Джулия, но между Джексоном и его сестрой разница в возрасте тоже была, а дружить им это не мешало.

Она тоже должна была приехать, подумал он, – сидеть в первом ряду, в шляпке, которая ей не идет, и в наряде, который ее старит, вертеть головой, надеясь первой увидеть племянницу, которая от дверей идет в свое будущее.

Вот только, как выяснилось, прохода от дверей не случится, а будущее вот-вот переменится.

– Я, по-моему, не могу, пап, – прошептала Марли, когда они приблизились к церкви.

– Я понимаю, ты считаешь, я слишком молода, – сказала Марли. – Но иногда сразу ясно: вот это мне надо. Понимаешь?

А чуть позже ясно, что тебе это не надо, подумал Джексон, но плотно сомкнул губы, чтобы мысль не вылетела в очищенный воздух «обувного этажа» лондонского универмага, куда он за месяц до «важного дня» сопровождал свою единственную дочь. («Каждый день – важный день», – гласила открытка в лавке Пенни Рулькин.) Отсюда до «Кларкса» из детства Марли, куда Джексона временами насильно загоняла Джози, – как до Луны.

Обувной этаж был так огромен, что ему наверняка присвоили собственный почтовый индекс. Тут можно блуждать сутками, и тебя никто не найдет. Стук упавшей туфли. Если туфля падает в магазине и некому ее поднять... впрочем, всегда найдется кому, потому что продавцы-консультанты, желавшие обслужить покупателей, здесь кишмя кишели. За обувью присматривали батальоны Прекрасных Принцев того или другого гендера (а также третьего, и четвертого, до бесконечности – нынче, видимо, все устроено так. А Джексон еще помнил времена, когда были только женщины или мужчины. Издалека слышался вопль «Луддит!» – все ближе и ближе.)

Покупка туфель (покупка *свадебных* туфель, дабы сдобрить все предприятие лишними неврезами) стала карой Джексону за то, что был нерадивым отцом и недостаточно живо интересовался предсвадебными планами Марли. И возможно, за то, что не оплатил свадьбу.

– Чем помочь? – спросил он, когда они встретились в Лондоне. («Только мы вдвоем, пообедаем, – сказала она. – Будет хорошо».)

– Ну, я никак не решу насчет туфель, – ответила Марли. – Дотянула до последней минуты.

Для Джексона последняя минута была бы последней буквально – заскочить в обувной по пути в церковь, а не за месяц до бракосочетания.

– Можешь поехать со мной и помочь выбрать, – сказала она.

– Сомневаюсь, что от меня будет польза в смысле выбора, – ответил он, – но я с радостью за них заплачу.

Смелое предложение, как выяснилось. Стоили они немногим меньше штуки фунтов. За туфли! На вид неудобные.

– Ты уверена, что дойдешь в них до алтаря?

– Это как в «Русалочке», – беспечно ответила она, – пострадаю во имя любви всей моей жизни. Я знаю, тебе Яго не нравится – а мне да. И он хороший, по правде. Дай ему шанс, пап, – сказала она, когда они наконец ретировались с поля розничной битвы и пили чай с пирожными в «Ладюре» в Ковент-Гардене.

– Просто ты еще такая молодая, – беспомощно сказал он.

– А потом перестану быть молодой, и из-за этого ты тоже будешь переживать.

– Тогда я уже, наверное, помру, – сказал Джексон. – Вот Натан так считает.

Он смотрел, как она режет напололам нежное *religieuse*^[137]. Мужественные пирожные выглядят не так.

Марли – умная девочка: частная школа, закончила бакалавриат, диплом

по юриспруденции в Кембридже, планирует стать судебным адвокатом. Ей всего двадцать три, она слишком молода – рано ей остепеняться. Рано ступать на тропу традиции. Диплом, свадьба, дети.

(– А что плохого-то, господи боже? – спросила Джози; и спор вышел из-под контроля. – Ты что хочешь – чтоб она тусовалась на пляже на Бали или в тайском наркопритоне?)

Разумеется, нет, однако он хочет, чтобы его дочь расправила крылья и чуть-чуть пожила. А лучше не чуть-чуть, а на полную катушку. Не опутанная чужими ожиданиями. Ожиданиями Яго. Ожиданиями свойственников.

– Прекрасно, конечно, что ты под старость стал феминистом, – съязвила Джози.

Да он всегда был феминистом! На такую несправедливость Джексон всерьез обиделся.)

Марли протянула ему кусок *religieuse* на вилке. Да, не мужественно, однако Джексон ел это пирожное в Париже, в Бельвиле, в кафе с Джулией, и от воспоминания сейчас вдруг затосковал по пыльным летним улочкам и вкусному кофе. И по Джулии.

– Пруст и его «мадлен», – сказала Марли. – В смысле печенье, а не подружка^[138], – прибавила она. Марли всегда исходила из его невежества, еще прежде, чем ему выпадал шанс это невежество проявить. – Я от Яго без ума.

– Безумие – это ненадолго, – сказал Джексон. – Ты уж мне поверь, со мной тоже бывало. И кому нужно безумие? Безумие – то же сумасшествие.

Была без ума от жениха, миновал какой-то месяц – и вот она тащится к алтарю нога за ногу. Что лишь доказывает правоту Джексона. Безумие есть безумие.

А потом все неведомо как покатилося под откос, и нежная встреча папы с дочерью завершилась комплексным анализом политических пристрастий Джексона, его характера, его убеждений, и все это, насколько он понял, застряло где-то в непросвещенном прошлом.

– Да ты и сама непросвещенная, – возмутился Джексон (ну и дурак). – Тебе только кажется.

– Пап, ты какой-то *луддит*.

Но что, если луддиты всю дорогу были правы?

– Это ты просто психуешь напоследок, – утешил он; чем ближе церковь, тем больше они сбавляли шаг. – Со всеми невестами случается, я вот даже и не сомневаюсь.

Он и забыл, как сильно любит Марли. Не забыл – нельзя такое забыть. Она беременна, объявила Марли за *religieuse*. Джексон пришел в ужас. Еще одни ворота на дороге жизни захлопнулись у нее за спиной. Возврата нет.

– Тут полагается сказать «поздравляю».

– Ты слишком молодая.

– Пап, ты порой все-таки гад. Ты в курсе, да?

Да, подумал он. Чего, как выяснилось, его дочь не скажет жениху.

Она была такая прелестная. Кремовый шелк платья, нежно-розовые розы в аккуратном букете. Возмутительно дорогих туфель под платьем не видно – кто ее знает, может, у нее там резиновые сапоги? Кружевная фата на тиаре – алмазы и жемчуг, семейная реликвия, то есть, понятно, реликвия семьи Яго.

– Вдохни поглубже, – сказал Джексон. – Готова?

Готова бежать, подумал он, – песня «Дикси Чикс»^[139]. Внутри, слегка фальшивя – трубы переводили дух, – уже похрипывал свадебным маршем орган.

Дочь споткнулась и замерла, ни шагу больше не сделала в этой своей дорожке обуви. На губах играла легкая улыбка Моны Лизы – впрочем, кажется, не столько счастливое забытье, сколько застывшая гримаса паралитика. Спящая красавица. Женщина, что обернулась камнем или соляным столпом.

Джексону видно было, как Джулия, сидевшая на краю первого ряда, наклонилась и вытянула шею, надеясь разглядеть невесту. Вопросительно нахмурилась, и Джексон успокоил ее, обеими руками ненавязчиво показав «во!». Марли одолел легкий страх сцены, рассудил он. Уж кто-кто, а Джулия должна понять. Джексону видно было Натана, которого уломали надеть приличные брюки и полотняную рубашку, – сын сидел, неловко втиснувшись между Джози и Джулией, и, судя по наклону головы, смотрел в телефон. Сердце Джексона внезапно затопила любовь к сыну, к дочери, к анонимному *внуку*. Одна с ним под руку, второй в поле зрения, третий невидим. Моя семья, подумал Джексон. В богатстве и в бедности. В радости или горе.

Орган разразился Мендельсоном во все свои глотки, и Джексон покосился на Марли – готова, нет? Улыбка исчезла, отметил он. Марли повернулась к нему и сказала – совсем буднично, он сначала решил, что ослышался:

– Пап, я серьезно. Я не буду. Не могу. Так не надо.

– Ну тогда пошли отсюда, – сказал он.

В этом сценарии есть лишь одна сторона, и Джексон уже выступал на этой стороне. Он пришел поддержать дочь, и больше никого. Не целую церковь разряженных людей со всеми их ожиданиями. Не жениха, «хорошего» человека, которому светит разбитое сердце, не говоря уж о публичном унижении. Сохраняй спокойствие и не делай дело.

– Поступим так, – сказал Джексон. – Разворачиваемся и преспокойненько уходим по тропинке.

– А потом бежим?

– А потом бежим.

Знай, когда надо сыграть

– Уверен?

– Да, честное слово, спасибо.

Кристал предложила подвезти Винса в аэропорт или на паром. Уеду за границу, сказал Винс. Отращу бороду, исчезну.

– Контактные линзы купи, – посоветовала она.

– Может, на Борнео, – сказал он.

– На Борнео? А там что?

– Орангутаны.

– Серьезно?

– Не, не очень. Там, вообще-то, моя дочь, но я думаю, она уже едет домой. И, слушай... ее мать. Венди. Я ее не убивал.

– Я и не думала.

– Спасибо. Я прикинул, может, буду помогать... ну, знаешь, людям. Женщинам, девушкам. Может, школу построю. Буду преподавать информатику. В Индии, в Африке, в Камбодже – что-нибудь такое. Где-нибудь подальше отсюда.

– Вот и молодец.

Винс – рядом с Кристал на пассажирском сиденье. Карри сзади смотрела DVD. Рядом с ней сидел ротвейлер Брут. Оказался на удивление общительной псиной. Посмотришь – ну прямо семья.

Кристал ехала в «Чертоги» за Гарри. Само собой, надо будет сказать, что его отец мертв, но пока не пора. Спешить некуда. Томми будет мертв еще очень долго. Кристал не расскажет Гарри, какой сучьей тварью был его отец. Рано или поздно Гарри узнает сам, но этот день подождет. А Карри вообще незачем знать. Сменить имя, сменить место. Новая правда или новая ложь. Один черт, считала Кристал.

Она понятия не имела, куда они поедут и что будут там делать. Все дороги открыты, растянулись до самого горизонта. Кристина бежит.

Она бы подвезла Винса и дальше, но ему не терпелось «двигаться», и у вокзала она спросила:

– Уверен? – а он ответил:

– Да-да, правда, Кристал, сойдет и так, – и тогда она высадила его перед вокзалом и посмотрела, как он, ни разу не оглянувшись, вбежал внутрь.

– Надо уезжать, – сказала она Гарри.

– Уезжать?

– Да, уезжать. Отсюда. Из города.

– Ты уезжаешь? – пришел в смятение он.

– Нет, Гарри, уезжаем *мы*. Мы втроем.

– А папа?

– Он к нам потом приедет.

– У нас только одно дело перед отъездом, – сказал Гарри.

– Это какое?

Мотаем к чертям из Доджа

Они поехали кружным путем^[140], по проселкам ветреных вилявых пустошей. Ронни пересела в свою тачку – пару дней никаких патрульных машин. Операция «Виллет» завершилась. Осталась только писанина. Горы писанины. «Третий человек» арестован. Николас Соьер. Ходили слухи, что приложила руку разведслужба, что он годами продавал военные тайны направо и налево, а поскольку другими путями к нему было не подобраться, зашли вот так. Слухи эти окружала непроницаемая стена. Какой-то «метапазл», сказала Реджи.

– Чё?

Операция «Виллет» и дело Хоррор-хаты переплелись и еще не распутаны до конца, но разгадывать эту загадку уже не их дело.

– Да плюньте, – сказал Гилмертон спустя несколько дней на своей предпенсионной отвалной. (Кошмарная пьянка, откуда они слиняли пораньше.) – Будете пахнуть розами, а не говном. Что важно.

– А дальше куда? – спросила Ронни у Реджи.

– Я думаю, в следующем году подам на программу обмена.

– За рубеж?

– В Новую Зеландию.

– Ничё себе.

Реджи видела, как Джексон забрал пистолет у этой польки, Нади, которая убила Стивена Меллорса. А потом он опустился на колени и что-то сказал Эндрю Брэггу – Реджи не расслышала, все ближе и ближе завывали сирены. Ронни умудрилась выскользнуть и вызвать подкрепление. Сбежать – это было храбро, она же не знала – вдруг бы ей выстрелили в спину? Выстрел в спину выглядит фигово и в полиции, и в суде. Опутывает тебя сетями процедур, закона, СМИ, иммиграционной службы. Отнимает выбор. Марает. Реджи знала, что Джексон потому так и поступил. Девушкам и без того досталось.

И однако, если б Ронни была в палате, а не разговаривала по рации снаружи, Реджи ни за что бы не подыграла его лжи. А теперь между ними была эта ложь, как преграда.

Прямо перед тем, как вооруженный наряд полиции ломанулся вверх по лестнице, не проявив ни капли деликатности, хотя при захвате заложников она, казалось бы, уместна, Джексон шепнул Реджи:

– Короче, Меллорса застрелил Брэгг.

И после паузы она ответила:

– Да, Брэгг.

А поскольку пистолет исчез, наверняка никто не скажет. Будут, конечно, искать пороховой след, а на Эндрю Брэгге никаких следов нет, но это объяснят его кровопотерей. И вообще, никто не усомнится в свидетельских показаниях детектива-констебля и бывшего детектива-инспектора. Потому что с какого перепугу им врать-то?

– Праведный компромисс, – сказал Джексон. – Истина абсолютна, а вот ее последствия – отнюдь.

– Смахивает на псевдоаргумент, мистер Б.

– И тем не менее так обстоят дела. Поступаешь, как считаешь верным.

Она ненавидела его за то, что с ней он поступил так. И любила его за это. Где-то в глубине души она по-прежнему мечтала о том, чтоб он стал ей отцовской фигурой. Отцом, которого она никогда не знала. И за это она его тоже ненавидела.

И покрывать преступления им обоим, знамо дело, не впервой. Когда доктор Траппер убила тех двоих, которые похитили ее и детку, Джексон уничтожил улики, а Реджи соврала, хотя знала правду. Чтобы доктору Траппер, сказал Джексон, не пришлось жить с этим до конца своих дней. Так что Реджи давно уже в курсе, до чего легко перейти границу, отделяющую закон от беззакония.

Перед глазами внезапно встала эта картина – доктор Траппер шагает по дороге, прочь от дома, где лежат двое, которых она убила. Доктор Т. была вся в крови, несла детку на руках, и Реджи подумала тогда, какая доктор Траппер величественная – прямо героиня, королева-воительница. Две польки, сестры, стояли обнявшись, с вызовом глядя на тело Стивена Меллорса. У обеих прямые сильные спины танцовщиц. Героини – не служанки. Они были прекрасны. *За мою сестру.*

Много лет назад, когда Реджи спасла Джексону Броуди жизнь на железнодорожных путях, она думала, что он пребудет в ее власти, ее *невольником*, пока не оплатит добром за добро, пока не спасет жизнь ей, но все повернулось иначе. Это Реджи – его невольница. А теперь они навеки соединились в компромиссе.

– Праведном компромиссе, – напомнил он ей.

И, как сказала однажды доктор Траппер: «Есть справедливость, а есть закон. Какая связь?»

До того порочно, что праведно. Смахивает на название какого-нибудь кошмарного кантри, которое вечно слушает Джексон Броуди. Реджи понимала, что ей придется немало пошевелить мозгами, прежде чем она вновь вырулит на прямую дорогу.

Она полистала музыку на айфоне Ронни и поставила «Флоренс и Машину». Когда заиграл «Голод»^[141], Ронни стала тихонько подпевать, а добравшись до второго припева, обе уже во всю глотку орали: «Нас всех терзает голод». А потом схватились за руки, и сжали кулаки, и торжествующе их воздели. Они были как Тельма и Луиза, что вот-вот дадут по газам и полетят с обрыва^[142], только с обрыва они не полетят, они поедут домой.

Они – Кэгни и Лейси. Сестры Бронте. Близнецы Крей. Полицейские. Женщины.

– Так чё, до скорого, – сказала Ронни, высаживая Реджи в Лидсе.

– Ну знамо дело, – сказала Реджи.

Что бы сделала Татьяна?

– Мистер Броуди?

Сэм Тиллинг, рапортует по телефону.

– Здорово, Сэм.

– Но не очень здорово. Не знаю даже, как сказать. То есть знаю, просто...

– Ты давай не тяни.

– Наш Гэри, мистер Броуди. Он умер.

– Умер? От чего?

– От диабета, я так понял. В гостиничном номере – впал в кому и умер, утром его нашла горничная.

– А Кёрсти в это время где была? – спросил Джексон.

– Не с ним. Он был один. А миссис Рулькин – на Большой йоркширской выставке с сестрой и еще примерно тридцатью тысячами других людей.

– В какой гостинице?

– В «Мальмезоне», в Лидсе. Перед этим пил в баре. По результатам вскрытия, в крови высокая концентрация алкоголя.

– Уже и вскрытие провели?

Надо же, как быстро Гэри упаковали для вечного покоя.

– Ага, уже. Миссис Рулькин сказала. Смерть от гипогликемии. Списали на естественные причины.

– И я говорила: «Покупаешь даме пить?» Если ты дама, он говорил, весь собой доволен. Ой, я говорила, а ты шутник, я понимала. Люблю шутников. Мой отец был великий клоун цирка, хотя, если честно, не смешно. В России же. Мне водку. Пожалуйста. А ты не местная, да? – он спрашивал. Ха-ха. Да ты по-настоящему комик. Я сразу видела, я говорила. Спрашивала его, есть его жена, а он говорил нет. Я его спрашивала, есть его любовница, он говорил нет. Еще один или два стакана, я его вела за галстук в номер – бизнес-апартаменты, красиво, спасибо, – как собаку в поводке. Еще выпивали мини-бар. Смотрели телевизор, я говорила, не могла пропускать «Балкера». Он лежал кровать, стал побелеть, сказал: «Деточка, мне не очень хорошо. Сахар крови упал. Я, понимаешь, диабетик. Зря столько пил. Давай отдохнем минутку». И что, перестать веселить? – говорила я и садилась верхом, как будто я всадник, а он лошадка. (Секса не было, не беспокойтесь!) Нет, прошу тебя, деточка, правда, не надо. Голос слабый уже. Ему правда нехорошо. Тогда я набирала лекарство шприцем и тыкала его – тык! тык! – иголкой, и он говорил: «Нет, не надо, это что? Это же не инсулин? Мне сейчас нельзя инсулин, деточка». А потом он отрубался, а я слезала с постели и все подтирала. А потом сидела с ним. Бдение. Пока совсем не умер... Да, миссис Рулькин, совершенно точно. Мертвый. Последний поклон. Концерт окончен. До свидания! Соблезную и ля-ля-ля. Приятно вами сотрудничала, миссис Рулькин. Рекомендуйте меня своим друзьям.

Убей Будду^[143]

– Тиару придется вернуть, – сказал Джексон.

– Видимо. И медового месяца жалко. Мальдивы. Мило, – печально сказала она.

– Может, Яго возьмет Уолдо?

– Или Лолло?

– Твое будущее у тебя в руках, – сообщил ей Джексон. – Это мадам Астарти так говорит.

– Кто?

Пару дней они отсиживались в гостинице в Харрогите.

– Чтоб я собралась с мыслями, – сказала она. – Такое ощущение, как будто я преступница.

– У меня тоже, – сказал Джексон.

Хотя он-то, говоря строго, и впрямь был преступником: он покрыл противозаконное убийство. Дважды. Сначала – когда доктор Траппер убила своих похитителей, а потом – когда полька убила Стивена Меллорса. Джексон ни о чем не жалел. Вообще. Он не виджиланте. Ну правда, честное слово.

Он прощался с Марли на перроне Йоркского вокзала. Марли возвращалась в Лондон «расхлебывать кашу». Подмывало посоветовать ей рассказать Яго про ребенка, но Джексон очень старательно учился не давать дочери советов. Он вспоминал, как Джулия скрывала от него Натана. История повторяется. Но ведь история только тем и занята, нет?

Ребенка, сказала Марли, она оставит. А Джексон и не знал, что это под вопросом. Она будет растить ребенка одна и при этом строить невероятно сложную карьеру?

– Ты сам-то себя послушай, дедуля, – рассмеялась она. – Ты какой-то луддит. – Но на сей раз она обзывалась хотя бы с нежностью. – И вдобавок у ребенка будет великолепный уход. Недосвойственники выложат круглые суммы, чтоб держать свою племенную кобылу под боком. – Она ткнула Джексона под ребра (весьма болезненно) и прибавила: – Вон мой поезд.

И исчезла. Отважная, подумал он. Ему тоже надо впредь держать ее под боком.

На ночь он поселился в дешевой гостинице. Ничего такого особенного ему не требуется – только чистые простыни и чтоб в душевом стоке не было волос. Завтра в бой – надо быть свежим.

Джексон двинулся в путь спозаранку. Поставил Миранду Ламберт.

«Убегаю на всякий случай»^[144]. Там, куда я еду, меня ждет беда, но я туда поеду все равно. Прямо-таки история его жизни. С дороги Джексон сделал звонок. Ее номера у него больше не было. Она не раз сменила работу, и он науглил ее новую должность, попросил дежурных в отделе переключить, и они переключили, хотя их пришлось поугovarивать – она теперь большая начальница, чужаки с улицы ей вот так запросто не звонят, а он-то сам ей кто теперь? Чужак с улицы и есть. Некогда между ними что-то было – искра, возможность. Вместе им было бы прекрасно, но они никогда не были вместе. Интересно, собака-то у нее осталась? Вместо себя Джексон подарил ей собаку. («Честный обмен», – сказала Джулия.) Как будто сто лет с тех пор прошло.

Своим именем он не назвался. Сказал, что он детектив-констебль Реджи Дич, – подозревал, что Реджи она помнит и ответит на звонок.

Она сняла трубку после пары гудков. Бесстрастная и деловитая.

– Суперинтендант Луиза Монро. Чем могу быть полезна?

Значит, имени Реджи она не засекла.

Он, оказывается, понятия не имел, что хотел сказать, хотел ли что-то сказать. Что ни скажешь, подозревал он, получится как-то бесповоротно. Он стоит на перекрестке, надо сделать выбор. Прилив или отлив?

– Алло? – сказала она.

Оба послушали пустую тишину, мгновение странной близости, а потом она перепугала его своими провидческими талантами.

– Джексон? – сказала она почти шепотом. – Джексон, это ты?

В конечном итоге выяснилось, что проще вообще не делать выбора. Джексон ничего не сказал и дал отбой.

На ум пришли слова из другой песни. *Свобода – это все равно что нечего терять*^[145]. Но и с обязательствами та же петрушка. А Джексону хотелось простоты. Никаких привязок, никаких сложностей.

Проехав еще пару миль, он сделал другой звонок.

– Мистер Частный Детектив, – промурлыкал голос в трубке. – Ты не на прекрасной свадьбе с красивой дочерью?

– Не хочешь встретиться и выпить?

– С тобой?

– Да, со мной.

– Только выпить?

– Не знаю, – сказал Джексон.

(Он что, правда считал, что здесь все обойдется без сложностей? Кому он морочил голову? Себе, очевидно. Не прилив и не отлив – скорее

цунами.)

- Ладушки. Да. Сейчас?
- Завтра. У меня сначала дела.
- Где?
- Не знаю. Не в «Мальмезоне».
- Ладушки. Пока.

Террасные дома в Мёрфилде. Много общего с обстановкой, в которой Джексон вырос. Выстроены из унылого гравелита, гостеприимством тут и не пахнет. В глубине дома семейства Броуди была маленькая буфетная, где проводила время его мать, «шикарная» гостиная с окнами на фасад, с неудобным диваном, на котором почти никто никогда не сидел.

И дверь в коридоре, а узкая крутая лестница за дверью вела в угольный подвал.

На улице стоял серый «пежо». Принадлежал некоему Грэйму Визи. Сорока трех лет. Номер сфотографирован Натаном. Отфотошоплен Сэмом Тиллингом. Данные в итоге предоставлены услужливой женщиной по имени Мириам из Инспекции автотранспорта в Суонси.

Джексон позвонил в дверь. Дом человека – его крепость. Всегда начинай вежливо, а уже потом постепенно переходи к таранам и гигантским катапультам. Или хватит один раз от души заехать в живот.

Он был крупный, и в поту, и с татуировками на бычьей шее, и, если б захотел, прихлопнул бы девочку, как муху.

– Мистер Визи? Мистер Грэйм Визи? Меня зовут Джексон Броуди. Позвольте войти?

Дарси Сли

Она услышала звонок в дверь и заорала во все горло, чтоб услышали. Когда умолкла, переводя дух, сверху донесся грохот, – кажется, там дрались. Она уже собралась снова заорать, но тут дверь в подвал открылась. В клине света кто-то спускался по лестнице. Сердце Дарси стиснул ужас. Она просидела тут семь дней и ночей – что такое ужас, она знала.

Мужчина, но не мужчина с татуировками на шее. Это, однако, не означало, что он не желает ей зла. Кто его знает – может, он еще хуже.

Спустившись с лестницы, он присел на корточки, и заговорил с ней, точно с перепуганной кошкой, и сказал:

– Уже все хорошо, все закончилось. Меня зовут Джексон Броуди. Я полицейский.

Толстуха запела^[146]

За кулисами было не протолкнуться. Все хотели посмотреть, как Соня станет гвоздем программы. В зале, напротив, отмечались лакуны (словечко мисс Рискинфилд, понятно) – местами кресла пустовали. Куча народу купила билеты, только чтоб увидеть Баркли Джека, и кое-кто даже требовал вернуть деньги, поскольку тот не явился.

– «Не явился»? – переспросил кассир. – Человек помер, господи боже. Вы особо-то его не корите.

Соня, однако, был весьма и весьма живой. И роскошный – в ярко-голубом платье с блестками и в пернатом головном уборе, еще выше, чем у танцовщиц кордебалета. Когда он выходил на сцену, одна танцовщица одобрительно свистнула. Соня отвесил ей книксен.

Номер развивался по накатанной. Соня выдал попури из нескольких известных оперных арий – *L'amour est un oiseau rebelle*^[147] из «Кармен», *Un bel di vedremo*^[148] из «Мадам Баттерфляй». («Они все филистеры, – говорил Соня, – но есть шанс, что хотя бы это они узнают».) Все арии женские, разумеется, для сопрано, и Соня скрежетал на верхах, подворачивал ноги на каблуках, прикидывался пьяным, прикидывался безответно влюбленным, прикидывался, будто ни в какую не умеет петь.

Это были музыкальные интерлюдии, – по сути, Соня выступал со стендапом и повествовал в основном о превратностях женской доли. Поредевшая аудитория откликнулась как обычно – враждебность переросла в терпимость, затем в восхищение («Надо же, стальные яйца у чувака», – услышал Гарри), и в конце концов недружелюбие испарилось без следа.

Тут Соня взял паузу. Все держал ее и держал, и в зале повисла гробовая тишина – зрители не знали, чего ждать, напряглись даже. Соня глядел поверх голов, но взор его как будто обращался внутрь. Что с ним – он помер на сцене или грядет изумительная кульминация?

– Смотри-смотри, – шепнул Гарри Кристал.

Мурашки у него забегали еще до того, как зазвучала музыка. Хорошая фонограмма: единственное, чем могли похвастать «Чертоги», – хотя ни одна живая душа не знала, почему так вышло, – отличнейшая звуковая система.

Гарри увидел, как Соня вдохнул поглубже, а потом запел – поначалу

тихонько, чего и требовал текст про сон, однако зрители узнали музыку почти мгновенно. Эта протяжная нота ближе к началу их успокоила.

Они очутились на знакомой территории – это же все-таки футбол. И более того, они в надежных руках – у мужика потрясающий голос. Он летел. Зрители закопошились, как птицы, и замерли, зная, что им сейчас явится диво.

Эта ария стала общим местом, коронным номером конкурсантов «Фактора Икс» и «В Британии есть таланты»^[149], мелодия звучала из каждого утюга, но прекрасно извлекалась из знакомого контекста чемпионата мира. Просто для этого нужен большой мужик с большим голосом.

Гарри Сонино выступление неизменно трогало. В глазах у него защипало.

– Это от счастья, – заверил он Кристал, когда музыка пошла на крещендо.

На фонограмме женского хора – ангельский контрапункт – все на миг замедлилось. Но лишь на миг – и вновь стало нарастать. Все выше и выше. Здрожали звезды. Первое «Vincer□» прозвучало с замечательным хладнокровием, а затем накатило следующее

Vincer□,

а затем оно переросло в финальное, протяжное, парящее крещендо

Vincer□!

Соня триумфально воздел руки к богам. Боги глянули на него сверху и засмеялись. Звезды замерцали, точно блески. Все повскакали с мест и зааплодировали. Ничего не могли с собой поделать.

– *Vincer□*, – сказал счастливый Гарри. – Это значит «Победа будет за мной»^[150].

– И это правда, – сказала Кристал. – Победа, Гарри, будет за тобой.

Вот кого я хочу поблагодарить

Подполковника М. Кича, кавалера медали Британской империи, Королевский корпус связи (в отставке);

Малькольма Р. Диксона, кавалера Королевской полицейской медали, бывшего помощника инспектора Полиции Шотландии;

детектива-инспектора Энди Гранта, Служба столичной полиции;

Рубена Экви;

Расселла Экви, сохраняющего за собой титул бога всех средств

передвижения.

Благодарность также причитается Марианне Велманс, Ларри Финлею, Элисон Барроу, Вики Палмер, Мартину Майерсу и Кейт Самано – все из *Transworld*. Камилле Феррьер и Джемме Макдонах из *Marsh Agency*, Джоди Шилдс из *Casarotto Ramsay & Associates*, Реган Артур из *Little, Brown and Company* (США), Кристин Кокрейн из *Doubleday Canada* и Ким Уизерспун из *Witherspoon Associates*. И наконец, хотя отнюдь не в последнюю очередь, моему агенту Питеру Стросу.

Возможно, я слегка исковеркала географию восточного побережья – в основном для того, чтобы персонажам, особенно Гарри, удавалось передвигаться по нему проще и быстрее, чем это обычно происходит в действительности.

За все ошибки, намеренные и прочие, отвечаю я.

Приношу свои извинения жителям Бридлингтона. У меня об этом городе исключительно счастливые воспоминания, и мне хочется верить, что там никогда не случилось ничего плохого.

Примечания

1

Расхожая цитата из долгоиграющего американского радио- и телесериала-вестерна «Дымок из ствола» (*Gunsmoke*, 1952–1961, 1955–1975) Нормана Макдоннелла и Джона Местона, где «мотать к чертям из Доджа», штат Канзас, то и дело рекомендует преступникам судебный исполнитель Мэтт Диллон в исполнении Джеймса Арнесса. – *Здесь и далее примеч. перев. Переводчик благодарит за поддержку Бориса Грызунова.*

2

Роджер Федерер (р. 1981) – швейцарский теннисист, входил в десятку самых сильных теннисистов мира в одиночном разряде в 2002–2016 гг.; компания *Rolex* выступает одним из его спонсоров.

3

Имеется в виду песня американского музыканта Роберта Хэзарда «Girls Just Want to Have Fun» (1979), ставшая известной в исполнении американской певицы Синди Лопер, выпустившей ее на своем первом альбоме «*She's So Unusual*» (1983).

4

«Мальчишеская бригада» (*Boys' Brigade*, с 1883 г.) – юношеская организация, основанная в Глазго, аналог скаутов; занимается воспитанием христианских ценностей в своих рядах.

5

Армия спасения – британская христианская организация, основанная в 1865 г. Уильямом Бутом, который был методистским проповедником.

6

Дидона – легендарная основательница Карфагена, которая влюбилась в Энея и покончила с собой от любви, персонаж «Энеиды» Вергилия. Также Дидона (Dido, Дайдо Флориан Клу де Буневиаль О’Мэлли Армстронг, р. 1971) – английская автор песен и поп-певица, записавшая свой первый альбом «No Angel» в 1999 г.

7

«Танцы со звездами» (*Strictly Come Dancing*, с 2004) – британский телевизионный танцевальный конкурс, где каждая пара конкурсантов состоит из профессионального танцора и какой-нибудь звезды.

8

Аллюзия на: Уильям Шекспир, Гамлет, принц датский, акт 1, сцена 2: «Бренность, ты зовешься: женщина!», перев. М. Лозинского.

9

В момент совершения преступления (*лат.*).

10

Аллюзия на поэму англо-американского поэта-модерниста Томаса Стернса Элиота «Полые люди» (*The Hollow Men*, 1925), перев. В. Топорова.

11

Тут кроется песня Джо Каллиса, Филипа Оуки и Филипа Адриана Райта «Don't You Want Me», записанная британской синти-поп-группой *The Human League* и вышедшая на их третьем альбоме «Dare» (1981).

12

Сэр Том Джонс (р. 1940) – британский эстрадный певец (отличающийся

крайне энергичной и проникновенной манерой). «Шоуваддивадди» (*Showaddywaddy*, с 1973 г.) – британская поп-рок-группа из Лестера, по сей день с завидным постоянством исполняющая хиты 1950–1960-х гг. в образе тедди-боев.

13

Цитата из английской детской считалки «Rub-a-dub-dub».

14

Сэр Джеймс Уилсон Винсент Сэвил (1926–2011) – английский теле- и радиоведущий, диджей; помимо прочего, работал на «Радио Люксембург», в 1960-х гг. вел на Би-би-си музыкальную программу «Самые популярные» (тж. «Топ-поп», *Top of the Pops*), а в 1975–1994 гг. – программу «Джим все устроит» (*Jim'll Fix It*), куда дети писали письма и рассказывали о своих желаниях, которые он выполнял. В 1950-х гг. полупрофессионально занимался спортом, в том числе рестлингом, и провел 107 боев. С 1990-х гг. периодически всплывали и расследовались слухи о его невоздержанном сексуальном поведении, а вскоре после его смерти выяснилось, что его жертвами могли стать до 450 женщин, в том числе несовершеннолетних.

15

«Мистеры Мужчины» (*Mr. Men*, с 1971 г.) – серия детских книг, начатая английским писателем Роджером Харгривсом и в 1988 г. продолженная его сыном Адамом Харгривсом: в каждой книжке серии фигурирует свой центральный персонаж с какой-нибудь ярко выраженной чертой характера.

16

Новозеландский альпинист сэр Эдмунд Персиваль Хиллари (1919–2008) и непальский альпинист Тенцинг Норгей (1914–1986) 29 мая 1953 г. стали первыми людьми, которые поднялись на вершину Эвереста.

17

Томас Фредерик Купер (1921–1984) – британский комик и фокусник; «Раз – и нету» («Just like that») – одна из его коронных фраз.

18

По примеру Дориана Грея: главный герой романа Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея» (*The Picture of Dorian Gray*, 1890) хранил на чердаке портрет, который зримо старел вместо него.

19

Имеется в виду викторианская комическая опера композитора Артура Салливана (1842–1900) и либреттиста У. С. Гилберта (1836–1911) «Принцесса Ида» (*Princess Ida; or, Castle Adamant*, 1884) по мотивам поэмы английского поэта Альфреда, лорда Теннисона «Принцесса» (*The Princess*, 1847); в обоих произведениях высмеиваются феминизм и женское образование.

20

В гольфе на лунках с пар не менее 5 (то есть для прохождения лунки требуется не менее пяти ударов) количество ударов на три ниже пара называется «альбатрос».

21

Цитата из английской детской песенки «Из чего только сделаны мальчики» («What Are Little Boys Made Of?»); здесь и далее цитируется в переводе С. Маршака.

22

Имеется в виду песня Терри Бриттена и Грэйма Лайла «What's Love Got to Do With It», записанная американской певицей Тиной Тёрнер (Анна Мэй Буллок, р. 1939) для ее альбома «Private Dancer» (1984).

23

«Холодное сердце» (*Frozen*, 2013) – полнометражный музыкальный мультфильм студии *Walt Disney Pictures*, вдохновленный «Снежной королевой» Ганса Христиана Андерсена. Эльза – одна из двух главных героинь мультфильма, которой не всегда удается совладать со своим даром управлять снегом и льдом, и поэтому она предпочитает не сближаться с людьми. Ниже упоминается песня Кристен Андерсон-Лопес и Роберта Лопеса «Хочешь, слепим снеговика?» («Do You Want to Build a Snowman?»), которую в мультфильме поет Анна, младшая сестра Эльзы.

24

«Пикник для медвежат» («The Teddy Bears' Picnic», 1907, 1932) – детская песня на мелодию американского композитора Джона Уолтера Брэттона; текст в 1932 г. написал ирландский автор песен Джимми Кеннеди.

25

«Старые добрые времена» (*The Good Old Days*, 1953–1983) – развлекательная программа Би-би-си, спродюсированная Барни Куолэном, в которой воссоздавалась обстановка викторианского и эдвардианского мюзик-холла и исполнялись песни и скетчи того периода, при этом актеры и зрители были в соответствующих костюмах. Съемки шоу проходили в «Городском варьете Лидса».

26

Фредерик Андерсон Гудвин (р. 1958) в 2001–2009 гг. был исполнительным директором холдинга «Королевский банк Шотландии»; при нем банк сначала достиг небывалой капитализации, а затем разорился и был национализирован в 2008 г.; рыцарский титул, присвоенный Гудвину в 2004 г. за заслуги в области банковского дела, был аннулирован, что в истории Великобритании случалось крайне редко.

27

Аллюзия на песню Ноэла Гея и Ральфа Батлера «The Sun Has Got His Hat On» (1932), исполнявшуюся Сэмом Брауном в сопровождении оркестра

Ambrose and his Orchestra и Вэлом Розингом в сопровождении *Henry Hall BBC Dance Orchestra*.

28

«Настоящая кровь» (*True Blood*, 2008–2014) – американский фэнтезийный сериал Алана Болла по мотивам серии романов «Вампирские тайны» (*The Southern Vampire Mysteries*) Шарлин Харрис о сложном сосуществовании людей с вампирами, которые в качестве источника пропитания сменили человеческую кровь на искусственную, вышли из подполья и добиваются равных с людьми прав.

29

«Отпусти» («Let It Go») – песня Кристен Андерсон-Лопес и Роберта Лопеса из мультфильма «Холодное сердце»; в ней Эльза принимает решение уйти от людей, но больше не отказываться от своего дара.

30

«Лучшие годы мисс Джин Броди» (*The Prime of Miss Jean Brodie*, 1961) – роман шотландской писательницы Мюриэл Спарк об эдинбургской учительнице, которая разнообразно манипулирует кружком самых приближенных к ней учениц; в 1969 г. английский режиссер Рональд Ним по мотивам пьесы, написанной по мотивам романа, снял фильм «Расцвет мисс Джин Броди» (в рус. перев. тж. «Мисс Джин Броди в расцвете лет») с Мэгги Смит в главной роли.

31

Джонбене Патриша Рэмзи (1990–1996) – победительница американских детских конкурсов красоты, была убита в доме своих родителей в Боулдере, штат Колорадо, в возрасте шести лет, и убийца не найден по сей день.

32

«Топ-модель по-американски» (*America's Next Top Model*, с 2003) – американское реалити-шоу, созданное Тайрой Бэнкс, в котором участники соревнуются за право получить контракт в модельном бизнесе. «Специальная авиадесантная служба: кто рискует, тот побеждает» (*SAS: Who Dares Wins*, с 2015) – британское реалити-шоу, в котором участников тестируют по программе отбора десантников воздушного спецназа; название шоу – девиз САС.

33

Мистер Рочестер, персонаж романа Шарлотты Бронте «Джейн Эйр» (*Jane Eyre*, 1847), спрашивал заглавную героиню: «Вы согласны, что у меня есть право быть немного властным, возможно, резким, иногда требовательным?..» (перев. И. Гуровой).

34

Близнецы Ронни (Рональд, 1933–1995) и Реджи (Реджинальд, 1933–2000) Крей – английские бандиты, контролировали лондонскую организованную преступность в 1950–1960-х; в 1960-х были, помимо многого прочего, владельцами ночных клубов и звездами «свингующего Лондона»; арестованы в 1968-м, а в 1969-м приговорены к пожизненному заключению.

35

Уильям Шекспир. Генрих IV. Часть 1, акт V, сцена 4. Перев. Е. Бируковой.

36

Операция одноименна роману Шарлотты Бронте *Villette* (1853, тж. в рус. перев. А. Глебовской и И. Проценко «Городок»).

37

Сэр Роджер Джордж Мур (1927–2017) – английский актер, сыгравший

Джеймса Бонда в семи фильмах бондианы в 1973–1985 гг. Граучо Маркс (Джулиус Генри Маркс, 1890–1977) – американский комик, звезда кино, радио и телевидения, третий брат Маркс и член одноименной труппы братьев Маркс. Брови у обоих были довольно выразительные.

38

«Третий человек» (*The Third Man*, 1949) – нуар английского режиссера Кэрола Рида по сценарию английского писателя Грэма Грина с Джоозефом Коттенем, Орсоном Уэллсом, Алидой Валли и Тревором Хауардом в главных ролях.

39

«В ожидании героя» («Holding Out for a Hero», 1984) – песня Джима Стайнмана и Дина Питчфорда, записанная валлийской певицей Бонни Тайлер и вошедшая в ее альбом «Secret Dreams and Forbidden Fire» (1986).

40

Соник (Кайли Лав, р. 1983) – американская танцовщица, актриса, бывшая дрэг-квин и активистка движения за права трансгендерных персон; в качестве дрэг-квин снималась во втором сезоне конкурсного реалити-шоу «Королевские гонки РуПола» (*RuPaul's Drag Race*, с 2009), где участники соревнуются за звание новой американской дрэг-квин-суперзвезды под руководством ведущего – американского актера, дрэг-квин и автора-исполнителя РуПола Андре Чарльза (р. 1960).

41

Дэнни Ля Рю (Дэниэл Патрик Кэрролл, 1927–2009) – англо-ирландский артист, певец, «женский пародист» – пародировал, помимо прочих, Элизабет Тейлор, Марлен Дитрих, Джуди Гарленд и Маргарет Тэтчер.

42

Фанни Крэдок (Филлис Нэн Сортен Пичи, 1909–1994) – английский

ресторанный критик, ведущая многочисленных кулинарных телешоу.

43

Лили Сэвидж – дрег-персона английского актера, комика, радио- и телеведущего Пола Джеймса Грейди (р. 1955); в этом образе он выступал в 1980–1990-х.

44

Псевдоним вдохновлен Геддой Габлер, заглавной героиней пьесы норвежского драматурга Генрика Ибсена *Hedda Gabler* (1891).

45

Донателла Франческа Версаче (р. 1955) – итальянская дизайнер одежды, с 1997 г. – директор дома мод «Версаче»; помимо прочего, известна некоторым злоупотреблением пластическими операциями.

46

Аллюзия на Мк. 4: 21 и Лк. 8: 16.

47

Аллюзия на вошедший в обиход слоган рекламной кампании 2003 г., популяризовавшей туристические поездки в Лас-Вегас: «Что происходит здесь, остается здесь» («What Happens Here, Stays Here»).

48

Силла Блэк (Присцилла Мария Вероника Уайт, 1943–2015) – английская певица периода расцвета ливерпульской музыкальной сцены 1960-х, подруга «Битлз» и клиентка их менеджера Брайана Эпстайна, была популярна в 1960-х и начале 1970-х гг., впоследствии вела несколько популярных и долгоиграющих программ на телевидении, в том числе *Cilla* (1968–1976), *Blind Date* (1985–2003) и *Surprise Surprise* (1984–2001). Дейм

Эстер Луиза Рантцен (р. 1940) – английская журналистка и телеведущая, в 1973–1994 гг. беспрерывно вела долгоиграющую программу *That's Life!* на Би-би-си.

49

Цитата из сонета английского поэта-романтика Перси Биши Шелли «Озимандия» (*Ozymandias*, 1818), перев. К. Бальмонта.

50

Аллюзия на ремарку из «Зимней сказки» Уильяма Шекспира: «〈Антигон〉 убегает, преследуемый медведем», акт III, сцена 3, перев. В. Левика.

51

«Обратный отсчет» (*Countdown*, с 1982 г.) – долгоиграющая британская телевикторина, выходящая на Четвертом канале, локализованная версия аналогичного французского телешоу «Цифры и буквы» (*Des chiffres et des lettres*) Армана Жаммо; в 1982–2009 гг. записывалась на киностудии Лидса.

52

«Британия вперед» (*Britain First*, с 2011 г.) – британская фашистская организация, основанная ультраправым активистом Джимом Досоном; члены организации проводят «христианские патрули» и громят мечети.

53

«Отпевание обреченной юности» (*Anthem for Doomed Youth*, 1917) – сонет английского поэта, солдата Первой мировой войны Уилфреда Оуэна, перев. М. Зенкевича.

54

Лори Маккенна (р. 1968) – американская фолк- и кантри-певица; песня

«Увечу тебя» («Wreck You») с ее альбома «The Bird and the Rifle» (2016), написанная совместно с Феликсом Мактигом, в 2017 г. была номинирована на премию «Грэмми».

55

Джим Таггарт – сыгранный шотландским актером Марком Макманусом (1935–1994) заглавный герой долгоиграющего шотландского телесериала про полицию Глазго (*Taggart*, 1985–2010), созданного Гленном Чандлером.

56

Шина Ширли Истон (р. 1959) – шотландская поп-певица и автор песен.

57

Серый брат Бобби (*Greyfriars Bobby*) – скай-терьер эдинбуржца Джона Грея, после смерти хозяина 14 лет дежурил на его могиле на Кладбище францисканских «серых братьев»; когда Бобби в 1872 г. умер, ему поставили памятник на мосту короля Георга IV в Эдинбурге. Фидо (*Fido*) – собака итальянца Карло Сориани из Борго-Сан-Лоренцо, провожал и встречал хозяина на автобусной остановке и продолжал туда приходить еще 14 лет после гибели Сориани при бомбежке в 1943 г. Хатико (*Hachiko*) – акита-ину японского агротехника Уэно Хидэсабуро, еще 9 лет после смерти хозяина приходил встречать его на станцию Сибуя в Токио. Рассап (*Ruswap*) – бордер-колли Грэйма Наттала из Бёрнли, 11 зимних недель продежурил над телом хозяина, погибшего во время похода в Кембрийских горах в 1990 г. Старый Шеп – персонаж песни Реда Фоули и Артура Уильямса («*Old Shep*», 1933) о дружбе мальчика и собаки; возможно, Реджи имеет в виду другого Шепа, пастушью собаку, которая в 1936 г. проводила гроб с телом своего хозяина на поезд со станции в Форт-Бентоне, штат Монтана, и потом до 1942 г. ждала его возвращения. Скуик (*Squeak*) – джек-рассел-терьер, охранявший тело своего хозяина, зимбабвийского фермера Терри Форда, убитого в 2002 г. Спот (*Spot*) – метис дога, который в 2010 г. месяцами каждый день приходил ждать своего хозяина Уэйна Жиру на дороге, после того как Жиру насмерть сбила машина.

58

Толстый Контролер (изначально – Толстый Директор), сэр Тофэм Хэтт, – персонаж многочисленных рассказов о железной дороге из книг «Железнодорожной серии» (*The Railway Series*, 1945–2011) преп. У. Одри и Кристофера Одри, а также детского телесериала «Паровозик Томас и его друзья» (*Thomas the Tank Engine & Friends*, с 1984), созданного Бритт Оллкрофт по мотивам этих книг.

59

«Главный подозреваемый» (*Prime Suspect*, 1991–2006) – британский полицейский сериал по сценарию Линды Ла Плант о первой женщине в чине старшей детектива-инспектора в лондонской полиции; главную роль в сериале сыграла Хелен Миррен.

60

Реджи цитирует песню Ко-Ко из комической оперы Гилберта и Салливана «Микадо» (*The Mikado; or, The Town of Titipu*, 1885), акт первый, перев. Г. Бена.

61

Сэр Уолтер Рэли (ок. 1552–1618) – английский аристократ, солдат, придворный, политик, шпион и авантюрист, приближенный королевы Елизаветы I; историю о том, как он застелил лужу плащом, дабы королева не замочила ног, изложил английский историк Томас Фуллер, и она, хоть и популярна, к действительности, вероятнее всего, отношения не имеет.

62

«Девушки мечты» (*Dreamgirls*, 1981) – бродвейский мюзикл Генри Кригера с либретто Тома Иена о женском R&B-трио из Чикаго *The Dreams* по мотивам истории успеха R&B-групп *The Supremes*, *The Shirelles*, Джеймса Брауна и т. д.; «Только одна ночь» (*One Night Only*) – песня из мюзикла, исполняющаяся разными составами актеров в двух версиях, соул

и диско.

63

«Без указки» (*Pointless*, с 2009) – командная телевикторина на канале Би-би-си, ведущие – упомянутый ниже Александр Армстронг (р. 1970) и Ричард Осман.

64

Цитата из «Трагической истории доктора Фауста» Кристофера Марло, сцена XIV, перев. Н. Амосовой.

65

Алый Пимпернель – персонаж серии романов венгерско-британской писательницы баронессы Эммы Орци, стоявших у истоков жанра приключений «героя в маске»; цитируется первый роман серии «Алый Первоцвет» (*The Scarlet Pimpernel*, 1905), написанный по мотивам одноименной пьесы Орци 1903 г., перев. В. Рохмистрова и М. Белоусовой.

66

«Тридцать девять ступеней» (*The 39 Steps*, 1935) – триллер Альфреда Хичкока по мотивам одноименного приключенческого романа шотландского писателя Джона Бьюкена; персонаж мистер Память, сыгранный британским актером Уайли Уотсоном, выступает в мюзик-холле как уникальный человек, «запоминающий по 50 новых фактов в день».

67

«Пропуск в Пимлико» (*Passport to Pimlico*, 1949) – комедия британской киностудии «Илинг»; в фильме лондонский район Пимлико по сложным историческим причинам внезапно оказывается территорией Бургундского герцогства и поэтому живет совсем не так, как окружающий его послевоенный Лондон.

68

Перец (Питер) Рахман (1919–1962) – британский бизнесмен, в 1950–1960-х владел домами в Ноттинг-Хилле и прославился жестокой эксплуатацией своих жильцов, в основном иммигрантов.

69

Аллюзия на Ин. 15: 13.

70

Миранда Ли Ламберт (р. 1983) – техасская кантри-певица и автор песен, выступает сольно и в составе женского кантри-трио *Pistol Annies*.

71

«Сердце дубовое» (*Heart of Oak*, 1760) – официальный марш Королевского военно-морского флота Великобритании и некоторых стран Содружества наций на музыку Уильяма Бойса и слова английского актера XVIII в. Дэвида Гаррика.

72

Имеется в виду эпизод биографии короля Карла II (1630–1685): в 1651 г., во время Английской революции после Битвы при Вустере, в которой роялисты потерпели поражение, он прятался в кроне Королевского дуба в Шропшире от круглоголовых – сторонников парламента.

73

Национальный фонд объектов исторического интереса или природной красоты (с 1895 г.) – британская организация, которая занимается охраной зданий и местностей, представляющих исторический и культурный интерес.

74

«Арчеры» (*The Archers*, с 1951 г.) – радиопостановка, выходящая на «Би-би-си Радио 4», мыльная опера в декорациях сельской Англии.

75

Марен Лерэ Моррис (р. 1990) – американская кантри-певица, автор песен и музыкальный продюсер, выступает сольно и с женской кантри-группой *The Highwomen*. Имеется в виду песня «My Church», написанная ею совместно с Майклом Джеймсом Райаном Басби и вышедшая на ее альбоме «Hero» (2016).

76

Цитата из: Уильям Шекспир, Макбет, акт I, сцена 5, перев. А. Радловой.

77

Вдова Твенки – женский комический персонаж комедийных музыкальных спектаклей по мотивам сказки об Аладдине и сказок «1000 и одной ночи», впервые появившийся в пьесе Джона О’Кифа в 1788 г., а затем и в многочисленных ее вариациях; роль традиционно исполняется мужчиной.

78

«Темная справедливость» (*Dark Justice*, с 2014) – реальная гражданская организация из Ньюкасла, два анонима, которые, притворяясь девочками-подростками, вычисляют сетевых педофилов и сдают их полиции.

79

Аллюзия на: Уильям Шекспир, Генрих V, акт IV, сцена 3, перев. Е. Бируковой.

80

Цитата из сонета английского поэта Джона Мильтона (1608–1674) «О

слепоте» (*On His Blindness*, 1655), перев. С. Маршака.

81

Джексон Броуди цитирует песню британского музыканта Марка Нопфлера «The Bug», изначально вышедшую на последнем студийном альбоме группы *Dire Straits* «On Every Street» (1991). Американская певица и автор песен Мэри Чейпин Карпентер записала ее для своего альбома «Come On Come On» в 1992 г.

82

Цитата из песни Дона Шлитца «The Gambler» (1976), записанной американским кантри-исполнителем Кенни Роджерсом на его одноименном альбоме в 1978 г.

83

Перечисляются песни американского певца, музыканта и автора песен Хэнка Уильямса (Хайрам Кинг Уильямс, 1923–1953): «I'm So Lonesome I Could Cry» (1949), «I'll Never Get Out Of This World Alive» (1952) и «I Don't Care (If Tomorrow Never Comes)» (1947).

84

Цитируется песня Марка Бисона, Джейми Флойда и Аллена Шэмблина «The Blade», записанная американской кантри-певицей Эшли Лорен Монро (р. 1986) для ее одноименного альбома 2015 г.

85

Книжный клуб несколько переосмыслил первое правило бойцовского клуба из романа американского писателя Чака Паланика «Бойцовский клуб» (*Fight Club*, 1996) и его экранизации, снятой Дэвидом Финчером в 1999 г.: «Первое правило бойцовского клуба гласит: никому не рассказывать о бойцовском клубе», перев. И. Кормильцева.

86

Ангел Севера – поставленная в 1998 г. в Гейтсхеде скульптура Энтони Гормли, 20-метровая стальная фигура с крыльями размахом 54 метра.

87

«Норт-сквер» (*North Square*, 2000) – закрытый после первого сезона британский телесериал Питера Моффата об адвокатской конторе в Лидсе.

88

Цитируется песня «Грозовой перевал» («*Wuthering Heights*», 1978) английской певицы и автора песен Кейт Буш (р. 1958) с ее одноименного дебютного сингла. Нелишне упомянуть, что в 1984 г. она также записала песню «Большое небо» («*The Big Sky*»), которая вышла в составе ее пятого альбома «*Hounds of Love*» (1985), возглавившего британские чарты, а впоследствии синглом (1986).

89

«Безумцы» (*Mad Men*, 2007–2015) – американский телесериал Мэттью Уинера про нью-йоркское рекламное агентство 1960-х гг.

90

Джон Нокс (ок. 1514–1572) – шотландский теолог, философ, религиозный реформатор, основатель пресвитерианской церкви Шотландии.

91

Имеется в виду эпизод политической биографии британского премьер-министра Маргарет Тэтчер, который преследовал ее на протяжении всей карьеры: еще будучи министром просвещения и науки, она в 1971 г. снизила государственные расходы на обеспечение школ и отменила обязательную с 1940-х гг. выдачу бесплатного молока детям в возрасте с 7

до 11 лет, что взрослых очень возмутило.

92

«Только Эссекс» (*The Only Way Is Essex*, с 2010) – британское реалити-шоу, которое снимается в Brentwood: в нем более или менее неподготовленных людей ставят в срежиссированные ситуации.

93

Франсуаза Мадлен Арди (р. 1944) – французская певица и актриса, ставшая звездой в 1960-х гг., в период расцвета французского музыкального направления йе-йе, икона французской поп-музыки.

94

Здесь: в естественном виде (*фр.*).

95

«Свинка Пеппа» (*Peppa Pig*, с 2004 г.) – британский детский мультипликационный сериал Невилла Этли и Марка Бейкера про семейство отчасти антропоморфных свиней.

96

Искаженная цитата из 1 Цар. 2: 2: «Вот, я отхожу в путь всей земли», а под названием «Путь всей плоти» (*The Way of All Flesh*, 1903) публиковался роман классика викторианской литературы Сэмюэла Батлера.

97

«Ах, Бисто!» – слоган рекламы британского бренда соуса для мяса *Bisto*; «Можно мне ща, Боб?» – мем, зародившийся на съемках британской версии (с 1983 г.) американской телеигры *Blockbusters*: в такой формулировке один игрок запрашивал букву.

98

«Новые пацаны на районе» (*New Kids on the Block*, 1985–1994) – американская мальчиковая поп-группа, пережившая краткий период популярности в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

99

«Кэндимен» (*Candyman*, 1992) – культовый мистический хоррор английского режиссера Бернарда Роуза с Вирджинией Мэдсен и Тони Годдом в главных ролях, снятый по мотивам рассказа Клайва Баркера «Запретное» (*The Forbidden*) из пятого тома его «Книг крови» (*Books of Blood*, 1984–1985).

100

«Крэнфорд» (*Cranford*, 1853) – роман английской писательницы Элизабет Гаскелл, состоящий из сатирических зарисовок о жизни маленького городка викторианской Англии; изначально публиковался в журнале *Household Words*, который редактировал Чарльз Диккенс.

101

Ин. 11: 35; самая короткая фраза в Библии.

102

Цитируется песня «Hotel California» Дона Фелдера, Дона Хенли и Гленна Фрея с одноименного пятого альбома (1977) американской группы *Eagles*; песня по сей день остается неувядающим хитом.

103

Имеется в виду апокрифическая история про короля Дании, Англии и Норвегии Кнуда Великого (ок. 994–1035), записанная английским историком и поэтом XII в. Генрихом Хантингдонским; по его версии, Кнуд поставил трон на берегу моря, скомандовал приливу остановиться, прилив

не послушался, намочил Кнуду ноги, и тогда Кнуд постиг, до чего ничтожна мирская власть в сравнении с божественной.

104

Сэр Кеннет Артур Додд (1927–2018) – английский комик, автор песен, актер, выступавший в основном в формате варьете. Макс Байгрейвз (Уолтер Уильям Байгрейвз, 1922–2012) – английский комик, актер, певец, артист варьете и телеведущий. Братья Хи-Хи (Chuckle Brothers) – английский комедийный дуэт братьев Барри Дэвида Эллиотта (1944–2018) и Пола Хармана Эллиотта (р. 1947), выступавших в жанре балагана, создателей и ведущих детской программы *ChuckleVision* (1987–2009) на Би-би-си.

105

Цитата из песни Роджера Уотерса «Another Brick In The Wall (Part 2)» с альбома «The Wall» (1979) английской группы *Pink Floyd*.

106

Цитата из «Трагической истории доктора Фауста» Кристофера Марло, акт I, сцена 3, перев. Е. Бируковой.

107

«Бриллианты девушке лучшие друзья» («Diamonds Are a Girl's Best Friend») – песня из бродвейского мюзикла «Джентльмены предпочитают блондинок» (*Gentlemen Prefer Blondes*, 1949), написанная Джулом Стайном и Лео Робинсом и изначально исполненная Кэрол Ченнинг; самым известным и впоследствии многократно копируемым исполнением стала версия Мэрилин Монро из экранизации мюзикла, снятой Говардом Хоуксом в 1953 г.

108

Джессика Рэббит – персонаж романа Гэри К. Вулфа *Who Censored*

Roger Rabbit? (1981) и его экранизации «Кто подставил Кролика Роджера» (*Who Framed Roger Rabbit*, 1988), поставленной Робертом Земекисом; мультяшная певица, один из самых популярных мультипликационных секс-символов.

109

«Обезьянья лапка» (*The Monkey's Paw*, 1902) – мистический рассказ английского писателя У. В. Джейкобса; в рассказе обезьянья лапка выполняет три желания за страшную цену, в том числе поднимает из мертвых погибшего сына главного героя.

110

Калькуттская «черная дыра» (тж. «черная яма») – камера 4,3 × 5,5 метра в калькуттской крепости Форт-Уильям, где в 1756 году по приказу бенгальского наваба Сирадж уд-Даула держали, по официальным данным, 146 британских военнопленных, из которых от удушья, ран и жары умерло 123 человека.

111

«Красотка» (*Pretty Woman*, 1990) – романтическая комедия американского режиссера Гарри Маршалла с Ричардом Гиром и Джулией Робертс в главных ролях; по сюжету, успешный бизнесмен нанимает проститутку для виду, чтобы не появляться в обществе в одиночестве, а потом в нее влюбляется.

112

«Сардинки» – вариация прятков, в которой один прячется, а все остальные ищут и тот, кто находит первым, прячется вместе с тем, кого нашел, поэтому в одном месте игроков становится все больше; проигрывает тот, кто находит всю толпу последним.

113

В кругу семьи (*фр.*).

114

Баттонс – персонаж музыкальных представлений по мотивам сказки о Золушке, слуга в ее доме, Золушкин друг, безответно в нее влюбленный; роль, как правило, комическая.

115

Боудикка – предводительница бриттского племени иценов, воительница, возглавившая антиримское восстание 61 г. н. э.

116

«Кто рискует – побеждает» (*Who Dares Wins*, 1982) – политический триллер английского режиссера Иэна Шарпа, вдохновленный реальной осадой посольства Ирана в Лондоне в 1980 г., в ходе которой британская Специальная авиадесантная служба освобождала заложников.

117

«Пинки и Прикол» (*Pinky and Perky*, 1957) – детская телепередача на Би-би-си про двух кукольных поросят, созданных йоркширскими кукольниками, послевоенными иммигрантами из Чехословакии Яном и Властой Далибор.

118

«Брайтонский леденец» (*Brighton Rock*, 1938) – детективный триллер Грэма Грина.

119

Уильям Шекспир, Гамлет, принц датский, акт V, сцена 2, перев. М. Лозинского.

120

Пари Паскаля – рассуждение французского философа и математика Блеза Паскаля (1623–1662), изложенное в его работе «Мысли о религии и других предметах» (*Pensées sur la religion et sur quelques autres sujets*, 1657–1658); по его логике, рациональнее верить в Бога, нежели не верить, поскольку, если Бог есть, а в него не верят, для неверующих это чревато опасными последствиями, в то время как вера в несуществующего Бога никаких рисков не несет, зато способствует духовному росту.

121

Патти Гриффин (Патриша Джин Гриффин, р. 1964) – американская фолк-певица и автор песен; «Осторожнее» («Be Careful») – ее песня с альбома «1000 Kisses» (2002).

122

Серебряный – конь Одинокого Рейнджера, персонажа радиопрограмм, телесериалов, кинофильмов, комиксов и т. д. (*The Lone Ranger*, с 1933 г.), супергероя, который вместе с другом, коренным американцем Тонто, ловит преступников на Диком Западе.

123

«Мыслить как преступник» (*Criminal Minds*, 2005–2020) – полицейский сериал американского сценариста и телепродюсера Джеффа Дэвиса о работе команды следователей ФБР, которые расследуют преступления, моделируя поведение и мышление преступников посредством бихевиористики и профилирования.

124

Кристин Кэгни и Мэри Бет Лейси – персонажи американского полицейского телесериала «Кэгни и Лейси» (*Cagney & Lacey*, 1981–1988) про двух нью-йоркских женщин-детективов, которых сыграли Шерон Глесс и Тайн Дейли соответственно.

125

Кипперсы – предварительно засоленная или замаринованная и разделанная вдоль селедка холодного копчения; в Великобритании ее традиционно готовят главным образом на завтрак – жарят, запекают или еще каким-нибудь способом подвергают термообработке.

126

И ты, Брут (*лат.*).

127

Джеймс Кэмерон Дэвидсон (р. 1953) – английский стендап-комик, телеведущий, известный тем, что систематически плюет на политкорректность и уважение к меньшинствам.

128

Иез. 1: 16.

129

Аллюзия на Мф. 10: 29.

130

Екк. 7: 4: «Сердце мудрых – в доме плача, а сердце глупых – в доме веселья»; также «В доме веселья» (*The House of Mirth*, 1905) – роман американской писательницы Эдит Уортон о нью-йоркском высшем обществе.

131

Здесь: Ничто не ново (*фр.*), начало афоризма французского писателя и журналиста Жан-Батиста Альфонса Карра «plus ça change, plus c'est la même chose» (*букв.* «чем больше все меняется, тем больше все по-

прежнему»).

132

«Ровно в полдень» (*High Noon*, 1952) – вестерн австро-американского кинорежиссера Фреда Циннемана (1907–1997).

133

«Ты не просто летаешь – ты пари» – цитата из мультфильма студии Уолта Диснея «Дамбо» (*Dumbo*, 1941); главного героя снабжает этой инструкцией его друг Тимоти Маус, обучая полету.

134

«Сети зла» (*Dragnet*, с 1949) – американская радио-, теле- и кинофраншиза, созданная продюсером Джеком Уэббом, который также сыграл в ней главную роль сержанта Джо Фрайди; эта драма о работе полицейских в Лос-Анджелесе сильно способствовала героизации полицейской работы и оказала огромное влияние на жанр полицейской драмы в целом.

135

Особняк (*фр.*).

136

Имеется в виду Мэнди Райс-Дэвис (Мэрилин Дэвис, 1944–2014) – валлийская фотомодель и актриса, которая репликой «Ну а что еще ему сказать?» прокомментировала отказ британского бизнесмена и политика от партии консерваторов Уильяма Уолдорфа Астора II признать, что у него был с ней роман; фраза вошла в обиход, а в 1979 г. – в Оксфордский словарь цитат.

137

«Монахиня» (*фр.*).

138

Имеется в виду печенье «мадлен» («мадленка»), фигурирующее в романе французского писателя-модерниста Марселя Пруста «По направлению к Свану», первом из семи романов цикла «В поисках утраченного времени»: вкус этого печенья вызывает у героя обильный наплыв детских воспоминаний.

139

«Дикси Чикс» (*Dixie Chicks*, с 1989) – американское женское кантри-трио; «Готова бежать» («*Ready to Run*») – песня с их альбома «Сбежавшая невеста» («*Runaway Bride*», 1999), и в официальном клипе со свадьбы сбегает три невесты разом.

140

Цитируется песня *Dixie Chicks* «Кружным путем» («*The Long Way Around*») с альбома «Поеду кружным путем» («*Taking the Long Way*», 2006).

141

«Флоренс и Машина» (*Florence + The Machine*, с 2007 г.) – лондонская инди-рок-группа; «Голод» («*Hunger*») песня с их четвертого альбома «*High as Hope*» (2018), написанная Флоренс Уэлч, Эмилем Хейни, Томасом Бартлеттом и Тобиасом Джессо-мл.

142

В фильме Ридли Скотта «Тельма и Луиза» (*Thelma & Louise*, 1991) две подруги, которых сыграли Сьюзен Сарандон и Джина Дэвис, поначалу бегут от своей жизни, затем от полиции и собственных преступлений, а в открытом, но прозрачном финале на машине мчатся к обрыву.

143

Фрагмент наставления «встретишь Будду – убей Будду» китайского учителя чань-буддизма Линьцзи Исюаня (ок. 810 – ок. 866), который таким образом внушал ученикам необходимость для достижения просветления отказаться от любых внешних авторитетов.

144

«Убегаю на всякий случай» («Runnin' Just in Case») – песня Миранды Ламберт и Гвен Себастиан с шестого альбома Ламберт «The Weight of These Wings» (2016).

145

Цитата из песни Криса Кристоффersona и Фреда Фостера «Я и Бобби Макги» («Me and Bobby McGee», 1969), наиболее известной в версии Дженис Джоплин, но исполнявшейся очень много кем, в том числе Кенни Роджерсом и Мирандой Ламберт.

146

Что в целом означает финал действия – к примеру, оперы Рихарда Вагнера «Гибель богов» (*Götterdämmerung*, 1876) из цикла «Кольцо нибелунга», которая завершается арией валькирии Брунгильды (сопрано) и последующей гибелью богов и Валгаллы; с другой стороны, общий принцип, применимый не только к опере, гласит, что пока толстуха не запела, история не окончена.

147

«Любовь – мятежная птица» (*фр.*), она же «Хабанера», вступительная ария Кармен (сопрано или меццо-сопрано) из оперы Жоржа Бизе «Кармен» (*Carmen*, 1875).

148

«В один прекрасный день увидим мы» (*um.*) – ария Баттерфляй (сопрано) из оперы Джакомо Пуччини «Мадам Баттерфляй» (*Madama Butterfly*, 1904).

149

«Фактор X» (*The X Factor*, с 2004) и «В Британии есть таланты» (*Britain's Got Talent*, с 2007) – телевизионные конкурсы, созданные британским телепродюсером Саймоном Кауэллом: в первом соревнуются певцы, во втором также музыканты, иллюзионисты, эстрадные артисты и обладатели прочих талантов.

150

Соня поет арию принца Калафа (тенор) *Nessun dorma* («Пусть никто не спит», *um.*) из оперы Джакомо Пуччини «Турандот» (*Turandot*, 1926); ария стала крайне популярной и исполнялась очень многими певцами (в том числе, к примеру, Аретой Франклин) после того, как Би-би-си выбрала ее (в исполнении Лучано Паваротти) для сопровождения своих репортажей с проводившегося в Италии чемпионата мира по футболу 1990 г.